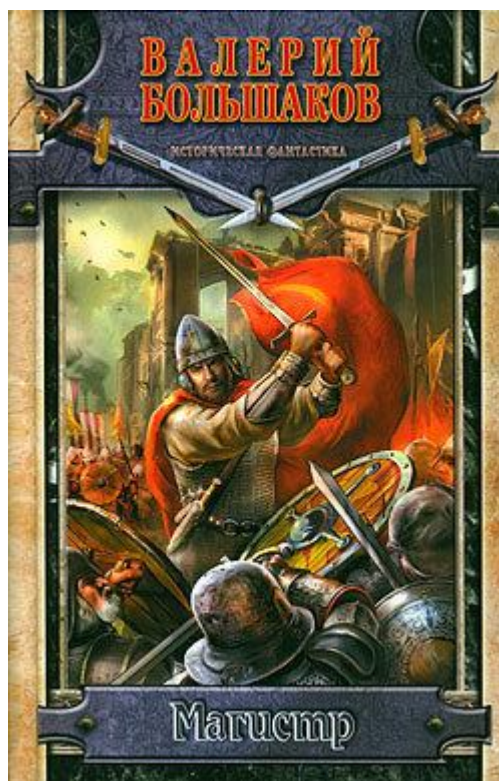

Валерий Большаков Магистр

Закон меча – 3

Олег Сухов – личный «спецназовец» императора. Его специальность – заговоры и спецоперации. Усмирить восстание. Сменить неугодного короля.

У Сухова нет личной армии, зато имеется элитная «сборная» варягов для решения силовых проблем и любимая женщина – для распутывания политических интриг. Проиграть с такой командой просто невозможно.

Правда, могут убить...

...Неожиданно из-за арки, стоявшей поперёк улицы, вышли ещё двое в обтягивающих брючках-шоссах, больше всего напоминавших подгузники, причём штанины были разных цветов – у одного жёлто-голубые, у другого – красно-чёрные. Выхватив кривые мечи-скимитары, венецианцы бросились на Олега.

Сухов изобразил испуг и развернулся, делая вид, что изготавился бежать. Его рослый и статный противник, тоже вооружённый скимитаром, злорадно ухмыльнулся. Расставив руки пошире, присев на полусогнутых ногах, он ловил струсившего ромея – и нарвался на меткий выпад. Олегов меч вонзился снизу вверх, протыкая сердце.

Венецианец даже не захрипел в истекающие секунды жизни – выронив клинок, он привстал на цыпочки, пуча глаза и растягивая рот в неслышном крике. Олег выдернул меч и повернулся кругом к парочке «разноцветных». Сойдясь на мечах с «красно-чёрным», более опасным и опытным противником, Сухов стал кружить, уходя от клинка «жёлто-голубого», – тот подпрыгивал, ярился, пытаясь достать патрикия и аколита, но его намерению то и дело

мешал напарник, будто нарочно загораживавший Олега. Итальянец и рад был бы уступить товарищу, да не мог выйти из магического круга, который со звоном и шипением рассекаемого воздуха чертила беспрестанно разящая сталь. Олег Полутролль, гридень Рюрика и Халега Ведуна, владел мечом на уровне, недостижимом для венецианских бретёров.

«Красно-чёрный» прилагал отчаянные усилия для того, чтобы только удержать скимитар. Скованный величайшим напряжением, он изнемогал, венецианцу казалось, что у противника отросло шесть рук, как у страшенького божка из Индии, и сразу полдюжины мечей пытаются иссечь его. Томящий страх набухал в венецианце, рождая отчаяние, – «красно-чёрный» уразумел, что магистр не бьётся с ним, а забавляется, теша себя жестокой игрой. В какой-то момент произошёл надлом – рука бретёра дрогнула, пропуская удар, и меч-спафшон перечеркнул ему горло – вбок словно брызнуло рубиновым вином.

Обратным движением клинка Олег поразил «жёлто-голубого» – тот умер, так и не успев ничего понять.

Сухов медленно выдохнул – и услышал топот. Ещё трое, нет, четверо со скимитарами выбегали из старого парка, над деревьями которого возвышалась одинокая колонна зелёного в крапинку мрамора. С кличем «Святой Марк!» они всем скопом бросились на Олега...

Глава 1, в которой Олег решает уберечь Его Величество

Ромейская империя¹, Константинополь.

Лето 935-е от Р. Х.

Весна в Константинополе напоминала Олегу Сухову русское лето – та же зелень кругом да теплынь. Разве что ночи случались сырые, промозглые, да море иной раз угрюмело, срываясь в бурю.

Зябнущие ромеи всё еще разжигали в своих домах жаровни, всё кутались в шубейки из лисьих да козьих шкур, а Сухов, наоборот, снимал с себя надоевшие теплые вещи – и радовался нарастающему теплу. Весна в здешних краях была коротка, она не тянулась месяцами, развозя грязь да слякоть. Природа тут просыпалась сразу – животворящие соки земли бежали всё веселей, всё шибче, питая корешки и готовя вершки к цветению...

Олег покинул дом с первыми лучами солнца. Неширокие, извилистые улицы ещё тонули в плотном сумраке, но уже не были ни тихи, ни пустынно. Торговцы, зевая и потягиваясь, отпирали лавки, сонные никтофилаксы – ночные стражники – шли отсыпаться, мистии – подёнщики крутились у пристаней и прочих хлебных мест, а тысячи придворных, зябко кутаясь в нарядные сагии – плотные плащи-накидки, поспешали в Палатий,² боясь пропустить церемонию торжественного шествия базилевса,³ ежеутренне являвшегося народу. Хоть ромеи и считали себя потомками римлян, а с виду такого не скажешь. Римские тоги и туники облегали тела, складками отзываясь на движения, подчеркивая стать, а вот ромейские одежды были настолько тяжелы и жестки, будто упаковывали своих хозяев в цилиндрические футляры, в негнущиеся обертки с головы до пят.

Обычно патрикий⁴ Олегарий, как прозывали Сухова ромеи, и сам с рассветом

¹ Ромейская империя – верное название для Византии. Ее население – ромеи, потомки римлян и эллинов, никогда не называли себя византийцами. «Византия», как и «Киевская Русь», – выдумка кабинетных историков.

² Палатий – Большой императорский дворец, именуемый так же Священными Палатами.

³ Базилевс – император. Роман I Лакапин, выйдя из низов, стал опекуном малолетнего Константина VII, потом женил его на своей дочери и правил империей до старости.

⁴ Патрикий – высокий титул I го ранга. Примерно соответствовал генералу или тайному советнику.

направлял стопы к императорскому дворцу, но этим утром его ждали иные заботы. Закутавшись в черный сагий, Олег двинулся в обход церкви Святого Сампсона, пока не вышел к старой городской стене. Замшелая кладка не впечатляла – по сравнению с мощью укреплений Феодосия,⁵ защищавших западные пределы города, стена была и пониже, и пожиже. Неширокая улица, примыкавшая к куртинам и башням, тянулась до порта Неорион. Не доходя до Золотого Рога, улочка разбегалась узкими, загаженными проулками, где обитали грузчики, моряки и прочие нищелюбы. Появляться в трущобах было опасно, ничего не стоило потерять и кошелёк, и жизнь, зато шпионам на глаза не попадёшься. А уж соглядатаев в Городе хватало – подсматривали, подслушивали все, кому не лень, доносы писались пачками.

Олег и сам «сплёл» целую агентурную сеть – из мистиев и невольников, проституток и беспризорных мальчишек. Расходовал он на это дело медяки, а сведения порой такие поступали, что и золота не жаль. У кого из сановников роман на стороне, кто из высших чинов склонен торговать секретами, что творится за стенами лучших домов Константинополя – обо всём сообщали патрикию Олегария. Хозяева обсуждали свои дела при слугах, в упор не замечая челядь – как будто у тех не было глаз и ушей. За тринадцать лет жизни в Царьграде Сухов вызнал подноготную богатейших и влиятельнейших семей империи. Фоки, Куркуасы, Аргирь, Дуки, Комнины – все хранили «скелеты в шкафу», за всеми числились тайны непристойные и зловещие, постыдные и ужасные.

...Мимо проехал старенький священник на понуром ослике. Старичок осенил Олега двоеперстием, и тот уважительно склонил голову.

«Ох уж эти тайны, – вздохнул Сухов, – ох уж этот лицемерный, коварный, шпионский мир...»

Некогда сам Халег Ведун, великий князь новгородский, оставил Олега тут «для пригляду», дабы вызнавать секреты ромейские и посылать весточки с людьми верными на далекий Север. Однако Халег давно уж упокоился – лет пять, как сожгли погребальную лодью князя. Нынче высокий курган над его могилой травой успел порастить.

И с кем Сухову теперь связь держать? Кому слать «совершенно секретные» сведения? Молодому, безбашенному Хельгу, еще одному тёзке, потрясающему леса и степи на том берегу Русского моря?⁶ Или Ингорю Рюриковичу, князю киевскому, по прозвищу Старый, слабому и неудачливому сыну великого конунга? И это только самые видные фигуры в «далёкой стране Рос», а там ещё десятка два правителей понеприметней водится – конунгов, кунингасов, райков да всякого княжья. Им пособить? Смешно, право...

Хельг на всех страху нагнал, каждый год уходит в набег – то хазарам жару даст, то на франков набросится, то еще на кого. Но уж больно горяч молодой князь, стратегии не ведает вовсе, а тактика у него одна и та же – переть напролом.

Такой, если и воспользуется секретными сведениями, то лишь для того, чтобы напасть и покуражиться всласть.

И Олег выбрал князя Ингоря Старого, хоть и против желания, – несимпатичен ему был правитель Киева. Однако долг превыше всего. Ещё малость подумав, Сухов признал, что кой-чего добиться удалось-таки. Разве не стал Ингорь, сын Рюрика, терпимее к христианам? Стал. Вон и церкви велел не жечь, а монахов и купцов ромейских привечать по-всякому. «И то хлеб...» – скупой улыбнулся Олег.

«Знать, какова знать!» – такой, шутливый с виду, девиз придумал патрикий Олегарий своим агентам. Знание это, подчас весьма опасное, не раз помогало Сухову уберечься от

⁵ Феодосий Великий – император, чьим попечением были выстроены мощные укрепления – тройной ряд стен, защищавших Константинополь с суши.

⁶ Русское море – ныне Чёрное. Ромеи прозывали его на эллинский манер – Понтом Эвксинским.

дворцовых интриг и преследований – Священные Палаты больше всего напоминали роскошный террариум, гадючник или паучатник, где остервенело соперничали десять тысяч сановников. Подкуп, лесть, клевета, отравы или нож в спину – всё годилось в потаённой борьбе за власть, за близость к императору, к его подачкам и милостям.

И вот ещё одно важное сообщение – информатор доложил Олегу о зреющем заговоре против базилевса Романа I Лакапина. Императора заговорщики готовятся убить, дабы посадить на трон Константина Багрянородного, взрослого давно, но до сих пор опекаемого Романом, и погреться в лучах возведенного ими Величайшего, поиметь злата-серебра, земель и рабов вволю.

На памяти Сухова это была уже третья или четвёртая попытка государственного переворота. Предыдущие не удались, нельзя было позволить, чтобы стала успешной и эта, пока последняя по счёту, – базилевс вполне устраивал Олега. Роман I, сын армянского крестьянина Феофилакта, ценил верных ему людей, он был щедр и приближал «выдвиженцев» к своей особе, так сказать, «через ступеньку».

Тринадцать лет тому назад император возвёл Сухова, крещёного варяга, в спафарии. Четыре года спустя Олег, минуя целый ранг,⁷ получил титул патрикия. Плохо разве?

...Он обогнул заброшенный Большой театр, покривившись и отворачивая лицо. Когда-то тут ставили пьесы Софокла и Плавта, а нынче на площадке оркестры, что перед сценой, разыгрывались иные трагедии с комедиями – там казнили государственных преступников.

– О, времена, – пробормотал Сухов, – о, нравы... – и вернулся к прерванным мыслям.

Быть патрикием не только лестно и почётно, но и выгодно – титул обеспечивал владельцу безбедное житье и массу привилегий, пропуская в узкий ближний круг, что теснился у самого престола. А взойдёт на трон новый император и что тогда? Ведь начнётся драка, вперёд, к кормушке поближе, пробьются новые фавориты, а приближенных свергнутого Романа оттеснят в задние ряды, обрекая на прозябание и тихое забвение. А оно ему надо?

Патрикий зорко осмотрелся, отвлекшись от дум. За вонючими кучами мусора поднимались обшарпанные стены многоэтажек, обиталищ для отверженных и убогих. Первые этажи были заняты под лавочки и мастерские, а верхние уступами выпирали наружу, нависая над улицей и едва не смыкаясь грязными стенами. Улички превращались в подобия сырых и промозглых ущелий, где всегда густела тень и даже днём не гасли копотные светильни. Дуло как в трубу, но никаким сквознякам не под силу было выветрить вековой смрад.

В полутьме облупленных колоннад обозначилось движение, и Олег откинул тяжелую полу сагия, открывая ножны меча. Тени замерли.

Привычным движением положив ладонь на рукоять спафиона,⁸ Сухов углублялся в район «высоток», не сбавляя шага. Живописный оборванец пересек его путь, небрежно крутя нож в ловких пальцах, и вдруг замер, поклонился почтительно.

– Привет тебе, сиятельный, – просипел он, узнавая.

– И тебе того же, Кенхри, – улыбнулся Олег своему агенту. – Как успехи?

Кенхри-Живоглот сделал неопределенный жест.

– Живем, не тужим. Удачи, сиятельный...

– Добычи! – пожелал Олег.

Согнувшись в прощальном поклоне, босяк скользнул за выщербленные колонны и

⁷ Спафарий – титул 3-го ранга. Затем следовали титулы более высокого 2-го ранга (спафарокандидата и протоспафария) и ранга 1-го – дисипата, патрикия, анфипата и магистра. Еще более высокие титулы куроупалата, новелиссима и кесаря давались только ближайшей родне императора.

⁸ Спафион – обоюдоострый меч.

словно растворился в полутьме. Ушел на дно...

А Сухов двинулся дальше, поглядывая по сторонам и не забывая посматривать вверх – из окошек и помой могли выплеснуть ему на голову, и ночной горшок опорожнить.

Впереди, выставляя девятый этаж под зоревые лучи, громоздилась «высотка» побогаче – кое-где и балкончики имелись, а между окон выступали облезлые пилястры. Желтоватые стены, поддерживавшие красную черепичную крышу, издали выглядели нарядными, веселенькими даже. Многоэтажку обрамляла аркада на облезлых колоннах, под нею чадили большие жаровни, трепетали язычки пламени. В сизом дыму чернели страшные фигуры нищих – сгорбленные, скрюченные, искалеченные. Те, кто были ближе к огню, грелись сидя, кто подальше – стоя. А один из нищих и вовсе лежал. Не жилец – умирающий клекотал и хрипел ошмётками лёгких, царапал грудь, тужился в последнем усилии жизни... Никто не обращал на него внимания.

Олег нахмурился, но шаг не замедлил. Однако и не ускорил свой уход – ранее его ужасали все эти «донные отложения», эта человеческая гниль, а после он притерпелся, стал лишь брезговать нищими духом и телом. Это было отвратительно – побирушки трясли культями, растрavляли страшные раны, паразитируя на людской жалости. Каменщик в поте лица своего зарабатывал в день фоллов⁹ двадцать, а нищий, с утра до вечера канючивший на паперти, выпрашивал милостыни на сотню. И кого тогда следовало жалеть?

Не переставая хмуриться, Сухов шагнул в тень аркады и переступил порог трактира «Золотая шпора», ногой нащупывая крутые ступеньки. В лицо пахнуло чесноком и луком, дешёвым вином и жареной рыбой.

Было ещё рано. По строгому велению епарха, градоначальника Константинополя, трактирам полагалось начинать работу в восемь утра и закрываться в восемь вечера, но портовая окраина жила по своим законам.

«Золотая шпора» занимала обширный подвал, низкие своды коего будто проседали под тяжестью многоквартирного дома, плюща толстые колонны-тумбы. Сквозь узкие, часто зарешеченные окошки цедил бледное сияние восход, не затмевая светилен.

Длинные монастырские столы желтели скоблёным деревом, на лавке в углу храпел загулявший мореход, а за каменной стойкой зевал кабатчик. Сонно моргая на Олега, он осведомился глухим голосом:

– Чего изволите?

– Горячего подай. И вина хорошего. Хиосское есть?

– А как же! – засуетился трактирщик и трубно взревел: – Анна!

Из жаркой кухни выплыла пышногрудая девица, румяная и простоволосая.

– Звали? – буркнула она, упирая красные руки в толстые бока.

– Где тебя носит? Не дозовёшься... Тут свининки ждут, с капусткой фригийской. Хлеба испекла?

– А то...

– Тащи. И кувшинчик хиосского!

– Вилку прихвати, – велел Сухов, и девица удалилась, смутно бурча про некоторых, кои зажрались, видать – пальцев им мало, вилки им носи...

Не слушая, Олег прошёл в дальний угол и сел спиной к стене. Отсюда ему был виден весь зал, а из окошка поддувала струя свежего воздуха.

Вскоре Анна принесла горшок с тушеной свининой, развернула тряпицу с изрядным куском каравая, поставила запотевший кувшинчик с вином – и двумя руками торжественно подала двузубую серебряную вилку с ручкой из кости. «Вот же ж язва», – усмехнулся Сухов. Впрочем, готовить она мастерица – мясо просто таяло во рту, а капуста несколько не разварилась. И хлеб как пахнет!

⁹ Фолл – мелкая медная монета. 12 фоллов составляли 1 серебряный милиарисий, из 12 милиарисиев складывалась 1 золотая номисма.

Завтракая, Олег стал вспоминать. Ему было что вспомнить...

...Олег Сухов родился далеко отсюда – в Ленинграде, тысячу лет тому... вперёд. Сначала его водили в садик, потом он сам ходил в школу. Отслужил в армии, поступил в универ, устроился на работу. Занимался фехтованием, участвовал в соревнованиях, увлекался ролевыми играми. И все мечтал оказаться в прошлом, где его умениягодились бы всерьёз, чтобы выжить и зажить хорошо, и даже лучше. Однажды его мечта сбылась – в лето 2007-е от Рождества Христова.

Фестиваль они тогда устроили, решили размяться в молодецкой утехе – выбрались на природу мечами самодельными помахать да шашлычков отведать под «пивас». Олег как раз общался с Шуриком Пончевым, врачом, что пользовал ролевиков, когда вдруг полыхнуло сиреневым, и синий туман поглотил весь видимый мир. Надо полагать, физики по соседству баловались – ковырялись во времени, тайны природы визнавая. Удался их опыт или провалился, неизвестно, а вот Олега с Пончиком закинуло аж в IX век, во времена варягов. В лето 859-е от Р. Х. На пустынные просторы Гардарики, древнего месторазвития Руси.

Те давние переживания уже почти стёрлись в памяти, а тогда его душу просто разрывало от ужаса и восторга, отчаяния и ярости.

Их обоих продали в рабство, и стал Олег-трэль медленно выбираться из неволи, выкарабкиваться из грязи да в князи.

Год спустя напали свеи, пришлось Олегу с Пончиком сопровождать посланцев конунга в далёкий Старигард,¹⁰ чтобы призвать того самого Рюрика. Призвали. Побили свеев. Олег тоже вломил вражинам, даже Рюрика спас, а когда спросили его, чем наградить, Сухов возьми да и скажи: «Волей!» Варяги захохотали и растолковали «путешественнику во времени», что он давным-давно свободен, ибо не может оставаться рабом тот, кто взял меч и бился за други своя.

Таков был суровый и гордый закон. И тогда Олег запросился к Рюрику в дружину, и конунг взял его, и братия была «за»...

Сходили они в поход на Лондон и Париж, под командованием Аскольда-сэконунга нагрянули в Константинополь. Сухов уже мечтать стал, прикидывать, как бы ему в ярлы¹¹ выйти, дружинку сбить и на собственной лодье прогуляться куда-нибудь в Кордову – вытрясти у тамошних сарацин их серебряные дирхемы и золотые динары. Увы, не пришлось – опять над ними заиграли сиреневые сполохи, опять накатил синий туман, и перебросило Олега с Пончиком на целую жизнь вперед, в лето 921-е, в десятый век. И опять всё по новой...

Прибился Олег к светлому князю Инегельду Боевой Клык. Славно они тогда поразбойничали, пограбили богатенький Ширван. Там-то и встретил Сухов свою возлюбленную, ныне жену законную, Елену Мелиссину, самую красивую женщину на свете. Всякого он потом навидался – в Итиле, в Булгаре, в Новгороде, в Киеве. Однако и грозные «исторические события», и подвиги воинские, и даже крещение во храме Святой Софии – всё блекло перед той встречей во дворце ширваншаха, перед их первым свиданием, связавшим свирепого северного варвара и ослепительную зоста-патрикию – однажды и на всю жизнь...

...В трактир ввалилась целая ватага мореходов из славного города Амальфи, и сразу сталолюдно. Смекалистый трактирщик тут же выпустил в зал юродивого – якобы бобы продавать. Полуголый «божий человек», лохматый и грязный, с жидкой бородёнкой и младенческим взглядом, расхаживал между столов, горбятя спину, изображая то обезьяну, то лошадь, то змею. Он искусно блял и кукарекал, а на его тощей, вовек не мытой шее

¹⁰ Старигард – столица Вендланда, государства вендов-венедов в Южной Прибалтике. Ныне – Ольденбург.

¹¹ Ярл – титул у русской знати, тождественный графскому.

болталась на веревочке икона – увесистая доска с закопчённым ликом, раз за разом гулко шлепая несчастного безумца по впалой груди.

Бобы юродивый, по большей части, поедал сам или раздаривал, но едоков и выпивох он потешал изрядно – что и требовалось. Не потому ли посетителей – и зрителей – всё прибывало?

Заглянула на огонек не проспавшаяся педана – дешёвая проститутка, из тех, что пристаёт к мужчинам на улице. Спустился объездчик лошадей, он был одет как крестьянин – в хитон из грубого полотна, заправленный в домотканые штаны. Сверху короткий плащ, перекинутый через плечо, на ногах поношенные сапоги, перевязанные ремешками крест-накрест. Крадучись по привычке, заявила пара воришек, стала шептаться с трактирщиком, торгуясь за отрез шелка, который стяжала на рынке у зазевавшегося купца. А потом «Золотую шпору» посетили двое варангов,¹² старый и молодой. Оба были в кожаных штанах, в сапогах сафьяновых, расшитых мелким речным жемчугом, в длинных кольчугах, перетянутых наборными поясами, и при мечях. Варанги здорово походили друг на друга – и статью, и разворотом плеч, и лицами – широкими, скуластыми, твёрдыми, словно резанными из крепкого дерева.

Старого Олег сразу признал – это был Инегельд. Светлый князь десятый год подряд приводил свою дружину на службу к базилевсу, и ему не отказывали, ценили за силу и верность.

Князь повертел кудлатой головой, обнаружил Сухова и тут же осклабился в радости узнавания. Небрежно расталкивая посетителей, он направился к патрикию. Кое-кому из амальфитанцев-мореходов не понравилось его неуважительное поведение, один усач даже за ножом потянулся, но молодой варяг так на него посмотрел, что тот мигом присмирел, вроде как усох даже.

– Здорово, Олег! – прогудел Боевой Клык. Сухов молча ухмыльнулся и крепко пожал протянутую руку.

– Могу поспорить на литру золота,¹³ – сказал он весело, – что парню за твоей спиной ты приходишься отцом!

– И выиграешь спор! – расхохотался Клык. – Знакомься – Тудор.

Молодой варяг с достоинством поклонился.

– А это – Олег, сын Романа, – обратился к нему князь, – патрикий. По-нашему – ярл.

Тудор уже по-иному глянул на Сухова – с прирастающим почтением.

– Чегой-то тебя давно видно не было, – молвил Инегельд с укоризной. – Я к Елене-то твоей заглядывал пару раз, а она мне – нету, мол!

– Приказ базилевса, – усмехнулся Олег. – С царём болгарским толковали.

– Ну, тогда понятно, – прогудел князь и лукаво прищурился: – Слыхал, тебя поздравить можно? Никак этериархом заделался?

– Никак нет, – улыбнулся Сухов. – В этериархи меня не пускают – есть кому шепнуть на ушко базилевсу про моё гнилое варварское нутро. Вот, дескать, поставим мы этого варанга надо всю этерию, и куда та этерия мечи да секиры нацелит?

– Вот хорьки вонючие, – нахмурился Боевой Клык. – Мы ж клятву даём! Как же слово порушить можно, честь свою замарать?

– Они ж по себе судят, князь, – усмехнулся Олег. – Когда у самих ни ума, ни чести, ни совести, разве станешь искать это в ближних и дальних? Нет, конечно. Так что пока я аколитом поставлен, командовать буду одними наёмниками, то бишь вами.

Этерия – личная гвардия императора – была как бы триединой и складывалась из этерии великой, в коей служили сплошь македонцы, из этерии малой, куда набирали хазар да

¹² Варанги – так ромеи называли варягов.

¹³ Литра золота – 72 номисмы (330 грамм).

арабов-христиан, и этерии средней, самой славной, укомплектованной по найму – варягами или норманнами. Вот с нею-то и управлялся аколит.

– Угощайтесь, – сказал Олег и окликнул кабатчика: – Любезный! Чарки моим друзьям.

Хозяин трактира сам обслужил варягов – знал, как своевольны бывают русы.

Разлив вино, Клык коротко сказал:

– Ну, будем.

Выпив и утерши усы, он крикнул:

– Доброе винцо. Уж чего-чего, а в этом ромеи способны. – Навалившись на стол, князь спросил, утишая голос: – Пошто звал?

– Дело есть, – посерьезнел Олег. – Это самое... Узнал я через своих людей, что кой-кому не по нутру нынешний базилевс. Задумали они Романа прикончить, а Константина поставить на его место...

– И разжиться золотишком, – понятиливо кивнул Клык. – За услугу-то.

– Именно. Мои подсустились, вызнали всё, что смогли. Короче. Это самое... Сегодня в Палатии, в Срединном саду, заговорщики наметили свою первую встречу. Придет Феофан Тихиот, Павел Сурсувул, Димитрий Калутеркан и Рендакий Элладик. Самый важный из них – Павел. Он единственный знает, кто стоит во главе заговора. Мне это тоже неизвестно...

– Вызнаем, – обронил Инегельд. – Получается, что они как бы и незнакомы?

– Кстати, да. До сего дня они держались врозь. Все сношения велись тайно – заговорщики записки друг другу писали и прятали в особых местах. Каждый решал свою часть задачи – кто войско прощупывал, кто деньги изыскивал, кто сторонников привлекал. А теперь они соберутся вместе.

– Стало быть, скоро выступят, – сделал вывод князь.

– И я того же мнения. Их надо брать всех разом, живьем, вязать и к базилевсу тащить. Ему – убережение, нам – почёт. Ну и за наградой дело не станет...

Тудор поёрзал в нетерпении, поглядывая на отца, а тот огладил бороду, соображая.

– Всех гридней мне не собрать... – протянул Клык задумчиво.

– А всех и не надо. Достаточно будет «чёртовой дюжины», половины даже.

– Это можно! – расплылся в улыбке Клык и вздохнул: – Турберн, правда, занемог, стар больно. Я его в Тмutorокане¹⁴ оставил – пущай косточки греет и добро наше стережёт.

– А отчего в Тмutorокане? – удивился Олег.

– А я там нынче обретаюсь. Как Хельг Ведун отнял град сей у хазар, так я в нём и поселился. А што? Тепло! Рыбы – море, хлеб родится – зёрнышко к зёрнышку. Не-е, хорошая земляца! Там сейчас Карл Вилобородый обретаётся, да болгарин этот, из ультинов, Курт Дулат. Курт и савира нашего сманил, Илитвера Отчаянного. Помнишь, как мы под Киевом пересеклись? Во-от... И Веремуд Высокий там, и Рулав Счастливый, и Гуда Змеиный Глаз... Когда я уезжал оттоль, а было это по осени, в гавани уже четыре больших лодьи стояли! Да! Знамо дело, сосен таких, как на севере, на здешних югах не сыщешь, зато здесь бук растёт. Такой вышины вымахает порой, что глядишь – и шапка валится! Я вот тоже, вернусь когда, лодью новую себе выстругаю!

– Поддерживаю, – улыбнулся Сухов и тут же построжел, словно вспомнив о звании аколита: – В общем, так. Соберёшь наших тихонько возле Фароса – это маяк, я тебе показывал. Помнишь? – Князь кивнул. – Вот. Оттуда недалеко до Срединного сада.

– Когда сходимся? – деловито спросил Боевой Клык.

– Ближе к полудню.

– По рукам!

Оставив друзей – голодные варанги трапезничать желали, – Сухов покинул трактир.

¹⁴ Тмutorокан – город на Таманском полуострове, на месте эллинской колонии Гермонассы. Ромеи прозывали его Таматархой, печенеги – Таматарке. Есть основания полагать, что Олег Вещий (Халег Ведун) разграбил его приблизительно в 921 году, превратив в свой форпост на юге. Впрочем, весьма вероятно, что Тмutorокан (летописная Тьмутаракань) вошел в состав так называемой Черноморской Руси еще в IX веке.

Нездоровый туманец от зловонных испарений успел растаять, нищие тоже потихоньку разбредались, кутаясь в свое рваньё. А умиравший остался – лежал близ чадной жаровни и остывал. Отмучился. Олег перекрестился и пошёл домой.

Глава 2, из которой становится ясно, отчего судьба порой закладывает крутые виражи

Дом Елены Мелиссины стоял в регеоне¹⁵ Арториан, напротив церкви Святого Сампсона. Это был типично римский особняк, спрятанный за кипарисами старого парка. Парк огорожен был высокими коваными решётками, а от ворот к дому тянулась аллея. Она уходила в недалёкую перспективу – к колоннаде парадного входа.

Пожилой, но всё ещё крепкий Игнатий Фока, верный слуга и давний спутник Елены, шаркал метёлкой по каменным плитам аллеи. Завидя Сухова, он заулыбался и поклонился патрикию. Сам Игнатий, хоть и носил звучную фамилию, но громких титулов не нахватал.

– Встала Алёна? – спросил Олег мимоходом.

– Только с заутрени вернулась. Отдыхать изволит. Поднявшись по истертым ступеням лестницы, кою стерегли два каменных льва, патрикий отворил дверь, часто обитую бронзовыми полосами, и вошёл в «прихожку» – просторный вестибул с полукругом колонн из белоснежного мрамора, с расписными потолками и стенами, покрытыми фресками.

Этот особняк стал Олегу родным домом – здесь жила его любимая женщина, его жена, его Алёнка. Поначалу Сухов всё переживал, его угнетало положение незнатного и бедного воина при богатой зоста-патрикии – он сам себе казался жиголо. Но постепенно различия между супругами сгладились, а ныне Олег сравнился с Еленой в ранге. Да и золотишка в сундуке скопилось изрядно...

Сбросив сагий, Сухов быстро разулся и босиком прошлёпал по нагретому полу – старина Игнатий с утречка растопил подвальную печь. Горячий воздух гулял по глиняным трубам-лежакам, грея мозаичный пол, и поднимался по трубам-стоякам, наполняя теплом бельэтаж.

Потирая руки, Олег подошёл к окну, разделённому тонкой колонкой. Свинцовые рамы, заделанные кругляшами мутного зеленоватого стекла, были плотно заперты. Сухов подумал, что понятие «посмотреть в окно» тут непригодно – не видно ни черта. Ну хоть не дует, и то хлеб...

– Ага, ты дома! – послышался весёлый голос.

Патрикий поднял голову и улыбнулся – на верхней галерее, куда вела мраморная лестница, показалась Елена. Женщина вышла в одном месофоре – нижней тунике из тончайшего льна, и все прелести её великолепного тела были явлены глазам Олеговым, жадным и ненасытным.

Олег не однажды пытался описать свою возлюбленную и всякий раз бросал это дело, отчаявшись сыскать нужные слова.

Длинные ноги. Лебединая шея. Царственные плечи. Высокая грудь. Осиная талия. Крутые бёдра. Вот и всё описание! Слова-кубики, которые хоть так складывай, хоть эдак, всё равно выходит одно и то же – затёртый стандарт. Пошловатое клише.

Каким пером нужно владеть, дабы передать касание Алёнкиных волос, этой иссиня-чёрной гривы, что тяжёлым потоком ниспадает на плечи?

Когда он смотрит в огромные глаза Елены, в жгучие чёрные очи, у него кружится голова, он чувствует, что падает в тёмную бездну, – и где ему найти для этого глаголы и прилагательные? Он бегло говорит на латыни и по-эллински, но и эта древняя, полуугасшая речь не подсказывала ответов.

¹⁵ Рееон – район Константинополя.

Киклотомерион – круглобёдрая, анедомаста – дерзкогрудая, карбонопис – углеокая... Звучит красиво, но даже язык Гомера не способен был облечь в слова красоту женщины, которой он не устал любоваться, которую не устал любить.

...Напевая что-то, Елена ступала на цыпочках, кончиками пальцев касаясь перил. Она преувеличенно покачивала бёдрами, прогибала спину и расправляла плечи, отчего тонкая ткань облепляла прекрасную грудь или западала меж ровных ног.

Олег взлетел по лестнице и схватил женщину, облапил ее, вскинул на руки и понёс в спальню...

...Двадцать минут спустя они лежали рядом, опустошённые и довольные. Унимая бурное дыхание, Сухов привлёк к себе Алёну, покорную, особенно мягкую и ласковую. Она положила свою голову ему на плечо, а он гладил её бедро, сводя ладонь в западину талии и снова возвращаясь на чудесную выпуклость. Женщина всё теснее прижималась к нему, нежась и подлаживаясь, и Олега вдруг резануло жалостью – он догадался, зачем Елена ходила в церковь. Наверное, снова, в который раз, молила Бога о ниспослании благодати, о счастье, по сравнению с которым богатство – прах, а родовитость – звук пустой.

Алёна никак не могла забеременеть и всё каялась, всё корила себя и печалилась, убеждённая в том, что бездетность – это наказание Божье за грехи её.

Мучением было видеть заплаканные глаза любимой. Олег успокаивал Алёну, убеждал по-всякому, что, если уж и возлагать вину, то на него. На что жена кротко улыбалась и отвечала, что ни разу в жизни не усомнилась в мужской силе варвара, коего полюбила...

– Не переживай, слышишь? – прошептал Сухов.

– Я не переживаю... – тонким голосом ответила Елена.

Она томно перевернулась на спину и потянулась, то ли в самом деле переставая горевать, то ли притворяясь успокоенной. Олегова пятерня, словно сама по себе, погладила плоский животик, надавила на лобок и вернулась к тугой груди, стала обминать её пальцами, терев сосок, нежно касаясь тёплой и шелковистой кожи. Женские ресницы затрепетали, веки опустились, а припухшие губки дрогнули в улыбке. «„Снежок в розе...“ – подумал Сухов. – Чьи это слова? Не мои...»

– Иногда я думаю, – доверчиво проговорила Мелиссина, – что нарочно соблазняю моего милого варанга, лишь бы зачать... А потом, когда отдаюсь тебе, понимаю, что просто хотела стать твоей, ибо я женщина...

– Ты слишком много думаешь, – сказал Олег назидательно, – и почти всегда – неправильно. Ты постоянно обижаешь Елену Мелиссину, а она очень хорошая... и очень хорошенькая.

– Я больше не буду...

– Алёнка ты, моя Алёнка...

– Алёнушка, – поправила его Мелиссина. – Алёночка.

– Любимая...

– Любименькая!

К Мелиссине вернулась обычная живость. Она села на постели и перекинула на грудь копну своих волос. Перебирая пряди, Елена сказала:

– Я сегодня видела Пончика, он проходил мимо с этим пачанакитом¹⁶... с Котянном, и просил тебе передать, что они обязательно явятся к Фаросу.¹⁷

В Олеге что-то сжалось внутри – он совершенно забыл о заговорщиках.

– Я в них и не сомневался, – бодро сказал Сухов.

– Ты опять что-то от меня скрываешь? – Соболиные брови Елены сердито

¹⁶ Пачанакит – печенег.

¹⁷ Фарос – городской маяк, расположенный на территории Палатия. Служил не столько для мореходства, сколько для приёма сообщений, переданных по световому телеграфу, изобретенному Львом Математиком.

нахмурились.

– Пустяки, – успокоил ее Олег. – Так, небольшая услуга базилевсу...

Женщина изящно прогнулась, скрючила пальцы, будто кошка, выпускающая коготки, и хищно потянулась к Сухову. Патрикий порывисто обнял её, опрокинул на кровать. Алёна взвизгнула – и тут же забросила ему руки за шею, царапаясь легонько и раздвигая ноги.

– Солнышко моё лучистое... Я опять тебя хочу... Представляешь?.. – сорвалось с сухих губ.

– Представляю, – ответил варвар.

Задолго до означенного времени Олег покинул родовое гнездо Мелиссинов, одетый по последней моде – в штаны из дорогой шерсти, в тонкий шёлковый хитон и голубой скарамангий, затянутый златотканым кушаком. Ноги были обуты в мягкие кампагии¹⁸ с загнутыми носками, а плечи Сухов укрыл чёрным сагием, расшитым золотыми грифонами.

Лицо его выражало скуку, а от всей фигуры исходила опасная сила и лёгкая надменность – они словно гнали по толпе прохожих волну почтения и робости. Олег уже привык к этой незримой ауре, отдаляющей людей и берегущей его от малых зол.

Обычного спафiona он с собой не взял, прихватил варварский скрамасакс, полунож-полумеч длиной в локоть.¹⁹

По давней привычке патрикий не думал о предстоящем деле, дабы не перегружать голову и душу опасениями. Проходя под древними арками, минуя роскошные особняки, Сухов просто смотрел по сторонам – подмигивал хорошеньким девушкам, кутавшимся в накидки-мафории и оттого походившими на мадонн, смиренно опускал взгляд перед важными священниками, холодно глядел в нагловатые глаза заезжих венецианцев, развязных и громкоголосых.

Весь этот район, заселенный богатеями и знатью, народ прозывал Константинианой. Вероятно, потому, что тянулся он к западу до старой городской стены, сложенной Константином Великим. Да тут повсюду, куда ни глянь, глаз натывался на посвящения равноапостольному императору-солнцепоклоннику. Вот и улица достигла крайнего перекрёстка, вливаясь в форум Константина – просторную круглую площадь, мощённую мраморными плитами.

Прямо посередине форума высилась гигантская колонна из порфира, окаймлённая бронзовыми венками. На пятьдесят локтей поднимал сей столп позолоченное изваяние императора, представленного в виде солнечного божества Аполлона. Дабы освятить языческий образ, в статую влили гвоздь от Креста Господня, а в основание колонны замуровали и топорщице от секиры Ноя, и кресало Моисея, и огрызки хлебов Иисусовых, и «Палладиум» – деревянную статуэтку Афины Паллады, которую ещё Эней стяжал в Илионе, а римляне считали залогом своей непобедимости. Видать, зодчие-столпотворители действовали по принципу «кашу маслом не испортишь».

Столп со статуей обрамляла двухэтажная колоннада с парой монументальных арок из белоснежного мрамора, к которой притулилась часовня Святого Константина. По левую руку от Олега на площадь выступало здание Сената с портиком из четырёх великих колонн, перед коим возвышались громадные статуи Афины и Тетис. Напротив Сената, с южного края форума, громоздился помпезный Нимфей – с куполом на гранёных столбиках, с маленькими бассейнами по окружности, с плещущими фонтанами и вечно мокрыми статуями, с искусно сложенными гротами, из которых водопадами сбегали ручейки.

Олег усмехнулся, наблюдая весь этот блеск напоказ: с утра пораньше он побывал с изнанки «Города-Царя» и видел совершенно иное – чудовищную нищету и разруху в

¹⁸ Скарамангий – верхняя одежда наподобие лёгкого кафтана, длинного, значительно ниже колен, довольно узкого. Кампагии – высокие башмаки.

¹⁹ Локоть – мера длины, 0,52 см.

головах, грязь, мерзость, низость... Раззолоченная парча прикрывала гниющие язвы.

«Не грузись!» – посоветовал себе Сухов, пересекая форум.

Обычно народ толпился под сенью арок у «Колонны Гвоздя» или прохлаждался возле Нимфея, стремясь попасть в облако сеющейся водяной пыли, но это будет позже, а пока что горожане избегали тени, греясь на весеннем солнышке. Народ бродил толпами, многожды пересекаясь и гомоня на всех языках Ойкумены, топая пешком или качаясь в носилках, ведя в поводу ослика с поклажей или сгибая собственную спину под тяжестью ноши. Смуглые арабы и светлокожие русы, бурно жестикулирующие италийцы и смирные иудеи, хитроумные армяне и простодушные норманны, болгары в факиолах, похожих на тюрбаны, и мадьяры с гладко остриженными головами, украшенными тремя косами, – ото всех народов, ближних и дальних, сбросились сюда ходоки.

Олег свернул налево, шагая по Месе – главному проспекту Города. Широкая – в сорок шагов – и помпезная, с тротуарами под тенью Царских портиков, Меса словно раздвигала холмы города, выстраивая по ранжиру богатые дома и храмы и выводя путников к главной площади Августеон. По левую руку от державной улицы тянулись гигантские аркады водопровода Валента. Акведук устремлялся туда же, куда и Месса, – к Палатию, к этому средоточию власти и величия, к пупу великолепной Imperium Christianum.

– Олег! – неожиданно окликнули патрикия.

Сухов узнал голос и улыбнулся заранее, оборачиваясь к подбегавшему грузной трусой Шурику Пончеву, румяному и упитанному другу, товарищу и брату. Протоспафарий Александр щеголял в желтых башмаках и красно-зеленых одеждах, положенных ему по рангу, и побрякивал на бегу золотой нагрудной цепью.

– Пр-р-ры-вет, сиятельный! – пропыхтел он. Так «рыкать» и «ыкать» мог только Понч, это была его устная «визитка».

– Здорово, светлейший. Что-то ты, дружок, растолстел.

– Да ничего подобного! – возмутился Пончик.

– Ладно, ладно! Отъелся на ромейских харчах – не видно, что ли?

Как бы ниоткуда возник бек²⁰ Котян, смуглый печенег с чеканным лицом, на которое так и просилась боевая раскраска, с непроницаемыми обсидиановыми глазами и длинными прямыми волосами, отливавшими синевой. Одет он был в скарамангий цвета персика и чёрную хламиду, скреплённую на плече здоровенной золотой запоной, но куда больше, подумал Олег, ему бы подошла куртка из оленьей кожи с бахромой по швам и шаровары кочевника.

– Свидетельствовать! – ухмыльнулся Котян, поднимая руку. – Третья складка на пузе появилась – сам видат в термах.

Пончик уныло пощупал пухлый бок и вздохнул:

– Всё, сажусь на диету... Угу...

– Лучше сажат на коня! – уверенно посоветовал печенег.

С недавних пор Котян, знавший лошадей, был пристроен Олегом конюшим к юному патриарху Феофилакт, а уж тот просто обожал скакунов. В патриарших конюшнях содержали две тысячи отборнейших коней, и Феофилакт, младший сын Романа I Лакапина, из своих рук кормил их ячменём, изюмом и сухофруктами. Бывало, что горе-патриарх впопыхах завершал литургию и бежал к стойлу любимой кобылы, собравшейся рожать... Зато у базилевса имелся свой церковный иерарх, ручной и послушный императорской воле. И почему бы Сухову не порадовать за своего человечка?..

– Слушай, друг степей, – прищурился Олег, – мы тут уж тринадцать зим и лет паримся. Хочешь, чтобы я поверил, будто ты до сих пор не растерял свой варварский акцент?

Печенег осклабился.

– Надо же понимает! – сказал он с гортанным печенежским призывом. – Его

²⁰ Бек – вождь у кочевых народов степи. Имел статус, сравнимый с титулом ярла.

Святейшество испытывает тихое торжество, имея в услужении свирепого кочевника, он трепещет от сладкого ужаса. Зачем же мне его разочаровывать? Или признаваться, что я в пятый раз перечитываю Плутарха? Что знаю наизусть из Григория Назианзина? Пусть уж лучше трепещет...

– «Кто я? Отколе пришёл? Куда направляюсь? Не знаю...» – продекламировал Шурик с выражением.

– «И не найти никого, кто бы наставил меня», – дочитал печенег.

– Миллиард тыщ раз читал, – признался Пончик, – а всё равно... Угу...

– Опять книжные развалы посещали? – понативно улыбнулся Сухов.

– А зачем ты нас к Фаросу звал? – перевел разговор на другую тему протоспафарий.

– Да так, – пожал плечами Олег, – заговор надо бы раскрыть.

– Ух ты! – сказал Пончик испуганно. – Против базилевса?!

– Тише, ты! А против кого ж ещё...

Печенег лишь осклабился в довое – в его сердце любовь к эллинским премудростям уживалась со страстью к баталиям.

– Пошевеливайся, светлейший!

Все трое прибавили шагу. За пышным форумом Августеон вставала высокая стена, ограждающая Большой императорский дворец. Она была сложена из кирпича и прослоена полосами светлого мрамора. На площадь выступали Медные ворота с огромным образом Христа, а за ними открывался полукруглый двор, окружённый массивной, но на удивление ажурной бронзовой решёткой.

Дворцовые стражники, повинувшись жесту патрикия, отперли створку врат и пропустили всю компанию, склоняя головы в привет, из-за чего пышные султаны на их шлемах качнулись опохалами.

– Время у нас ещё есть, – сказал Олег, вытягивая руку с солярием – карманным циферблатом древней работы – и сверяясь с дневным светилом. – Но лучше обождать, чем опоздать! Вперёд.

Полукружие двора сходилась к парадному вестибюлю Халке – огромной ротонде под куполом, тускло отливавшим золотой черепицей. Посреди зала выделялась рота – плита из порфира, с которой, бывало, базилевс обращался к народу. От роты кругами расходился узор на полу, выложенный из желтого и фиолетового мрамора.

Торопливо минуя Халку, троика вышла за внутренние бронзовые ворота, попадая в портик Схолариев и сворачивая к Буколеону, к южной оконечности гигантского собрания дворцов. Неподальку располагался тронный Золотой зал, но Сухова куда больше впечатлял вид на зелёный склон холма, сбегавший к древним крепостным стенам у самого берега, и блистающий простор Мраморного моря. Было не жарко, и горизонт не затенялся дымкой марева – синяя даль чётко разделялась на ясную лазурь неба и чистую синеву моря. Дворцовую гавань покидал чёрный дромон,²¹ попутный ветер надувал его красные паруса, но и гребцы не знали отдыха – два ряда весел мерно поднимались из воды, рассыпая сверкающую капель, и снова погружались в прозрачные волны.

Сухов с удовольствием вобрал полную грудь свежего воздуха и медленно, с оттяжкой, выдохнул, будто исторгая из себя пыль императорских покоев, вонь кадилниц и чад смоляных факелов.

Всякий человек покидал Палатий потрясённым здешней роскошью и бездумным, безумным расточительством. Вот они только что миновали огромный серебряный крест в Портике Схолариев, прогулялись мимо громадной вазы из яшмы, а напротив, в императорской бане, своды были отделаны листами чистого золота. Совершенно мешанский разгул! Да и не является Палатий дворцом – это самый настоящий город с десятком

²¹ Дромон – основной боевой корабль ромейского флота. Имел две мачты с латинскими парусами и двойной ряд весел. Экипаж составлял 200–220 человек – 50 человек на нижнем ярусе, по одному гребцу на весло, и 100 человек на верхнем – по два гребца на весло. Плюс 50–70 воинов-эпибатов.

роскошных храмов, с галереями, тюрьмами, казармами, со множеством палат, каждая из которых годится в резиденции любому королю. «С жиру бесятся базилевсы!» – выразился однажды Пончик, и разве он был неправ?

Олег выбрался к церкви Богородицы Фаросской, где хранились терновый венец, туника и посох Христа, и оказался у трёхъярусной башни маяка, перекрытой куполом в виде пирамиды. Подойдя ближе к стенам его, на коих резчики по мрамору изобразили орлов, крылатых собак и баранов, Сухов углядел Инегельда и сразу успокоился.

Светлый князь был совершенно безмятежен и с виду беспечен. В шлеме с наносником, с огромным мечом на перевязи, Инегельд производил устрашающее впечатление, хотя даже бровей не хмурил – стоял себе да жмурился на солнышке. Это была смертоносная машина для причинения потерь живой силе противника, машина, хоть и поизносившаяся, но далеко не исчерпавшая свой ресурс. Заметив подходившего патрикия, Боевой Клык оживился.

– Здорово, аколит! – пробасил он. – Ну што? Двигаем?

– Двигаем, – твердо ответил Олег. – Где твои?

Клык приглушенно свистнул. Тут же из-за низких дверей маяка, от церкви, из кипарисовой рощицы, что росла на склоне, вышло человек шесть варягов. Они сходились, узнавали Сухова – и суровые лица воинов принимали добродушное выражение. Олег увидел Ивора Пожирателя Смерти, все такого же сухопарого, и Малютку Свена, все такого же огромного, возмужавшего Фудри Москвича, поседевшего Стегги Метателя Колец, заматеревшего Хурту Славинского и Воиста Коварного, утомившегося в борьбе с растущими залысынами, а посему обрившего голову до блеска.

– Здорово, Полутроль! – прогудел Малютка Свен, вспоминая давнее прозвище Олега, и протянул лопатообразную пятерню.

– Здоров, малышок!

Свен, похохатывая, пожал руку патрикия.

Варяги подходили и сердечно шлёпали ладонями об Олегову ладонь – побратимы радовались встрече, не тая зависти и не желая зла, как местная придворная сволочь, и у Сухова на душе потеплело.

Коротко введя братию в курс дела, Олег направил стопы к Месокипию – Срединному саду.

Обойдя Новую церковь, варяги зашагали по дорожке-просеке Месокипия. В Срединном саду веками собирали растения со всех сторон света, здесь местные туи и смоковницы соседствовали с северными дубами и южным бамбуком, рядышком росли пышные розы и густая арча, благородный олеандр перемежался с благоуханной пицундской сосной. Сад был изрядно запущен, деревья разрослись так, что порой сплетали кроны над аллеей, а кустарники и вовсе оккупировали дорожки, вставая поперёк живыми изгородями.

– Хорошее они место сыскали, ничего не скажешь, – пропыхтел Пончик. – Хрен прoderёшься. Угу...

– Кстати, да, – обронил Олег.

– На то и расчёт, – сказал Котян.

– Ивор и ты, Свен, – распорядился Инегельд, – остаётесь здесь. Кто будет подходить – пропускайте, кто обратно двинет – хватайте и мордой в землю.

– Сделаем, – кивнул Пожиратель Смерти и поманил за собой Свена.

Расставив варягов, Инегельд с Олегом поднялись на второй этаж маленькой часовенки, возле которой и должны были встретиться заговорщики. Котян с Пончиком взобрались за ними следом.

– Давненько я в засаде не сиживал... – пробормотал Пончик. – Угу...

– Чего ты всё угукаешь? – поинтересовался Котян.

– Угукаю? – удивился протоспафарий.

– Да постоянно! «Угу» да «угу»...

– Разве?... Знаешь, не замечал. Угу...

Сухов побродил по этажу, как кот, обнюхался, встал у сводчатого окошка, больше

похожего на бойницу. Тихо в саду, даже мухи не жужжат.

Князь закряхтел, усаживаясь на пустой, рассохшийся сундук, крест-накрест обитый позеленевшими медными полосками, и пристроил поудобнее меч.

– Что кряхтишь, как дед? – улыбнулся Олег.

– Годы тяжелят, – вздохнул Боевой Клык, – жмут к земле, как десять доспехов. Раньше-то я сигал так, что – о-го-го! А теперь – о-хо-хо... Черёд подходит всю тяготу на Тудора перевалить, пушай он теперь скачет, моё время вышло.

– Ну, не так быстро, коназ, – воспротивился Котян, – силы в тебе ещё хватат.

– Ну-к, што ж... – хмыкнул Клык и встрепенулся, расслышав далёкое пение птицы. В Месокипии такие не гнездились – это Ивор знак подавал.

– Ти-хо! – скомандовал Олег.

Долго ему ждать не пришлось, вскоре захрустел гравий, зашуршали листья, треснул под неловкой ногою сучок... К часовне вышли двое – казначей Феофан Тихиот и Рендакий Элладик, начальник императорской канцелярии. Им было явно не по себе, лица заговорщиков страдали нездоровой бледностью, а движения отличались суетливостью. Оба были костлявы, но пышные синие скарамангии с пурпурными нашивками скрывали худобу.

– Разве это власть? – брюзжал Феофан, видимо продолжая начатый разговор. – Разве это величие? Палатий должен представлять улеем, где всякой пчеле дана работа, но ныне здесь роятся трутни, не знающие усердия! Пустословие заменяет деятельность, где нет места ни знаниям, ни воспитанности, ни чести и прямоте, где обезьяны прикидываются львами, где царят угодничество и лесть!

Олег подумал по неизжитой воинской привычке: чего это они ведут подрывную деятельность, даже не заглянув в часовню? Мало ли – вдруг засада? Повернув голову, он глянул на князя – тот тоже задира брови от удивления. Ответ дал Котян, изобразив на пальцах квакающую лягушку – презрительное обозначение болтуна, не способного от слов перейти к делу.

– Ваша правда, светлейший, – вздыхал Рендакий, задирая бороду, завитую колечками. – Сам попечитель дворца не умеет ни читать, ни писать, а от патриарха вечно несёт навозом!

– Это что, – хмыкнул Тихиот. – Видел бы ты, светлейший, как этот мальчишка резвится на пирушках с шутами да мимами. Мыслимое ли дело – патриарху якшаться с людишками такого пошиба?!

Оба сокрушенно закачали головами. И тут неслышными шагами приблизился Павел Сурсувул, мелкий придворный чин, однако большой пронира. Павел вёл за руку шатавшегося от переживаний Димитрия Калутеркана, главного писца. Строгое лицо прониры было гневно.

– Что за страхи, в самом деле? – спросил он, сдерживаясь. – Своим испугом, сиятельный, вы можете сгубить наше общее дело!

– Вам хорошо говорить, – лепетал Калутеркан, – а мы можем потерять всё!

– Это я утрачу всё! – с силой сказал Сурсувул. – И жизнь – тоже! Вы же все вышли из благородных семейств, и самое большее, что вам грозит, так это ссылка! Но даже этого страшиться... С какой стати? Вся работа проделана в полнейшей тайне, никто о ней ни слухом ни духом!

– Ладно, почтеннейший, – неожиданно твёрдо прервал его Тихиот, – оставим беспокойства и обратимся к делу. Припомним, что дарует нам победа, соберёмся с силами и приступим!

Трижды перекрестившись, Калутеркан сказал:

– Одна тревога гложет меня по-прежнему. Вы, почтеннейший, обещали свести нас с человеком, который всё это затеял, всю эту... э-э... перестановку, но мы до сих пор не видели его лица и не слышали его имени! А вдруг это ловушка?

Сурсувул энергично покивал.

– Понимаю, – проговорил он, – всё понимаю, но и вы должны понять – это лишь первая наша встреча. Вы рискуете, и я рискую, но тот человек, коим я послан, рискует больше всех!

А от него зависит успех нашего нелегкого предприятия. Поэтому давайте договоримся: забудем о пятом, который первый, и быстро порешаем дела. Итак, светлейший, – обратился он к Тихиоту, – можем ли мы надеяться, что золото найдёт путь в нужные кошель?

– Безусловно, почтеннейший, – кивнул Феофан величественно. – Деньги приготовлены.

– Отлично! А как у вас, сиятельный?

– Я выяснил у нужных людей всё, что требуется, – уверил его Димитрий. – За нами пойдут многие, а недовольных базилевсом ещё больше.

Не дожидаясь, пока его спросят, Рендакий Элладик сам подал голос:

– Гвардия не вмешается. Кувикуларии – те, что ночуют рядом со спальней базилевса, согласны помочь...

– Ты разговаривал с ними? – подался вперёд Сурсувул.

– Нет, нет, как можно! Только со спальничим, да и то мы были разделены шторой.²²

– Что ж, очень даже неплохо... – протянул Павел.

– Плохо! – решительно оспорил Феофан. – Кувикуларии – евнухи! Много ли они навоюют? Эх, нанять бы варангов... Вот кто бы с лёгкостью разрубил все узелки!

Элладик криво усмехнулся:

– Воины-ромей подобны глиняным горшкам, – высказал он свое мнение, – а варанги – железным котлам.

Светлому князю понравилось это сравнение – он гордо улыбнулся и посмотрел на Олега. Тот кивнул.

Легко встав, Инегельд скрадом двинулся вниз, тихо ступая по крутым ступенькам. Внизу Сухов опередил Клыка и спокойно вышел из часовни.

– Приветствую вас, достопочтенные, – поздоровался он.

Заговорщики оцепенели. Лица их покрыла смертельная бледность, а Калутеркан, тот даже малость позеленел.

В следующую секунду Тихиот и Элладик метнулись в заросли – и забились в руках варягов. Малютка Свен скрутил Феофана, а Воист сграбастал Рендакия. Димитрий сомлел самостоятельно и опустился на траву кулем. Только Павел Сурсувул остался стоять, сжимая кулаки и гордо задирая подбородок.

Не обращая внимания на схваченных, стонавших жалобно и просивших о милости, Сухов приблизился к Сурсувулу.

– Как зовут вашего главаря? – спросил он ледяным тоном. – Отвечай!

Хрупкая стойкость Павла дала осадку – Сурсувул дрогнул, глаза его забегали.

Олег улыбнулся как можно более зловеще.

– Князь, – попросил он, – будь другом, вырежи у этого со спины пару-другую ремешков. А то уж больно молчалив.

– Может, лучше с груди? – предложил Клык, поигрывая громадным ножом. – Надрезать да потянуть... А? Болтать начнёт – не остановишь!

– Пожалуй, – согласился Сухов.

– Вы не посмеете! – слабо воскликнул Павел. – Я – спафарий!

– А я – князь! – внушительно заявил Инегельд и шагнул к Сурсувулу.

– Стойте! – выдохнул тот, вытягивая руки в жесте убережения, и застонал, хватаясь за голову. – О, Господи... Я скажу, как зовут нашего глав... нашего главного. Он – синклитик, его приглашают на селентии, а зовут...

В следующую секунду Павел Сурсувул вздрогнул и страшно заклекотал, кровь выступила на его губах и стекла струйками на подбородок. Рухнув на колени, он упал в траву. Из спины у него торчал кинжал, вонзившийся по рукоятку.

– Схватить! – гаркнул Олег в бешенстве, но Ивор с Малюткой уже мчались за убийцей. – Проклятие!

²² В помещениях того времени перегородками между комнатами часто служили тяжелые занавеси.

– С этими-то что делать? – поинтересовался князь, не утративший хорошего настроения.

– Связать мерзавцев. Ч-чёрт...

Вскоре вернулись Ивор и Свен, доложили, что неведомый метатель ножей оказался весьма юрким – прошмыгнул в царские палаты, а охранники не пустили варангов на порог.

– Встречал я его, – спокойно заметил Ивор. – Маленький, щупленький – соплей перешибёшь, но злой. Сам он из венецианцев, а зовут то ли Пауло Лучио, то ли Лучио Пауло.

– Сыщи мне этого мелкого! – резко сказал Сухов. – Душу выйму из мерзавца!

– По всей видимости, – подал голос молчавший до этого Пончик, – главарь решил подстраховаться. Угу...

– ... И замёл все следы, – кивнул Олег.

– Не все. Нам известно, что он – синклитик и участвует в синлентиях.²³

– Ну и что? Я тоже вхожу в синклит и на синлентии попадаю. Знаешь, сколько там таких штаны протирает? Десятки!

– Всё равно... Не миллиард же тыщ! Круг подозреваемых сузился. Угу...

– Ладно, – сухо сказал Сухов. – Потащили хоть этих.

Слово было подобрано верно – если Тихиот и Элладик ещё брели своим ходом, подбадриваемые тычками, то мёртвого Сурсувула и полуживого Калутеркана пришлось тащить на себе.

Базилевса со свитой долго искать не пришлось – Роман Лакапин шествовал по галерее Сорока мучеников, направляясь в триклиний Девятнадцати экскувитов. Приближалась пора дипнона, второй трапезы дня, то бишь обеда.

Огромная толпа сопровождала императора – впереди шествовали знаменосцы-драконари, вздымая странные штандарты, в самом деле походившие на тряпичных драконов. Шагали синлентари с поднятыми жезлами из палисандрового дерева, увенчанные серебряными шарами, устанавливая тишину. Важно ступали стражники-схоларии в золоченых панцирях, с пышными перьями на шлемах и с монограммами «ИНРИ» на серебряных щитах. Сгибаясь в полупоклоне, семенила свита и целая толпа царедворцев – на их сытенных лицах было написано жадное внимание собачек, следящих за хозяином в надежде поймать брошенное угощение. Священники вовсю махали кадильницами, окуривая самодержца и присных, – облако благовонного дыма висело сизой пеленой, и сверканье драгоценных одежд размывалось за нею, сливаясь в подвижную, пёструю массу подобострастия. Тонкие голоски евнухов выводили: «Се грядет владыко».

И вот внезапно в торжественном шествии, озвученном шарканьем и шорохом, случилась заминка – придворные во всё большем количестве замечали подхаживших варангов. Смолкло пение, но возвысились голоса порицания, ропот прошёл по толпе.

Грузный препозит Дамиан – церемониймейстер двора – в белом одеянии и с посохом, вышел из-за колонн галереи и спросил грозным низким голосом:

– Как смеют варанги нарушать покой государя?

Олег Сухов шагнул вперёд. Отстранив обомлевшего препозита, он приблизился к встревоженному базилевсу. Схоларии одним множественным движением потянули мечи из ножен – словно зашипела сотня змей.

Патрикий низко поклонился Роману Лакапину и произнёс:

– Пусть твоя божественность рассудит. Я – патрикий Олегарий, верный слуга автократора ромеев и Господа нашего. Мне удалось раскрыть подлый заговор против твоего величества и схватить виновных, за что надо благодарить верных варангов, о благочестивый.

²³ Синклит – совещательный орган при базилевсе. Синклитик – член синклита, им мог стать любой с титулом не ниже протоспафария. Заседания синклита проводились либо в формате конвента, в котором принимали участие все синклитики, либо в формате синлентия, на который приглашались лишь сановники «ближнего круга».

Надо отдать должное Роману I – император быстро справился с собой, унял целую гамму противоречивых чувств и нахмурил брови.

– Правда ли это, патрикий? – властно спросил он.

– Истинная правда, несравненный. Виновные признались во всём, – Олег наметил скупую улыбку: – Варанги умеют развязывать языки.

Толпа придворных зашумела, силенциарии всполошились и забегали, потрясая жезлами, а тут и Тихиот задёргался, невероятным усилием вырвался из крепких рук варягов, пал на колени и быстро-быстро пополз, пластаясь по земле.

– Смилуйся, государь! – взвыл он. – Именем Христа милосердного! Умоляю! Яви милость к слуге твоему, о божественный!

А вот и Калутеркан повалился, пополз, подвывая и колышась тучным телом.

– Смилуйся! – трубил он. – Бес попутал нас, соблазн то был диавольский! Смилуйся, благочестивый! Во имя сладчайшей Приснодевы Марии!..

Заговорщики доползли едва ли не до кампагий базилевса, и лишь острия обнаженных мечей схолариев задержали униженное пресмыкание.

Роман I Лакапин молчал, и это молчание подействовало на свиту пуще любых силенциариев – тишина установилась мёртвая.

– Благодарим тебя, благороднейший патрикий, – церемонно молвил базилевс, и тут же десятки завистливых глаз уставились на Олега. – Покушавшихся на нашу царственность отправить во Влахернскую тюрьму. Дознаться и оповестить.

Повелев, император развернулся и зашагал прежним путём, неторопливо шествуя в триклиний. Схоларии построились первыми, тронулись знаменосцы. Зазвякали цепочки кадьниц, нестройные голоса затянули прерванный гимн, звуча громче, дабы осилить горестный вой пойманных и уличённых. Происшествие было исчерпано.

Двумя днями позднее преступников отстегали плетью и выставили на всеобщее поругание. Тихиоту, Элладику и Калутеркану остригли бороды и волосы, сбрили брови, удалили даже ресницы, после чего обрядили в рубахи без рукавов, навешали на шеи отвратительные «ожерелья» из овечьих кишок и стали возить по всему городу, усадив на быков лицами к изгаженным хвостам. А впереди шутовского «парада» вышагивал жезлоносец, выпевая глумливые песенки, весело понося цареубийц-неудачников.

Множество народу собирал этот «триумф наоборот» – люди поднимали рёв и свист, они оплёвывали ренегатов и забрасывали их огрызками и помётом.

Но базилевс был милостив к падшим – он даже не приказал ослепить их. Всё добро, нажитое Тахиотом, Элладиком, Калутерканом и Сурсувулом, было изъято в казну, а оставшихся в живых заговорщиков сослали на остров Проконнес, где с давних времён в каменоломнях добывали ослепительно-белый мрамор...

Глава 3, в которой Олегу жалуют титул магистра

Пропели третьи петухи в предместьях, отошла заутреня в константинопольских церквах. Тёмное небо на востоке, за Босфором, начинало сереть в потугах восхода.

Шёл пятый час утра, когда Священные Палаты стали пробуждаться – одна за другой отпирались двери, а вестиарии-облачателю понесли императорские одежды к опочивальне божественного.

Олег Сухов терпеть не мог вставать рано по утрам, да и зачем каждый божий день толкаться во дворце? Взыскуя благ от щедрот базилевса? Лучше выспаться, право слово, да сослужить службу истинную, от которой и самодержцу польза, и тебе добрая слава.

Но сегодня не поваляешься, мрачно думал Олег, шагая к Палатию. Сегодня у него хиротония – благодарный император жалует верному Олегарию титул магистра. Что и говорить, приятно.

Во всей империи магистров насчитывалась ровно дюжина, каждому полагались двадцать четыре фунта золота в год, два новых платья из царских ризниц плюс подарки к великим праздникам.

Но не корысти ради стремились ромеи к заветному титулу. Великий почёт и уважение – вот что давал магистерский сан. Это была та предельная высота, на которую только и мог подняться смертный, если, конечно, он не лелеял мечты занять трон.

Хмурясь и радуясь, Олег прошествовал в Палатий. Его путь лежал ко дворцу Дафны, где располагались опочивальни венценосного семейства.

Дворцу из желтого мрамора было лет шестьсот, он издревле обосновался у восточных трибун Ипподрома, напротив императорской ложи, а правым крылом примыкал к Слоновым воротам дворцовых стен.

Четверо варягов сторожили вход. Бородатые, насупленные, они стояли между колонн, опираясь на секиры, однако их угрюмые физиономии мигом прояснились, стоило им увидеть своего аколита. Сухов улыбнулся варангам, проходя во дворец.

В центральном зале белела статуя нимфы Дафны, изображенная в момент обращения в лавр. Заметно было, что церемония подъема шла вовсю – слуги гасили лампы, накрывая светильни медными колпачками на длинных хлыстах. Туда-сюда носились озабоченные вестиарии в белых хламидах, мелькнуло брыластое лицо препозита Дамиана.

Олег скромно отошёл к толпе придворных, топтавшихся у тяжелой завесы из золотой парчи, вышитой чёрными орлами в зелёных кругах, в шахматном порядке чередовавшихся с красными крестами. Тут стояли высшие сановники империи, но Сухов не обращал на них внимания. Ему хотелось смотреть на одну Елену Мелиссину – зоста-патрикия, во всём блеске её красоты, словно выступала предводительницей целого выводка тощих магистрисс, худосочных патрикисс и прочих протоспафарисс, испуганно жавшихся в сторонке. Елена пленительно улыбалась – одному Олегу, и он послал ответную улыбку.

– Началось!.. – послышался благоговейный шепоток.

Из императорских покоев донёсся высокий голосок евнуха-спальничего:

– Вестиарии!

Рокочущий бас препозита тут же повторил, куда более звучно:

– Вестиарии!

Облачатели, заранее преклоняя головы, чередой проследовали к опочивальне, на вытянутых руках пронося серебряный скарамангий и голубой дивитиссий, усыпанный золотыми розами. Главный вестиарий Феофан тащил тяжеленную хламиду, расшитую массой жемчуга и драгоценностей.

– Приступим! – провозгласил спальничий.

– Вестиарии, – пробасил Дамиан, – приступите!

От усердного стояния старенькому анфипату Евлогию стало нехорошо, и он боком присел на мягкую, обитую красным шёлком скамью. А Олег подумал, что базилевс вовсе не владыка в этом дворце, он самый настоящий невольник, поработённый запутанными церемониями. Вся жизнь Его Величества предписана этикетом, всякий порыв души должен гаситься, ежели не совпадает с ритуалом. Император выглядит пастухом при стаде послушных овец, но на самом-то деле стадо пасёт августейшего...

Долго ли, коротко ли шло облачение, но вот вестиарии, наконец, одели государя, вот уж завязаны золотые поручи и возложен лор – узкая полоса дорогой ткани, изображающая смертные пелены.

Служители отпахнули тяжеловесную штору с орлами и крестами, и базилевс явил себя – в богатейшей хламиде, с обручем-стеммой на голове, Роман Лакапин вышел мелкой поступью, держа в руке горящую свечу. Густой голос препозита сказал медленно и тяжело:

– Повелите!

В ответ император благословил свечой придворных. Лицо его при этом сохраняло неподвижность мраморного рельефа.

– Препозит! – величественно измолвил базилевс, едва размыкая губы.

Дамиан приблизился, поклонился государю до земли, прихватывая полу царственной хламиды и лобзая её.

– Подведи к нам патрикия Олегария!

Препозит дёрнулся было исполнять высочайшее повеление, но Олег сам шагнул к базилевсу, опустился на колени и припал к его пурпуровым кампагиям, на которых жемчужинками были вышиты крестики.

Император накрыл голову Сухова увесистой полой хламиды. Олег задержал дыхание – ноздри щекотал пыльный запах парчи, насквозь прокуренной фимиамом. «Как бы не чихнуть, – мелькнуло у него, – опозорюсь на всю империю...»

Пухлая рука благочестивого возлегла на голову Олегову, и базилевс проговорил:

– Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа! Властью, данной нам от Бога, посвящает тебя наша царственность в магистры. Встань, магистр Олегарий! Аксиос!²⁴

– Аксиос! – вразнобой повторили присутствующие.

– Аксиос! – пошло гулять эхо по древним палатам.

Магистр Олегарий отошёл, не разгибая головы, а все прочие, наоборот, ринулись гурьбой, спеша пристроиться к базилевсу, – начиналась ежеутренняя церемония малого выхода.

– Божественный и единственный, – проблеял анфипат Евлогий, – вечность в жизни и славе!

Загремели мощные аккорды водяных органов. Воины выстраивались рядами вдоль царственного хода, церемониарии с позолоченными жезлами спешно сгоняли поближе магистров, патрикиев, спафариев и тех лиц гражданской наружности, кому выпала великая честь лицезреть благочестивого этим утром.

Елена Мелиссина обняла Олега со спины.

– Я так рада, любименький! – опалил его ухо шёпот. – Переодевайся!

Скинув привычный скарамангий, Сухов надел тот, что подобрал магистру, – белоснежный, с пурпурными ромбами, нашитыми на груди. Елена накинула сверху украшенную перевязь на оба плеча и затянула у мужа на талии пояс из красной кожи с золотой пряжкой.

– Мой магистр! – сказала она с гордостью. – Солнышко моё!..

– Лучистое? – поинтересовался Олег, сияя.

– А как же!

А со двора донеслось пение – гремел хорал:

Многая лета!
Многая лета тебе,
Автократор ромеев,
Служитель Господа!

А день всё дарил и дарил неожиданностями. После скромной семейной трапезы (омар с маслицем, щупальца молодого осьминога, жаренные с лучком, сладкое александрийское винцо и спелая дынька на десерт) Олег сперва засел в кабинете, что разместился в левом крыле, в концентрическом кругу колоннады из фригийского мрамора, розового с прожилками. Захотелось магистру и аколиту освежить в памяти недавно откопанные тексты Аристарха Самосского и Эвдокса Книдского, тысячу лет тому назад доказавших, что Земля круглая, а потом магистр и аколит прилёг отдохнуть (вдвоём с Алёной).

Отдых вышел очень активным, бурным даже – шёпот любви и крики страсти долго полнили опочивальню, а пухлые амурчики с расписного потолка нахально подглядывали, изображая детскую невинность.

²⁴ «Аксиос!» – ритуальный возглас при рукоположении, означающий: «Достоин!»

...Остывая, Сухов лежал поперёк кровати, уложив голову на тугой животик Мелиссины, и слушал её рассуждения о сущности души человеческой, изредка вставляя ехидные замечания, за что и получал – Елена больно щипалась.

Расслабленные и удовлетворенные, они покинули спальню в самый подходящий момент – Игнатий как раз приглашал в дом молоденького кандидата с редкой, будто кем-то выщипанной, бородёнкой. Кандидат, запелёнутый в синюю хламиду, неловко топтался в вестибуле, прижимая к тощей груди свернутый пергамент с красной восковой печатью. Заметив чету, спускавшуюся по ступеням, он с восторгом оглядел Мелиссину и отвесил поклон Сухову.

– Его Величество шлёт тебе привет, сиятельный, – пропел кандидат, – и призывает во дворец.

Договорив, он снова поклонился, протягивая грамоту.

– Благодарю тебя, почтеннейший, – ответил Олег, из любезности обращаясь к кандидату, как к спафарию, и принял подношение. Кандидат порозовел от удовольствия, украдкой взглядывая на зоста-патрикию. Елена сладко улыбалась.

Сухов сломал восковую печать с выдавленным изображением павлина и развернул пергамен. Округлый и витиеватый почерк писаря разобрать было легко – в изысканных выражениях магистра и аколита Олегария приглашали на silentий. Само приглашение было писано обычной чёрной тушью-сепией из дубовых орешков с добавлением золотой пыли, а внизу стояла корявая, зато исполненная пурпуром роспись базилевса. Олег только головой покачал – после русской вольницы очень трудно было привыкнуть к ромейским порядкам, к сложной и запутанной иерархии, где на каждой ступеньке свои поблажки. Писать пурпурными чернилами позволено было одному императору, его дети имели право писать синими, а сам Олег – зелеными. Заслужил.

– Всенепременно буду, – сказал он чопорно и склонил голову.

Бросив прощальный взгляд на Мелиссину, кандидат удалился.

– Всё мальчиков пленяешь? – проворчал Сухов, с трудом поджимая губы, готовые поползти в улыбку.

– Ревнуешь? – промурлыкала Елена.

– Было бы к кому! – фыркнул Олег. Женщина рассмеялась, а Сухов подумал: а ведь правда, не ревную!

Обычно, когда они с Пончиком заводили разговор о мужской ревности, немедленно вспоминали Вильяма нашего Шекспира и сотворенного им Отелло – как этот brutальный мавр, лицо негритянской национальности, придушил бедняжку Дездемону. Блондинка пищит: «Не виноватая я!» – а мавр делает свое дело... Но разве виноват Отелло, что был простодушен и доверчив? Наслушался мавр сплетен от коварного Яго, разгневался – и совершил убийство.

Безусловно, ревность – это один из мотивов, побуждающих человека преступить заповедь «Не убий!», но что это значит – ревновать? Тут можно вспомнить диалог Дианы и Теодоро, созданных изысканной фантазией Лопе нашего де Веги. Там великолепная Диана вздыхает томно, утверждая, что «ревность в ней зажгла любовь и страсть», на что Теодоро даёт отрицательный ответ, заявляя, что «родится ревность от любви». От любви ли?

Дабы не запутаться в морально-этических тенетах, они с Пончиком, испробовав вина на славу, разбирали ситуацию на примерах. И вот самый явный случай, давно ставший расхожей темой для анекдотов даже в десятом столетии: приезжает купец-навикулярий из дальнего странствия, является домой – и застаёт жену в объятиях любовника. Пикантная ситуация, не правда ли?

Что тут станешь делать? Если вы джентльмен, то подожмите губы и ледяным тоном потребуете объяснений от женщины, а мужчине велите убираться прочь. Ну а если вы иначе понимаете смысл понятия «сохранить лицо», то заколотите себя кулаками в грудь и броситесь на соперника, требуя сатисфакции путем мордобоя (и жене достанется между делом). Но это всё деяния, а вот что вы при этом почувствуете? Какие ощущения испытаете?

Оскорбление, унижение, смертельную обиду, ярость. Но в этом списке нет ревности – просто обманутый мужчина очень болезненно переживает измену. Уже то, само по себе, что женщина предпочла ему другого, выводит представителя сильного пола из себя. Как?! Она – и с ним?! А, значит, я хуже?! И понеслось...

Абсолютное большинство мужчин совершенно не выносят даже сравнений себя с иными особями мужеска полу. То есть, когда женщина вздыхает: «А вот Евстафий своей шубку купил...» – мужчина страшно раздражается – ведь сравнение не в его пользу. Для него это как измена на словах. А уж на деле...

Если хорошо покопаться, то обнаружится, что в подоплёке слов и дел ревнивца лежит примитивный комплекс неполноценности. Такой мужчина не уверен в себе, не ощущает себя настоящим и стопроцентным. Всё это он тщательно скрывает, но в момент ревности отрицательный потенциал его эмоций зашкаливает – и любопытные соседи наблюдают сцену из семейной жизни.

Так что же такое ревность? «Попросту говоря, – решил для себя Олег, – это чувство собственника, ощущающего собственную слабость». В таком живет страх потерять свою женщину, но не потому, что он её любит. Более всего, пожалуй, ревнивец опасается насмешек окружающих: «Как там твои рожки? Развесистые небось?»

Благородный порыв типа: «Так дай вам Бог любимым быть другим!» – ему несвойствен. Ревнивцу больно даже представить себе, что его женщину будет обнимать кто-то иной, ведь она принадлежит ему!

Именно поэтому данный тип делается подозрительным, недоверчивым, его преследуют навязчивые мысли об адюльтере. А где сейчас его жена? В геникее?²⁵ А в геникее ли? И что с того, что в геникее?

Можно подумать, она и туда не впустит ухажера! И так далее, и тому подобное.

Ревнивец постоянно настроен на негатив, всегда только на худшее, поэтому и сам внутренне готов разрядить накопленный отрицательный заряд – и причинить женщине зло.

А уж тот, кто пошел по стопам Отелло и готов убить свою подругу, – не просто собственник, а собственник осатаневший, то есть потерявший всякий человеческий облик, оборотень.

Убить из-за любви нельзя.

Любить женщину – это значит желать ей счастья, добиваться для неё блага, проявлять нежность и заботу. При чем же здесь ярость и садизм?

Если вы сильный человек и любите свою женщину, то не станете её ревновать ни к кому – ведь вы великодушны, вы уверены в себе и испытываете доверие к избраннице, к тому же вы снисходительны.

И даже если она изменит вам – а согрешить может любой и любая! – вы не станете учинять безобразных сцен, а повернётесь и покинете ту, которую любили. И только. Почему, догадываетесь? Правильно! Потому что вы – джентльмен, и вам присуще чувство собственного достоинства.

Вы будете мрачны и печальны, но страдать от любви не стыдно даже настоящему мужчине, лишь бы не напоказ.

А весь секрет в том, что джентльмен – это не тот, кто умеет по-светски улыбаться и знает слова почтения, а тот, кто относится к женщине как к леди. Если вы таковы, то это лучший залог того, что в вас не угнездится ревность – вы просто никогда не опуститесь до этого низкого площадного чувства.

Вот и всё.

«Какой я, оказывается, благородный», – усмехнулся про себя Сухов и стал собираться. Даже к ужину опаздывать неучтиво, не явиться же вовремя на синклит – просто верх глупости. Кое-кто может сделать оргвыводы и принять меры... Право, лучше обождать, чем

²⁵ Геникей – помещение для женщин в ромейском доме.

опоздать!

Миновав Халку, магистр и аколит Олегарий зашагал Портиком Схolariев. Собственно, это была прямая дорожка, вымощенная мраморными плитами, а с двух сторон ее как раз и прикрывали портики – крытые галереи из парных колоннад. Дорожка привела Сухова к трёхпролетной двери, имитирующей триумфальную арку. За её створками, облицованными пластинами слоновой кости с резными барельефами, находился Консistorион – зал для заседаний синклита.

Лет пятьсот тому назад пол зала выложили наборным рисунком из дорогих мраморов, но пришли иные времена – и композицию на тему резвящихся нимф стыдливо прикрыли роскошными персидскими коврами. Стены до половины тоже покрывал мрамор, а выше начинались мозаики, захватывавшие весь потолок. Пущей важности ради, зал обрамляли аркады, промежутки между колонн коих были задрапированы тяжелыми зелёными занавесями, резко контрастирующими с алым шёлком золочёных скамей, выстроившихся вдоль стен. А в глубине Консistorиона расположился мраморный престол. Три ступени вели к трону – куриальному римскому креслу. По бокам от него стояли две статуи крылатой Ники – богини, дарующей победу. Ники держали над троном венок с христианской монограммой, а весь престол находился под золотым шатром, удерживаемым четырьмя витыми колоннами.

Трон пока пустовал, а вот синклитики были в сборе – человек сорок, вряд ли больше. Вельможи важно расхаживали поодиночке или парами, степенно обсуждая государственные дела, делясь сплетнями, интригуя помаленьку.

На вошедшего Олега никто не обратил внимания – все ждали прибытия императора. Роман Лакапин не заставил себя ждать – плавно раскрылась средняя, самая большая дверь, и препозит Дамиан, весь в красном с золотом, торжественно объявил:

– Его Величество базилевс, автократор ромейский!

Всё в той же парадной хламиде, задубевшей от множества драгоценностей – поставь её в угол, не упадёт, не сложится даже! – император прошествовал к престолу и занял своё место. Неподалеку примостился Мосиле, личный оруженосец государя, человек простоватой наружности и великой силы.

Поднявшись с колен, синклитики расселись по скамьям. Олег отступил и примостился на мягком сиденье, набитом шерстью. Рядом опустился протوماгистр²⁶ Мануил Атталиат. Это был крупный мужчина с породистым лицом и умными, зоркими глазами медового цвета, каким отличаются львы или орлы. Его крепко сбитое тело было налито здоровьем и хранило память о дружбе с атлетикой, хотя годы и слабости человеческие брали своё – и животик появился у протوماгистра, и волосы поредели – кудрявый венчик окружал блестящую плешь. Атталиат наклонился к Олегу и сказал дружелюбно:

– Ну и как оно – чувствовать себя наверху?

– Уж больно высоко, сиятельный, – пошутил Сухов.

– Что да, то да, – кивнул протوماгистр, – падать отсюда больно.

Олег внимательно посмотрел на него, однако Мануил не отвел взгляда.

– Есть способ удержаться, – хладнокровно заметил Олег.

– Какой же? – заинтересованно спросил Атталиат.

– Ухватиться покрепче.

Протوماгистр тихонько рассмеялся, трясая складками на чреве. Но тут препозит Дамиан ударил об пол посохом, и базилевс, до этого будто оцепеневший, ожил.

– День жаден к событиям, – разнёсся его голос по Консistorиону. – Нам угодно выслушать мнения наших слуг и помощников.

Уловив жест императора, поднялся Феодорит Орфанотроф, высочайшим повелением назначенный председателем синклита.

²⁶ Протوماгистр – главный магистр.

– Божественный повелевает нам рассудить: как унять смуту в землях Лонгивардии?²⁷ – огласил повестку дня Феодорит. – Мириться ли единственно премудрейшему с апулийскими мятежниками, возмущающими спокойствие? Или готовиться к войне?

Обратив своё полное, будто опухшее лицо к базилевсу, председатель уловил легчайший кивок Романа Лакапина и простёр руку к скамьям напротив.

– Пусть сиятельный Катакил, – провозгласил он, – ознакомит нас с сутью дела.

Поднялся сухонький Василий Катакил и повёл свой рассказ.

– В то самое бедственное лето, – начал он дребезжащим голосом, – когда свирепые воины великого князя Халега из страны Рос осадили Константинополь, князь Беневента и Капуи Ландульф I поддержал апулийских лангобардов, восставших против власти божественного государя. Пять лет спустя князь сплотил силы с Гвемаром II, князем Салернским. Совместно эти варварские князьки атаковали владения ромеев: Ландульф напал на Апулию, а Гвемар – на Кампанию. Тогда Ландульфа постигла неудача – не смог князь осилить доблести православных воинов! Однако пять лет тому назад к этим двоим присоединился Теобальд, герцог Сполетский. Но Господь снова услышал наши молитвы, и ромеи разгромили варваров! В то же лето герцог Сполетский примирился с нами, а ныне и Гвемар Салернский сложил оружие. Однако князь Ландульф никак не унимается, множит и множит беды, держит в страхе мирных сеятелей и виноградарей, а наши священники терпят поношения от него и грабёж!

Катакил отдышался, выдерживая паузу, и продолжил:

– Нельзя попускать варвару оскорбление царственности ромейской! Князь Ландульф должен быть наказан, а войско его разгромлено.

Резко поклонившись базилевсу, он сел. Олег Сухов слушал его невнимательно, магистра занимала иная задача – он пытался вычислить того самого синклитика, который возглавлял заговор против базилевса, «пятого, который первый». Того, чьё имя Сурсувул не успел произнести, – нож оборвал признание. Так кто же был тем неизвестным, который всё и затеял? Кому служил пронырливый Павел? Чью тайну унёс в могилу, поруганный и обещенный? Этот кто-то был здесь, в Консистоционе, сидел вместе со всеми и решал судьбы империи. Неизвестный. Затаившийся. Копивший яд и готовящийся уязвить. Кто? Да кто угодно! Сосед Олега справа, сосед слева. Вон тот, сидящий напротив, длинный как жердь, или другой, располневший до безобразия. Как распознаешь тайного врага? У него же на лбу не написано: «Заговорщик!»

Тут поднялся сам Иоанн Куркуас, полководец, славный победами над арабами, – он взял приступом или осадой почти тысячу крепостей и продвинул границы империи до Евфрата и Тигра.

Смуглый от природы и ещё более загоревший на солнце, Куркуас согнулся в поклоне базилевсу и заговорил вкрадчиво:

– Наказать варваров – долг и честь христолюбивого воинства ромейского, однако разумно ли проливать кровь на западе? Я побивал сарацин на востоке, поскольку нельзя договориться с теми, кто не верует во Христа... Однако лангобарды – подданные величайшего, и они крещены. Воюет тот, кто не может купить мир! Мы же богаты и способны добыть покой и благоволение во целовоцех не кровью, но золотом...

– Что предлагает сиятельный? – с места спросил розовощекий патрикий Кузьма, умелый дипломат и ловкий интриган.

– Забудем о князьях и вспомним о короле Италии, – сказал Куркуас. – После изгнания короля Родольфо II в Павии²⁸ короновали Гуго Арльского. Гуго правит твёрдо и жестоко,

²⁷ Аонгивардия, или Ломбардия, – византийские владения в Южной Италии, захватывающие «каблук» знаменитого итальянского «сапога», то есть Апулию, а также земли в Кампании. Столицей Лонгивардии был Неаполь, в то время – полунезависимое герцогство.

²⁸ Итальянское королевство занимало Север Италии, а столица его находилась в Павии.

король завёл целый гарем, назначает на светские и духовные должности недостойных любимцев или своих незаконнорожденных детей, а недавно он женился на безнравственной римлянке Марозии, сенатриссе и патрикиссе, дочери сенатора Теофилакты, возводившей в папы римские своих любовников. Иными словами, Гуго Арльский – обычный франк.

После этих слов по залу пробежали смешки, даже сам базилевс изволил улыбнуться.

– Для того чтобы король Гуго стал врагом наших врагов, – продолжил Куркуас, – надо купить его дружбу. Золотые номисмы обеспечат привязанность италийского короля к христианской империи. Я закончил, достопочтеннейшие.

Едва он сел, как нервно подсигивающий Катакил тут же вскочил.

– Соглашаюсь с сиятельным, но настаиваю на прежнем! – выпалил он. – Да, мы должны подкупить короля Гуго, но и князь Ландульф должен понести наказание! Мятужникам нужно дать почувствовать нашу силу, нашу твёрдость! Предлагаю послать ко двору князя Беневентского патрикия Кузьму Хониата, а в Италию отправить флот. Патрикий станет добиваться мира лестью и посулами, а флот – оружием ромейским! – Обратившись к базилевсу, синклитик заговорил с придыханием и чуть ли не с умилением: – Престол твой, о единственный непобедимый, утверждён искони. Ты – от века! Нечестивые узрят это, заскрежжут зубами – и истают. Желание нечестивых погибнет! Сами противящиеся власти губят себя, ибо нет власти не от Бога!

Присутствующие зашумели, зашептались, клонясь голова к голове. Базилевс внимательно оглядел собравшихся, а после сделал знак председателю. Тот сразу поднял патрикия Иоанна Радина, друнгария флота. Это был пожилой человек, битый жизнью, грубоватой внешности и неловких манер.

– Сколько кораблей в нашем флоте? – задал вопрос император.

Друнгарий смешно поклонился, словно споткнулся на ровном месте, и поспешно ответил:

– Всего около сотни дромонов, хеландий, памфил и кумварий.

– Около? – приподнял Роман I бровь, выражая неодобрение.

– Число подвержено переменам, святейший. Одни корабли выходят из доков после починки и оснастки, другие заходят...

– Понятно, любезнейший, – удовлетворился базилевс. – Сколько кораблей можно выделить для итальянской экспедиции, не создавая брешей в обороне?

– Семь или даже восемь дромонов, величайший, – тут же ответил Радин, – десять—двенадцать огнепальных хеландий и полтора десятка памфил. Это почти четыре тысячи воинов, божественный.

– Хватит ли этого числа, дабы уstraшили лангобарды?

– Хватит, несравненный.

Несравненный кивнул и сказал:

– Наша царственность желает, чтобы ты вёл корабли, Радин.

Друнгарий не смог скрыть довольной улыбки – давненько его не жаловали высочайшим доверием!

– А на любезнейшего Феоклита Дуку, – продолжил император, – мы возлагаем управление войском и назначаем domestikом схол Запада.

– Дозволено ли будет молвить, божественный? – спросил, привставая, магистр Феоклит Дука.

Базилевс милостиво кивнул ему. Вдохновившись, Дука сказал:

– Среди нас находится сиятельный Олегарий, магистр и аколит. Его варанги многожды доказали свою преданность, они бесподобные воины и лучшие в мире мореходы, ведь не боятся же росы выходить в поход на своих моносилах-однодеревках! Вот и пусть бы присоединились к нашему флоту, пусть бы выказали доблесть на войне с лангобардами!

Олег слушал – и холодная ярость терзала его душу. Феоклит был ему давним

неприятелем, никогда не упускавшим случая нагадить. Вот и теперь, мешая похвалу с оскорблением, Дука готовил очередную пакость.

А базилевсу предложение понравилось. Роман Лакапин взглянул на Сухова и сказал:

– Что нам ответит благороднейший аколит?

Олег встал и поклонился:

– Вначале, если позволишь, величайший, я отвечу Феоклиту. – Получив разрешение, он повернулся к Дуке, задетому небрежным отношением «этого варанга». – Сиятельный верно назвал росов лучшими в мире мореходами, но вот в кораблестроении он понимает прискорбно мало. Корабль варангов потому именуется моноксилом, что его киль сработан из одного ствола дерева, – это придаёт ему прочность, в отличие от дромона или хеландий, кили которых сплавиваются из двух-трех обрубков. Ко всему прочему, варанги владеют искусством гнуть шпангоуты из распаренного дерева, а не сколачивать их гвоздями из отдельных частей, как то делают здешние судостроители, подзабывшие навыки римлян. Вот и выходит это самое, что скедии, снечки, лодьи и кнорры, спущенные на воду в стране Рос, гораздо крепче, надежнее и вдвое быстрееходней, чем самый лучший дромон!

По Консисторию прошёл ропот недовольства, синклитики поглядели на Олега так, словно уличали его в богохульстве, а вот базилевс отнесся к аколиту с лёгким добродушием.

– Тогда собери в поход, Олегарий, триста – четыреста варангов, – велел он, – и пусть они двинутся вместе с нашим флотом, но на своих кораблях!

– Я в точности исполню волю божественного, – поклонился Сухов.

– О величайший! – вскричал Феоклит, картинно выпрастывая руку. – Не посраим ли мы стягов империи, подняв их над углыми моноксилами?! Мы уже наблюдали эти челноки под стенами града!

Базилевс азартно поерзал на троне и вопросительно посмотрел на Олега. Сухов презрительно улыбнулся.

– Пусть божественный простит неучтивость Дуки, – холодно проговорил он. – Сиятельный оказался даже более невежественным, чем я предполагал. Да будет ведомо тебе, Феоклит, что те корабли, которые ты видел под стенами града, назывались скедиями, а не челноками. Да, они не поражают размерами, но почему? Да потому, что самый близкий путь к здешним берегам из страны Рос проходит по реке Непру, известной своими порогами. И самый страшный из них – Айфор. Достигая его, варангам приходится выкатывать скедии на сушу и волочить их долгих шесть вёрст, пока не спустят на чистую воду. Мыслимо ли переместить по берегу большой корабль, вроде лодьи или дромона? Разумеется, нет! Но пусть не беспокоится Феоклит Дука – варанги придут на лодьях, и ромеи не потерпят позора.

– А велики ли лодьи варангов? – полюбопытствовал император. – Локтей тридцать будет в них?

– Боевые лодьи варангов, величайший, – по-прежнему холодно отчеканил Олег, – простираются в длину на восемьдесят, на девяносто локтей.

Синклитики зароптали так, что председатель заметался по залу, пытаясь восстановить тишину.

– Ты хочешь сказать, благороднейший аколит, – с интересом спросил базилевс, – что лодия больше дромона и даже триремы?

– Кстати, да, божественный.

Роман Лакапин оживился и встал с трона. Тут же вскочили и синклитики.

– Флот отправится к берегам Лонгивардии сразу после Пасхи, – распорядился базилевс. – Варанги отправятся вместе со всеми, под началом аколита Олегария. Любезнейшему Феоклиту надлежит занять порты Бариум и Тарант, побивая мятежных лангобардов и воинов князя Ландульфа. Благороднейший Олегарий поведет варангов на штурм городов Амальфи, Неаполя и Гаэты, не признающих верховенства нашей власти.

Отдав приказ, Его Величество покинул Консисторий. Когда Сухов распрямил согбенную спину, он наткнулся на ухмылку Феоклита Дуки, исполненную злобного

торжества. Впрочем, высокий лоб царедворца уже начинал морщиться под натиском жестоких сомнений: святейший назвал его самого любезнейшим, а вот варвара Олегария – благороднейшим... Не скрыто ли в этом тайное предпочтение?

А Сухов сразу же подумал о другом. «Неужели это он затеял переворот? – промелькнуло у него. – Было бы здорово... Обречь такую паскуду на пытки и казнь – отрада, каких мало!»

Домой он возвращался уже под вечер, но на Месе было по-прежнемулюдно. Олег шёл и думал, как хорошо быть богатым и знатным. Вот он идёт, и ничто не тревожит его ум, никакие суетные желания и нужды. Прикупить бы чего на ужин? Принести ли воды? А в достатке ли дров? Всё это не касалось его – о том, чтобы ему было тепло и сытно, позаботятся слуги. А их господин может важно и чинно шествовать, освобождая мысли для философии и прочих достойных занятий.

Слежку за собой Сухов обнаружил не сразу и осерчал. Досадным было не само преследование, а то, что он его не сразу приметил.

За ним неотступно, как привязанный, топал венецианец, обряженный по смешной европейской моде, – тощие ноги обтянуты узкими штанами-шоссами и обуты в башмаки с причудливо загнутыми острыми носками, поверх рубахи-камызы болтается жакет-пелиссон из меха, обшитого тканью снаружи и с изнанки. На поясе висел кошель из чёрного шелка и меч в ножнах, голову прикрывала маленькая чёрная шляпа с длинным красным пером.

Олег сразу вспомнил убийцу Павла Сурсувула, но нет, описание не сходилось – венецианец, которого обещал добыть Ивор, был маленьким и юрким, а этот, неумоимо преследующий Олега, отличался ростом и статью. Интересно, при чем здесь, вообще, Венеция? Хотя... Венецианцы всегда были изворотливы и предприимчивы. Их предки, сбегав от орды готов, поправших Великий Рим, на островки и болота Венецианской лагуны, сразу прикинули, что к чему, и навсегда задержались между сушей и морем. Сухопутные жители спасались за крепостными стенами, постоянно претерпевая осады и штурмы, а Венеция стала неприступной, ибо ни готы, ни гунны, ни лангобарды не знали флота. А вот Восточная Римская империя ведала – и подчинила поселения венецианцев своей воле.

Ко времени Романа Лакапина Венеция обрела почти полную свободу – и ставила во всё большую зависимость самих ромеев. Венецианские купцы прибирали к рукам морскую торговлю империи, становясь незаменимыми посредниками, а по сути – хозяевами положения. Ромейский торговый флот хирел и таял, а венецианцы всё спускали и спускали на воду новые усиеры, галеры, батты и барказы – вскоре сосны на островках вокруг их столицы были сведены полностью, и они переключились на леса Далмации. Вот так ничтожный Давид скрутил колоссального Голиафа...

«Не отвлекайся!» – одернул себя Олег. Случайно ли в заговоре оказались замешаны венецианцы или это простое совпадение, неважно. У него на хвосте висит один такой, вот о нём и надо думать. Чего добивается преследователь, зачем потрясает гульфиком? Ответ на этот вопрос был получен без задержки.

На форуме Константина Сухов свернул к своему дому – и венецианец сразу ускорил шаги, стал догонять магистра. Магистр погладил рукоятку верного спафона.

Неожиданно из-за арки, стоявшей поперёк улицы, вышли ещё двое в обтягивающих брючках-шоссах, больше всего напоминавших подгузники, причём штанины были разных цветов – у одного жёлто-голубые, у другого – красно-чёрные. Выхватив кривые мечи скимитары, венецианцы бросились на Олега.

Сухов изобразил испуг и развернулся, делая вид, что изготавился бежать. Его рослый и статный преследователь, тоже вооруженный скимитаром, злорадно ухмыльнулся. Расставив руки пошире, присев на полусогнутых ногах, он ловил струсившего ромея – и нарвался на меткий выпад. Олегов меч вонзился снизу вверх, протыкая сердце.

Венецианец даже не захрипел в истекающие секунды жизни – выронив клинок, он привстал на цыпочки, пуча глаза и растягивая рот в неслышном крике. Олег выдернул меч и повернулся кругом к парочке разноцветных. Сойдясь на мечах с «красно-чёрным», более

опасным и опытным противником, Сухов стал кружить, уходя от клинка «жёлто-голубого», – тот подпрыгивал, ярился, пытаясь достать магистра и аколита, но его намерению то и дело мешал «красно-чёрный», будто нарочно загораживавший Олега. Итальянец и рад был бы уступить товарищу, да не мог выйти из магического круга, который со звоном и шипением рассекаемого воздуха чертила беспрестанно разящая сталь. Олег Полутроль, гридень Рюрика и Халега Ведуна, владел мечом на уровне, недостижимом для венецианских бретёров.

«Красно-чёрный» прилагал отчаянные усилия для того, чтобы только удержать скимитар. Скованный величайшим напряжением, он изнемогал, венецианцу казалось, что у противника отросло шесть рук, как у страшенького божка из Индии, и сразу полдюжины мечей пытаются иссечь его. Томящий страх набухал в венецианце, рождая отчаяние, – «красно-чёрный» уразумел, что магистр не бьётся с ним, а забавляется, теша себя жестокой игрой. В какой-то момент произошёл надлом – рука бретёра дрогнула, пропуская удар, и меч-спафион перечеркнул ему горло – вбок словно брызнуло рубиновым вином.

Обратным движением клинка Олег поразил «жёлто-голубого» – тот умер, так и не успев ничего понять.

Сухов медленно выдохнул – и услышал топот. Ещё трое, нет, четверо со скимитарами выбегали из старого парка, над деревьями которого возвышалась одинокая колонна зеленого в крапинку мрамора. С кличем «Святой Марк!» они всем скопом бросились на Олега.

Магистр опустил меч, наклонил голову, готовый встретить новую напасть, как вдруг в тылу у венецианцев замечались две тени – огромная и не очень. С радостью и облегчением Сухов угадал в них Ивора и Малютку Свена.

Венецианцы изумились, рассмотрев на его лице приятную улыбку, а в следующий миг им очень не повезло – одному в спину втесалась любимая секира Малютки, другого наотмашь ударил Пожиратель Смерти, почти снеся голову с плеч. Третий напоролся на спафион Олега, а четвертого подрубил Котян.

– Припоздал я! – выдохнул он с сожалением, добивая поверженного врага.

– Спасибо, – расплылся в улыбке Олег, – подсобили чуток!

– Не всё ж тебе одному, – ухмыльнулся Свен.

– Да я всё того Пауло Лучио искал, – сказал Ивор, аккуратно обтирая клинок об убитого. – Нашёл-таки, но поздновато, тот помереть успел – его из лука расстреляли.

– Стрел понатыкали... – протянул Малютка Свен. – Как ёжик стал!

– Ясно, – кивнул Сухов и задумался. – Вот что, малыш... Это самое, сгоняй-ка ты за князем. Лады? И веди его ко мне домой. Скоро мы в поход идём, ясно? Лангобардов будем бить. Пойдём на больших лодьях!

– Так а где ж их взять? – подивился Ивор.

– Вот и обсудим, где да как. Пошли. Алёна обещала на ужин седло косули подать с бобами, так что пошевеливайся, Свен, а то не достанется.

– Бегу! – сорвался Малютка с места, перепрыгнул сражённого венецианца и помчал к Месе.

– Пошли, – повторил Олег.

И они пошли.

Глава 4, в которой Олег отправляется в Италию транзитом через Тматорокан

С раннего утра варяги стали готовиться к отплытию – их аколиту, исполнявшему волю государеву, предоставили дромон «Жезл Аарона», здоровенный чёрный корабль с непривычными для росов косыми реями, больше всего смахивавшими на колодезные «журавли». Вместе с Олегом отправлялся князь Инегельд со всею «чёртовой дюжиной» и Пончик. Ну куда ж без лекаря...

На берегу стоял епископ. Держа в руках дикирий и трекирий, он крестообразно осенял дромон. Иподиаконы, крест-накрест повязанные ораями, гнусаво пели стихиры, а ромеи-корабельщики грубыми голосами тянули нестройно: «Господи, помилуй! Господи, помилуй!»

– Отплываем когда, любезнейший? – спросил Сухов у навклира Михаила, командира корабля.

Навклир скосил глаза, пошевелил губами, словно ведя расчеты, и ответил:

– Ближе к полудню, с помощью Пресвятой Девы, мы сможем поднять паруса, сиятельный.

– Ну и славно... Только, это самое, не позже, договорились?

Ровно в полдень Олег поднялся на палубу «Жезла Аарона» и навклир велел отдать концы. Канаты, удерживавшие дромон, соскользнули с гранитных тумб, между бортом и причальной стенкой стала шириться полоса зеленой, мутновато-грязноватой воды Золотого Рога. Прощевай, град Константинов! Еще свидимся...

В Босфоре пришлось хорошенько поработать веслами – сильное течение из Понта Эвксинского не пускало корабль, толкало обратно, но могучие гребцы, взяв в напарники южный ветер, вывели дромон в открытое море.

– Глянь-кось, – дивился Боевой Клык, – скрипит-то как, а не тонет! Почитай, по пятнадцати вёрст парусит. Хорошо поспекает.

– Паруса у них непонятные... – Стегги Метатель Колец подозрительно оглядел красные полотнища, растянутые треугольниками. Ветер дул в корму, и паруса развернули «бабочкой» – рей на передней мачте выгибался по диагонали вправо, а тот, что на задней, – влево. Так дромон забирал больше ветра.

– Зовутся – латинские, – со знанием дела сказал Фудри Московский.

– И на што они такие? – всё удивлялся Клык. – Али холста не хватило, штоб обычные пошить?

– С косыми парусами, князь, – вразумил Инегельда Олег, – можно и против ветра плыть.

– Врёшь поди?

– Точно тебе говорю...

Осиянный солнцем купол Софии стал медленно оседать, словно прячась за облачка. Пропадали из виду башни, церкви, дворцы. Едва движимый гребцами и подгоняемый попутным ветром, дромон миновал Диплоционий и вышел в открытое море. Морщины и складочки на парусах мигом изгладились, корабль побежал шустрее.

На дромонах не стелили сплошной палубы – от носовой до кормовой площадки тянулись три сквозных дощатых прохода – поднятых над гребцами с каждого борта, и по продольной оси. С гребной палубы ощутимо тянуло потом и теплом разгоряченных тел.

Шагая по гулкому настилу вдоль правого борта, Сухов вышел на корму, где двое кормчих удерживали рулевые вёсла. Над кряхтящими кормщиками загибались два «рога» – кормовые завитки-акростолы, – а ещё выше колыхалась пурпурная хоругвь с ликом Богоматери. Над её главой отливала серебром полумесяц со звездой внутри – знак Артемиды, богини-девственницы. Вроде как спасла она во время оно городишко Византий от набега Филиппа, царя македонского, и благодарные жители назвали в честь богини бухту Золотым Рогом. Семьсот лет спустя Артемида-звероловица совместилась в сознании верующих с Богородицей...

Хоругвь была тяжела от злата-серебра, и ветер никак не мог заставить её трепетать и полоскаться.

– Не понять мне вас, христиан, – проворчал Клык, перехватывая взгляд Олегов. – Кабыть, полумесяц со звёздочкой арабы себе малюют, так и вы туда же!

– Бог един, – мягко сказал Сухов. И задумался.

Однажды крестившись, он не часто посещал церковь. Любил справлять Пасху, а остальные праздники бывало, что и пропускал, увиливая от пышных церемоний и торжеств,

ибо был убеждён – суть христианства вовсе не в соблюдении ритуалов, не в следовании догматам, а в верности глубинной сути, основному устою, Символу веры. Христос дал новую заповедь: «Возлюби ближнего, как самого себя!» – и это была величайшая идея всех времён и народов. Возлюби ближнего! Не воюй, не причиняй боли и смерти, не приноси горя, не возбуждай ненависти, безразличен не будь, не лги, не трусь, не предавай и не совершай подлости, а возлюби! Возлюби – и рай земной устроится при твоей жизни. Дружи или пылай страстью. Живи по совести, по закону стыда. Поддержи упдающего, подсоби слабому, пойми ближнего и помилосердствуй. Это же так просто! И будет всем счастье.

Так нет же, не принимают человеки любви, всё кровь проливают, стяжают и пакостят, пакостят, пакостят... Миряне мечом отбивают чужих жен и не своё добро, а попы – крестом, насилуя идею Христову, извращая смысл её. Угнетает тебя власть, обирает? А ты возлюби её, ибо вся власть от Бога, а Бог есть любовь! Ты пашешь от зари до зари, потом своим и кровью орошаешь землю, а весь урожай достается богатею-землевладельцу? Он жиреет, а жена твоя старится смолоду, и дети от голода пухнут? Так возлюби жиреющего! Возлюби врага, возлюби палача и сиятельного вора, возлюби притеснителя, но только не требуй взаимности, не впадай во грех равенства...

Быть может, светлая заповедь Христова неисполнима вовсе? Но вот же он, Олег, готов жить в мире, где правит Любовь! Он любит свою Алёнку, друзей любит... Врагов, правда, недолюбливает. Живёт сам и даёт умереть другим. Убивает, чтобы не умереть самому, чтобы любить по-прежнему тех, кто достоин исполнения божественной заповеди...

...Византийские берега постепенно опадали, теряя подробности рельефа и заплывая синим цветом, ужимаясь в темную полосу по окоёму, пропадая вовсе за обливными валами. Ай, хорошее море! Русское море.

...Крепко сидел Тматорокан, заняв место на берегу крошечного полуострова, связанного с большой землей песчаными косами, обрамлявшими горькие соленые озера и мелкие заливчики – с суши не взять! Да и с моря не подкрадешься – повсюду мели переходящие, там и сям скалы торчат, а берег высок, крут и обрывист. Недаром предприимчивые эллины один за другим полисы свои здесь выстраивали – Гермонассу, Горгипию, Фанагорию. Знали толк!

А какая земля вокруг Тматорокана – жирнющий чернозем! И толщины невероятной – закапывайся хоть на два, хоть на три роста, а до худосочной глины не докопаться. И зеленели за стенами тматороканскими виноградники, колосился хлеб, цвели сады. А воды еще богаче были, еще изобильней – воистину море обетованное. Старики по бережку промышляли – не торопясь, набивали полные мешки вкусными мидиями, а дети их рыбу ловили, да не всякую, а с разбором. Белугу брали, осетром не брезговали, а прочие «дары моря» – к чему им?

Короче говоря, не ищи места лучше Тматорокана, всё равно не найдёшь!

По выходе в Понт Эвксинский дромон повернул на восток, минуя Гераклею и Амастриду, которую ромейские мореходы называли оком Пафлагонии (а варяги грабили, и не раз). У мыса Карамбис корабль взял курс на север, отправившись ночью, чтобы плыть с попутным ветром и дойти с его помощью до середины Понта, где с наступлением дня ветер переменится и домчит до места. Так и случилось.

По левому борту «Жезла Аарона» проплывала Таврия, стекая на восток пологими травянистыми холмами, предвещая степной простор и обрываясь в море слоистыми кручами.

Входной маяк Боспора Киммерийского²⁹ встал по левую руку, и навклир повернул дромон на пол-оборота к северу.

С моря открылся взгляду неширокий пролив, вёрст пятнадцати у входа.

²⁹ Боспор Киммерийский – ныне Керченский пролив.

Утреннее солнце висело красным щитом во мгле испарений Сурожского моря.³⁰ Туманец застил дали пролива, но небо гляделось ясно. Солнце набирало жару, забираясь на небеси, и туманная мгла истаяла, преподнося глазу восточный берег – как зеркальное отражение берега западного.

В проливе качались струги и ушкуи, рыбаки с них выбирали неводы. Ценную рыбу швыряли под ноги, лишнюю отпускали в море. Из воды торчали тонкие шесты, опоры ставных неводов. На мелкой волне плясали поплавки из красной осокоревой коры, удерживая переметы для донной ловли.

– Тмуророкан видат! – довольно сказал Котян.

– Как же тебя сопливое святейшество отпустило, не понимаю, – проговорил Сухов.

Печенег ухмыльнулся.

– А я ему коней обещал привезти, – сказал он, – тутошних коней, что от роксоланских альпов породу ведут. Патриарх мигом меня собрал, еще и денег дал на дорогу!

– Всё с тобой ясно...

Восточный берег всё задирался слоистой кручей. Понизу обрыва стелился узенький жёлтопесчаный бережок – не шире тропинки. А вот и город показался – травянистые валы поднялись за обрывом, а по валам тем белокаменные стены протянулись, укрепленные башнями круглыми и квадратными, толстыми и могучими даже с виду.

Дромон шёл медленно, сторожко, держась подальше от светлеющих мелей и темневших подводных камней. За городом «Жезл Аарона» повернул к пристани.

У причалов покачивались крутобокие ромейские саландеры, нагружаемые амфорами с местной нефтью, гнутые арабские фелюги, высоко задиравшие нос и корму, торговый русский кнорр, несколько скедий, черных с синим, а поодаль стояли в рядок боевые лоды – длиннотелые, хищных очертаний корабли. Мелкая волна вскидывала их форштевни – пока что пустые. Головы драконов, горгулий и прочих чудищ, украшающие их в походе, были сняты в виду родных берегов – своих-то зачем пугать? Успокаиваясь и радуясь, Олег насчитал семь лодий.

– Во! – хмыкнул Клык. – Ишшо три штуки настругали! Ну, молодцы! Ужо намнём лангобардам по телесам!

Убрав паруса, дромон подошёл к пристани на вёслах. Пара босоногих гридней в одних кожаных штанах приняла швартовы и живо накрутила их на крепкие деревянные столбы.

Прибыли.

Блистать белыми одеждами магистра Сухов не стал – обрядившись в чёрный сагий, расшитый золотыми орлами, он спустился по трапу на бревенчатый причал. И сразу же услышал родную речь:

– А чего это сюда ромеи припёрлись?

Вопрошал молодой и норовистый гридень с наглыми глазами забияки. В одних портках да в тяжёлой куртке из буйволиной кожи, обшитой роговыми пластинами, гридень задирает нос не по чину. Шлем с наносником и выкружками для глаз был молодцу великоват и сидел косо, а из-под него выглядывали две смешные рыжие косицы.

– Ты глазья-то разуй! – прикрикнул на него Боевой Клык. – Нашенский это Олег! Али не признал?

Парень охнул и засуетился:

– Князюшка, вот не ждали!

– Ступай отседова, Стемид, да ярла призови.

– Карла, что ли?

– Всех, кого сыщешь, – и Карла, и Олава, и... Чьи это лоды стоят, ведомо тебе?

– А как же! – взбодрился Стемид. – Вон, с краю, Карла Вилобородого лодья,

³⁰ Сурожское море нынче называют Азовским. Ромеи прозывали его Меотидой.

«Пардусом» наречена. Рядом «Семаргл» Веремуда Высокого и «Вий» Гуды Змеинового Глаза, а четвёртая отсюда кабыть «Лембой» Рулава Счастливого. За ним сразу «Финист» Вуефаста Дороги...

– И этот здесь? – осклабился светлый князь. – Ага! Да ты не молчи, я слушаю. А те, што за «Финистом»?

– Которая последняя – «Морской змей» Олава Лесоруба, – протараторил Стемид, – а та, что поближе, – «Зилант», Либиар Лысый его на той неделе в море вывел.

– Вот и давай их всех... куда? А давай к тому дому с колоннами, где мы хазарина вешали. Живо!

Стемид почесал так, что босые пятки засверкали, а делегация стала чинно подниматься по крутой тропке наверх, к городу. Олег постоянно встречал приметы здешней жизни, и они находили отклик в его русской душе. Вон молодые девки в одних рубахах стоят, ведра тащат полные, аж коромысла гнутся. У девиц на головах веночки, сзади косы до пояса, а ветерок шаловливо задирает подолы или облепляет точёные фигурки, подсказывая рассудку незримые черты. А где-то петух голосит, мычит корова, звякает кузнечный молот. Русским духом пахнет, вот только запах распаренных банных веников странно сочетается с ароматами полыни и гниющих водорослей.

За распахнутыми воротами крепости Олегу открылась извилистая улица, впадающая в пыльный майдан. Под ногами пощёлкивало – уличку по эллинскому обычаю мостили галькой, осколками битых амфор, кувшинов и прочей утвари.

Россы были пришельцами в здешних безлесых краях, но приспособились они быстро. Ставили хаты-мазанки, кто побогаче – дома из ракушечника складывали. А рожь сеяли вместе с пшеницей, получалась сурожь, оттого и море так называли.

– Тебя тут, как венценосную особу, встречают, – проговорил Пончик. – По улице живого магистра водят, как видно, напоказ. Угу...

– Цыц! – сказал Олег. – Не мешай мне исполнять волю государеву.

А на улицах Тматорокана и впрямьлюдно стало. Население тутошнее, зрелищами не избалованное, выходило посмотреть на ромейского вельможу, являясь всем семейством. Причём к статному блондину, светлоглазому и светлокожему, частенько жалась чёрноглазая брюнетка из алан, болгар или ясов – тут вместе сходились горы, степь и лес.

– Олежа!

Сухов встрепенулся, завидя крепкого деда, будто сделанного из стали и сыромятной кожи. Это был Турберн Железнобокий.

– В гости припожаловал, дорогой? – осведомился он, лучась.

– Кстати, да! – ответил Олег, попадая в ухватистые объятия старого варяга. – Ну и по делу тож – базилевс в поход призывает.

– А далече ли? – Глаза Турберна вмиг сделались цепкими.

– На Италию! Пока ромеи будут лангобардов колошматить в Апулии, мы вперёд уйдём – в Амальфи нагрянем, в Неаполь заглянем, в Гаэту завернём...

Олег, привыкший к ромейскому порядку и размеренности, не хотел обсуждать детали похода на улице, однако над варягами не довлел церемониал – вскоре магистра и аколита обступили плотной толпой, а потом в середину протолкались ярлы – все как один в шёлковых рубахах и в портках из рытого бархату, а уж сапогам их, расшитым жемчугами да камнями, позавидовал бы любой модник с Месы. Карла Вилобородого Сухов узнал – встречал однажды. С Олавом Лесорубом и Вуефастом Дорогой он в поход ходил на Ширван, а остальные ему были незнакомы. Зато их хорошо знал Инегельд.

После радостного рёва и мощной серии дружеских тумачков светлый князь отрекомендовал ярлам Олега, магистра и аколита, после чего представил Сухову своих знатных знакомцев. Высокие договаривающиеся стороны пошаркали сапогами в пыли и вернулись к обсуждению дел насущных.

– Лангобардов я не встречал, – задумался Карл Вилобородый. – Франков бил, свеев бил, саксов бил, а с лангобардами не пересекался.

– Ой, да те же франки, считай! – отмахнулся Инегельд. – Разомлели они в своей Лангобардии, воевать совсем разучились. Правда, много их...

– Ну так сочтём число, да и подсократим! – ухмыльнулся Олав Лесоруб. – Впервой, что ли?

– Ты мне вот что скажи, Олег, – строго спросил Либиар Лысый, великан с круглой головой, обритой наголо, – добыча ожидается знатная?

Сухов важно кивнул.

– Амальфи с Неаполем, да и Гаэта тож – торговые города, – сказал он. – Это самое... Купцы там живут богатые и хитрозадые – по три шкуры спустишь с них, и окажется, что парочку шкурок они таки заныкали.

Ярлы захохотали.

– Только учтите, – построжел Олег, – я вас не на прогулку зову. У тех городов крепкие стены, взять их будет непросто.

Рулав Счастливый пожал плечами.

– Если я учую золото, – сказал он, – камень меня не остановит.

– Неаполь, Амальфи, Гаэта, – стал загибать пальцы Вуефаст Дорога. – Это всё?

– Как разберёмся с этими, двинем к Риму, надо будет тамошнего короля Гуго купить с потрохами – таково поручение базилевса. Вернее, это самое, нам такое ответственное дело поручат, ежели возьмём три города подряд. Возьмём, я думаю... И домой!

– Согласные мы! – выразил общее мнение Карл. – Верно, ярлы?

– Верно! – заорали ярлы.

– Условия такие, – возвысил голос Сухов. – В поход отправляться только на больших лодьях! И чтоб было вас хотя бы сотни три, а лучше все четыре.

– Сейчас посчитаем, – рассмеялся Олав, любитель арифметики, – нас тут много!

– А нас? – выбился из толпы болгарин Курт из рода Дуло. – Мы тоже хотим!

– И мы сходили бы! – подал голос уздень Алэдж, сын Бэгота, яский воевода. – Знай, урум,³¹ большие лодьи из великих деревьев построены, а те деревья в наших горах росли!

После криков и азартной брани стороны договорились, что бить лангобардов пойдут четыреста пятнадцать варягов на семи лодьях,³² а так как посудины это вместительные, то можно будет взять в поход еще три сотни проверенных бойцов – болгар, савиров, ясов да алан. На том и порешили.

Ближе к вечеру, устав от публичных слушаний и говорильни, Олег выбрался за Восточные ворота. Перед ним простиралась холмистая равнина. Вблизи дорога петляла меж рыжими буграми и виноградниками, по ней проезжала ясская арба.

Земли тут были наиплодороднейшие, но и беспокойные – там грязевой вулкан извергается, целые озера жидкой горячей глины бурлят в кратерах, тут нефть выступает. Глаза смотрели на белесые солончаки, на колючие будяки и сомневались в ценности зримого. Надо было далеко отойти, чтобы почуять, как одуряюще пахнет жирная чёрная земля, – жито сеяли за плавнями, там же и скотину пасли. Такова была мера убережения от набега кочевников, хазар или печенегов – эти тоже покою не давали.

Затюпали по пыли копыта, и из-за садочка вывернула четвёрка гнедых скакунов. Переднего оседлал совершенно счастливый Котян, вволю нанюхавшийся трав, загонявший всю четвёрку бешеной скачкой по весенней степи.

– Хорошо-то как! – воскликнул он, осаживая храпящего коня.

– Наскакался? – спросил Олег с улыбкой.

– Вдоволь! Досыта!

³¹ Урум – т. е. ромей.

³² Об участии в итальянском походе 415 варягов на 7 кораблях есть упоминания в хрониках.

- Иди тогда, договаривайся с навклиром, чтобы взял на борт патриарших коников.
- А ты? – упавшим голосом спросил печенег.
- А я на лодье пойду, так быстрее выйдет.
- Ладно!

Котян спешил и повёл коней в поводу – те фыркали и мотали головами, остывая от бега. Олег оглядел темнеющую степь в последний раз, да и отправился следом за беком.

Ну, само собой, отдохнуть от трудов праведных ему не дали – на проводах гулял весь Тматорокан, гулял по-русски – до утра, до упою, до забытья. Корчаги с вином едва успевали вытаскивать из погребов. Опрокинув в себя ха-арошую чарочку, наспех закусывали икрой или ухой стерляжьей и пускались в дикий пляс, да чтоб с гиканьем, с отмашкой острым клинком!

Мрачной краснотой светила луна, зловещая муть ложилась на тихую воду залива – над Сурожским морем, над солеными озерами, над камышовыми топями кубанских гирл вставали, клубились облака испарений. Они-то и окрашивали восходы луны в кровавые тона. А сделаешь пару переходов, к горам поближе, и любуйся себе ясными ночами да серебряным разливом лунного сияния...

Едва отбившись от пары настойчивых девиц, Олег спустился к пристани, забрался на лодью «Пардус» и завалился спать.

Утром варяги похмелились и отчалили. Впереди двигался дромон «Жезл Аарона», но флагманом он пробыл недолго – выйдя в открытое море, лодьи обогнали ромейский корабль и оставили его за кормой. И снова простёрся вокруг синий, шумнокипящий Понт.

Скинув к чёрту сагий, Сухов уселся за весло и пошёл тягать гребь на пару с Малюткой Свеном. Свен грёб осторожно, боясь сломать рукоять весла. А Олег ощущал тихую радость возвращения, он просто упивался тем, чего ему так не доставало у ромеев, – спокойной надёжности побратимов, драгоценного чувства товарищества. Он словно заряжался бесшабашной силой варягов, их гордой волей и той храбростью, что порой доходила до самоотречения.

Двумя днями позже Олег справил свой маленький триумф – семь громадных лодий с воздетыми на штевни клыкастыми головами драконов и прочих чудовищ, с гордо выпяченными полосатыми парусами, с рядами круглых щитов по бортам, величественно вплывали в устье Золотого Рога. Превосходя в размерах кумварии и памфилы, равняясь по длине со старыми триремами и новыми дромонами, лодьи поражали воображение ромеев своею варварской красотой. Любви народной варанги, конечно же, не заслужили, да и без разницы была им та любовь. Но вот страха в людях прибавилось, и этакого опасливого уважения: видали, что эти варанги вытворяют? Божьим ли попущением? Или наущением сатанинским?! Свят, свят, свят...

Сразу после Пасхи объявили отплытие. Сам базилевс явился провожать экспедиционную армию, приведя с собою толпу придворных. Патриарх Феофилакт на скорую руку благословил воинов, порываясь сбежать в конюшню, к своим четырём красавцам из скифских степей.

Под заполошный звон бронзовых бил и приветственные крики толпы флот отправился к берегам Италии. Последними отчалили лодьи варангов. Они скользили по водам легко и плавно, лениво даже, словно не желая зря тратить силы.

Роман I Лакапин намеренно поднялся на плоскую крышу дворца Буколеон и придвинулся к фигурным зубцам парапета. Он увидел, как флот медленно выплывал на морской простор. Русские лодьи плелись в хвосте, что варангам было не по нраву. И вот семь кораблей распустили красно-белые паруса, а северный ветер борей, родственник россам, подхватил лодьи и понёс вперёд. По сравнению с ними даже новейшие дромоны «Победоносец Ромейский», «Дракон» и «Св. Димитрий Воин» казались неуклюжими, медлительными волами рядом с быстроногими скакунами-каппадокийцами. «Но служат они мне!» – подумал базилевс и утешился.

Некоторое время Роман Лакапин глядел на море, поглощенный своими думами, пока не заметил ещё один корабль, будто догонявший отошедший флот. Это была венецианская галера. Она скользила легко, движимая чересполосицей вёсел, окунавшимися в одно и то же мгновение, и парой косых парусов, растянутых длинными реями.

Базилевс покачал головой. Венецианцы частенько бесили его своей заносчивостью и великой гордыней. Этих купцов, мореходов и рыбаков наберётся тыщ пятьдесят на всех островках их гнилого архипелага, но флот «Города-на-воде» уже сейчас внушал почтение и опаску. А что будет завтра? С какими ещё притязаниями явятся эти надменные гордецы в бархатных плащах?..

Тут автократор ромеев припомнил, что Светлейшая Республика Венеция всё ж таки провинция его империи, и улыбнулся.

Глава 5, в которой Олег испытывает превратности судьбы

1

Ромейская эскадра миновала проливы. Прошла мимо Крита, удерживаемого сарацинами – пиратами и пастухами. Вышла из толчеи островов архипелага. Обогнула коварнейший мыс Малею, где ясная погода могла почти мгновенно, как будто по мановению волшебной палочки в руке злого чародея, обратиться в бурную, а ласковый бриз сорваться в яростный шквал. Так и случилось – едва русские лоды и ромейские дромоны обошли мрачные скалистые утёсы Малей, как на лазурные воды пала угрюмая тень, сгущая цвет волны до холодной синевы. Откуда ни возьмись, напоз густой туман, скрывая корабли до верхушек мачт.

– Паруса долой! – вострубил Инегельд.

Варяги, видимые в сырой пелене размытыми пятнами, бросились исполнять приказ. С ромейских кораблей донесся заполошный звон – дромонарии колотили в била, предупреждая о себе. Вразнобой зазвучало: «Господи, помилуй!» – но туман лишь плотнел, покрывая белесою мглой всё вокруг. Лоды легли в дрейф, а варанги засели неподвижными статуями, напряжённо вслушиваясь, ловя малейший звук, – не шумит ли прибойная волна, не скрипит ли в опасной близости соседний корабль.

Однажды из тумана наплыл чёрный скользкий борт дромона «Феодосий Великий» – варяги дружно выставили вёсла, приняв удар, и мощно оттолкнулись. Ромейский корабль понемногу растаял в белесине.

– Как тесен мир... – пробормотал Пончик. – Ночью или в тумане даже в голову не приходят мысли о бесконечности Вселенной и безбрежности подлунного мира. Угу...

– Ну, не скажи, – протянул Олег. – Я однажды днём испытал... это самое... как тесно бывает на земле. Я, такой, в лесу ягоду собираю, малинку спелую – срываю по ягодке и в рот кидаю. Вдруг вижу – ещё один лакомится, медведь здоровый. Загребает малину когтями, чавкает и на меня посматривает – прикидывает, что ему с этим двуногим сотворить. Днём, Понч! А уж ночью... Только увижу звёзды – сразу являются мысли о бесконечном. Помнишь?.. «Ночью я открываю свой люк и вижу, как далеко разбрызганы в небе миры. И всё, что я вижу, умноженное на сколько хотите, есть только граница всё новых и новых вселенных. Всё дальше и дальше уходят они, разбегаясь, всегда разбегаясь. За грани, за грани, вечно за грани миров!»

– Кто это... так? – спросил впечатлённый Александр.

– Уолт Уитмен, – вздохнул Сухов. – Был такой... Будет такой.

– Через миллиард тыщ лет... – уныло договорил протоспафарий. – Угу...

Магистр и аколит не стал подбадривать друга. Как это, вообще, возможно? Они вжились в это время, укоренились в нём, проросли всеми нервами, а толку? Оно так и

осталось для них чужим, не родным, не своим.

В этот момент, будто решив поднять настроение, погода снова поменяла знак – задул свежий ветер и порвал туман в клочья, понёс истаивающие клубы над блестящею водой. На дромонах грянули благодарственные гимны.

Олегу открылась вся лодья (вместе с Боевым Клыком он плыл на «Пардусе» Карла Виллборородого) – развалистые борта изящно сходились к носу, вытягиваясь форштевнем, шеей какой-то страхолюдной башки, изображавшей тигра – как минимум саблезубого.

– Парус поднять! – бодро скомандовал ярл.

Гулко хлопая на ветру, расправился полосатый парус, заскрипели внатяг снасти из моржовой кожи. Лодью повлекло вперёд, но разве командиры дадут спокойно посидеть личному составу?

– Не скучать! – крикнул Виллбородый. – Вёсла на воду!

Забрякали десятки вёсел. Варяги привычными движениями вытаскивали резные затычки из круглых зияний в бортах, совали в них вёсла с узкими лопастями и брались за отполированные рукояти.

– И... раз! И... два!

– Гребите! Гребите! – выдохнули вёсельщики. Лодьи набрали хорошую скорость, уходя вперёд и в сторону, дабы не мешать дромонам, хеландиям и прочим памфилам.

Очень постепенно холмистые земли Греции изгладились, уходя за горизонт, протянулись толстой синей линией. После она утончилась и пропала вовсе. Одно море простёрлось кругом.

Ночь выдалась звёздная. Олег отыскивал Большую и Малую Колесницы (так ромеи прозвали небесных Медведиц), полюбовался косматыми светилами и решил пройтись на корму – приспичило магистру.

Звёздного света было довольно, чтобы разглядеть Стемида, удерживавшего рулевое весло и сонно кивавшего своим «безразмерным» шлемом.

Отлив с левого борта, магистр и аколит опёрся о крайний щит, подвешенный на особую планку, и засмотрелся на море. Вода ещё не успела как следует прогреться, и душно не было – волны нагоняли солоноватую свежесть.

Услышав тихую поступь за спиной, Олег повернулся, и это спасло его – удар кинжала пришёлся в бок. Сухов отшатнулся, хватаясь за меч, и следующий выпад порвал ему руку, вонзаясь и кромсая плоть. Боль была такая, что горло перехватило, и крик застрял в глотке.

Тёмное, сосредоточенно сопящее лицо с косицами, торчавшими из-под большого шлема, расплылось перед глазами Олега. Вытащить спафион из ножен ему ещё удалось, но вот удержать его в руках он не сумел, выронил. Почти вслепую, руководясь не рассудком, а волей к жизни, Сухов уцепился за кромку щита, укрытого от сырости чехлом из коровьей шкуры. Скоба не выдержала вес тела – изломилась, и магистр вместе со щитом ухнул в море.

Холодная вода привела его в чувство. Судорожно цепляясь за щит, Олег крикнул, но исторгнуть удалось лишь хрип. Чёрная обтекаемая масса лодьи скользнула вперёд, растворяясь во мраке. Парус недолгое время застилал созвездия непроглядным прямоугольником, но потом и он затерялся, сливаясь с гранями миров.

Лодьи обгоняли дромоны, те шли позади. Быть может, с ромейских палуб заметят человека за бортом? Едва додумав эту мысль, Олег на миг потерял сознание.

«Так не годится...» – сложилась думка. Сухов просунул руку под петлю щита и, ухватившись за треснувшую скобу, попробовал затащить на деревянный круг непослушное тело. Загнанно дыша, опустил голову на мокрый край. Как же ему худо, Господи...

Круглый варяжский щит, сколоченный из толстых досок и обитый толстой кожей, вываренной в воске, служил гридням на переправах через реки. А вот пробовал ли кто переплыть со щитом море?.. На этом умственном усилии рассудок Олега померк.

Витале Ипато являлся патрицием и был занесён в «Золотую книгу», куда вписывали всех нобилей, все знатные семейства Светлейшей Республики Венеция. Он не был так богат, как его дядя Доменико, но содержал дворец на Большом Канале – двухэтажный каменный дом с крошечным садиком, где нашлось место для пяти чахлах деревьев. А для Венеции это служило признаком весьма состоятельного человека.

Ипато очень гордился принадлежностью к древнему роду, у него в предках числились римские сенаторы, а потому Витале с самой молодости твердил, что служить согласен разве что дожу.³³ И вот, когда в дожи вышел Пьетро II Кандиано, пробил его час.

В помощники правителю Венеции выбрали двух трибунов, так что было кому давать подсказки Кандиано по торговой или военной части, а вот Ипато дож поручал дела тайные, назначив Витале своим советником – преордином.

Блистательная звезда Венеции стремилась в зенит, и мало кто задумывался о том, что восходила она из смрадной хляби...

...Разрывчатым полумесяцем раскинулся лабиринт из клочков зыбкой суши по Венецианской лагуне – сотня островков, полторы сотни проток, болота и отмели, наносы ила и песчаные косы. Те острова, что побольше, были покрыты разнотравьем, рошицами и зарослями кустарника. Редкими гостями островов бывали разве что пастухи или добытчики соли.

Всё изменилось с набегом Алариха, победоносного вождя готов, чья конница сметала легионы, выкашивая их как спелое жито. Римляне из Аквилеи и Патавиума бежали на топкие острова целыми семьями, прихватывая с собой домашний скarb и рабов. И прижились, переживая смуту, ибо болота и солёное мелководье оберегало беженцев лучше крепостных стен – свирепые кочевники умели брать города, а вот с морем они не дружили.

Волна за волной проходили нашествия – то готы топтали древнюю землю Италии, то гунны, то лангобарды. «Длиннобородые»³⁴ остались навсегда, занимая брошенные виллы, поселяясь на руинах великой империи. Грозное крушение Рима сменилось целой чередой войн – завоеватели делили награбленное, схватываясь в междоусобицах, и только Венецианская лагуна оставалась тихой заводью.

Однако остатки былой гордости не позволяли римлянам и коренным венецам влачить нищее существование пастухов и рыбаков – они начали строить свою Республику, пуще всего остерегаясь единовластия. Болотистая почва островов укреплялась неисчислимым количеством свай из далматинского леса, сюда завозили камень с «твёрдой земли», разбивали сады и виноградники.

Столицу порешили заложить на островах Риадельто, которые буквой «S» рассекала излучина древней реки, переименованная в Большой Канал. Пока что кварталы-сестьере выстраивались лишь на одном его берегу – там жались друг к другу бревенчатые дома, крытые соломой, каждый с двумя дверями – одна открывалась на узенькую улочку, где с трудом расходились двое путников, а другая – на воду, где обязательно покачивалась привязанная лодка-гондола, заменявшая венецианцу лошадь. На городских задах стояли и вовсе лачуги, обмазанные глиной, с развешанными на просушку сетями, но уже появились сработанные ромейскими зодчими каменные церкви – Св. Евфимии, Св. Севера, Св. Варфоломея, Св. Кассиана, Св. Августина – они возвышались над деревянной Венецией как обещание будущего блеска и величия. Правда, даже в вере у жителей города-амфибии доминировала гордость. Они так и говорили: «Сначала мы – венецианцы, а потом уж христиане!»

³³ Дож – так венецианцы выговаривали ромейское слово «дука» – герцог, образованное от латинского *dux*, то бишь «вождь».

³⁴ «Длиннобородые» – лангобарды.

Первоначальным небесным покровителем Венеции был Феодор Тирон, но лет за сто до описываемых событий этот византийский святой уступил духовное водительство города святому Марку.

Купцы Буоно и Рустико похитили мощи апостола в Египте, а, дабы сарацинские таможенники не придирались, святые останки вывезли в корзине, прикрыв их кусками свинины.

Для хранения мощей венецианцы возвели базилику с куполом – собор Сан-Марко, напротив Дворца дожей – хорошо укрепленного замка с высокими стенами и башнями. С тех пор на расшитых знаменах Венеции красовался крылатый лев – геральдический зверь апостола Марка.

Венеция хоть и оставалась отдаленной провинцией Ромейской империи, но зависимость не слишком тяготила островитян – от этого они были в безусловном выигрыше. Ведь торговые права Венеции гарантировались принадлежностью её купцов к подданным базилевса, а раз так, то можно и потерпеть, ведь именно купля-продажа лежала в основе процветания и могущества земноводного государства.

Венеция устроилась не хитро, но ловко, став посредником между мусульманским Востоком и христианским Западом. Закупая благовония в Аравии, пурпур в Цезарее, китайский шёлк в Сирии, пряности из Индии, Цейлона и Явы, венецианцы везли сей дорогой товар знатным франкам в Брюгге, папскому двору в Риме, окружению лангобардского короля в Павии. А с Халифатом торговали рабами, лесом, оружием.

Получая баснословные сверхприбыли, Венеция стремительно богатела, её военный флот мог поспорить с ромейским или сарацинским. Светлейшая Республика сначала заявила о себе как о «царице Адриатики», а ко временам Романа Лакапина из данницы превратилась в союзницу Константинополя, и даже в соперницу. Звезда «Островной империи» восходила всё выше, и выше, и выше...

... В итале Ипато стоял на корме приземистой галеры «Аквила». Тяжелый вымпел с крылатым львом, шитым золотом по красному бархату, плавно извивался над головою патрикия – чудилось, что зверь помахивает крылами и шевелит лапами.

Впереди, на невысоких мачтах, гнулись длиннейшие реи с косыми парусами, но Ипато спешил, а посему сто пятьдесят дюжих гребцов-галеотти хрипло ухали, тягая вёсла и гремя цепями в такт. Они сидели до того тесно, что любая заминка, малейшее нарушение музыкального лада гребли, оборачивались ударом веслом по голове тому, кто выдавал «фальшивую ноту».

Дюжий негр неустомимо долбил по огромному барабану, отбивая чёткий ритм. Пот тёк с барабанщика градом, придавая бронзовой коже влажный блеск, но не чернокожего слушались гребцы, а трёх десятков солидариев,³⁵ меривших шагами покатуя палубу.

Ипато возвращался в Венецию, но приближение родного дома не радовало преордината – он не выполнил важное поручение дожа. Для Витале было настолько невыносимо ощущать проигрыш, что он испытывал мучение почти физическое – боль терзала его душу. Срам-то какой... Патрикий сжал зубы, крепко сожмурил глаза и замычал. Мычание перешло в короткий рык.

Впервые Республика подошла к тому, чтобы круто повлиять на судьбы империи, – Ипато сам нашёл важного сановника, готового низложить базилевса Романа и возвести на трон Константина, книгоучя и теоретика власти. Иметь податливого автократора, послушного воле дожа... Да можно ли желать большего?!

Сановник оказался умён и чрезвычайно осторожен. Он вовлекал в свои сети всё новых и новых исполнителей, очень медленно, очень постепенно, но неотступно проникал во все части громоздкой государственной машины. Этот избранник, этот ставленник дожа, и от

³⁵ Солидарий – от лат. solidus – монета. Так называли наемных воинов, служивших по контракту. Отсюда – солдат.

венецианцев требовал неукоснительного соблюдения тайны. Он не оставлял в живых ни одного опасного свидетеля, никогда не упоминал в своих посланиях ничьих имён, но вот подписывался попросту – «Принцепс».³⁶ Именно тщеславие и толкнуло этого человека на измену, на союз с дожем.

Ах, с каким нетерпением ожидал Ипато первой встречи главных заговорщиков, собранных «Принцепсом»! Сколько надежд он питал, какие идеи вынашивал! И вдруг такой сокрушительный удар – некий магистр и аколит, в прошлом, говорят, варанг, раскрыл тайну, арестовал людей «Принцепса»...

Сам избранник, правда, сохранил жизнь и свободу. Единственную ниточку, ведущую к нему – Павла Сурсувула, – удалось вовремя обрезать. В тот же день Ипато приказал расстрелять из луков и самого убийцу.

Но можно ли удовольствоваться таким плачевным итогом? Пять лет незримой миру, невероятно кропотливой работы – коту под хвост! Начинать всё сначала? А позволит ли Кандиано? Доверится ли снова неудачнику Ипато? Не прогонит ли прочь?

– О, Боже... – глухо простонал преординат.

– Укачал, превосходительный? – участливо спросил Орсо Меммо, кормщик «Аквилы».

– Нет! – резко ответил Витале.

Однако Меммо не обратил внимания на его тон. Привстав на цыпочки, он глянул из-под руки на море.

– Там человек, превосходительный! – воскликнул кормчий.

Ипато раздражённо обернулся к морю. Да, что-то чернело на волнах. Вроде бы утопленник... Или утопающий?

Подкормщик Тибальдо побежал на нос, выкрикивая команду. Гребцы остановили своё монотонное качание, погружая вёсла в бурлившую воду, сгорбили мокрые спины и тупо сидели, даже не радуясь мимолетной передышке, – невольник на галере быстро превращается в забитое животное, еда и сон для него – краткие перерывы в мучительном, надрывном труде. Правда, страдания рабов непродолжительны – гребцы долго не живут.

Галера замедлила бег. Бойцы в кольчугах, опасаясь выпасть за борт и тут же пойти ко дну, дотянулись-таки до человека за бортом, мёртвой хваткой вцепившегося в круглый щит, и вытащили его на палубу.

– Божья кровь! – вскричал бородатый Доменико. – Да это же наш магистр! Синьор! Взгляните, какую рыбу мы поймали! Это тот самый Олегарий, натворивший столько бед, я и сам еле ушел от его варангов, а Маурицио, Галлу и Теодата он заколол на моих глазах!

– Это точно он? – нахмурился Ипато.

– Да он это, точно вам говорю! Мы же следом за ихними лодьями шли, вот и подцепили улов! Ха-ха-ха! Ну что? Добить – и в воду?

– Не-ет... – протянул Ипато, соображая. – Магистра раздеть, осмотреть, залечить раны, укрыть тёплыми и сухими одеялами. Олегарий мне нужен непременно живым и здоровым! Понятно?

– Живым так живым, – легко согласился Доменико. – Исполним! Интересно, кто же это его одолел?

– Я, кажется, догадываюсь, кто... – проворчал патрикий и резко обернулся к кормщику: – Чего ждём, Меммо? Ходу!

Орсо набрал воздуха в грудь и заорал:

– Паруса ставить! Вёсла на воду!

Негр встрепенулся, его барабан загудел по новой. Сдавленный стон вырвался из полутора сотен глоток, и вёсла, разом придя в движение, погрузились в тугую воду, оттолкнулись, снова загребли... Направляемая опытной рукою кормчего, галера понеслась

³⁶ Принцепс – титул римских императоров.

на северо-запад, в Адриатику, к топким берегам царицы морей – Светлейшей Республики Венеции.

Глава 6, в которой Елена Мелиссина молодеет

Проводив Олега, Елена Мелиссина заскучала. В молодые годы это противное чувство – скука – было ей неведомо. Она вела бурную жизнь, полную опасностей и приключений. С Игнатием Фокой они составляли идеальную пару – мудрый отец и скромная дочь. В образе странствующего купца или паломника Игнатий побывал в Брюгге и Аахене, Париже и Лондоне, добирался до северных Бирки и Ладоги, отправлялся в Дамаск, Кордову или Багдад – туда, куда забрасывала его непростая судьба разведчика. И повсюду Фока бывал на вторых ролях, охраняя Мелиссину, служа ей, исполняя её приказы, ибо кто мог заподозрить молодую женщину в шпионаже и драках?

Память Елены сохранила многое. К примеру, ту погоню в Сахаре, когда её белый верблюд-мехари уходил от разъярённых бедуинов. Их двугорбые великаны мчались за ней, вымахивая голенастыми ножищами, дикие гортанные крики преследователей оглашали ночь, а с неба светила громадная луна, осеняя ночную пустыню. Или тот холодный северный фиорд, на берегу которого проживал Олаф Йомсвикинг, сын Харальда. Там были громадные ели и мрачные скалы, а Сигурд, наложница Олафа, пела грустные песни. Рабы-трэли выплывали на лодчонках в стылое море и ловили рыбу – камбала попадалась ростом с человека, а треска – в обхват.

Из владений Йомсвикинга они с Игнатием бежали по узенькой тропке шириной в ладонь – осторожно ставишь босую ногу на эту щербину, но вся ступня не помещается, а глубоко внизу пенится прибой, клооча меж острых скал...

Всякого она навидалась. Однако разве молодость её прошла?..

Больше Мелиссина не находится на секретной службе у величайшего – родной дом и любимый человек занимали всё её время, целиком и полностью. Она была по-настоящему счастлива все эти годы, а если бы у неё родился ребёнок, то более нечего было желать в этой жизни.

Елена вздохнула и открыла окно в парк. Листва шелестела, будто лопоча о несбывшемся, а потом долгий, протяжный звон разошёлся окрест – это заговорило било в церкви Святого Сампсона... Кто-то, кажется, шёл к дому.

Выглянув из окна, женщина убедилась, что это так, – по аллее шагал молодой иподьякон в длинном чёрном одеянии. Он сильно сутулился и размахивал руками при ходьбе, будто отгоняя от себя мелких бесов.

Спустившись вниз, Мелиссина встретила гостя в дверях. Иподьякон был сумрачен и отрешён от земного, его лицо выглядело бледным, как у всякого человека, редко бывающего на солнце, и казалось больным.

Однако не такой уж он и аскет – длинные волосы молодого священника вовсе не слипались жирными сосульками, они были тщательно вымыты и завивались. Отшельники, как и фанатики любого пошиба, редко следят за собой. Как правило, они очень неряшливы и от них неприятно пахнет. Да чего уж там – смердит.

– Что привело тебя, любезнейший? – спокойно спросила Елена, не стремясь пленить и обаять.

Иподьякон молча поклонился и произнёс:

– Святейший патриарх Феофилакт просил тебя, великолепная светлейшая, посетить его дом для важного разговора. Когда прикажешь ждать тебя?

Голос у гостя был глубок, но резок. Наверное, подумала Елена, кричит он с завизгом...

– Я не заставлю святейшего ждать, – ответила женщина любезностью, – и отправлюсь тотчас. Проводишь?

Иподьякон снова согнулся в поклоне.

Елена Мелиссина быстро переделалась в скромное платье и накинула на плечи мафорий. Набрасывать накидку на голову она не стала – не вышло бы. Волосы Еленины были настолько густы, что их копну невозможно было обжать одной ладонью – не хватало и двух.

– Я готова, – сказала зоста-патрикия, появляясь.

Маячившему в дверях Игнатию Елена велела присматривать за домом и зашагала к выходу. Спускаясь по лестнице, она испытала полузабытое возбуждение. От иподьякона пахло ладаном и свечами, а она учуяла запах тайны, почувствовала на губах металлический привкус опасности.

Выйдя на улицу, Елена подсадовала на глупые местные законы, запрещавшие передвигаться на лошадях верхом. Константинопольский епарх был единственным в городе человеком, пользовавшимся привилегией раскатывать в грохочущей повозке-каррухе, все остальные ходили пешком или ездили на осликах. Можно было, конечно, купить восьмерых здоровых рабов, чтобы они таскали её на носилках-октофороне, но это было как-то глупо. Один необученный раб стоил тридцать номисм. Потратить двести сорок золотых монет лишь для того, чтобы иногда тебя выносили в город? Нет, денег у неё хватит, а что потом? Содержать восьмерых бездельников? Ещё чего не хватало! Лучше уж пройти пешком – это, кстати, полезно для здоровья.

Выйдя на форум Константина, Елена свернула на Месу. Резиденция патриарха находилась неподалёку от Великой церкви,³⁷ туда Мелиссина и держала путь. Рядом неслышной тенью реял иподьякон.

В патриаршем дворце было на редкость малоллюдно. Обычные просители из дальних монастырей и киновий уже покинули обитель святейшего, только во внутреннем дворике были заняты беседой Мануил Атталиат и Василий Катакил. Они бродили по дорожкам среди подрезанных кустиков мирта и вежливо противоречили друг другу, не горячась понапрасну, но терпеливо склоняя собеседника к признанию своей правоты. Впрочем, моложавый Атталиат, в отличие от престарелого Катакила, не был настолько уж поглощен разговором, чтобы не заметить присутствия Мелиссины. Улыбаясь дружески, он поклонился зоста-патрихии, и женщина ответила протомагистру тем же.

Иподьякон, так и не назвавший своего имени, исчез, зато появился грузноватый помощник патриарха. Низко прогнувшись перед зоста-патрикией, он отпахнул тяжелую парчовую занавесь, густо расшитую золотыми крестиками, и пропустил Мелиссину в мрачноватую приемную, обитую темно-зеленым бархатом.

– Его Святейшество ожидает великолепную светлейшую в покоях, – почтительно проговорил помощник. – Я провожу.

– Сделай милость... – небрежно измолвила Елена.

Помощник повел гостью анфиладой полутёмных комнат, спустился по узкой лестнице, улиткой раскрутившейся в обширный покой, где стояли всего пара кресел и низкий столик, зато целая стена во много-много рядов была заставлена досками икон. Перед иконостасом стоял молодой мужчина лет двадцати, почти юноша, довольно высокий для ромея, с бледным лицом, оттенённым чёрной ухоженной бородкой. Его тонкий хрящеватый нос портили широковатые ноздри, а густые брови, почти сросшиеся на переносице, гасили блеск чёрных глаз, то ли злых, то ли просто тёмных. Впалые щеки придавали молодому человеку видимость борца за веру, но тщательно причесанные и напомаженные волосы исправляли обманчивое впечатление. Это и был Его Святейшество патриарх Феофилакт.

– Я пришла по первому зову святейшего, – сказала Елена и слегка поклонилась – большего уважения к этому мальчишке, променявшему Святую Софию на конюшню, она не могла проявить, да и не хотела.

– Да-да, – засуетился патриарх, словно не зная, чем себя занять, и вывернулся-таки, велел помощнику: – Вина, Евсевий!

³⁷ Великая константинопольская церковь – так сами ромеи называли храм Святой Софии.

Молодчик, занявший патриарший престол, устроился поближе к иконам, усадив Мелисину лицом к свету. Евсевий бесшумно метнулся в угол, где на резной подставке стоял ларец из чёрного дерева, вынул оттуда два древних бокала, вырезанных из горного хрусталя, и наполнил их вином. И покинул покои, пятясь задом и склоняясь в пояс.

Елена слегка пригубила вина, её брови поднялись, выражая приятное удивление, и бокал опустел на четверть. Феофилакт только подержал сосуд в руке, словно грея напиток, и любясь им на просвет – вино отдавало рубином.

– Как мне стало известно, тебе, великолепная светлейшая, поручались весьма ответственные и... э-э... щекотливые дела? – начал он издалека.

Мелиссина холодно усмехнулась.

– Дела мои лишь для ушей императора, и даже грехи мои требуют тайны и покров молчания.

– Конечно-конечно! – зашепшил патриарх. – Я только хочу напомнить великолепной светлейшей не столь уж давнее прошлое, памятью вернуться ко временам предшественника моего, патриарха Фотия... Считаю, что многие победы и успехи этого мирянина, капризом базилевса посвящённого в духовный сан, – Феофилакт словно намекал Елене на собственный, небеспечальный опыт, – добывались трудами Константина Философа, сына Льва, перед самой смертью своей принявшего постриг и наречённого Кириллом. Константин Философ был секретным посланником патриарха, самым надёжным и умелым. Чем только не занимался сын Льва! И шпионил, и людей похищал, убивал врагов церкви, каверзы строил сарацинским эмирам, лбами сталкивал вождей варварских племён... Молодой совсем был, а сколько подвигов за веру и державу совершить успел! Числился же Константин иереем и хранителем патриаршей либерей. Считалось, что тайные поездки его в Багдад, Рим, Кордову, Александрию, в Итиль хазарский связаны были с богословскими прениями... – тут Феофилакт тонко улыбнулся: – Ну, мы-то с тобой понимаем, каким богословием занимался патриарший посланник... Однако всё, что он совершил, – строго добавил святейший, – деяниями было богоугодными и для христоролюбивой империи нашей зело полезными!

– Святейшему угодно, – прямо спросила Елена, – чтобы его тайной посланницей стала я?

– Да! – облегчённо выпалил патриарх и сразу повеселел. – Мне и... Ну, неважно. Да... Есть дело, кое я не могу поручить могучему воину или велеречивому послу, но женщина способна с ним справиться, особенно такая, как ты, великолепная светлейшая...

В этот момент в комнату вошёл Котян и поклонился – сначала Елене, затем Феофилакту.

– Святейший, – громко сказал он, – Ундина рожат!

Патриарх взволнованно вскочил.

– Уже?! – воскликнул он.

Рванувшись было к выходу, он нетерпеливо сморщился и повернулся к Мелиссине с видом величайшей неохоты – и с покорностью судьбе.

– Дело таково, – заговорил Феофилакт торопливо, не смущаясь присутствием конюшего. – В Риме творится безобразие, исходящее от сенатриссы Марозии, ныне ставшей третьей женою короля Италии Гуго Арльского – между прочим, брата её второго мужа Гвидо! Разве это не случай отвратительнейшего кровосмешения? В граде, осиянном служением святого Петра, установилась похабная порнократия, кощунственное правление блудниц! Отец Марозии Теофилакт правил Римом, будучи и консулом, и комитом Тускулума, и дуксом,³⁸ и папским казначеем. Папа Сергей III превратил двор понтифика в подлинный воровской притон! Он отдал Теофилакту все светские полномочия, а пятнадцатилетняя Марозия стала его любовницей... – Святейший взволновался и быстро облизал губы. Тут же опомнившись, он неодобрительно покачал головой и продолжил

³⁸ Комит – граф. Дукс – герцог.

обличать нравы латинян: – Следующим папой стал любовник Марозии – Анастасий III. Но он недолго осквернял Святой престол, следом за ним папскую тиару примерили креатуры уже мамочки Марозии – Теодоры. Она подсадила папу Ландона, а затем – Иоанна X.

Марозия вышла замуж за Альбериха I, маркграфа Камерино, и побуждала его захватить власть над Римом – воистину сатанинскую жажду власти испытывала эта женщина! Из-за противодействия Иоанна X Альберих был убит. Тогда Марозия вышла за Гвидо, маркграфа Тосканы. Семь лет назад Теодора скончалась, и что же Марозия? Она приказала бросить папу Иоанна в тюрьму, где его и задушили подушкой! Вся власть над Римом досталась одной Марозии, сенатриссе и патрикиссе, дьяволице в образе человеческом! Она сделала папой своего человечка, и стал он Львом VI. Но не прожил и года. Марозия тут же поселила в Латеранском дворце³⁹ Стефана VII, а позже велела убить его, ибо попросил ее собственный сын, рожденный от Сергия, он-то и стал нынешним папой – Иоанном XI...

Пересказ горестных событий так задел патриарха, что он даже забыл на минуту о рожавшей кобыле.

– Твоя задача, великолепная светлейшая, – сказал торжественно Феофилакт, – сложна и полна опасностей, но ты проверена в делах, не требующих огласки, и потому я остановил выбор свой на тебе. Согласна ли ты послужить Святой Церкви, дабы искоренить зло, чинимое латинянами, ведающими, что творят, но не боящимися Господа?

– Да, святейший, – ответила Елена, не задумываясь. – Но прилично ли мне будет явиться в Рим одной? К несчастью, верный спутник мой Игнатий Фока слишком стар и немощен, чтобы служить мне опорой и защитой...

Котян, стоявший за спиной патриарха, стал корчить Мелиссине страшные рожи, тыча себя в грудь.

– Я подумал об этом, – важно кивнул Феофилакт. – Ты отправишься в путь по виа Эгнатия, и всю дорогу тебя будут сопровождать верные нам болгары – Тарвел, Органа и Куверт. Я дам тебе прекрасных коней из своей конюшни – верховых, вьючных и запасных, а по прибытии в Диррахий пересядешь на борт венецианского нефа «Золотой лев», он будет ждать тебя в гавани, и достигнешь на нём порта Бариума.⁴⁰ Золота я выдам из своей казны в достатке...

– Тогда следует взять с собой и вашего конюшего, – делано озабочилась Мелиссина. – Ибо кто лучше него присмотрит за лошадьми?

– Пожалуй... – пробормотал патриарх. Видно, ему не хотелось отпускать печенег, но беспокойство за доверяемых зоста-патрихии коней всё же перевесило. – Да, ты верно рассудила, великолепная светлейшая. Пусть Котян тоже отправится с тобой.

Бек радостно оскалился за плечом патриарха.

– В таком случае, благослови, святейший. Феофилакт перекрестил Мелиссину и молвил:

– Ступай с Богом!

...Ранним утром, когда придворные базилевса лишь начинали покидать тёплые постели, Елена с Котяном и тремя развесёлыми болгарками уже проезжала через Меландизийские ворота.

Копыта замечательных каппадокийских коней дробно простучали по горбтому мостику и вынесли всадников на виа Эгнатия, Большую государственную дорогу. Построенная римскими легионерами почти тысячу лет назад и названная в честь главного инженера Гнея Эгнатия, она до сих пор верно служила империи. Прямой и покатым путем, вширь раздаваясь на пятнадцать шагов, вёл путников и ездоков от моря до моря – по дамбам через болота, подымаясь на горные перевалы и спускаясь в долины, огибал с севера

³⁹ Латеранский дворец – резиденция папы римского.

⁴⁰ Диррахий – ныне Дуррес, а Бариум – Бари.

Охридское озеро, связуя Константинополь с Фессалониками, Пеллой, Эдессой, Гераклеей, и выводил к Адриатике.

В пути Елена Мелиссина не испытывала особых неудобств, все дорожные тяготы брали на себя мужчины. Котян выделялся волчьим башлыком на голове, а болгары – своими факиолами (обычно, помыв голову, Елена обматывала волосы полотенцем. Получалось похоже на факиол).

Зоста-патрикия ожидала неприятностей от местных жителей – как-никак, а почти вся виа Эгнатия проходила по землям, захваченным болгарским царём Симеоном. Правда, Роман Лакапин вытребовал мир, выдав свою дочь за царского сына Петра, а сие упрощало многое. Да и Органа с Тарвелом и Кувертом никому спуска не давали. Торговец в Траянополе попробовал наглубить Елене – и Тарвел мигом проткнул грубияна мечом.

В долинах «её мужчины» сооружали для сиятельной шалаш, в горах запаливали жаркий костёр, чтобы та не замёрзла, а Мелиссина вовсе не обращала внимания на мелкие неудобства – она ощущала великую радость возвращения на тропу.

В Диррахии, древнем римском порту, её ожидал крутобокий неф с пышным названием «Золотой лев». Пожилой капитан благородной внешности, назвавшийся Антенорео Сельво, провёл зоста-патрикию по трапу на палубу, а следом поднялись три болгарина и один печенег.

– Разве мы бросим такую замечательную хозяйку? – осклабился худой, но жилистый Тарвел.

– Такую прекрасную хозяйку? – подхватил коренастый Органа.

– Такую милую хозяйку? – длинно вздохнул Куверт.

– Да ни за что! – по-печенежски рубанул Котян.

Елена посмеялась только и призналась, что рада будет подобной свите.

Через юиссы – особые дверцы на корме – завели коней Мелиссины, и в тот же час венецианский неф отчалил.

Море между Диррахией и крайним окончанием Апулии было узко, но оставалось морем. Вот отделился восточный берег, пропал за небоскатом, и одни лишь волны заплясали кругом. Пузатый неф, медлительный и рыскливый, как все широкие, но короткие суда, следовал в порт Бариум, и только однажды его путь пересёк другой корабль, и тоже венецианский – галера, пластавшаяся по-над волнами.

– «Аквила» преордината Ипато, – гордо сказал сеньор Сельво, провожая глазами корабль, колоссальной водомеркой скользивший по морю.

Венецианский купец предложил великолепной светлейшей отдохнуть в маленькой, но уютной камаге,⁴¹ коей нашлось место в кормовой надстройке, но женщина ответила отказом. Её поддержал бек Котян.

– Тут вольно дышат! – воскликнул он.

И Елена с ним согласилась.

Глава 7, в которой Олег примеряет модные одежды

Тяжко пришлось Олегу. Неделю или больше он провалялся в бреду и беспомыслии. Потеряв много крови, закован в холодной воде, Сухов не отдал богу душу потому лишь, что воля к жизни оказалась сильнее малодушного желания «отмучиться» – сложить лапки, не бороться с болью, с жаром, с лихорадкой и соскользнуть в тёмный колодец забвения, оставить мир и перестать быть.

Временами магистр приходил в себя, но отрывочные и смутные видения не давали подсказки помрачённому рассудку. Какой-то корабль... Олег ощущал валкое шатание и

⁴¹ Камага – каюта.

запах морской влаги. Какой-то порт... Качка участилась – непослушное тело Сухова перекладывали на носилки, спускали на берег, несли куда-то... Стены... Небо... Лица... И снова мерк свет, и падала обморочная тьма.

Наверное, в день десятый, если не одиннадцатый, магистр и аколит проснулся в ясном сознании. Очухался...

В теле еще жила боль, Олега не покидала слабость, но он явно пошёл на поправку. Затянувшийся кризис минул, как долгий и нудный кошмар. Сухов выкарабкался.

Его глаза глядели в потолок, вернее, взгляду предстал расшитый верх балдахина, укрепленного на фигурных ножках по углам просторного ложа. Вышивка на балдахине изображала крутобёдрых и пышногрудых нимф, водивших хоровод вокруг козлоногого сатира – рогатенький лесной дух играл на флейте и приплясывал, вскидывая лохматые ноги и что-то прикрывая.

С трудом повернув голову, Олег разглядел стену напротив, прорезанную большим тройным окном, разделённым парой тонких колонок. Позеленевшие бронзовые рамы, заделанные розоватыми пластинами гипса, были распахнуты настежь, открывая доступ воздуху и свету.

Небо и краешек солнца – это было всё, что Сухов мог видеть за окном. Оттуда доносились смутно слышимые голоса, отдаленный смех и журчание воды. Пронзительные крики чаек причудливо мешались с повизгиванием свиней.

Скрипнула дверь, донеслись тихие шаги. В поле зрения Олега показалась девушка – чёрненькая, маленькая, не сказать что красавица, но приятная. Две её длиннющие косы были переброшены на грудь – весьма выпуклые округлости красиво облекались тканью закрытого платья. Губы Сухова дрогнули в улыбке: если уж стал внимание на девиц обращать, то дело точно пошло на лад!

Девушка заметила его пробуждение и улыбнулась, заговорив на приятном, мелодичном наречии, отдалённо похожем на будущий итальянский.

– Не понимаю... – еле выговорил Олег. Подумав, повторил то же самое на латыни.

Девушка обрадовалась и залопотала на звонкой речи Овидия и Горация. Ее латинский был довольно понятен, но уж больно искажён и огрублён. Или, напротив, это Сухов говорил с акцентом?.. Из слов девушки Олег понял, что девушку зовут Эмилией, и она служанка в доме «самого Витале Ипато».

– Где я? – попытался сориентироваться магистр и аколит.

– В Ка'Ипато!⁴² – повторила Эмилия.

– А Ка'Ипато где? – терпеливо пытался Сухов.

– В Венеции! – удивилась девушка.

– А-а... А за окном что?

– Большой Канал, – сообщила Эмилия и тут же поинтересовалась: – А вас как зовут?

– Олег.

– Ол-лего? – Девушка словно примеряла новое слово на язык. – Хотите пить, Олега?

– Хочу.

Служанка быстренько сбегала к столу – Сухов его не видел, но по стуку догадался – плеснула чего-то, и поднесла раненому серебряный стаканчик с разведённым вином. «Олего» с удовольствием выпил. «Всё-таки, – подумал он, – что бы там ни говорили, а жить – хорошо!»

Тут опять скрипнула дверь, и прозвучали шаги куда более грузные, чем лёгкая, едва ли не вспарывающая, поступь Эмилии.

– Доброе утро, сеньор доктор! – прощепетала девушка и взвизгнула.

Невидимый Олегу доктор густо захохотал и приблизился к постели, унимая смех и

⁴² Словом «ка» (сокращением от «casa», то есть «дом») венецианцы называли дворцы. Слово «palazzo» было ещё не в ходу.

пряча улыбку в бородке. Сухов разглядел толстого жизнелюбца-чревоугодника в пошитом из мягкой синей ткани блио – верхней одежде, напоминавшей глухую куртку-безрукавку длиною до колен.

Через разрезы спереди и сзади просматривалась нижняя камиза – рубаха яркой расцветки, с узкими рукавами-воронками. А вот прическа у доктора была куда как проста – «под горшок». Густые чёрные волосы, едва тронутые сединой, были обрезаны до мочек ушей, спереди – чёлка.

– Я – врач, – сказал он внушительно. – Зовут меня Лоренцо Корнаро.

– Олегарий, сын Романа, – представился Сухов, – императорский магистр.

Мохнатые брови доктора встали «домиками».

– Моё почтение, магистр, – прогудел он небрежно, приподнимая простыню. – Ну-ка...

Осматривая пациента, Корнаро благожелательно кивал.

– Хорошо... – бормотал он. – Хорошо... Просто отлично... Затянулись просто на диво... Очень хорошо...

– Почесать можно? – поинтересовался Олег.

– Чешется? – ответил вопросом доктор.

– Ага...

– Очень хорошо! Значит, заживает. Так, сейчас синьору магистру принесут крепкого рыбного отвару, и Эмилия его покормит. Эмилия!

Девушка прибежала, притащила тяжёлый табурет. Еще раз сбегала и вернулась с горячим горшком, до половины полным наваристой ухи. Присела на кровать и стала кормить «Олего» с ложечки.

Три дня спустя Сухов начал вставать. Раз за разом это у него получалось всё лучше и лучше – уже не кружилась голова, и мир не шатался вокруг, а ноги не дрожали, удерживая ослабевшее тело.

За окном и впрямь рябила вода Большого Канала, изгибистого и неширокого. На той стороне зеленели виноградники и сады, стелились пастбища с бродившими коровами. Увязнув в топком бережку по щиколотку, выстаивал с удочкой мальчишка-рыбак.

Каменные «дворцы» представляли собою обычные для ромейской столицы дома в два этажа, крытые черепицей. Их редкий строй перемежался бревенчатыми срубами под кровлями из почерневшей соломы.

Дома лепились плотно, стенка к стенке. С первых этажей несло запахами – аппетитными и не очень – там по обычаю располагались кухни с кладовками. А жили венецианцы на вторых этажах. Частенько дома открывались на Большой Канал балконами и крытыми галереями, оплетёнными вьюном. Оттуда, облокотившись на резные перила, выглядывали юные простоволосые синьориты, весело переговариваясь с молодыми людьми, проплывавшими мимо на гондолах – подходящей замене лошадям в городе на воде. Замужним дамам показываться на людях с распущенными волосами было неприлично, они прятали головы под круглыми платками с отверстиями для лица. Платки покрывали целиком голову и плечи, а концы их частенько были засунуты в вырез котты – верхней туники-безрукавки. Та благословенная пора, когда можно было завлекать парней, для замужних дам прошла, поэтому зрелые женщины частенько утоляли сердечную жажду, перебирая струны мандоры или георбы,⁴³ – их сладкие и томные звуки расплывались над водами и стогами града.

Шлепая по полу босыми ногами и слегка прихрамывая, Олег приблизился к окну. Уцепившись рукою за колонку, выглянул наружу – его привлекли громкие голоса.

Внизу, у широких и крепких ворот, швартовалась барка-плоскодонка, груженная бочками и амфорами, мешками и горшками, – на дом к синьору Ипато подвезли свежие

⁴³ Струнные инструменты, наподобие мандолины.

припасы.

– Синьор Олега... – заговорила вошедшая Эмилия и осеклась, приметив, что магистр-то голый.

Сухов, не особо стесняясь, прошлёпал обратно в постель. Девушка мило улыбнулась, становясь по-настоящему хорошенькой, – к щекам ее прилила кровь, выступая румянцем, а глаза разгорелись тёмными огоньками.

– Вам еще рано вставать, синьор... – пропела она.

– Ах, Эмилия, – вздохнул Олег и закончил назиданием: – Нельзя холить и лелеять недуг, а то вовсе разленишься и разболеешься. Душу надо держать в чёрном теле, гонять её и занимать делом. Поняла?

Для лучшего закрепления материала Сухов ущипнул Эмилию за тугую попку – девушка радостно ойкнула и выпорхнула за дверь.

По истечении второй недели Олег ощутил себя здоровым. Прежняя сила пока не вернулась к мышцам, Сухов здорово уставал и всё ещё прихрамывал, но тело окрепло, а дух и вовсе не утрачивал твёрдости.

За всё это время магистр ни разу не видел хозяина дома и своего спасителя, патрикия Витале Ипато. Покидая Константинополь, он приметил за кормою силуэт галеры. Вероятно, это и была «Аквила» синьора Ипато, служившего преордином у самого Пьетро II Кандиано, «Божьей милостью дожа Венеции».

И вот на четырнадцатый день после покушения поганца Стемида в комнату к Олегу заглянул сам патрикий.

Это был живой, энергичный человек лет тридцати пяти, среднего роста, но хорошего сложения, не создававшего впечатления приземистости. Лицо его, узкое и породистое, дышало силой и уверенностью. Хрящеватый нос с горбинкой и тонкие губы придавали Ипато хищное выражение, но мягкий взгляд зеленых глаз сглаживал остроту черт.

Преординат был облачён, как Олегу показалось, в шёлковую зелёную блию до пят и в ярко-красную камизу, обе с разрезами спереди и сзади – это облегчало поездку верхом, хотя для Венеции подобная деталь кроя была излишней – по водам особо не поскачешь. Потом оказалось, что Сухов не разобрался до конца в тонкостях здешнего стиля – Ипато носил не блию, а котту, хотя, чем они друг от друга отличались, Олег не мог сказать толком. Наверное, котта просто вышла из моды.

На ногах Ипато красовались остроносые туфли пигаш. Сшитые из мягкой кожи, они поражали огромными загнутыми носками, набитыми конским волосом. На взгляд Олега, смотрелось это ужасно, по-клоунски, однако что поделаешь? Мода такая...

– Почтение, сиятельный, и добрый день, – слегка поклонился патрикий. – Рад видеть вас во здравии.

– А уж я как рад... – пробормотал Олег. – Благодарю вас, превосходительный, что спасли и выходили.

– Пустяки, – ясно улыбнулся Ипато, – дело житейское. Не бросать же было, не по-христиански это...

Тем более что мои люди узнали в утопавшем магистре Олега, аколита над варангами.

– Ага, – сказал Сухов.

Преординат глянул на него исподлобья, задумчиво и словно оценивающе.

– Признаюсь честно, – произнёс он, медля, словно сомневаясь в том, стоит ли говорить правду, – едва я узнал, кого нам принесло на щите, у меня сразу зародилось подозрение в том, что сие не случайно, что за нечаянной встречей нашей скрыто Божье попечение и провидение Его... – Витале Ипато взволнованно заходил по комнате, шлёпая по плитам мягкими носами туфель. – Весь путь до хранимых Господом островов наших я тщился понять промысел Божий и уразуметь скудным умом своим, в чём цель спасения вашего,

указанная выше. И лишь когда галера миновала острова Святого Николая,⁴⁴ меня осенило – Господь наставлял меня, направляя на путь служения Светлейшей Республике Венеции! И вы, магистр Олегарий, орудие в руке Его.

Сухов без удивления выслушал пафосное откровение Ипато и усмешку погасил в зародыше.

– И в чём же должна проявиться моя богоизбранность? – негромко спросил он.

– Об этом с вами, сиятельный, будет говорить дож Венеции! – объявил патрикий с торжественностью.

К Олегу вернулась подрастерянная настороженность: к чему бы это верховному правителю беседовать с ромеем, пусть даже удостоенным магистерского сана? О чём? Сухов поёжился в душе – на него словно потянуло зябким ветерком опасности.

Крайний архипелаг Венецианской лагуны, ныне острова Лидо.

– И когда я смогу увидеть высочайшего? – осведомился Олег.

– Как только наберётесь для этого сил.

– Что ж, – улыбнулся магистр и аколит, – будем считать – уже набрался и готов явиться пред светлые очи дожа венецианцев.

Ипато с сомнением оглядел Сухова.

– Не знаю, не знаю... – протянул он.

– Чтобы знать, превосходительный, – сказал Олег, – нужно сделать попытку.

– Тогда... моя гондола к вашим услугам, сиятельный.

– А пешком нельзя? – капризно осведомился магистр. – Мне нужно ходить, двигаться, разрабатывать ноги...

– Хм. Тогда придется отшагать милю... А хватит ли вас, сиятельный, на столь утомительную прогулку?

– Опыт покажет! – решительно заявил Сухов.

– Тогда я готов быть вашим проводником, сиятельный.

– Спасибо, конечно, но для начала я бы всё-таки оделся...

– Сожалею, но ваше магистерское облачение пришло в полную негодность, а новое ещё не готово. Не сообразовали ли приодеться по здешнему обычаю?

– Если разберусь... – сказал Олег и почесал в затылке.

– Я скажу Эмилии, она поможет вам, сиятельный.

Процедура одевания утомила магистра и аколита. Сперва Эмилия протянула ему белые, лёгкие брэ, больше всего похожие на длинные «семейные» трусы из прекрасного льняного полотна, только без резинки.

Чтобы брэ не падали, надо было обвязать вокруг них поясок да пару раз обернуть вокруг него верхнюю часть «трусов».

Проверив, держатся ли брэ, Эмилия подала шоссы – узкие шерстяные штаны-колготки, вернее, штаны-чулки, потому как каждую штанину надо было надевать отдельно – шоссы не сшивали вместе.

Натянув их по очереди на ноги Олегу, девушка привязала посередке гульфик – треугольный полотняный клапан, соединяя им шоссы, и взялась за шнурки этих самых разъятых штанин.

– Я подержу, – сообщила она, – а вы пока надевайте камизу и блио.

Разобравшись, что камиза – это длинная льняная рубаша с разрезом, Олег натянул её через голову.

– Нет-нет, – тут же вмешалась Эмилия, – разрез должен быть спереди!

Вздыхнув, Сухов извернулся, перекручивая камизу на себе, пока нижний разрез не оказался на животе, и сунул руки в рукава.

⁴⁴ Крайний архипелаг Венецианской лагуны, ныне острова Лидо.

– А теперь – блио!

Блио – глухая, расширенная к бёдрам полукуртка-полукамзол, тоже надевалась через голову.

– Там у вас шнурки, на блио, их надо пропустить через разрез в камизе и подвязать ваши шоссы спереди.

Олег исхитрился с третьей попытки справиться со всеми подвязками.

– Во-от... – удовлетворенно сказала Эмилия и зашла Сухову за спину, чтобы завязать узелки на шоссах сзади.

Ещё раз обойдя Олега, девушка осталась довольна и принесла магистру его кампагии, отчего тот испытал сильное облегчение, ибо представить себе не мог, как вообще можно ходить в дурацких пигахах, находящихся в близком родстве с ластами.

– Вы очень красивый мужчина, – залюбовалась магистром Эмилия и глянула на него мечтательно, склонив головку к плечу.

Явившийся Ипато прервал паузу.

– Замечательно выглядите, сиятельный, – сказал он, кивая одобрительно. – Ну, что ж, идёмте?

– Я готов, превосходительный, – сообщил Олег.

Замешкавшись в дверях, чтобы пропустить вперёд Эмилию, он не удержался и ушипнул девушку за грудь. Та только хихикнула и повела плечом...

Спустившись по лестнице следом за преордином, Сухов выбрался в крошечный садик, с трёх сторон замкнутый стенами Ка'Ипато, а с четвёртой отгороженный высоким кирпичным забором. Отворив скрипучую калитку, Ипато выбрался на улицу.

Олег шагнул за ним, пригибая голову, а когда разогнулся, то рассмотрел узкую улочку, скорее даже щель между стенами домов, где верхом не проедешь – ногам всадника не хватило бы места. К тому же улица была занята – тут повсюду обитали свиньи. Они бродили среди отбросов, лениво выискивая помойку вкуснее, или просто валялись в грязи, разморено хрюкая.

– Вот поэтому я и не люблю ходить пешком, сиятельный, – признался патрикий. – Воняет!

– Константинополь тоже не всюду источает благоухание, – заверил его Сухов.

– Ничего, – бодро сказал Ипато, – здесь здорово посвежеет после лета – осенние шторма нагонят воду на улицы, и та всё смое!

Олег шагал, прислушиваясь к себе, но наплыва усталости пока не чувствовал.

Движение по улице-щели было редким, в основном приходилось переступать через чушек или поднимать их пинками, чтобы уступили дорогу. Хрюшки обиженно визжали и не сразу принимали ускорение. Лишь однажды пришлось разойтись с венецианцем – тот шагал навстречу в одних брэ и в замызанной камизе, облепленной чешуёй.

А потом улица резко расширилась – аж до двух шагов поперёк! Теперь пешеходы стали попадаться чаще – огородники с тележками, чумазые оборванцы, волокущие дырявые мешки с углём, старушка-молочница, опасливо поглядывавшая на угольщиков, особа духовного звания, подбиравшая полы рясы и перешагивавшая лужицы. Можно было с ходу угадать принадлежность к тому или иному сословию – по цвету одежд. Тем, кто был побогаче и познатней, шили камизы, котты и блио из ярких тканей – зелёных, красных, синих. Те же, кто относился к «малым людям», носили одеяния серых и бурых тонов – цветов некрашеной шерсти и небеленого полотна. Не встречалось лишь жёлтых платьев – никому не приходило в голову красить ткань в цвет измены и ревности.

Девицы либо заплетали две косы до пояса, либо вовсе распускали волосы, подхватывая их обручем на лбу. Замужние тоже частенько надевали обручи и диадемы поверх платков или украшали их яркими повязками. Мужчины набрасывали на себя плащи, застегивая их на правом плече, и, в отличие от ромеев, многие ходили бритыми, обходясь без усов и бород.

Венецианцы оживленно болтали между собою, размахивая руками, закатывая глаза, хохоча или призывая в свидетели всех святых и угодников. По улочкам и переулкам

разносились запахи жареной рыбы и чеснока. Когда поддувал ветерок, пахло солёной влагой, а когда порывы бриза спадали, снова накатывали едкие «ароматы» давно не чищенного свинарника.

Миновав каменную церковь Св. Евфимии с колоннадой и мозаиками, Олег с Ипато вышли на ухабистую и немощеную площадь-пьяцетту. С одной ее стороны поднимала купол базилика Сан-Марко, а с другой стороны тянулись причалы – бесконечный ряд длинных и плоских галер, крутобоких гатов и пузатых нефов, объёмистых баттов и маломерных барказов. Мачты с убранными парусами слегка покачивались, скрипело на все лады дерево, топали по гулким палубам мореходы, ухали грузчики, взваливая на спину тюки, а важные купцы прохаживались по пристани в бархатных плащах и поглядывали вокруг – всем ли видно, какие они богатые да предприимчивые?

Однако Ипато не пошёл вдоль набережной, а свернул в сторону, где в окружении толпы поднимался крепко сбитый эшафот. За помостом, словно служа мрачной декорацией, торчали два столба виселицы с переладиной – на ней обвисали тела повешенных, тихонько покачиваясь под ветерком.

А на «сцене» эшафота готовилось представление – мускулистый палач во всём красном, в остроконечном колпаке того же весёленького цвета медленно прохаживался вокруг колоды с воткнутой в неё секирой и разминал бицепсы на волосатых руках.

Зеваки, жадные до зрелищ, волновались, переживая, скоро ли им будет явлено зрелище чужой смерти. Долго ждать не пришлось – забили барабаны, и к эшафоту вывели заморённого мужичка, босого и голоногого, в одной драной рубахе. Двое дюжих стражников в красных стёганных коттах поверх полосатых рубах и в ромейских шлемах-касисах держали мужичка под руки. Они почти внесли его на эшафот и бросили на колени возле самой колоды. Мужичонка покорно уложил голову на рыхлое дерево, пропитанное кровью. Лишь плечи его вздрагивали, а в широко раскрытых глазах читался не ужас даже – смертная тоска. Поднявшийся наверх священник торопливо пробормотал положенные молитвы и поднёс мужичку распятие. Тот приложился и снова поник.

Палач деловито срезал ножом редкие пряди на затылке у мужичка и легко, одной рукою, вытащил секиру из колоды. Примерился, замахнулся...

Толпа перестала дышать. Топор ударил с силою и мокрым хряском, заставив гудеть помост. Голова страдальца отпала, прокатилась нелепым кочаном и шлёпнулась в деревянное корытце. Толпа выдохнула.

– Тюрьма здесь близко, – небрежно прокомментировал Ипато, – во дворце дожа, на самом верху башни. Узники томятся под самой крышей из свинцовых листов – летом им дышать нечем, до того жарко, а зимой они страдают от холода.

– Вы их как будто жалеете, превосходительный, – усмехнулся Олег.

– Сочувствую, – смиренно ответил преординат, – однако понимаю, что мучения их заслуженны, ибо они преступили закон... Нам сюда, сиятельный.

Ипато повёл Сухова мимо собора Сан-Марко, к хорошо укреплённому замку с высокими стенами, башнями и глубокими рвами. Это и был Дворец дожей.

Расфуфыренная стража из копьеносцев подтянулась, завидя преординатора. Стражники выпятили грудь, делая грозные лица. Офицер склонил голову в шлеме.

– Высочайший дожидается вас, синьор, – доложил он.

Витале Ипато величаво кивнул и прошествовал мимо, ступая по узкому деревянному мостику, переброшенному через ров. До подъемных мостов еще не додумались, а этот, сколоченный из бруса и досок, легко сжечь в случае осады.

За мостом, за тяжёлыми воротами, оббитыми гвоздями со шляпками с кулак величиной, прятался дворик, обставленный колоннами. В тени колоннад скрывались двери, ведущие в дворцовые помещения – анфиладу зал, разгороженных тяжёлыми занавесями. Витражные окна, мраморный пол, серебряные светильни – вся обстановка дворца призвана была поразить куцее воображение варвара, но Олега, насмотревшегося чудес и диковин Палатия, местная роскошь не впечатлила.

Ипато провёл Сухова в самый высокий зал, освещённый целым рядом узких стрельчатых окон, и склонился в поклоне.

Олег тоже поклонился и лишь после разглядел, кому отдавал дань уважения и почтения.

Пьетро II Кандиано был рослым и сухощавым мужчиной. Аккуратный валик рыжеватой бороды окаймлял его костистое лицо. Прямой, типично римский нос служил напоминанием о славных предках, а вот глаза подкачали – маленькие чёрненькие бусинки под короткими ресничками глядели на Сухова.

Дож венецианцев был в золотой мантии с пышным воротником из меха горностая и в красных башмаках, служивших прозрачным намёком на кампании базилевса. На голове Кандиано красовалась шапка-колпак из парчи, пошитая в форме рога, а пояс из золотых пластин оттягивался мечом в роскошных сафьяновых ножнах, усыпанных камнями.

Одну руку дож положил на рукоять меча, в другой держал скипетр.

Присутствие двух трибунов, поблекших в сиянии и блеске Кандиано, Олег обнаружил немного погодя, но рассмотреть этих немолодых уже советников правителя Венеции не успел – дож отослал их мановением скипетра. Трибуны исчезли.

Зато из тени выступил воистину огромный человек, закутанный в чёрный плащ, – это был северянин-великан, могучий викинг из страны фьордов и троллей. Плечи его поражали необъятной шириной, длинные руки пугали бычьей силой. Косматые рыжие волосы уминал простой кожаный обруч, а на бледном лице, твёрдом и бесстрастном, жили одни глаза – холодные как лёд. Их взгляд был тяжёл и оценивающий, причём держал в прицеле одного лишь Олега, а рука в чёрной перчатке ласково оглаживала рукоять меча, висящего на перевязи, отделанной серебром.

– Рад нашей встрече, магистр Олегарий, – густым басом пророкотал Кандиано, тщательно выговаривая слова греческого языка, и эхо запрыгало по залу, уносясь под неумело расписанный свод. – Постой пока здесь, Орм, – приказал он викингу.

Тот молча поклонился, по-прежнему не отводя глаз от магистра и аколита.

– Почтительно приветствую вас, высочайший, – ответил Сухов, непроизвольно косясь на Орма. У него даже мелькнула мысль-сожаление: одеть-то его одели, но оставили без оружия...

– Я вас оставлю, синьоры?.. – спросил Ипато, то ли вопрошая, то ли утверждая, но тая надежду.

– Останься, Витале, – велел дож, и патрикий приободрился. – Следуйте за мной, синьоры. Да, и не бойтесь ушей Орма, сына Харальда, – он и венецианский-то понимает с пятого на десятое, а уж ромейский для него и вовсе загадка...

Пьетро II проследовал за ряд тонких колонн и своею рукою раздвинул тяжелые складки парчовых штор. За ними скрывалась небольшая и потому уютная комнатка, где наличествовали удобные мягкие кресла. Дождь уселся первым и жестом любезного хозяина пригласил гостей последовать его примеру.

Изрядно притомившийся Олег с облегчением погрузился в мягкость кресла и приготовился слушать. Что, интересно, надо от него этому дождю? В христианское милосердие Ипато Сухов не верил. Венецианцы – типичные жители Западной Римской империи, закоренелые индивидуалисты и заскорузлые прагматики, во всём ищущие выгоду.

– Венеция – маленькая, но гордая страна, – сказал дож внушительно. – У нас нет гор, в которых роют золото, нет равнин с тучными нивами. Каждый пятак суши мы отвоевываем у моря, селясь на хлябях, – за порогом наших домов плещет вода... И всё же мы добиваемся высокого положения и великого богатства! Добиваемся своим умом, своим рвением к науке и труду. Ромейская империя и Халифат враждуют искони, а мы торгуем и с теми, и с другими. Пускай землицы нашей едва достаёт, чтобы стоять на двух ногах, зато мы повелеваем морями!

Венецианцы свободны, ибо живут в Республике, а я выбран ими, дабы править к вящей славе и пушечу благу. И вот что поразительно, синьор Олегарий, – любой из нас, даже

бедный рыбак или пастух, обладает куда большей волей и гордым достоинством, нежели императорский магистр. Не поймите меня превратно, синьор Олегарий, я вовсе не хотел вас обидеть, но ведь такова правда. Я бывал в Константинополе, меня принимали при дворе... Что ж, пришлось и мне следовать вашим унижительным обычаям – падать ниц перед базилевсом, целовать ему ноги... Тогда я попрах свою честь лишь ради Республики. И понял, что любой тамошний царедворец, даже магистр или кесарь, не господин себе, а раб, послушный воле базилевса. Знатный венецианец спокоен, он боится лишь Бога, ибо родовая честь и нажитое добро защищают его ото всех напастей земных. А можете ли вы, сиятельный, похвалиться тем же? Нет! По капризу базилевса или по навету подлеца вас могут ослепить и сослать, заточить в темницу или насильно постричь в монахи. Так зачем же нужен титул, что проку от богатства, если высокое положение ваше эфемерно и зыбко, если в любой момент милость государя может обернуться гневом, и тогда будет потеряно всё, ради чего вы жили и что успели нажить?

Сухов молча слушал дождя. И соглашался с ним.

– Чего хочет высочайший? – спросил он негромко.

Пьетро II склонился к нему и отдельно проговорил:

– Я хочу, чтобы вы, синьор Олегарий, подумали о том, как помочь и себе, и нам, и Империи, и Республике. Вы в достаточной степени знатны, богаты и могущественны, чтобы вершить великие дела...

– Например?

Дождь посмотрел на Ипато, и тот сказал, то ли плохо скрывая волнение, то ли хорошо играя его:

– Разве по закону и по совести занимает трон Роман Лакапин? Нет, он должен был давно уже уступить престол Константину Багрянородному, истинному императору! Роман – всего лишь опекун Константина и его василеопатор,⁴⁵ но не слишком ли заигрался Лакапин? Не слишком ли он злоупотребил доверием Багрянородного и терпением его?! – Голос Ипато всё поднимался и поднимался, доходя до обличающих громов, и вдруг скатился до вкрадчивых тонов: – Так почему бы вам не помочь свершиться правосудию? Пусть восторжествует справедливость! Тем самым вы заслужите почёт и уважение и нового базилевса, и Венеции, ведь мы не оставим вас одного на поле брани.

Олег помолчал, переваривая новость. Ишь как его подняли! Огибая, обтекая пугающую прямоу, предлагают состряпать заговор под лозунгом «Долой царя!». Почёт... Это как? «Наградить посмертно»? Нет уж, увольте... Хотя отказа у него не примут – как спасли, так и обратно утопят. Хотя нет, прирежут скорее – тяжёлая поступь Орма была слышна хорошо. Ох, не зря Ипато провёл его близ эшафота... Ох, не зря... Запугивал, сволочь. С другой стороны, геройствовать он тоже не собирается. «Жизнь за царя» – это не его опера...

– А чего добивается Венеция? – полюбопытствовал Олег. – Чего вы ждёте от нового базилевса?

Напряжённое лицо Ипато исказилось от улыбки – поддаётся магистр!

– Наши притязания скромны, – сказал дождь, – и не выходят за рамки торговли. Мы даже не требуем независимости! Зачем? Нам и так хорошо. Но вот дань снять бы с нас желательно. И порты имперские бы открыть для прямой торговли. И пошлины бы уменьшить. Вот и всё!

Олег помолчал, соображая. Копнуть ему давешние события или погодить? Копнём, пожалуй. Хуже не будет...

– Меня возвели в магистры из благодарности за то, что я предотвратил покушение на базилевса, – осторожно проговорил Сухов, будто ступая по канату над пропастью.

– Нам это известно, – кивнул Кандиано.

– Меня интересует, не были ли вы замешаны в том покушении, высочайший? – бухнул

⁴⁵ Василеопатор – почётное звание отца императора. Роман Лакапин заслужил его, став тестем Константина.

Олег. – А то уж больно много венецианцев попадалось мне, и все почему-то далеки были от благих намерений...

Дож нахмурился, переглянулся с Ипато и пожал плечами.

– Вы считаете это мудрым, – спросил он не без сарказма, – подбивать к свержению императора того самого человека, который раскрыл прежний заговор? Нет, синьор Олегарий, мы не причастны к покушению на базилевса. Клянусь мощами святого Марка!

Сухов подумал.

– Если я возьмусь за дело, – медленно проговорил он, – то людей, охочих и умелых, найду без труда. Однако тратить на это собственное золото я не намерен...

– Мы обеспечим вас любой суммой! – заверил его дож. – Доставить, куда надо, людей или оружие – тоже не проблема. Флот у нас велик и весьма приличен.

Олег покивал и сказал, подводя черту:

– И последнее. Если меня постигнет неудача, то всё кончится моей гибелью. Но и в случае успеха мне не стоит рассчитывать на покой, ибо кто помешает базилевсу принудить меня, скажем, принять постриг? Или подвергнуть осмеянию и сослать в каменоломни? А посему я хочу заручиться вашей поддержкой, высочайший. Хочу быть уверенным, что всегда найду покой и убежище в Светлейшей Республике Венеции... Именно поэтому я не прошу у вас платы за ту опасную работу, которую берусь выполнить. Мне не нужны деньги, я хочу иметь в Венеции хороший дом, куда всегда мог бы вернуться.

Дож качнул скипетром и проговорил:

– Синьор Олегарий, у вас будет лучший дом в этом городе!

– Тогда вернемся к делам насущным. Думается, что оправдать высокое доверие дожа, а заодно сослужить хорошую службу Венеции я мог бы и вдалеке от Священных Палат – здесь, в Италии. Базилевсом я послан на штурм Неаполя и Капуи, – слегка приврал Олег, – дабы запугать князя Беневентского Ландульфа, но моим варангам всё равно, на какой город идти приступом. Так что мы бы вполне могли напасть... мм... ну, скажем, на Гаэту. Или на Амальфи... Кажется мне, амальфитанцы изрядно досаждают вам на море, соперничая с Венецией в торговле с сарацинами.

– Вам не кажется, синьор Олегарий, – признался дож. – Проклятые амальфитанцы отбивают у нас покупателей, сбивают цены на рабов в Африке! Предав этот город разврата и алчности мечу, вы совершите благое дело!

– Тогда мне будут нужны виньи и гелепола.

– Сделаем! – воскликнул Ипато, тут же глянул на дожа – не превысил ли я полномочия? – но тот лишь кивнул, выражая согласие.

– Может, и требукет⁴⁶ найдётся? – поинтересовался Сухов.

– Будет! – уверил его дож.

– Тогда я готов исполнить приказ во славу империи... и во благо Венеции!

Дож ощерился в довольной улыбке и сделал знак Ипато. Преординат живо прошмыгнул за шторы и вскоре вернулся с запотевшим кувшинчиком, удерживая в другой руке золотой поднос с тремя драгоценными стеклянными чарами. Разлив духовистое вино, он подал первую чару дожу, затем Олегу, а третью взял себе.

– Вива, Венеция! – провозгласил Пьетро II Кандиано, поднимая чару.

– Вива! – восторженно поддержал его Витале Ипато.

– Вива, – согласился с ними Сухов и отпил вина. Хорошо пошло!

Глава 8, в которой на театре военных действий ставится спектакль, а Олег подрабатывает осветителем

⁴⁶ Виньи – легкие разборные галереи, под защитой которых штурмовали крепостные стены. Гелепола – осадная башня. Требушет – метательное орудие.

Дерево в Венеции было дорого, но дож не поскупился – местные искусники сработали для Олега и гелеполу, и винеи, и требукет. Потом всю эту военную технику аккуратно разобрали и пометили каждый брус, каждую бронзовую накладку – куда чего цеплять, с чем соединять да какою стороной. Осталось всё это дело перевезти и собрать на месте. И тут венецианцы схитрили, не стали себя подставлять – погрузили метательные орудия и осадную башню на трофейные галеры-санданумы, спущенные на воду в Генуе, давнишней сопернице Светлейшей Республики. Дескать, мы тут ни при чём, это всё они, нехорошие генуэзцы...

Правда, капитанами пошли все же венецианцы, а на борт того санданума, который возглавил караван, поднялся лично Витале Ипато. Олег Сухов взойшёл вторым, радуясь новенькому скарамангию. Европейская мода точно не для него... Не тот тренд.

На рассвете корабли отплыли.

Генуэзские санданумы шли довольно ходко. Обогнув мятежную Апулию, караван взял курс на юго-запад. Когда с правого борта засинели берега Калабрии, которую ромеи прозывали Калаврией, кормчие повернули к северу, попадая в устье Мессинского пролива и оставляя слева благословенные земли Сицилии, отобранные у ромеев сарацинами.

А вот куда следовать далее, Олег не знал. По логике, его варанги должны были погоревать о потере аколита – недолго, в меру, после чего двинуться на штурм Амальфи, Неаполя, Гаэты... Тут, правда, потребовалась бы помощь ромеев, ибо амальфитанцы с неаполитанцами обладали крупными флотами, справиться с которыми непросто. А вот если к семи варяжским лодьям прибавить хотя бы одну-две огнепальных хеландии... Тогда сразу перевес в нашу пользу. Друнгарий флота вроде как обещал выделить парочку, но когда это было...

Олег стоял на носу галеры «Св. Иоанн Креститель» и вертел головой, ощущая беспомощность и злость. Куда плыть? Где ему искать доблестных варангов? Подались ли они дальше на север, поближе к амальфитанскому побережью, или обретаются где-то на юге? А где?

Незаметно приблизившийся Ипато сказал негромко: – Возможно, стоит начать поиски вашего флота, сиятельный, с захода в Региум.⁴⁷ Варанги не смогли бы пройти мимо столицы Калаврии. Может, они и на берег сходили. А если так, то их обязательно бы запомнили. Варанги – ребята бойкие, удержав не знают... Тем более что в Региуме и стратиг Калаврии Евстафий обретаётся.

– Кстати, да, – кивнул Сухов. – Держим на Региум!

Морячки забежали, разворачивая паруса. Заскрипели реи, кормчие приналегли на рулевые весла. Санданумы плавно повернули к калаврийским берегам, гористым и малолюдным – прежнее кипение жизни на узком побережье отошло в прошлое. Постоянная угроза сарацинских набегов вынуждала жителей уходить повыше в горы, забиваться подальше в леса.

Олег присмотрелся к близким берегам Сицилии – тоже никакого движения. Хотя нет, вон какой-то парусник показался.

– Три мачты, – прищурился Ипато. – Значит, это куркура. Большой корабль. Только под парусами и ходит, вёсел на нём нет.

– Нам следует опасаться сарацинов?

– Опаска никогда лишней не бывает, сиятельный. Осторожный человек живёт дольше. Одна куркура нам не страшна, но в этих местах орудует целая сарацинская эскадра, ведомая адмиралом Сабиром. Сабир – из славян, но служит Фатимидам, тутошним арабским эмирам. Злой человек, коварный... а вот и Региум!

С правого борта показался прелестный вид – к водам цвета берилла, отороченным жёлтым песком пляжа, спускались белые домики под красными черепичными крышами.

⁴⁷ Региум – ныне Реджо-ди-Калабрия.

Пышная зелень юга щедро добавляла живых красок, а серый камень крепостных стен вносил суровую ноту в мелодию города, звучавшую истомой и негой. И радостным облегчением – Олег разглядел на ярком фоне полосатые паруса.

– А вот и варанги, сиятельный! – воскликнул Ипато. – И искать не пришлось!

Загребая вёслами прозрачайшую воду, галеры медленно втягивались в бухту древнего Региума.

Сухов ощутил волнение. Снова увидеть своих – это приятно. И разделаться со Стемидом, что еще приятней.

Приблизившись к берегу, магистр разглядел слона – парочка хеландий со спущенными парусами покачивалась в сторонке от варяжских лодий. Неужто сдержал слово друнгарий флота? Это здорово...

Венецианцы – мореходы отменные, «Св. Иоанн Креститель» уткнулся бортом в причал мягко, потерся об него почти что ласково, как кошка о ногу хозяина.

Сухов первым сошёл на берег и неторопливо пошагал к стоянке лодий. Навстречу брели вразвалочку четыре варяга, незнакомые Олегу, кроме одного, – посередке ступал, малость косолапя, Малютка Свен. Он равнодушно скользнул глазами по магистру и вдруг словно запылся – застыл, как в игре «Фигура, замри!», выпучил глаза и пробасил обалдело:

– Полутролль?.. Живой?!

– Как видишь, – улыбнулся Сухов. – Не ждал, малышок?

«Малышок» восторженно взревел и накинулся на Олега, стиснул со всей мочи.

– Заломает, медведь, – просипел магистр. Тело отдалось слабой болью, но Олег не рассердился на простодушного великана.

– А мы думали – всё! – радостно ревел Свен. – Просыпаемся, а тебя нету! Стемид ещё сказал, что вроде как всплеск слышал! Значит, не утонул-таки?

– Ещё бы Стемиду не слышать, – процедил Олег. – Эта паскуда во мне дырок понаделала и в море скинула!

– Ну-у?! – выдохнул Малютка.

– Вот тебе и ну... Меня венецианцы подобрали. А то кормил бы я рыб...

Трое варягов, неуверенно ухмылявшихся за широчайшей спиной Свена, разом нахмурились.

– Надо тогда словить Стемиду, – сказал один из них, сильно «окая», – брюхо вспороть за такие дела и камнями набить!

– А камешки на костерке накалить, – присоветовал другой. – Пущай погрееется перед вечным холодом Хеля!⁴⁸

– Пущай, – согласился Олег.

И все пятеро энергично зашагали к лодьям. Два корабля медленно подходили к пристани – «Пардус» и «Финист» – и спускали паруса. Остальные лоды, скалясь на Региум драконьими пастьями, мирно покачивались у причалов. За вывешенными щитами никого не было видно – надо полагать, братия дрыхла на скамьях. Или в полном составе завалилась в портовые капили,⁴⁹ дабы как следует выпить и закусить.

Человек десять варягов сгрудились вокруг большого костра, разведённого на галечнике, и жарили мясо, нанизав солидные куски на тонкие клинки акуфиев, смахивавших на аистьиные клювы, – русы понемногу перенимали полезные изобретения ромеев. Акуфии были приспособлены для того, чтобы пробивать кольчужную броню, хотя у самих варягов лишь каждый третий таскал такую, большинство обходилось кожаными доспехами. Русы из тех, кто не был богат настолько, чтобы заказать себе кольчугу, или тех, кому она не досталась по наследству, носили ромейские кавадии – доспехи из стёганого дешёвого шёлка,

⁴⁸ Хель – северный вариант ада.

⁴⁹ Капилеи – дешевые закусовые.

подбитые грубым хлопком.

Все варяги были хоть и при мечях, но с непокрытыми головами, и лишь один жарился в большом шлеме, из-под которого торчали рыжие косицы.

Стемид что-то с жаром рассказывал, помогая себе руками и всем телом, а остальные рассеянно слушали его, следя за тем, чтобы не подгорело мясо и не перекалились мечи.

Малютка Свен подошёл и с ходу ухватил Стемида за шкуру. Мотнув его, он рывком поставил возмущённо брыкавшегося дренга лицом к лицу с Олегом. Остальные варяги удивлённо поворачивались – и столбенели. Их аколит вернулся с того света!

Рыжий дренг хотел было крепко высказаться по адресу Малютки, но, сдвинув шлем на лоб, сразу увидел Сухова. Стемид посерел от страха и хлопнулся на колени.

– Не виноватый я! – взвыл он. – Они меня заставили!

Олег покачал головой.

– Они тебе заплатили, – возразил он. – Кто?

– Не зна-аю! Корабельщик он! Из ромеев! В больших чинах ходит, и плащ на нём такой, чёрный весь, в орлах золотых!

– Курчавый?

– Да, да! И борода тоже кучерится!

«Неужели Иоанн Радин – тот самый „пятый, который первый“? – подумал Олег. – Да нет, не может быть. Чтобы друнгарий флота... Хотя почему бы и нет? Роман Лакапин тоже в друнгариях флота ходил, а вышел в базилевсы...»

– Все эти дни, – спокойно сказал он вслух, – я представлял, что с тобой сделаю, и уже притомился казни выдумывать. Устроить тебе усекновение главы? Нет. Не хочу меч пачкать грязной кровью. Повесить тебя? Четвертовать? Не знаю, не выбрал еще. Мне, в общем-то, без разницы, как именно ты умрёшь. Но ты умрёшь. Сегодня. Сейчас. – Поглядев на варягов, магистр добавил: – Делайте с ним, что хотите, ребята. Он ваш.

Ребята отложили недожаренное мясо и подхватили Стемида. Тот дёрнулся так, что шлем его слетел на камни, обнажая огромную плешь цвета сырого мяса в венчике рыжих волос. Да какая там плешь – это со Стемида скальп сняли! Печенег, наверное, или мадьяры – любой степняк любит вплетать в гриву своего коня человеческие скальпы. Удивительно, что Стемид жив остался. Наверное, дохлым притворился...

– Не-ет! – заверещал рыжий. – Не надо! Не хочу-у!

– Заткнись, – посоветовал ему Свен, – душу перед смертью не погань.

– Калить камешки-то? – поинтересовался любитель «жареного».

– А то!

Стемид заверещал пуще прежнего... Олег отвернулся и подошёл к вымолам, куда подваливал «Пардус».

– Оле-ег! – донеслось с палубы, и Сухов разглядел подпрыгивавшего Пончика. Магистр помахал светлейшему рукой.

Лодья ещё толком причалить не успела, а Шурик уже перепрыгнул на древний каменный вымол и понесся к другу.

– Пр-рывет, сиятельный! – вопил он, лупая мокрыми глазами. – Ну, ты вообще! Я уж думал – всё! И что б я Елене сказал?!

Пончик так сильно шлёпнул Олега по плечу, что тот поморщился.

– Ты... чего? – неуверенно проговорил протоспафарий.

– Швы мне сняли, зажило вроде, но всё равно побаливает ещё...

– Швы?..

– Проникающие колотые раны – так вы вроде выражаетесь?

Пончик сделал страшное лицо.

– Кто?.. – выдохнул он.

– Кто?! – рывкнул подоспевший Инегельд.

В этот момент поросячий визг Стемида огласил берег.

– Он, – показал Олег за плечо.

На вымол шагнул Ивор Пожиратель Смерти. Стемида он не видел за спинами склонившихся варягов, но зато приметил большой шлем, валявшийся на песке.

– Стемид? – прищурился Ивор.

Олег кивнул.

– Ясно... – протянул Клык.

– Никогда прежде не бывало так, – тихо проговорил Сухов, – чтобы мне приходилось спину на лодье прикрывать. Свои же! И вот, наварался...

Светлый князь потемнел лицом, его кулаки сжались, а губы стянулись в нитку.

– Кто там, с ним? – резко выговорил он.

– Акила Длинный Меч, – прогудел подходивший Малютка Свен.

– Тогда ладно, – пробормотал Клык, – Акила толк знает.

Прерывистый вой разнесся надо всей бухтой, но князь лишь мрачно улыбнулся.

– Повой, повой, с-собака! – проворчал Инегельд – и улыбнулся, вспомнив о возвращении аколита. – Так это что же, – оживился он, – поход не отменяется?

– Поход продолжается, князь!

Клык приставил ладонь ко лбу и глянул на отшвартованные генуэзские галеры.

– Твои, што ль? – спросил он.

– Почти. А Турберн где?

– Здесь я, – слышался сердитый голос Железнобокого, и старый варяг протолкался через толпу. – Станут колом, и не пробьёшься! Здорово, дорогой!

Сухов обнял старика, а потом протянул руку к галерам.

– Я там тебе подарочки привёз, – сказал он, посмеиваясь. – Башню осадную, гелеполу и самое что ни на есть здоровенное метательное орудие! Требушетом зовется.

– Ух ты! – обрадовался Турберн, большой любитель военной техники. – Надо будет посмотреть!

– Ну так пошли.

Большой толпой варяги пошагали к причалам, где отшвартовались санданумы. Фигура Ипато помаячила и скрылась – не доверял преординат варангам.

Шагая по шуршащей гальке, Олег несколько отстал, и рядом с ним оказался один лишь Пончик.

– Так ты в Венеции был? – спросил он. – И как там?

– Да не очень...

– А эта... как ее... гелепола? Ты ее что, купил?

– Продался, – усмехнулся Олег. – Завербовали меня.

– Чего-чего?..

– А того! Ты нам, говорят, базилевса сковырни, который Роман, а Константина поставь. И ждут, чего я им отвечу. А за шторкой здоровяк с мышцами разминается, с вот таким мечом. Ладно, говорю, чего ж не сковырнуть? Вот и выдали мне аванс требушетами да гелеполами...

– И что теперь? – спросил Пончик испуганно.

– А что теперь? – преувеличенно тяжело вздохнул Олег. – Уйду в подполье, буду вести подрывную деятельность...

– Я серьезно!

– А я – нет. Не грузись, Понч. Дож мною решил попользоваться, а я использую его. Называется «взаимовыгодное сотрудничество»...

Турберн Железнобокий лично осмотрел «игрушки», сделанные в Венеции, и пришёл в полнейший восторг.

– Ну, всё! – кричал он воинственно, пугая Витале Ипато. – Хана Амальфи! Кирдык Гаэте!

– Гелеполу мы используем при штурме Неаполя, – поправил его Олег. – Требушет испробуем на Гаэте, а вот Амальфи возьмём хитростью. Слыхали про Троянского коня?

– Это который деревянный? – уточнил Клык. – Сказывали нам про него, сказывали... Нам что, тоже в такой коняке таиться?

– Нет, кони будут самые настоящие, верховые и запряжённые в телеги. Будем по одному, по двое просачиваться в Амальфи, а когда нас там наберётся человек... ну, хотя бы двадцать, ударим изнутри!

– Не пойдёт! – отмел такой вариант Турберн. – Ты хоть видел здешний народ? Они ж все чёрные! А у нас белоголовых – десять человек на десяток!

– Исправим, – пообещал Олег. – Я тут хны привёз – чернее арабов станете, это я вам обещаю!

Тут отворилась створка городских ворот Региума, и к порту выехала целая делегация на конях – по сторонам гарцевали рыцари-катафрактарии, с ног до головы закованные в броню, на могучих лошадях, тоже покрытых доспехами, а в промежутке ехали «официальные лица» в белых скарамангиях. Расшитые золотом попоны скрывали их коней почти до самой земли, гривы были стрижены, зато на лошадиных головах покачивались пышные султаны из страусиных перьев.

– Никак стратиг пожаловал, – сказал Инегельд, упирая руки в боки.

Катафрактарии разъехали в стороны, и конь стратига Калаврии выступил вперёд. Разглядев скарамангий Олега, Евстафий приподнял брови.

– Полагаю, что вижу магистра и аколита Олегария? – произнёс он.

– А я имею возможность лицезреть стратига Евстафия? – ответил вопросом Олег.

Евстафий слегка поклонился и спешился. Это был коренастый человек довольно брутальной наружности, больше всего смахивающий на мрачного пирата, вздумавшего переодеться в платье прирезанной жертвы.

– Патрикий и друнгарий флота Иоанн Радин, – сказал он деревянным голосом, – передаёт твоему попечению две огненосные хеландии, «Св. Георгия Победоносца» и «Грифона». Патрикий Иоанн убедительно просил тебя не допускать к огнепальным сифонам варангов...

– Я учту просьбу друнгария, – прохладно ответил Олег. – Это всё?

– Сиятельный, – сказал стратиг прочувствованно, – я чрезвычайно рад твоему чудесному спасению, ибо варанги необузданны и держат наш город в страхе. Чем скорее ты уведёшь их, тем сильнее будет благодарность жителей Региума!

– Мы не задержимся, – улыбнулся Олег, – и отплывём ранним утром. Соболаговолите собрать припасы и доставить воду, и уже завтра мы избавим вас от тревог.

– Всё будет исполнено в точности, сиятельный! – заверил Евстафий, становясь похожим на пирата весёлого.

Олег сдержал слово – на рассвете семь варяжских лодий покинули бухту Региума и двинулись проливом на север, к Тирренскому морю. Лодьи шли в кильватер, одна за другой. Слева расправляли паруса пять санданумов, справа догоняла пара хеландий. Флот. Сила.

Варягам бы брови хмурить сурово, холодным взором серых и синих глаз окидывая горизонты, но нет – с лодий нёсся неудержимый гогот. Русы кисли от смеха, глядя друг на друга, а Малютка Свен до того изнемог, что лишь взвизгивал тихонько и слезу утирал.

Ярлы и полсотни варягов перекрасили свои светлые волосы в радикальный чёрный цвет, и вид товарищей, из блондинов оборотившихся в брюнетов, зело веселил остальную команду.

Витале Ипато, заванный Олегом на борт «Пардуса», неуверенно улыбался. Неуютно было преординату, уж больно шумным оказался народец, прозывавшийся варангами. Шумным и совершенно непонятным.

Русы могли бросаться в бой голышом, выражая тем презрение к противнику, их храбрость граничила с безрассудством и полным самозабвением. Они сатанели от ярости и были запредельно жестоки к врагу, а вот друзей любили и ценили, делились с ними последним. Потрясающая щедрость варягов сочеталась в них со скупостью и жаждой золота.

Тем не менее, пренебрегая выгодой, они настойчиво добивались пустяков, вроде задушевного разговора или ласкового девичьего взгляда. Варяг мог целый год копить добро, чтобы в один день пропить его, разместить в бешеном разгуле – и не жалеть потом, а вспоминать с приятностью: «Ох и покуражились мы тогда!..»

Ипато неплохо знал арабов, с норманнами был знаком похуже, но и те вписывались в некие рамки. Ромеи, хазары, лангобарды, франки, англосаксы – все они подчинялись определённому набору правил, руководствовались определённым набором правил и были предсказуемы. А вот предугадать поступки русов было невозможно – в них сплелись неразрывно нордическое спокойствие и стихийное буйство степных кочевников. Причудливо мешались крови в северных пределах, напитываясь туманом бесчисленных озёр и жарким веянием пустынь, пеною морской и хвойным, смолистым духом...

Ипато вздохнул и покачал головою:

– Уму, осенённому крестным знаменем, не дано постичь разумение варвара...

– Всё куда хуже, превосходительный, – усмехнулся Олег. – Многие из варягов крещены, однако не утратили тот стержень в душе, что скрепляет нас воедино, определяя слова и деяния, мысли и грёзы.

– Нас?

– Синьор Ипато, я такой же варяг, как все эти парни, и горжусь этим естеством не меньше, а больше всех своих титулов. Вам, я вижу, непривычно их бытие?

– О, да! – вырвалось у венецианца.

– Вы, главное, не впадите во грех осмеяния чужого и отторжения необычного. Надо просто понять главное – у русов самая широкая душа, какую только можно наблюдать в роде человеческом. Знаете, как я прошёл посвящение в дренги?

– Дренги?

– Дренги – это молодые воины в гриди... Гридь – это дружина. Короче, гридни выстроились в два ряда, и каждый держал весло в руках. Девушки стянули с меня штаны, и мне пришлось на четвереньках пробегать сквозь строй, уворачиваясь от шлепков лопастями вёсел. Я, такой, верчусь, юлю, то в одну сторону кинусь, то в другую шарахнусь, и всё равно, когда одолел весь путь, задница моя была красна! Мне, правда, смешно не было, зато вся дружина лопалась от смеха. Это и вправду уморительно, если смотреть со стороны, – голозадые парни скачут на карачках, пуча глаза от звонких шлепков! Я потом долго не мог лежать на спине, поэтому те самые девки ложились под меня...

Ипато смущённо хихикнул.

Город Амальфи располагался на южном берегу полуострова Сорренто, что вытягивался от Апеннин на запад, как крепкий сук отходит от ствола дерева.

Обогнув Италию с юга, кормщики держали курс на север и с заданием командования справились – подошли к берегу перед самым рассветом, в стороне от селений. Корабли набились в крохотную бухточку, как селёдка в бочку, и тут же полсотни черноволосых и черноглазых алан, болгар и ясов, вперемежку с «зачернёнными» варягами, отправились за лошадьми и телегами. Их повёл кривоногий, приземистый и широкоплечий Курт, сын Котрага из рода Дуло, фигурой смахивавший на краба.

Заря розовела на полнеба, на этом фоне скалистые горы выглядели непроглядно-чёрным контуром, словно перекрашенные светилom, но вскоре сияние смыло потёмки, и Олегу предстал роскошнейший пейзаж – изумрудное море голубело поодаль, наливаясь лазурью у горизонта; скалы, заросшие пышной зеленью, спадали уступами к белопенной кайме прибоя, и всё это переливалось на солнце, грелось под ним и нежилось, источая благоухание и рождая в душе тихий восторг.

– Пр-рывет, сиятельный! – возник рядом Пончик. – Любуешься?

– Так должны выглядеть окрестности Зурбагана, – проговорил Олег. – Или Гель-Гью. Или Лисса.

– Да-а, здорово тут, – подтвердил Шурик. – Красиво. Угу...

Утро было в самом разгаре, когда на берег съехали грохочущие телеги, груженные сеном. Зацокали копыта коней, и Олег улыбнулся – всадников было не узнать. Впереди гарцевал Саук, сын Тааза. Сам он был из гузов, но давно уж прибил к Инегельду. Конник изрядный, Саук единственный был узнаваем. А вот товарищи его... Воист Коварный, Алк Ворон, Стегги Метатель Колец, Альф Убийца, Одд Галат из Ямталанда – перекрашенные из «светленьких» в «тёмненьких», они снова хохотали, едва не падая с сёдел. Уж больно веселили их одежды, позаимствованные у местных, – десятка два голых мужиков, тощих и перепуганных, сбегали к берегу, обеими руками прикрывая срам.

Крестьяне не носили шоссов и блио – берегли, надевая лишь по великим праздникам, и щеголяли неглиже – в исподних брэ да в домотканых камизах. Такие прикиды на варягах смотрелись презабавно, а вислые шляпы из войлока или соломки довершали их наряд.

Спешившись, варяги согнали раздетые «жертвы среди мирного населения» к стволу дерева, обкорнанного прибоем, и привязали их к нему. Гридни были в хорошем настроении – одни хохотали, другие подхихикивали, – поэтому никому из аборигенов травм не нанесли.

Одд Галат, с фигурой, похожей на перевернутый равнобедренный треугольник, мужчиной был видным – даже латаная камиза его не портила. Но вот с подвязками он явно не разобрался. Когда Одд спрыгнул с коня, его грязновато-белые брэ свалились на песок. Галат, отпуская ужасные словечки, нагнулся за «трусами», сверкая голой задницей, а вся дружина просто стонала от восторга.

– Понапридумывают что попало! – возгремел Одд и с укором глянул на хохочущих побратимов: – Чего ржёте? Это шнурок лопнул!

– А ты их этим, – пробулькал Альф, – канатом моржовым прихвати!

– И стоило коней приводить, – осерчал Одд Галат, – тут их и так навалом... Табун целый!

Посмеиваясь, Олег и сам переоделся. Слава богу, опыт был. Натянул на себя весь комплект, разве что блио не стал надевать – солнышко пригревало, хватит и камизы.

– Собираемся! – крикнул он, спускаясь с санданума.

Неуклюже переступая в остроносых пигахах, пошитых на него в Венеции, Сухов сошел на берег. Варяги молчали – их лица багровели, щёки надувались, а глаза выкатывались.

– Смейтесь, сволочи, – проворчал Олег, – не то лопнете.

И варяги грохнули – развесёлое гоготанье разнеслось эхом по всей бухте.

– Грузимся! – рявкнул аколит. – Поддоспешники и брони кидайте в телеги, завалим их сеном.

– А мечи?

– Туда же! Только, это самое, тряпьем переложите, чтобы не звякали. Синьор Ипато, не составите ли компанию?

– Охотно! – откликнулся преординат. – Тут, на юге, многие знают греческий, многие, да не все. Могу пригодиться!

Сухов уселся на козлы и тряхнул вожжами. Венецианец устроился рядом.

– Н-но, мёртвая!

Пара упитанных лошадок бодро потащила полупустую повозку. Вперёд ускакали двое верховых – Ивор с Малюткой Свенем. За Олегом тронулись остальные телеги числом в шесть. Ещё пятеро варягов неторопливо двинулись верхом на мулах, а двое, погрозив кулаками товарищам, взгромоздились на ушастых осликов.

– Я с тобой! – подбежал Пончик, путаясь в мешковатой камизе и подсмыкивая брэ. – Без медика – куда? Угу...

– Садись, медик, – сказал Сухов и легонько щёлкнул кнутом.

Протоспафарий суетливо забрался на кучу сена и развалился с видом победителя.

Дорога шла берегом, между морем и скалами, потом лошадки вытянули телегу по некрутому откосу на наезженный тракт. Колеи тянулись по уступу над прибрежными скалами, над пенными водоворотами лениво грохочущего прибоя. Путь был не то чтобы

опасным, но требующим внимания – вниз полететь было нечего делать.

– А если встречные? – обеспокоился Пончик. – Как мы тогда разминёмся?

– А никак, – хладнокровно ответил Сухов. – Поскидываем их вниз, и всего делов.

– Шутишь, да? – спросил Александр неуверенно.

– Средневековье, Понч. Что ты хочешь?

Дорога петляла, дорога то сужалась в тропу, то раздвигала края. Спускалась в лощины, заросшие лохматыми пиниями. Поднималась на пологие склоны, полосатые из-за виноградников. Пролегала мимо деревушек и садов на террасах.

Грохот колес, цокот копыт, фыркание лошадей – однообразный шум утомлял, но тряские козлы не располагали к отдыху.

– Чтоб я ещё хоть раз сел на телегу, – брюзжал Олег. – Чувствуешь себя, как отбивная перед жаркой!

– И внутри всё ёкает! – пожаловался Пончик. – Угу...

– Сидел бы уж! Ёкает у него... Целый стог под сидением!

– Так пружинит же! Угу...

Встречные варягам почти не попадались, разве что пара крестьян прошла с гигантскими вязанками хвороста. А потом нарисовался кавалларий – этаким рыцарь, с ног до головы обтянутый кольчужным доспехом, в блестящем шлеме с колыхавшимся султаном из страусиных перьев. Копья кавалларий не держал, щит висел у него за спиной. Одной рукой всадник правил, другую горделиво упирал в бок. Его конь, покрытый тяжёлой кожаной попоной, ступал важно, словно заразившись хозяйской заносчивостью. Ступал прямо по середине дороги.

Олег, не желая связываться, свернул влево, впритык к скале, но кавалларию этого показалось мало.

– На колени, презренные! – прорычал он на хорошем греческом, требуя почтения.

– А не пойти ли тебе в задницу? – любезно ответил Сухов.

Сначала кавалларий не понял сказанного – не смог совместить непристойное предложение с собственной персоной. Потом до него дошло, и глаза всадника выкатились в изумлении и великом гневе.

Ни слова не говоря, кавалларий выхватил меч и послал коня на «врага».

Малютка Свен оказался быстрее – бросив своего чалого наперерез, он поднял его на дыбки. Лошадь рыцаря испуганно шарахнулась, оступаясь, чуть ли не падая, и кавалларий не удержался в седле – рухнул в пыль. Валялся он недолго – Свен тут же оказался рядом. «Малышок» подхватил оглушённого рыцаря за наборный пояс и за кольчужный воротник, крутанул, как следует, да и скинул с обрыва вниз.

Отряхивая руки, он выглянул за край.

– Разбился? – охнул Пончик.

– Не-е... Утоп.

– Кто-то дошутился, – мрачно сказал медик.

– Угу...

Остаток пути протоспафарий, преординат и магистр проделали в молчании. Наконец показался Амальфи. Город расположился по склону скалы, дома его лепились друг к другу, соединяясь высеченными в камне лестницами, а на крышах росли сады. Черепичные кровли, проходы, мосты, улицы, мощённые галькой, – всё это романтическое великолепие тонуло в нагромождениях пышной зелени. Апельсиновые деревья путались с лимонными, заплетались виноградными лозами и пробивались кипарисами, а ещё выше поднималась глава собора Св. Андрея Первозванного.

Городок смотрелся весьма симпатично и спускался к полукружью бухты, где стояло с полсотни кораблей, как трибуны к сцене.

– Подъезжаем! – крикнул Олег. – Приготовиться всем.

Съехав к берегу, Олег двинулся вдоль пристани, заворачивая к Амальфи. Лошадки сами прибавили прыти, направляясь к Порта делла Марина – городским воротам,

открывающим путь к гавани.

– Синьор Ипато, – негромко сказал Сухов, – вы уж сами со стражниками переговорите, а то мои лишь одно слово знают...

– Си!⁵⁰ – подтвердил проезжавший Саук.

– Ага, – сказал Свен. – Тьфу ты... Си!

Обширная площадь перед воротами была заставлена палатками и лотками – тут шумел базар. Множество торговцев настойчиво предлагали свой товар всем подряд, уламывая, улещивая, взывая к небесам и клянясь самыми страшными клятвами. Купцы побогаче восседали в тени шатров, иные торговали прямо с расстеленных ковров, а то и вовсе бродили по рядам, всё своё таская с собой. Шум стоял неимоверный. Чудилось, торгаши осадили Амальфи и вот-вот пойдут на приступ.

– Мыло! Галльское мыло! Смывает грязь и грехи!

– А вот мальчишки-рабы! Здоровенькие и крепенькие, всего по сорок тариев за голову!

– Рыба! Рыба! Свежая-айшая рыба!

– Кому вино из Газы? Налетай! Кому нектар из Асколона? Подходи, не зевай!

– Фисташки из Дамаска! Порадуйте себя отборными фисташками!

– Лён из Скитополиса, лён из Лаодикеи, из Библоса... Выбирай, какой для тебя хорош!

Лучше всё равно не найдёшь...

– Пурпур из Цезареи! Кому царский пурпур? Что стоим, дорогой? Покупаем, покупаем!

Олег, малость одуревший от рыночной стихии, объехал торжище. У распахнутых ворот Амальфи его притормозил добродушный стражник. Толстый и запаренный, он оставил копье воткнутом в землю, а шлем повесил на рогатину, поддерживавшую плетёный тент. Отдуваясь, страж молча протянул грязную ладонь, требуя плату за вход.

– Си! – храбро сказал Сухов и отсчитал пару серебряных денаро, отчеканенных в Венеции по образу и подобию франкских денариев.

Ипато повёл рукою, мелодичной скороговоркой объясняя, что это плата за все возы.

Стражник пересчитал телеги, шевеля губами, решил пример на вычитание и довольно кивнул – можно было опрокинуть стаканчик лимончеллы⁵¹ на сдачу!

Едва телеги прогрохотали под сводами ворот, как к ним подскочил маленький человечек, юркий и прилично одетый. Тараторя и стрекоча, гримасничая и размахивая руками, он выхватил клоч сена. Понюхав его, человечек яростно чихнул.

– Это Паскуале Фоскари, он хочет купить наше сено, – обернулся преордианат к Олегу.

– Замечательно, – обрадовался магистр и рявкнул: – Си!

– Си! Си! – дружно закивали варяги.

Возы, повинувшись жестам Фоскари, проехали узкой улочкой до широких ворот двухэтажного дома. Внизу обнаружился здоровенный амбар. Малютка Свен хотел было выразиться по этому случаю и уже открыл рот, но вовремя вспомнил о своём итальянском происхождении и ляпнул:

– Си!

Олег с Пончиком вооружились вилами и стали перекидывать сено в прохладную сень за амбарными воротами.

– Стегги, Воист, Курт, – негромко проговорил магистр, – собирайте своих, забирайте всё оружие и скройтесь до темноты. Выступите по сигналу, когда вспыхнет огонь и станет светло.

Двое варягов и болгарин кивнули незаметно, подхватили свою кладь и шмыгнули в щелевидный проход между домами, взлетели по каменной лестнице, канули в сад, шумевший прямо на крыше высокого дома.

⁵⁰ Si! (Итал.) – Да!

⁵¹ Лимончелла – крепкий лимонный ликёр.

Разбредились почти все «троянцы», только лошади их остались – привязанные у коновязи над поилкой, они то фыркали, то били копытом. Наверное, от удовольствия – в кои веки у них был выходной день!

Ивор Пожиратель Смерти и Малютка Свен задержались, и надо же было такому случиться – именно в эту минуту мимо них прошёл с виду незаметный мужичок, судя по всему, из торгового сословия. Он шагал вразвалку и качал головою, словно ведя разговор сам с собою. Вдруг мужичок увидел варягов – лицо его выразило дикий страх, как будто ему явилось привидение. Пересилив себя, он зашагал далее – заторможенной, деревянной походкой человека, напряженного до крайности.

Ивор проводил его долгим взглядом.

– Знакомый? – спросил Олег.

– По-моему, я его видел в Региуме...

– Убрать! – каркнул Сухов.

Малютка Свен и Пожиратель Смерти сорвались с места и бросились догонять мужичонку.

– Опасный свидетель? – насупился Пончик.

– Да, – твёрдо ответил магистр, – опасный свидетель.

Двое варягов вскоре вернулись. Шагая валко, пошатываясь, они изображали пьяную троицу, волоча «упившегося приятеля» – оглушенного мужчинку. У амбара Свен и один справился – обхватив шею «опасного свидетеля» локтем, он её сжал чутко – слышался мокрый хруст – и отнёс мёртвое тело в дальний угол амбара, присыпав его сеном.

А тут и маленький, да юркий Фоскари объявился. Продолжая тараторить и жестиковать, он расплатился с Суховым, запер ворота амбара и убежал вверх по лестнице, подныривая под обвисшие лозы.

– Поехали отсюда, – велел магистр и аколит. Трястись на телеге всю обратную дорогу он не решился и оседлал брошенного варягами коня.

Выбраться из Амальфи труда не составило – толстый страж дремал в тенёчке, предоставив собирать мзду молодому помощнику, а тот даже внимания не обращал на отъезжавших – выход из города был бесплатным.

Олег с Ивором и Свеном, «записавшимися» в добровольные телохраны, Пончик и Витале Ипато быстро добрались до стоянки в бухте.

Быстренько переодевшись в ромейское и привычное, Сухов собрал ярлов и навклиров хеландий.

– Разрабатывать стратегию и тактику нам некогда, – начал он, – и ту и другую построим на двух принципах – быстроты и натиска. Атакуем с моря.

Хеландии сжигают корабли амальфитанцев, лодьи высаживают бойцов, «троянцы» открывают ворота – и город наш! Вниманию ярлов – просьба не увлекаться резнёй! Всё ж таки амальфитанцы – вассалы императора...

– А добро стяжать можно хоть? – встревоженно спросил Карл Вилобородый.

– Сколько сможете унести!

– А, ну тогда ладно, – успокоился ярл.

– У меня всё, – сказал Олег. – Чистим оружие и ждём вечера!

К вечеру, когда солнце тонуло в Тирренском море, на стоянке остались одни генуэзские галеры и стража из ясов. Хеландии и лодьи вышли в море, двигаясь на вёслах к востоку. В наступление.

Сухов поднялся на борт «Св. Георгия Победоносца», с ним вместе взошли Ивор и Свен – большего количества варангов навклир вынести не смог.

Олег прошёлся по палубе до самого носа и потрогал рукою медный купол огнепального сифона – тот был едва тёплым. Медная труба-жерло, именуемая пирекболом, то бишь огнемётом, и украшенная разинутой пастью чудовища, стояла зачехлённой, а всё пространство до борта покрывали сырые воловь шкуры, настеленные для пожарной

безопасности.

– Где сифонист? – резко спросил Сухов.

Тут же в палубе отворился люк и наружу выбрался длинный, нескладный парень, обряженный в доспехи. Именно обряженный – шлем ему шёл как корове седло.

– Мы при сифоне поставлены, сиятельный, – доложил парень.

– Звать как?

– Евлогием окрещён...

– Ну-ка, Евлогий... – Олег отодвинул сифониста и спустился по трапу вниз.

Внизу было жарко. Гудело пламя в топке котла, полного ужасной горючей смеси, вонял уксус в бочке – только им и можно было затушить «греческий огонь», вода его не брала.

– Воздуху подкачай, Михаил, – сказал сифонист с палубы.

Полуголый, хорошо сложенный Михаил, блестя потной кожей, молча подошёл к мехам и с усилием принялся работать рукояткой – гудящий воздух, нагретый в трубах, заполнял сифон с коротким шипением, всё повышая и повышая давление.

– Долго еще греть? – спросил Олег.

– Не, сиятельный, – отмахнулся хорошо сложенный. – Уже скоро!

– Надо так сделать, чтобы клапаны открылись в порту Амальфи, не раньше! А то как заревут, сразу тревогу поднимут.

– Сделаем, сиятельный!

Когда Сухов поднялся на палубу, над нею уже курился дымок из топки – тяга была хорошая. Котёл быстро нагревался, издавая утробное бульканье.

– Они что, – спросил Свен боязливо, – «греческий огонь» варят?

– Вроде того, – кивнул магистр. – Нагревают его, а потом горячим воздухом выдавливают.

– Ну, правильно, – оценил Малютка, – не руками ж его давить!

Солнце село, а луна ещё не взошла, когда лодьи с хеландиями вышли на рейд Амальфи. Звёздного света хватило, чтобы в чистом воздухе обрисовать тёмные контуры судов, покачивавшихся на якорях и пришвартованных у пристани. Отблескивала вода, тускло светились огни в окнах домов – город и впрямь поднимался от моря на склон подобием гигантской трибуны, от партера до галёрки.

Смутными тенями мелькали матросы по палубе «Св. Георгия Победоносца», разворачивавшие реи. Почти сливаясь с волнами, скользили лодьи.

«Что ж, – подумал Олег, – все действующие лица уже на сцене. Пора объявлять начало представления!»

И тут же, словно услышав его мысли, сработали *niglaros* – предохранительные клапаны, сигнализируя, что горючая смесь достигла кондиции и готова к применению, – режущий уши свист, переходящий в высокий вой, огласил тихие просторы бухты. Как чёртики из коробочки, выскочили из люка оба сифониста.

– Мы готовы, сиятельный! – доложил нескладный.

Хорошо сложенный молча запалил лампадку.

– Жгите всё подряд! – отдал приказ Сухов.

Евлогий неожиданно преобразился – в его движениях обнаружилась точность и выверенность. Сдёрнув чехол с пирекбола, он со скрипом развернул его, нацеливая за борт.

– Шкуры смочил? – отрывисто спросил он Михаила.

– Смачивал уже... Сейчас я...

Хорошо сложенный подхватил ведро с уксусом и облил им шкуры, покрывавшие палубу близ огнепального сифона. Резкий запах кислоты ударил в нос.

– Огня!

Михаил стал на карачки, подполз к пирекболу и приподнял зажжённую лампаду. Евлогий оскалился, ногой отжимая бронзовый рычаг. В трубе загудело, из пасти медной химеры забил пар, вспыхнувший синим пламенем, а в следующую секунду химеру вырвало потоком жидкого огня.

С диким рёвом горючка окатила пару амальфитанских галер, разбрызгивая всепожирающее полымя. Огненная дуга сияла в ночи, соединяя хеландию с галерами, с усиерами, с пузатыми кубарами. А тут забил еще один палящий фонтан – взревел сифон на хелании «Грифон». К ревушим выбросам «греческого огня» добавился треск пылающего дерева. Вспыхивали вёсла и скамьи на амальфитанских кораблях, загорались надстройки и борта, чадили скатки парусов, огненными прямыми прочерчивались штаги и ванты, лопались, скручиваясь тлеющими петлями, клубились тучами жалящих искр.

Флот Амальфи горел, столбы великого пожара поднимались в небо гигантскими факелами, оранжевое зарево высветило почти весь город.

– Ярлы! – гаркнул Олег. – Па-ашли-и!

Варяги взревели, налегая на вёсла. Оставляя горящие корабли слева по борту, лодьи устремлялись к берегу и с ходу втёсывались в песок. Русы, ясы, аланы, савиры, болгары прыгали в воду или на сушу и бежали к городу, потрясая мечами, секирами и копьями. Мелькали щиты, качались шлемы. Варяги ревели, аланы выли, ясы свистели, болгары издавали воинские кличи разных кланов, савиры улюлюкали.

Олег с волнением следил за стенами Амальфи. Были заметны цепочки факелов – огоньки медленно стекали по лестницам города-изваяния, кружились бестолково на крошечных площадях, но ворота по-прежнему стояли запертыми, отсвечивая бронзовыми полосами и заклепками.

– Ну же, ну... – цедил Олег, замирая. Вот оно! Створки ворот дрогнули и стали раскрываться.

– Есть!

Огонь с моря, закручивавшийся и колыхавшийся дымными колоннами, осветил место действия – поле боя. Было хорошо видно, как десятки людей у воротных башен бьются на мечах, не щадя ни своих, ни чужих. Не выстояла бы горстка «троянцев» в схватке с амальфитанцами, но тут подоспело подкрепление – накатило, смяло, раскидало, втоптало в землю...

Перебив защитников города, скопившихся у ворот, варяги погнали драпавших горожан по узким лестницам и улицам-проходам.

– Всё! – выдохнул Олег. Повернувшись к бледному навклиру, он приказал: – К берегу!

Малютка Свен тут же украсился довольной улыбкой: вот и его черёд пришёл пограбить!

Хеландия обогнула горящие корабли и высадила беспокойных варягов вместе с их аколитом на песчаный пляж.

– Мы... это... – замялся Свен.

– Да иди уж, – махнул рукой Олег.

– Си!

И варяг-великан почесал к городу – успеть попользоваться плодами победы. А победа была явной. Бои на улицах продолжались, но быстро угасали – Амальфи прекращал сопротивление, сдаваясь на милость победителя.

– Светло-то как... – пробормотал Ивор Пожиратель Смерти, задирая голову к небу.

– А ты чего здесь? – удивился Сухов.

– Ну надо же кому-то охранять твою особу, аколит, – улыбнулся варяг. – А мечом помахать я ещё успею – два города впереди.

Ранним утром установилась тишина. Взошедшее солнце осветило полусгоревшие остовы галер и чёрную полосу головешек, вынесенных на песок волнами. Амальфи был тих. Город затаился, пережидая уход варягов, довольных добычей. Мёртвых воинов и убитых горожан сносили к храму Св. Андрея Первозванного. Потрясённые девушки, испробовавшие буйной варяжской страсти, понемногу приходили в себя.

Когда солнце поднялось над горами, воротами Порты делла Марина прошли правители города Амальфи – префект Мастал I, епископ Константин, комиты и судьи.

До смерти напуганный префект стал с жаром убеждать Олега в своей искренней

верности базилевсу и смиренно признал вассальную зависимость от империи. Что и требовалось доказать.

Глава 9, в которой Елена Мелиссина размышляет о судьбах империи и плетёт интриги

Бариум оказался весьма милым городишкой, зеленым и уютным. Множество зданий уцелело от времён цезарей, но были и странные новостройки. Растеряв мастерство римских каменотёсов, возводивших стройные колоннады и гордые фронтоны, лангобарды выкладывали из камня круглые дома-труллы, имевшие тяжеловесные крыши из глыбок, сходящихся остроконечными конусами.

Елене Мелиссине показалось страшным жить под нависавшими камнями, а вот местные об этих вещах даже не задумывались. По крайней мере в труллях было тепло зимою и прохладно летом.

Впрочем, называть лангобардов новыми хозяевами древнего Бариума было бы не совсем честно – и ста лет не прошло, как этот город-порт захватили сарацины. Правовверные даже основали здесь Барийский эмират, возвели крепость, но не долго они поклонялись тут Аллаху – их вытеснили православные.

Зоста-патрикия направила коня за пределы городских стен. Она ехала шагом, дожидаясь Котяна, посланного на разведку, а булгары следовали позади, не мешая, но всегда в готовности помочь.

Женщина подставила лицо солнцу и улыбнулась. Тот восторг, который обуял её на виа Эгнатиа, уже схлынул, но тихая радость осталась, будя в душе неясные надежды.

Даже простая поездка, совершаемая ради новых впечатлений и бездумного отдыха, дарит удовольствие. А уж когда ты при деле, приятность возрастает стократ.

Елена поднялась на покатый холм и осмотрелась. По правую руку сияло голубизной море, узкая белая оторочка пляжа разделяла воду и сушу – холмы, скалы, рощи, луга. На гладком зеленом поле стояли ровными рядами воинские шатры, замкнутые в квадрат валом и рвом, – это был ромейский военный лагерь, разбитый Феоклитом Дукой, domestikом с хол Запада, командующим всеми сухопутными силами империи в Лонгивардии. Шатёр domestikа, больше и выше прочих, находился в самой середине лагеря, там, где колыхались знамёна и штандарты-фламулы.

Над лагерем висела пыль – многие сотни копыт и сапог давно уж вытоптали траву, а ныне Христово воинство уже не расхаживало среди тентов, а бегало – близился час сражения с мятежниками. Многочисленный отряд апулийских лангобардов приближался с запада, отрезая Мелиссине путь к Аппиевой дороге Траяна – самому короткому пути в Рим.

– Великолепная светлейшая!

Подскакавший Котян лихо спрыгнул с коня и ухватил того за уздцы.

– Сегодня выехат не удастся, – доложил бек. – Доместик перекрыл все дороги, заворачиват и конных, и пеших! Но скоро всё решится – лангобарды близко, я сам видел их конников за лесом.

– Думаешь, городу грозит осада? – нахмурилась Мелиссина.

– Ну уж нет, сиятельная! Воинов среди бунтовщиков мало, на нас прёт голытьба. У этих босяков хватат злобы, они жадны, но их руки привычны к лопатам, а никак не к копьям. Уж ты поверь, сиятельная, бой будет недолог!

– Хорошо бы, – вздохнула Елена, переводя взгляд на лагерь.

А там вовсю шло общее молебствие: каждый воин, укрепив на воткнутом в землю копьё светильник или свечу, молился на коленях о ниспослании победы, о спасении в бою, о прощении грехов. Бойцов причащали войсковые священники. Хор грубых голосов донес слова поклонения Богородице:

Радуйся, мудрости Божьей вместилище,
Радуйся, милости Господа хранилище,
Радуйся, цветок воздержания,
Радуйся, венок целомудрия,
Радуйся, козни ада поборающая,
Радуйся, дары рая открывающая...

И тут хрипло взвыла труба. Её вой подхватили рога, разнося заполошные сигналы. Началось столпотворение, называемое построением. Елена разобрала в кажущейся суете определённый порядок – воины собирались, свои находили своих, строились, поправляли доспехи.

Трое болгар подъехали поближе к Мелиссине, и Органа вытянул руку с плетью в сторону леса:

– Вон они!

Лангобарды, кто пешком, кто верхом, показывались из-за деревьев, то растягиваясь цепью, то сбиваясь в толпу. Редко кто был при мече, основная масса вооружилась топорами и самодельными копьями, а то и просто вилами да косами.

Мятежники валили и валили – человеческое стадо, не ведающее науки побеждать. И это стадо всё сильнее смещалось в сторону Бариума.

– В город?! – крикнул Котян, вскакивая на коня.

– Нет! – мотнула головой Елена. – Уходим к Аппиевой дороге, а то, боюсь, надолго здесь застрянем. И к чёрту domestica!

Мелиссина представила себе во всех красках баталию, что вот-вот разразится, и разбежавшихся по долам и лесам лангобардов, сбившихся в разбойничьи банды. И как потом проехать в Рим, как пробиться через бесконечные заслоны из лихих людей, засады грабителей и убийц?

– Вперёд!

Елена с Котяном помчались к западу, следуя краем леса. Булгары поскакали следом. И тут же ещё одна толпа вооруженных апулийцев высыпала из леса, отрезая тайной посланнице и ее спутникам пути в Бариум.

– Котян! – окликнула печенега женщина. – Постой! Надо переждать на опушке, пока эти не пройдут!

Булгары закивали согласно, а Котян досадливо сморщился – не в его натуре было прятаться и отсиживаться. Но Елена права: переть наобум – нелучшее решение, можно было легко попасть в лапы арьергарду войска бунтовщиков.

Бек пустил коня шагом, заезжая в рожицу, Мелиссина подъехала и остановилась рядом. Отсюда были хорошо видны порядки мятежной армии, а вот ромейский лагерь едва просматривался.

Вон вроде из его западных и северных ворот выступили конные сотни катафрактариев – тяжёлой кавалерии, чьи всадники, равно как и лошади, были закованы в броню. Угрожающе клонились их пики в восемь локтей длиною – сама несокрушимость наступала на лангобардов.

Донесся, нарастая, гул, подобный накату паводка. Когда зоркие глаза Мелиссины смогли различить отдельных всадников и множество качавшихся и прыгавших хоругвей над ними, чей-то несильный голос прокричал команду:

– Пуска-ай!

Удивлённая, женщина повернула голову в сторону бунтовщиков – оказалось, что метательные орудия приволокли упряжки лангобардских лошадей!

Слитный стук спускных рычагов баллист ударил сухим частым грохотом, да с завизгом. Тяжелые дротики провыли над полем, уносясь навстречу тяжелой коннице ромеев. И поразили цели, накалявая катафрактов, как жуков на булавки, бывало, что и парами, подчас и коня нанизывая на общий вертел.

– Заряжа-ай! Толка-ай!

Еще одна стая убийственных жал перелетела меньшавшую нейтральную полосу.

Шагов двести оставалось до оголовья ромейского клина, когда заговорили катапульты. Десятки ядер ударили по катафрактариям «тупыми предметами», напрочь отрывая головы, переламывая тулова, а те, что на излёте, выбивали всадников из седел и бросали под копыта бесившихся коней.

Десятки валившихся мертвецов, кувырки убитых скакунов создавали заторы, катафракты наезжали друг на друга, роняя оружие, порой и сами не удерживаясь в сёдлах. Ромеи начали рассыпаться, разворачиваясь в лаву, но было поздно – конница уже сбилась с шага, таранный удар оттягивался, теряя мощь, выдыхался в жалкий шлепок.

– К западу отходим! – крикнул Котян. – К западу! Они сейчас побегут – и прямо на нас!

– Не побегут! – возразила Елена.

Она судорожно сглотнула, ощущая тягостную истому. Было страшно до одури. По её глупости они все оказались меж двух огней, между молотом и наковальней. Успеют если прошмыгнуть – спасутся. Не успеют – тогда всё...

Кони в стальных намордниках, остервеневшие катафрактары, стоявшие в стременах, нелепые дерганья хоругвий за их спинами – наваливаются, накатываются...

И тут Елена Мелиссина заметила просвет в лангобардском построении – мятежники ускакали вперёд, обходя ромеев с левого фланга, и между лесом и полем открылся пологий склон холма, изрытый копытами.

– На холм! – скомандовала посланница.

Конь Мелиссины, испуганный не меньше всадницы, буквально вспорхнул на возвышенность, поросшую молодыми деревцами. Сверху было лучше видно, как сомкнулись фланги лангобардов, плотно окружая катафрактов. То там, то сям ромеи переходили в контратаку, но восставшие отбрасывали их. Кони, люди заметались в узком пространстве, причем реально сражаться могли лишь крайние, середка же давилась в тесноте и бессилии.

Началось побоище. Катафрактов скидывали наземь, цепляя крюками на копьях, резали коней, и ромеи падали, барахтаясь в крови и парящих кишках. Бой двух отрядов постепенно распадался на сотни малых сражений – один на один, один на всех или все на одного.

– Бей! Бей! – несло с поля сражения.

– Слева! Гизульф!

– Не трожь коняку! Сгодится!

– Шибче!

– Сзади, Ландо! Сзади!

– А щит твой где?! Раззява!

– Получи! Получи, зараза!

– Куды прёшь, собака?!

Рев сотен глоток, проклятия и молитвы, грозный лязг и тошнотворный хруст – ужасающий шум битвы – висел над полем, эхом отдаваясь от холмов.

– Стой!

На Мелиссину наехал бунтовщик, закованный с ног до головы в кольчугу и замотанный в длинную стёганую котту с разрезами сзади и спереди. Его пику печенег перерубил и стал отступать, прикрывая Елену. Лангобард отбросил бесполезное древко и выхватил меч.

– Уходим! – гаркнул бек.

Булгарин Тарвел развернулся и достал наехавшего мятежника клинком. Тот взмахнул рукой, роняя щит. Рассвирепевший Котян замахнулся мечом как следует и снёс противнику голову, будто курёнку.

Елена сохранила о сражении отрывочные воспоминания. Всё менялось за один удар сердца – наваливался новый враг, и надо было успевать поворачиваться, отбиваясь, наседая, вступая в дуэль. За холмом, куда она въехала сама и вывела спутников, обнаружился добрый десяток конных мятежников – и каждый считал своим долгом истребить ромейку, трёх

булгар и одного печенег.

Падает сражённым один лангобард, а взамен прибывают двое... Конь под Котьяном погиб, печенег перескочил к ближайшему лангобарду за спину и пропорол тому кожаную броню акуфием... Копье целило Органе в голову, мечом булгарин отсек наконечник, возвратным движением подрубая кольчужный воротник справа...

Чья-то горячая кровь обожгла Елене руку, хлынув струей, – лангобард без шлема свалился с лошади, обратив удивлённый взгляд голубых глаз к небу, а редкая бородёнка его тряслась, словно мёртвые губы всё ещё силились договорить слова молитвы...

Мелиссину со спутниками спасла неопытность апулийцев и малодушие катафрактов – ромеи на поле начали сдаваться. Какой-то кавалларий торопливо сбросил шлем и отшвырнул меч, истошно вопя о милосердии.

– Ради Пресвятой Девы! – пронёсся крик. Пример трусливых заразителен, и скоро хвалёная ромейская конница обратилась в толпу изнемогших, отупевших людей, сохранивших только одно желание – жить!

Отдельные катафрактарии прорывали окружение и уходили. Широкой полосой смещалась битва в сторону моря, и на всём протяжении взрытая копытами земля впитывала кровь, и множество мертвых тел остывало на ней.

Лишь теперь пропели трубы – копейщики и щитonosцы стройными рядами двинулись на лангобардов, понёсших большие потери. Ромеи наступали с флангов, мечи медленно перемалывали человечину – богини победы и удачи, отвернувшись было от православного воинства, вновь с интересом поглядывали на него.

– Уходим! – крикнула Елена, с трудом отрываясь от страшного зрелища. – Все живы?

– Да все вроде, – выдохнул Котян, управляясь с трофейным конём.

За лесом, за холмами открылась виа Аппиа Траяна – прямая, как стрела, дорога, мощённая плитами из травертинского камня.

– Зачем вот мы бросились в обход лангобардов? – терзалась Мелиссина. – Это был не риск, а безумие!

– Но ты же сама нам приказала! – растерялся Котян.

– А зачем ты меня послушал? – набросилась на него женщина. – Видишь же, что глупости говорю! Надо было по-своему сделать, правильно!

Малость обалдевший печенег оглянулся на посмеивавшихся булгар, но не рассердился на Елену, надувшую губки, а вздохнул:

– Да какое там «правильно»... Я ведь уверен был, что лангобардов сметут в одно мгновение! Видывал я атаки катафрактов, видывал... Тараном бы прошли по бунтующим, перелопатили бы всех, как навоз! А оно вишь как...

– Ладно, – Мелиссина тоже испустила вздох, – впредь будем умнее. И осторожнее. Ходу!

И пятёрка конных поскакала по гладкой виа к Беневенту.

Дорога уцелела не везде – лангобарды потихоньку разбирали её на хозяйственные нужды. Добывать камень и обтесывать его они не умели, а тут готовые плиты – бери, не хочу. И брали. Разбирали прекрасный языческий храм – и складывали церковь-уродца, церковь-нелепицу, кривобокую, перекошенную, неуклюжую. Частенько эти новоделы заваливались, погребая неумелых зодчих, но иных архитекторов уже не было... Перевелись, ибо крах империи означал и гибель цивилизации.

Елена не слишком интересовалась историей, и воспоминания о славе римской не щекотали её тщеславие. Она выросла с сознанием, что ромеи и есть римляне, продолжатели великих дел предков. Ведь вокруг неё сиял великолепием Константинополь, Второй Рим, «Город-Царь»! И только в Италии к женщине пришло понимание того, что истинное величие минуло безвозвратно, что оно отделено от неё веками варварства и давно кануло в Лету. Ромеи – потомки не римлян, а греков, приневоленных цезарями, а ныне они тщатся в жалких потугах соответствовать былой царственности, которую постигло забвение.

Впервые это тоскливое ощущение разрыва и утраты Елена почувствовала в Беневенте, когда проезжала под триумфальной аркой Траяна, когда огибала заброшенный амфитеатр, где во время оно бились гладиаторы и ревели толпы народу, а ныне паслись козы; когда пересекала реку Сабато по великолепному каменному мосту. А сама дорога? Виа Аппиа тянулась от Рима до самого Брундизия, главного порта империи, и добраться по ней из конца в конец можно было за пару недель. А император Траян проложил еще одну дорогу от Брундизия до Беневента – через Бариум, спрямив путь и ускорив прибытие дня на три. В ту пору вдоль виа непрерывной чередой тянулись милевые столбы, через каждые десять миль путников и всадников ждало место отдыха – с гостиницами, с почтовыми станциями, где вам меняли лошадей, а сейчас...

А сейчас даже не все столбы уцелели, а уж о гостиницах и речи не шло. Больше всего на обочинах сохранилось гробниц – гробниц в виде алтарей, в виде пирамид, башен, колонн, катакомб, столбов. Когда спутники разбивали лагерь в укромном месте и натягивали шатёр, Елена отправлялась бродить среди древних могил, с трудом разбирая эпитафии.

«Аталий Серран Рабирий, отпущенник Г. Аталия Серрана, маргаритарий со Священной Дороги. Путник, остановись и посмотри на этот холм слева, там находятся кости человека доброго, любящего, милосердного, честного и бедного».

«Клавдий Секундин. Не грусти ни о чём!» «Помпония Виталина умерла на ложе любви»...

...Они ехали по благословенной земле Кампании, как и прежде осиянной солнцем, «Счастливой Кампании». Как и века назад, на востоке лиловела зубчатая линия Апеннин, сияло солнце, зеленели склоны пологих холмов. И под этим солнцем, среди этой зелени лежали руины великой эпохи. Елена проезжала мимо обрушившихся гробниц и развалившихся стен, лишь кое-где встречая заброшенный, необитаемый дом, мимо оград, заборов и плетней, мимо развалин Капуи, сто лет тому назад захваченной сарацинами, а ныне лежавшей в запустении. И лишь однажды прошлое ожило – милях в тридцати от Рима, на станции «Три харчевни», которую, бывало, нахваливал Цицерон.

Проехали Синуэссу и Минтурну, миновали Таррацину и Аррицию у подножия Альбанской горы, и вот виа Аппиа уткнулась в ворота Св. Себастьяна, знаменуя конец пути и прибытие в пункт назначения. В Рим.

– Подъезжаем! – оживилась Елена.

Прежние квадратные башни в стене Аврелиана, фланкирующие Аппиевы ворота, кто-то надстроил башнями круглыми и снабдил зубцами. Вероятно, тот самый, кто дал воротам имя Святого Себастьяна.

Размеры Вечного города поражали даже издали, и Мелиссина взбодрилась, надеясь быть потрясённой чудесами и диковинами.

Стражники у ворот, молодые и нагловатые, хором отпускали комплименты Елене, зачастую весьма сомнительного свойства, но женщина не обижалась на итальяскую несдержанность, и Котян перестал хвататься за меч.

Виа Аппиа продолжалась и за воротами, ныряя под акведук Антонина, который снабжал водою исполинские термы Каракаллы, раскинувшиеся неподалёку, на трёх уровнях. Но и тут Елену ждало разочарование – стены бани, некогда отделанные мрамором, ныне краснели кирпичной кладкой, кое-где разобранной до бетонной сердцевины.

– Давайте посмотрим, что там, – предложила посланница.

– А что там? – с любопытством спросил Котян.

– Это баня, вроде Зевксиппа.⁵²

– Такая здоровенная?!

– Да! – гордо ответила Елена.

⁵² Зевксипп – крупнейшая баня в Константинополе.

Когда же они подъехали к термам, она поняла, что гордиться особенно нечем, – колоссальные своды терм кое-где уже были провалены, и солнце играло лучами на остатках мозаик из порфира и жёлтого нумидийского мрамора. В лучшие времена солнце в термы заглядывало через огромные полукруглые окна, бронзовые переплёты которых были заделаны тонкими пластинами полупрозрачного гипса цвета слоновой кости, дабы ровный золотистый свет заливал залы, где любой римлянин мог бесплатно поплескаться в бассейне с горячей водой, принять ванну, размяться в гимнасии, почитать в библиотеке, пообедать или заглянуть к обученным проституткам. Теперь же драгоценные полы были усеяны мусором, и только хриплое мявканье бродячих кошек пускало эхо в великой пустоте, размером своим сравнимой разве что с собором Св. Софии.

– Идёмте отсюда, – вздохнула Елена.

В молчании они проехали остаток Аппиевой дороги до старых римских стен, сложенных Сервием Туллем. За ними дорога пролежала будто в ущелье из высоких зданий – с дверьми и окнами, но с обрушившимися крышами. Говорят, что прежде на римских улицах не было зелени. Что ж, теперь тут всё пошло в рост – из руин вымахивали стройные кипарисы и кривоватые пинии, похожие на зонтики, а ограды, шербатые стены домов перевивал тёмно-зелёный плющ, символ забвения и печали.

– Ну и акведуков у них! – воскликнул Органа, плетью указуя вперёд, где дорогу, ставшую улицей, пересекали многоярусные водопроводы Аппия и Марция. Кое-где их стройные аркады были разрушены, а обломки лежали огромными горами, уже поросшие кустарником. Да и на самих акведуках прорастали молодые деревца.

– Когда-то тут жил миллион человек, – вздохнула Елена, глядя, как по разваленной арке акведука Марция стекает водопадик, наполняя маленькое озерцо.

– Ничего себе! – выдохнул впечатлённый Тарвел. – А теперь сколько?

– Не знаю, – равнодушно ответила Мелиссина, – тысяч тридцать от силы...

Они провели коней краем озерца, по сути – огромной лужи, до Большого цирка, и видом, и величиной похожего на константинопольский Ипподром, и свернули на широкую улицу Патрициев. Каменные плиты, коими она была вымощена в незапамятные времена, давно скрылись под слоем земли, и великолепная улица больше напоминала деревенский просёлок с пыльными колеями, набитыми в густой траве. Патрицианскую улицу с обеих сторон зажимали ряды домов, редко где целых, в основном развалившихся до первых этажей, а кое-где и вовсе чернели пустоши – места старых пожаров. Выморочный город...

Однако именно здесь Елене встретились первые жители некогда многолюдной столицы – тяжёлая повозка, запряжённая шестёркой лошадей, проезжала со стороны Колизея, полная нарядных гуляк, – двое молодых людей распевали, две девушки смеялись, а усатый и хмельной возница расслабленно улыбался, не погоняя упряжку, а лишь направляя её.

Молодые люди обратили внимание на красивую женщину, и Елена тотчас же решила воспользоваться этим преимуществом пола. Подъехав поближе, она громко спросила на латыни:

– Приветствую вас, но не знаю, понятен ли вам мой язык?

– Кто же в Риме не знает латыни? – воскликнул усатенький молодчик в грубой рясе. – А с кем я имею удовольствие разговаривать?

Мелиссина сделала знак Котянну, и тот выехал вперёд.

– Мою хозяйку зовут Елена Росена,⁵³ – сказал он, – она весьма знатная дама и едет поклониться святым местам.

– А сам-то ты кто?

– Печенег.

– Печенег?! В первый раз встречаю печенег, говорящего на языке Овидия!

– Можно подумать, – звонко воскликнула одна из девушек, светленькая, в простенькой

⁵³ Росена – Русская (Эльгой Росеной ромеи называли княгиню Ольгу).

медной диадеме, – ты их вообще когда-либо встречал!

Все, сидевшие в повозке, рассмеялись. Елена тоже улыбнулась и забросила крючок:

– Я хотела бы снять подходящий моему положению дом. Не подскажете ли, где мне найти такой?

– Обязательно подскажем! – заверил её усатенький монашек, бросая пыльные взгляды.

– И покажем! – добавил ревниво его товарищ, мирянин с козлиной бородкой. – Эй, Алагис, поворачивай!

Возница не сразу сообразил, чего от него хотят, и потом ещё долго катался по улице туда и сюда, пока не развернул повозку.

– Я знаю один хороший дом возле Септизодия! – громко сказала светленькая. – Настоящий дворец! Год назад там проживал Фароальд Носатый, а зимой его жена Ивантия померла, и он отъехал, оставив сторожить моего дядьку. Дом просто чудесный, вам понравится!

– Посмотрим, – улыбнулась Елена. – Поехали! Кстати, как зовут моих новых провожатых?

– Я – Ильдерик! – стукнул себя в грудь усатенький. – Слуга Господа, замаливаю грехи родителей в монастыре Святого Германа.

– А я – Адемар, сын консула Зотто, – представился козлобородый.

– Алоара, – мило улыбнулась светленькая, поглядывая на булгар.

– Берта, – томно произнесла чёрненькая.

– Поехали!

– А это кто? – слышался громкий шёпот Алоары. – Тоже печенег?

– Сарацины они, – со знанием дела сказала Берта. – Видишь, какие у них тюрбаны?

– Это булгары, – улыбнулась Мелиссина. – Органа. Тарвел. Куверт.

Она называла имена своих спутников, а те по очереди склоняли головы. Алоара была просто очарована.

Ехать пришлось недолго, Септизодий находился почти что рядом – высокое здание в три этажа, украшенное колоннадами. В нём никто никогда не жил, а вот неподалёку обнаружился старый римский особняк-домус. Домус прятался в запущенном парке, гулять по которому было невозможно, – старые деревья давно попадали, устроив бурелом, а молодая поросль заполнила собою все просветы, включая аллеи. Одичавшие розы и виноградные лозы заплели стволы и мраморные статуи, полуразрушенные гроты и пересохшие фонтаны. Кованые решетки ограды были уворованы столетия назад, но теперь и сам парк охранял подступы к дому лучше всяких частоколов.

Все – приезжие и местные – отправились к дому пешком. Заметив, что Елена идёт налегке, Берта удивилась.

– А где же ваши вещи? – спросила она. – У знатной дамы должно быть много нарядов!

Елена улыбнулась.

– Откуда же я могла знать, что носят в Риме? – сказала она. – Что это на тебе?

Берта посмотрела на своё платье до пят, огладила его руками:

– Это сюркени.

Так называлась женская разновидность котты, плотно облегающая грудь. Поверх неё девушка надела сюрко – безрукавку с разрезами по бокам и такую же длинную, как котта, а хрупкие плечи Берты прикрывал легкий плащ с серебряной застёжкой-фибулой на плече.

– Я прихватила с собой столу на выход, – сказала Елена, – это такое платье, принятое в Константинополе, но мне бы не хотелось выделяться...

– А ты мне покажешь? – загорелась Берта.

– Ну конечно! Только уговор: ты поможешь мне купить то, в чём ходят в Риме, и научишь правильно одеваться.

– Согласна! – радостно ответила девушка.

Мелиссина пригляделась к ней. В Берте смешалась кровь последних римлян и лангобардов. Вполне возможно, что в роду её отметились и гунны, и вестготы, и вандалы.

Нет, империя не рухнула в одночасье, пав под ударами варваров. Триста лет подряд римляне приваживали полудиких соседей, мирились с ними за деньги, узаконивали их веру. Великий Рим менялся, подлаживаясь под инородцев, пока не превратился в варварское государство, быстро распавшееся на уделы – опять-таки, в полном согласии с законами нахлынувших орд. Изнеженные, слабые римляне уступили место здоровым и сильным, крепко сжимавшим меч и распятие...

Елена вздрогнула от посетивших её грешных мыслей и перекрестилась.

– А вот и сам дом! Правда, красивый? – воскликнула Берта, указывая на глухие стены, украшенные портиком с колоннами. В высокой стене глаз замечал лишь малюсенькие окошки размером с кошачий лаз, а сверху выступала красная черепица.

– Дядя Радельхис! – позвала Алоара. – Дядя Радельхис! Ты где?

– Здесь я, чего кричать зря... – послышался ворчливый голос, и из-за колонн портика вышел сгорбленный человек с лысой головой и седыми усами, такими длинными, что свисали ему на грудь.

– Привет, дядя Радельхис!

– Алоара, ты, что ль?

– Я, я! Вот тут одна знатная дама, она приехала на богомолье, хочет снять дом!

– Да ну? – удивился Радельхис. – А деньги-то у ней водятся?

Елена сделала знак Котяну, и тот небрежно сунул руку в заветный мешочек, выгребая и ссыпая обратно позванивавшие номисмы. Это тоже было сделано специально и возымело эффект – Радельхис мигом подобрел.

– Раз такое дело, – прокричал он, с великим трудом разгибая спину, – то заселяйтесь! Много не возьму... пару золотых, мм?

Печенег тут же передал ему требуемую сумму – сторож и вовсе растаял.

– Живите! – сказал он. – Дом хороший, родовое гнездо самих Квинтиллиев!

Елена пересекла тёмный вестибул и ступила в атриум – маленький внутренний дворик, загаженный и замусоренный. Пыль, грязь и прелая солома толстой коркой покрывали пол. Там, где ходили чаще, мусор был разбросан и открывал выщербленную мозаику – угадывался цветущий куст, кувыркавшийся дельфин, некто в тоге и со свитком в руке. Тени бывшего блеска...

Посреди атриума, в растрескавшейся оградке имплювиума – декоративного бассейна, лангобарды устроили открытый очаг. Рядом, в маленькой комнатке, хранились дрова.

Качая головой, Елена прошла в таблинум – парадную комнату, потолок которой был расписан амурами и венерами. Гениталии у томных Венер были исчерканы и расколупаны наконечниками копий. Таблинум был проходной комнатой, за ним открывался перистиль – еще один внутренний дворик, окруженный крытой галереей на колоннах. Здесь тоже был имплювиум – из него устроили поилку. Слой засохшего навоза покрывал пол – видать, скотину держали. Но давно – вонь почти исчезла. Елена вздохнула. Дальше, за перистилем, должен быть садик с беседками. Дверь туда была заколочена досками, но вряд ли она сильно ошибётся, если предположит, что сад давным-давно сменился выгоном...

– Отлично, – сказала Мелиссина, – этот дом мне подходит. Только здесь надо всё убрать, навести чистоту, поставить мебель...

– Позволь и мне помочь, – вызвался Адемар. – Я пришлю парочку-другую наших рабов, они тут всё отмоют до блеска!

– Превосходно, – улыбнулась Елена. – Я принимаю твою помощь. И... Если уж вы так добры, то не подскажете ли, где я могла бы отыскать умелую служанку?

– А я вам не подойду? – лучезарно улыбнулась Алоара. – Вы не подумайте чего, я к работе привычна. Наш род не знатен и не богат...

– Как всё устроилось на диво! – искренне сказала Мелиссина. – Ты мне подходишь, Алоара!

Адемар не подвёл, прислал-таки четырёх сметливых рабов, и те быстренько навели

порядок в доме Квинтиллиев – отскребли грязь, отмыли всё, отчистили. А Ильдери́к окропил все углы святой водой.

Елена не пожалела денег, выданных патриархом, и купила кровать и стол из бронзы работы древних литейщиков, развесила повсюду посеребренные светильники с молочного цвета колпаками из алеба́стра, расстелила ковры армянские и шира́зские – домус сразу приобрёл жилой вид.

Но не в этом заключалась основная работа тайной посланницы. Почти всю неделю Мелиссина разъезжала по Риму, а ее болгаро-печенежский эскорт вовсю сплетничал о хозяйке, разнося слухи и дразня любопытство обитателей города, некогда являвшегося центром мира, а ныне неотличимого от заштатного городишки. Тарвел с Котянном, бегло говорившие на латыни, небрежно живописали, каким потрясающим богатством всегда была окружена их госпожа, как вращалась она в великосветском обществе эмиров и шейхов, ханов и шахов, королей, герцогов и прочих отмеченных регалиями властителей. Котян с ностальгией вспоминал глазу́рованные купола Багдада, причудливые колоннады Альгамбры, сказочную роскошь Священны́х Палат, а Тарвел вздыхал о редких яствах и винах, доступных лишь халифам – и слугам Елены, этой таинственной богачки, ослепительно-красивой и загадочной женщины.

Надо ли говорить, какие толки и пересуды вызвала Мелиссина в римском высшем обществе!

И вот, под конец первой недели в Риме, к Елене прибежала запыхавшаяся Берта. Вытаращив глаза, она выпалила:

– К вам с визитом направляются Марозия, дочь Теофилакта Тускулумского, патриция и сенатрисса, супруга короля Уго Арльского! Да, и ещё сестра её, Теодора-младшая!

Мелиссина, прихорашивавшаяся у зеркала, спокойно спросила:

– Уго? А мне говорили, что в Италии правит король Гуго.

– Ну, это мы так говорим – Уго. Ах, вы просто не представляете, кого будете принимать! Марозия – великая женщина! По сути, она правит Римом!

– Успокойся, Берточка, – улыбнулась Елена, расчёсывая волосы русским гребешком из моржовой кости. – Ну правит. И что? Я перевидала на своём веку столько правителей, что их не вместила бы эта ви́лла! Разве что с китайским императором не довелось свести знакомство, но это меня мало печалит. Алоара! Поможешь мне?

– Конечно! – подскочила девушка.

Мелиссина сбросила одежды и улеглась на кровать. Берта, хоть и будучи моложе, с завистью созерцала её совершенное тело, не изуродованное родами, не тронутое безжалостным временем. Да полноте, может ли смертная иметь столь гладкую кожу? Столь упругие ягодицы? А как высока, как туга её грудь! Как крут изгиб её бёдер, будто вторящий линиям драгоценной амфоры, полной жизни!

«А вдруг это дьявол в обличье женщины?!» – ужаснулась Берта. Да нет же, нет! Ведь только вчера Елена навещала папу Иоанна! Разве позволено Сатане войти под своды Латеранского дворца? Конечно же нет!

Прибежала Алоара и принесла с собой большой ларец, разгороженный на маленькие вместилища, откуда выглядывали баночки, скляночки, флакончики, коробочки – походное хранилище для благовоний и мазей, спасающих красоту от увядания.

Алоара растёрла Мелиссине грудь и лицо настойкой крокуса, смазала волосы и веки экстрактом сладкого майорана, в кожу стоп и коленей втёрла отвар тимьяна с добавкой лепестков жасмина, ладони и плечи смазала миррой, а губы, шею и внутреннюю сторону бёдер растёрла розовым маслом и вытяжкой из цветов лотоса.

Полежав немного укрытая покрывалом, Елена, не спеша, оделась, накинув столу из голубого шёлка и обув мягкие меховые туфельки.

Солнце уже покинуло верхнюю точку полудня и здорово склонилось к закату, когда пожаловали гости – Марозия с Теодорой, в сопровождении массы прислуги и охраны. Елена вышла их встречать.

Теодора-младшая была моложе сестры, но и Марозия, возраст которой приближался к сорока, не выглядела на столько. Это была стройная, красивая женщина, из тех, что в юности выглядят простоватыми и страшненькими, но расцветают к тридцати, с годами всё полнее и ярче раскрывая свои красоты, усиливая Евины чары. Марозию отличали пухлые, чувственные губы, изящный, прямой нос истинной римлянки и большие, широко расставленные глаза, в которых светились ум и юмор.

Теодора походила на сестру внешне, но вот внутренней силы и собранности Марозии ей не доставало.

– Приветствую владычицу Рима! – сказала Мелиссина.

Марозия откликнулась воркующим грудным голосом:

– Тогда и я приветствую вас в моих владениях.

Повинуясь приглашающему жесту Елены, сёстры вошли в вестибул, свертывая с себя тяжелые плащи и оставаясь в сюркени из драгоценных материй. Свиту увела Алоара – в людскую.

Заранее вызнав все тонкости местных ритуалов и обычаев, Мелиссина первым делом усадила гостей за стол, ломившийся от снеди. Марозия повела себя весьма непринуждённо и утолила свой аппетит на славу.

Заметив, что хозяйка не берёт мясо руками, а накалывает его двузубой вилкой, сенатрисса удивилась и заинтересовалась.

– А зачем так? – спросила она, кивая на вилку.

– Чтобы зря не пачкать рук.

– Дай я попробую!

Мелиссина протянула Марозии вилку, и та испытала её в действии, немало насмешив и себя, и Теодору с Еленой. Забрызгав весь стол, сенатрисса всё-таки обрела кое-какой навык в обращении с неведомым ей столовым прибором. Завязался лёгкий светский разговор ни о чем, потом женщины освоились и сменили тему, перейдя на мужчин. Мелиссина умело направляла разговор, подталкивая Марозию к речам о Гуго Арльском.

– Мужем я довольна, – сказала сенатрисса, щепетно беря пирожное, – это сильный человек, жестокий и властный, упорный в своих намерениях. Он единственный сын Теобальдо, графа Арльского, и Берты Лотарингской, дочери короля Лотаря II. Выйдя в графы, Уго был королем Нижней Бургундии, но тех земель и той власти было мало ему, он жаждал большего. И вот Уго короновали в Павии...

– Говорят, его призвал архиепископ Ламберт? – уточнила Елена.

– О, – усмехнулась Марозия, – этот поп – тот ещё пройдоха! Но и Уго палец в рот не клади – откусит всю руку по локоть! Если говорить правду, – приглушила она голос, – то Уго призвала и я. После смерти моего второго мужа Гвидо я отправила к Уго послов, передавших ему мои слова: приди и владей Римом – значит, и мной тоже. Спросишь, почему я вообще звала его? Отвечу – мне прихлясь по душе его натура – где надо, гибкая, где надо – твёрдая. Уго милостив, но вот предателей не прощает, уничтожая их безо всякой жалости. Вот, был случай – двое судей Павии сплели против него заговор – Вальперт и Гецо по прозвищу Эверард. Сын Вальперта, Пётр, поставлен епископом в Комо, а дочь его, Роза, вышла замуж за пфальцграфа Гизельберта. Уго детей не тронул, но отца их казнил, а Гецо изувечил. Вот так. Он расставляет своих людей повсюду, как фигурки при игре в затрикий.⁵⁴ Вот епископ Ильдин, скажем. Его изгнали из Льежа, а Уго устроил его епископом Милана...

– А монаха Ратера, – вставила Теодора, – сделал епископом Вероны.

– Верно, – кивнула Марозия.

– Лишь бы не забывал родных... – намекнула Елена.

– О, уж об этом он не забывает! А уж в женах его и любовницах и запутаться, право, нетрудно! Своего сына от Вандельмоды – Умберто – Уго сделал маркизом Тосканы и

⁵⁴ Затрикий – шахматы.

герцогом Сполето. Сын от Пецоллы – Бозон – стал епископом Пьяченцы. Да что там! Дочь Уго Альда вышла замуж за моего сына Альбериха II!

– Хорошая партия, – кивнула Елена.

– Безусловно, – согласилась Марозия и вздохнула: – Мне было бы совсем хорошо и спокойно, если бы Бог дал сыночку немного терпения и почтительности, убавив заодно строптивость его и великую гордыню. Альберих не выносит Уго, и любое слово отчима воспринимает как личное оскорбление. Боюсь, однажды это кончится очень плохо – им двоим тесно в Риме.

– Так ваш супруг нынче здесь?

– Да, он покинул сырую и холодную Павию, чтобы погреться на нашем солнышке!

Поболтав еще немного, Марозия с Теодорой собрались уходить. На прощание «владычица Рима» предложила Елене навестить их с мужем в замке Сан-Анжело, и Мелиссина с благодарностью приняла приглашение. Проводив могущественную и опасную гостью, тайная посланница с удовлетворением отметила: неделя прошла удачно. Теперь, по крайней мере, стало ясно, на кого делать ставку, кого именно ей нужно «разрабатывать», – Альбериха II Сполетского.

Глава 10, в которой Север бьётся с Югом

Покуролесили варяги изрядно – весь берег амальфитанский словно притих в испуге. Ну, особо не зверствовали, и то ладно.

С отплытием, правда, припозднились – отчалили в разгар ясного утра. Семь лодий, пять галер-санданумов и две огнепальных хеландии покинули порт Амальфи и потянулись на запад, чтобы обогнуть полуостров Сорренто и выйти в Неаполитанский залив.

– Што-то знакомое чую, – нахмурился князь Инегельд. – Неаполь... Неа-поль. Неополис? Это што ж, вроде как «новый город»? Новгород, значит?

– Верно, Клык, – ухмыльнулся Олег, – Новгород и есть. Неплохо ты речь ромейскую усвоил.

– Ну-к, дело, чай, известное, – польщённо улыбнулся Боевой Клык. – Поди лет пятнадцать греческий язык на слуху-то!

Турберн Железнобокий, сидевший на месте кормщика у рулевого весла, что опускалось с правого борта «Пардуса», посадил за себя Тудора, сына Инегельда, и подошёл к стоявшим магистру и князю. Нервно потирая мозолистые ладони, спросил:

– Кабыть, пришла пора гелеполу сбивать-сколачивать?

– А то! – пробасил князь. – Сколотим, чего там... Ужо настучим неаполитанцам-засранцам, штоб впустили! Долбанём со всей мочи!

– Со всей дури! – хохотнул Турберн.

– Смена гребцов! – разнёсся трубный глас Карла Вилобородого. – Парус по ветру!

Тем временем хеландия «Грифон» прошла у лоды за кормой, отбирая ветер, и этим тут же воспользовался «Финист» Вуефаста Дороги – стал обходить «Пардуса», пока не поравнялся с ним.

– Путём-дорогой! – гаркнул ярл Вуефаст, передавая привет по морскому обычаю. – Здорово, молодцы!

– Ваше здоровье! – радостно заорал Карл Вилобородый. – На все четыре ветра!

– Откуда боги несут?

– От Амальфи!

– А чего вы в той Амальфе забыли-то?

– Дык, ёлы-палы! Одной лимончеллы сколь выпили – страсть!

Экипажи обеих лодий грохнули одновременно.

Тут земля амальфитанская, что цвела и пахла по правому борту, ушла к северу, загибаясь окончечностью и открывая пролив между Сорренто и островом Капри.

– Кормчий, право руля! – командовал Вилобородый. – Табань правым бортом! Левый борт, поворот!

Весла справа погрузились, тормозя ход, и разбежавшаяся лодья стала неохотно заворачивать в пролив.

– А нас уже ждут, Клык, – сказал Олег, выпрямляясь.

Ингельд обернулся к носу лодьи и нахмурился – на лазурных волнах пролива, ближе к Сорренто, покачивались десятки галер. Их мачты были убраны, как то делается перед боем, и лишь кое-где полоскались стяги с фигурой Св. Януария, покровителя Неаполя. Заметив варяжские корабли, капитаны галер воодушевились, их протяжные крики переполошили подчинённых – вразнобой загудели барабаны, и сотни вёсел заблестели на солнце, загребая голубую воду.

Ингельд осклабился.

– Ла-адно... – протянул он. – Сами полезли? Ну-ну...

Карл Вилобородый зычно командовал:

– Спустить парус, крепить снасть! Мачту уложить! Брони вздеть!

Те же короткие приказы зазвучали на остальных лодьях маленького варяжского флота. Венецианцы на санданумах держались в стороне, а вот хеландии, на огонь которых рассчитывал Олег, затеяли странный манёвр – двинулись к западу, обходя Капри с юга.

– В тыл, што ли, выйти хотят? – поинтересовался Клык, натягивая кольчугу.

– Надеюсь, – процедил Сухов.

Прежние подозрения насчёт Иоанна Радина, подутихнувшие было, проснулись в нём с новою силой. Да и то сказать, не сами ж по себе навклиры хеландий сговорились, дабы варягов бросить в лихую годину! Или сговорились? Да ну, глупость какая-то... Может, трусили просто, да и дёру дали? А с чего бы им такими пугливыми вдруг стать, да ещё обоим сразу? И ведь никакой суматохи на палубах хеландий! Как шли они на запад, так и продолжают идти. В тыл выйти хотят? Архиглупо. Это он погорячился, версию князеву поддержав. Пока тот Капри обойдёшь, морской бой закончится давно. Господи, что же тут творится, на самом-то деле?!

Олег быстренько скинул сагий и облёкся кольчужным панцирем, сверху натянув стёганую эмилорику. А вот шлем он предпочёл варяжский – круглый, с нащёчниками, здорово похожий на те, что носили римские legionеры, разве что без гребешка.

– Биться будем? – тревожно спросил Пончик, едва совладав с кожаными ремешками доспеха.

– Будем, – усмехнулся Олег. – Куда мы денемся... Ты бы спрятался в трюм, что ли. Стрела, она, это самое, тоже дура...

– Ещё чего... – пробурчал Александр. – А раненым помогать кто будет? Ангелы небесные? Угу...

Сухов взвесил в руке ромейский щит-скутарион и отложил, выбрал круглый варяжский щит – этот, хоть и потяжелее будет, зато и надёжней. Проверено...

Олег смотрел на приближавшиеся галеры без трепета – не остыв ещё после взятия Амальфи, он принимал новый вызов, испытывая не страх, а гнев. И ещё рос в душе азарт, коего вчера не ощущалось вовсе, – побитие амальфитанцев было просто грязной работой. Да и разница чувствовалась: вчера они сами нападали, а сегодня нападают на них.

Между тем на лодьях забряцало оружие – из трюмов споро доставали дубовые сундуки с мечами, объёмистые вязанки копий, луки да колчаны, набитые стрелами. Вооружались варяги, вооружались аланы, ясы, савиры, болгары – хватало воинственных племён на землях будущей Руси.

– А чего ты не командуешь? – спросил Пончик, ревниво оглядывая лодьи. – Ты ведь аколит! Угу...

Сухов хмыкнул.

– Вот высадимся, – сказал он, – и буду я аколит. А на море лучше наших ярлов не сыщешь бойцов. Зачем же им мешать своим чутким руководством?

Он снова проводил глазами хеландии, следовавшие вдоль южного берега Капри, и прищурился. Назойливые мыслишки не прекращали вертеться в голове. Неужто и впрямь Радин – тот самый главарь? «Пятый, который первый»? Если так, то понятно, почему огнепальные корабли бросили варягов, – друнгарий замечает следы, убирает свидетеля самым естественным образом – и чужими руками. Ведь семи лодьям противостоят три десятка неаполитанских галер – перевес, однако.

Хм. Что-то тут не сходится.

Главное же, что мешало Олегу, заключалось в следующем – простоватый друнгарий был ему чем-то симпатичен. Тем, наверное, что не лез в самую грязь придворных интриг, из-за чего оставался на вторых и третьих ролях, занимая посты ответственные, но скромные. Брежговал? Или же искусно притворялся? Поди разбери...

– Воздух! – крикнул Пончик.

Олег мигом вскинул щит на манер зонтика – десятки стрел, пущенных неаполитанскими лучниками, посыпались с неба.

– Щиты вверх!

Тяжелые стрелы на излёте задолбили по палубе, по воздетым щитам, втыкаясь в скамьи, в уложенную мачту, в борта.

Тут же загудели русские луки, тугие и убойные, креплённые моржовой костью и жилами оленя. Варяжские стрелы гвоздили воинов Неаполя, пробивая кольчуги и снося с ног. Хорошие ученики степных кочевников, русы оттягивали жилы тетивы и пускали стрелу за стрелой. Пока на галерах спохватились и прикрылись щитами, добрый десяток солидариев пал на головы гребцам или свалился в море.

– Карл! – крикнул Сухов. – Следи за галерами! У них тараны в носах – поберегись!

– Не дождётся! – проорал Вилобородый в ответ.

– Слу-ушай! – вскинул руку светлый князь. – Идём на прорыв! Заходим этим в тыл, делаем разворот – и добиваем гадов!

– У-а-у-у! – завывали болгары с савирами.

Варяги заревели, добавляя к волчьему вою рык голодного зверя. Берсерков среди них не водилось, так что никто не портил зубов, изгрызая щиты, зато все как один были исполнены рвения. Грива никогда не делилась на слабых и сильных, лишь на старых, опытных, посвященных, и на молодых, еще не прошедших посвящения. Ни один конунг, или князь, или хан не держал в дружине неумех, самого понятия «плохой воин» не существовало, разве что в смысле личного оскорбления. Всё было проще некуда – или ты воин, или ты его жертва, его добыча.

– Следить за небом! – протрубил Вилобородый.

– Па-ашли! – заревел Клык.

Гребцы налегли на вёсла. «Пардус» понёсся вперёд, намечая себе путь между двух галер. Довольно-таки ходкие, галеры плохо были приспособлены для манёвра – развернуться на месте или отплыть в сторону у них получалось с трудом.

Неаполитанцы ярились, не слишком понимая, куда так гонят варяги. Вероятно, они полагали, что противник просто спешит убратся с линии таранного удара, – и радовались, что русы сами спешат приблизиться к галерам. Солидарии торопились отстреляться, выпуская стрелы в упор. Закричал раненый алан Баттхар из рода Сахири. Ухватился за пробитое горло хазарин Янур.

Пончик тут же пополз оказывать первую медицинскую помощь, а Малютка Свен вскочил, подхватывая два копья. Взяв короткий разбег, «малышок» одновременно размахнулся и метнул оба копья. Левое пробило насквозь капитана, правое пригвоздило к борту кормчего.

Неаполитанцы взревели, а лодья всё летела и летела. На галере забеспокоились, стали уходить с курса «Пардуса», даже обстрел прекратили. Поздно!

– Суши вёсла! – прозвучала команда.

Лодья с ходу вошла в узкий промежуток между двумя галерами. Её острый

форштевень, окованный медью, с треском ломал длинные, с широкими лопастями, вёсла галер, калеча и убивая гребцов.

Следом прорвались «Финист» и «Вий», остальные лоды обошли неаполитанцев с фланга.

Солидарии бесновались, галеры стали неуклюже разворачиваться, собираясь броситься в погоню за проскользнувшими лодьями, – южане плохо знали варягов!

Прикрытые щитами побратимов, гребцы развернули лоды кругом. Вёсла вспенили воду, а варяги затянули боевую песню, зловещую и тоскливую, такую, что мурашки по коже и волосы дыбом.

– Вперёд! – взревел Инегельд. – Готовь крюки! Никого не оставлять в живых! Всех – к рыбам!

Семь лодий, вспенив воду в развороте, набросились на галеры, уже поломавшие свой ровный строй. «Пардусу» достался «Святитель Николай», вместительная посуда на двести человек – и ни одного раба на вёслах. Гребли и бились вольные солидарии – бились за наличные, бились за жизнь – свою и тех, кто остался в Неаполе.

«Святитель Николай» успел развернуться, и «Пардус» сошёлся с галерой борт к борту. Полетели, разворачиваясь, крюки на цепях, впиваясь в трещавший фальшборт, стягивая два корабля в одно поле боя. Десятки галерных вёсел задрались вверх, чтобы не ломаться, и варяги использовали их как абордажные мостики, с воем и рёвом кинувшись на палубу «Святителя Николая».

Первыми перепрыгнули Боевой Клык и Малютка Свен. Оба держали в руках по две секиры. Инегельд с разбегу втесал топор в грудину мощному усатому солидарии. Справа занёсся меч – князь подставил вторую секиру, лезвие ее скользнуло по клинку, срубая врагу кисть. Хороший пинок, и воющий неаполитанец слетел за борт.

Малютка Свен едва не попал под меч. Успев откинуться назад, он пропустил сверкнувшую сталь, маятником качнулся обратно и ударил секирой снизу. Готов!

Меч лёгок, его можно удержать в крайней точке выпада – и тут же нанести удар, а вот боевые топоры весьма увесисты, их «ведёт» на замахе. Секиру нужно разогнать или погасить набранную ею силу инерции и лишь потом ударить. Поэтому бойцам приходится постоянно «играть» топорами, описывая лезвиями восьмерки и дуги, – так легче орудовать этим страшным оружием, раскалывающим щиты и черепа.

– Всем кровь пуцу! – ревел Малютка Свен, маша топорами направо и налево, круша врагов, как сухие чурки. «Малышок» счастливо ухмылялся, с головы до ног забрызганный кровью.

Олег особо не спешил броситься в гущу схватки, он высматривал слабые и сильные места, заодно приглядывая за соседними галерами. «Финист» и «Вий» справа сцепились с шестью или семью вражескими кораблями, и рубка там шла сумасшедшая, а «Семаргл» слева отвлёк на себя сразу четыре галеры.

– Пончик! – крикнул Сухов. – Всех раненых – в шатёр!

Александр, волокущий подстреленного Улеба Вепря, поднял голову и кивнул понятно – шатёр на корме лоды мог спасти хотя бы от стрел – покрывавшая его буйволиная кожа ссохлась и задубела до твёрдости крепкой доски.

А тут и Олег определился. Корма «Святителя Николая» медленно, но неуклонно очищалась от врага – шеренга варягов наступала на шеренгу неаполитанцев, мечи и секиры то и дело блистали на солнце, работая на убыль живой силы противника. А вот ближе к носу ситуация была куда тревожней – больше полусотни неапольцев окружили десяток варягов и наседали, стараясь пробиться за щиты и мечи.

Сухов обернулся на последний резерв – десяток аланов Исавара, сына Ситая из Фуста, ждал его приказа, потрясая кривыми мечами.

– Поможем нашим! – гаркнул магистр. – За мной!

Аланы радостно взревели и кинулись следом за Олегом на палубу галеры.

Сухов запрыгал, отталкиваясь то от твёрдой скамьи, то от мягкого тела убитого гребца,

и с ходу наколол спину солидария, заседавшего на Боевого Клыка и усердно при этом ухавшего. Выдернув спафион, окрашенный дымившейся кровью, Олег мигом подрубил бочину неаполитанца в шлеме с султаном, а тут и аланы подоспели, навалились дружно.

– Ух и нарубили мы мяса! – проорал Клык, сжимая секиру двумя руками. – Ух и намололи!

Тудор, бившийся спина к спине с отцом, лишь осклабился, вовсю орудуя мечом.

– Где секиру потерял? – крикнул Олег, рассекая живот неаполитанцу без лат, но в богатом шлеме.

Придерживая руками вывалившиеся кишки и пуча глаза, солидарий кувыркнулся в море.

– А вона!

Клык, наступив ногой на щит, в котором застряла секира, выдернул ее и указал полукруглым лезвием на соседнюю галеру. Там, обвиснув на рулевом весле, покоился кормщик. Из спины у него торчал топор, всаженный по самый обух.

Отбив щитом выпад слева, Сухов пронзил мечом неаполитанца, бледного до синевы, а обратным движением разрубил горло еще одному желающему стать кормом для рыб. И опустил меч – некого стало убивать. Варяги очистили палубу «Святителя Николая» от доброй половины солидариев, а остальные поспрыгивали в воду, уберегая жизни от ярости неистовых северян.

– Чистим дальше! – протрубил Боевой Клык.

Малютка Свен разбежался и прыгнул, занося секиры, на палубу соседней галеры, «Морского тигра», спешившей на помощь своим. Солидарии взревели, задирая копья, но Свен был не новичок, заработал как мельница смерти – секиры его так и летали, разрубая кости, разбрызгивая кровь.

Таран «Морского тигра», нацеленный на лодью, промахнулся, вошёл с грохотом и треском в скулу «Святителю Николаю».

Варяги повалили на палубу следующей галеры – уже отведавшие крови, но жажды убийства пока не утолившие. Они ломили, не замечая стрел, пронзавших руки, застревавших в боках.

Боевой Клык без устали кроил секирой, Ивор Пожиратель Смерти бился двумя мечами, Алк Ворон орудовал своим любимым копьём – на коротком древке, но с длинным наконечником, походившим на обоюдоострый клинок. Альф Убийца был невозмутим – сеял смерть, держа в одной руке меч, а в другой кинжал, и лишь изредка улыбался, когда умертвие удавалось достойным великого умельца. Стегги Метатель Колец бешено отбивался от наскоков сразу двух солидариев, удерживая равновесие на кромке фальшборта. Турберн Железнобокий экономил силы – увёртывался, отбивал вражеский клинок, отступал – и вдруг наносил молниеносный удар, поражая сразу и насмерть. Хурта Славинский потерял меч, но не растерялся – отмахивался обломком весла, как дубинкой, обращаться с которой был мастер. Фудри Москвич беспрестанно ругался, обрушивая на соперника поток самой чёрной и гнусной брани, и лишь изредка делал паузы – когда убивал одного солидария и переходил к следующему. Олав Лесоруб... Большеухий Актеву... Алдан Засоня... Асмолд Белая Сова... Вся дружина сражалась на своих и чужих кораблях, изничтожая врага всеми способами. И враг дрогнул. Не помогло неаполитанцам их численное превосходство – варяжская дружина на семи лодях уже очистила десять галер и продолжала нести смерть еще на пяти палубах. И подданные герцога Неаполитанского стали отходить – полтора десятка низкосидящих кораблей вовсю работали вёслами, бросая товарищей на милость победителя. Но варяги не ведали милости...

Под занавес в бой вступили венецианцы – лучники с санданумов, выстроившихся в линию, взялись обстреливать галеры, уходившие к Неаполю.

Витале Ипато, возбуждённый и встрепанный, оказался на палубе «Пардуса» одновременно с Олегом, покинувшим «Морского тигра», – на галере остались одни «гасильщики», добивавшие раненых неаполитанцев, снимавшие с них доспехи и собиравшие

оружие.

– У меня хорошие стрелки! – сказал Ипато. – Они привычны к мощным степным лукам и немного «проводят» неаполитанцев.

– Спасибо, Витале, – бросил Сухов и тут же прикрыл преордината щитом, отлавливая меткую стрелу, едва не лишившую дожа его верного слуги.

– Вам спасибо... – выдохнул венецианец.

– Не за что, – усмехнулся Олег.

– Кончаем эту карусель! – сипло крикнул Карл Вилобородый и закашлялся. Рука его, кое-как обмотанная окровавленной тряпицей, висела на ремне.

– Оружие соберите, – пробурчал Клык, уставший донельзя.

Князь сильно хромал, его поддерживал Тудор.

– А с лоханками ихними что делать? – долетел вопрос. – Может, днища прорубить к троллям?

– Убитых много? – вопросом ответил князь.

– Четырнадцать человек, – доложил Пончик, бледный, измотанный, вымазанный не своей кровью. – Угу... Раненых не считал еще.

– А здорово мы им врезали! – расплылся князь в улыбке.

– Дай ногу гляну, – подступил к нему Александр, протоспафарий и, по совместительству, врач.

– Заживёт! – отмахнулся Клык.

– Вот начнётся заражение, и всё тогда! – повысил голос Пончик. – Не в бою сгинешь, а сдохнешь от хвори, как старый трэль!

– Лучше не спорь, князь, – посоветовал Олег. Инегельд поморщился и позволил врачу разрезать на себе штанину. Протоспафарий промыл рану и наложил повязку с пахучей мазью.

– До свадьбы заживёт, – пробурчал он.

Осталось последнее дело – печальный долг оставшихся в живых перед теми, кто ушёл к предкам. Гридни выбрали самую красивую да целую из захваченных галер – «Великомученицу Варвару», – посбрасывали с неё трупы солидариев и начали укладывать на палубу, скользкую от пролитой крови, мёртвые тела своих товарищей. Всех их уложили рядом, сохраняя нерасторжимыми узы боевого братства, и запалили «Великомученицу Варвару» со всех концов, превращая галеру в погребальную лодью, – пускай возрадуются души убиенных воинов, пускай с дымом последнего костра вознесутся прямо на небо, в горние чертоги богов, и попируют на славу за одним столом с погибшими героями!

Очистив спафион от крови и слизи, Олег вложил его в ножны и уселся, откинувшись к борту, ощущая ни с чем не сравнимое чувство облегчения после битвы – чувство уберечения от смерти. Сколько раз лезвия мечей чиркали по его кольчуге! Однажды стрела задела оперением его нос, копьё вонзилось в палубу точно между ног – и ни царапинки! Видно, не исполнилась еще мера его дел, и не закончен путь. Бог хранит его...

...Отпылал погребальный костер – галера выгорела до дна и ушла под воду обугленным остовом. На лодьях подняли паруса, гребцы расселись по скамьям тягать вёсла. Кольчуг и шлемов никто не снимал, а на заново поставленные мачты подняли красные щиты – знаки войны, предупреждавшие: «Иду на вы!»

Глава 11, из которой доносятся удары тарана и свист *niglaros*

Олег сидел, прислонясь к борту, слушал скрип вёсел, мощные выдохи гребцов, плеск воды, расходившейся от форштевня, и старался не двигаться – солнце не палило, но грело заметно, а когда на тебе рубаха, поддоспешник, кольчуга и эмилорика, взопресть – не проблема.

Сухов снял шлем и меховой подшлемник, пригладил взмокшие волосы. Нет ничего хуже, чем париться в теплынь.

– Ты бы снял эмилорику, – посоветовал Пончик. – Угу...

– Ну уж, скажешь тоже... – лениво проговорил Олег. – Эмилорика не только удар меча гасит, она ещё доспех прикрывает от солнца. Иначе он раскалится, и буду я, как цыплёнок в духовке, медленно жариться в собственном соку...

– Какой-то ты усталый, – сказал Александр, хмурясь. – Или озабоченный. Ты из-за тех хеландий?

– Да нет... Хеландии... У меня такое ощущение, что их навклиры выполняют чей-то тайный приказ, но пока не слишком в том преуспели. Да и тролль с ними, со всеми... Меня другое тревожит, Понч.

– Что?

– Я. Я сам. Помнишь, как мне горелось в Ладогe? Как я жилы рвал, лишь бы в люди выбиться, достичь положения жаждal? Тогда я пылал энтузиазмом, всё мне было интересно, у меня дух захватывало при виде куполов Константинополя – в тот мой первый приезд, вернее, наезд. Я любил страстно, будто жил на земле последний день, я бился яростно, словно от исхода боя зависело всё, а ныне что-то ушло из моей жизни – потускнело восприятие мира, я без восторга наблюдаю за новыми местами, даже к сражению отношусь спокойно, как к работе.

Пончик важно покивал.

– Ничего нового с тобой не происходит, – сказал он со снисхождением, – ты просто повзрослел, вот и всё. Угу. Знаешь, пора бы уж! Ты, может быть, и не заметил такого пустяка, а только мы оба четвёртый десяток разменяли. Угу... Думаешь, я сам не жалею о мироощущении юнца, когда всё перед тобой сияет и переливается? Знаешь, отчего это? Когда ты юн и глуп, гормон допамин впрыскивается тебе в кровь помногу, а теперь ты в возраст вошёл, и допамина стало меньше. Понял? Наверное, природа полагает, что, коли ты набрал ума, то получаешь от этого удовольствие и подпитывать тебя гормоном – лишнее. Угу.

Я бы ещё подумал, что это у тебя кризис среднего возраста развился, но уж больно гипотеза нелепа. Кризис, он для тех, кто дожил до наших лет – и ничего не добился, даже неудач не претерпел. Вот и маются такие – знают же, что жизнь не вечна, а как достичь высот, не истратив на это годы? Но тебе-то маета не пристала – Олег Романович Сухов добился всего в этой жизни. Ты богат и знатен, тебя любит прекраснейшая из женщин. Какого тебе ещё рожна? Олег помолчал, а затем очень серьёзно сказал: – Понч, ты помнишь, как нас в десятый век перекинуло? В один момент одну нашу жизнь зачеркнуло, а другую мы начали с чистого листа. И больше всего на свете я боюсь, что это однажды произойдёт снова. Нет-нет, я не схожу с ума от страха, и лишь изредка меня, бывает, окатит холодком – вдруг опять эти сиреневые сполохи да синий туман? И что тогда? А если рядом не окажется Елены? Если я не успею ухватить её и прижать к себе? Или успею, но нас с тобой перебросит чёрт-те куда, вернее, чёрт-те когда, а она останется тут? Что мне делать тогда? Как жить? Для чего и для кого? Ладно, не будем об ужасном, может, всё уже утихло, и мироздание смирилось с существованием пришельцев из века двадцать первого в веке десятом. Ну а ты сам смирился с этим? Только честно? Ты правильно сказал – я многого добился. Да и ты не на обочине здешней жизни, верно? Но можешь ли ты признаться, что полностью, стопроцентно, вжился в этот мир? Я вот не могу. Я продолжаю думать и чувствовать как человек из будущего. А что в том времени значат все мои достижения? Меньше, чем ничего! Кому в 2007-м нужен магистр и аколит? Да и не в этом дело... Для меня настоящее осталось там, за тысячу лет от этой поры, и я прекрасно понимаю – мне никогда не стать своим здесь, я обречён быть чужаком. Постоянно, постоянно я пытаюсь и пытаюсь сблизиться с тутошним человечеством, но я не могу принять его обычаи без оговорок. Нам с тобой удалось перевоплотиться, мы, как народные артисты, играем свои роли, но меня лично всегда донимает одна и та же мысль, одно и то же ощущение – это именно игра, игра в жизнь.

Одежда, что на мне, – театральный реквизит, а бои местного значения – ролевая постановка, а сцена – это весь земной шар, который тут считают плоским кругом...

– Жизнь – театр, а люди в нём – актёры, – картинно выпростав руку, продекламировал Шурик. – Угу... Что тебе сказать? Не парься! Угу...

Неаполитанский залив был красив как на картинке – голубая гладь. А на заднем плане поднимался конус Везувия. На его фоне, у самого подножия коварного вулкана, сгрудились дома Неаполя – узкие улицы сбегали с высоких холмов к морю. Проведённые по римским правилам, улицы делились на декуманусы, шедшие с востока на запад, и на кардисы – эти тянулись с севера на юг. Правда, долгая эпоха варварства внесла свои коррективы в чёткий план – иные улочки никуда уже не вели или заходили в глухие тупички, появилась и масса кривоколенных переулков.

Город окружали серые лавовые поля, а там, где лежали пласты пепла, зеленели сады и виноградники.

Олег внимательно рассматривал наплывавший пейзаж. Боевой Клык, сопевший рядом, вытянул руку в направлении маленького островка, соединённого с городом узкой насыпью. На острове глыбились развалины укреплений.

– Это што там такое? – спросил он.

– Кастель-дель-Ово, – ответил Сухов, – «Крепость яйца». Её снесли в прошлом веке, чтобы не досталась сарацинам. Ты хотел там высадиться?

– Думал. Всё ж таки укрытие.

– Кстати, да... Нет, лучше встанем лагерем у моря, прямо напротив города. Пусть видят, что нам не страшны его защитники. Тут-то всего тыщ тридцать прописано... проживает, и сколько из них тех, кто способен держать оружие?

– Держать меч маловато будет, – ухмыльнулся Клык, – им ещё владеть надо.

– Вот именно.

– К берегу!

Лодьи и санданумы причалили в порту Неаполя. Напротив поднимались крепкие стены города. На башнях вовсю курились костерки под чанами с водой и смолой, бегали туда-сюда воины, готовясь к отражению штурма.

У причалов покачивались брошенные галеры и с полсотни кораблей купеческих да рыбацких. Всё ценное, включая паруса, с них убрали, готовясь к тому, что варяги пожгут суда. Не тут-то было – грозная этерия не учиняла поджогов. Варяги поснимали с неаполитанских кораблей все мачты и реи, используя их для сооружения частокола. Широкую букву «П» начертали дружинники, выкапывая ров, набрасывая вал и укрепляя прочный тын – надёжную защиту шатров и кораблей.

Двумя часами позже приступили к выгрузке разобранной гелепопы, винои и плутей. Винои больше всего напоминали маленькие бревенчатые домики под двускатными крышами из сырых кож, разве что в них отсутствовали две стены. Перетащишь на себе один такой домик, как улитка свою ракушку, да к самой крепости, а потом ещё один к нему пристыкуешь, третий, четвёртый, пятый, да хоть десятый – и получится у тебя этакая крытая галерея, по которой можно подобраться к самой городской стене, и ни одна стрела тебя не заденет, ни она капля смолы на тебя не упадёт. Правда, осаждённые могли сверху каменную глыбу уронить... Ну так что же? На войне как на войне. Убитых похоронят с почестями, а вместо разрушенной винои притащат другую, целую.

Эта придумка древних стратегов Турберну Железнобокому очень понравилась, а вот плутей вызывали у варягов громкий, жизнерадостный смех. Конструкция плутей проста, как ложка, – это был большой плетёный или дощатый щит, обтянутый кожей. Таскать такой не получится и вдвоём, да плутею и не таскают, а ставят на два колеса и катят – это и веселило варягов. Но веселье не мешало им сколачивать всё новые и новые плутей – уж больно здорово оказалось идти на штурм крепости прикрытым с головой. Выглянешь из-за щита, выстрелишь из лука или, там, из пращи, и обратно – шмыг!

А вот к гелеполю варяги отнеслись с должным почтением. Одни литые колеса чего стоили! А брусья каркаса? А толстенные лесины для обшивки стен? А тяжелые стопки сырых воловьих кож? Нет, осадная башня впечатляла даже в разобранном виде. Сгрузили с санданумов и парочку хайробаллист, стрелявших не шибко тяжёлыми ядрами, но бивших далёко и точно.

Ближе к обеду началась сборка гелеполы – на виду у неапольцев, и без того истерзанных страхами.

Гелепола не была для итальянцев внове. Ее надо было подкатывать почти вплотную к крепостным стенам, долбить их тараном и баллистой, устроенными на разных ярусах осадной башни, а с верхней площадки перекидывать мостик на зубцы. И вперед, на штурм! В давние времена сооружались колоссальные башни в девять этажей, а двигали этукую громаду три с лишним тысячи воинов. Аппетиты Олега были куда скромнее.

Для гелеполы решено было засыпать ров напротив юго-западных ворот, выходящих к порту, сверху уложить доски-лесины, а по линии движения вбить колья, окованные железом, чтоб было за что цеплять канаты. Тянут-потянут варяги за кожаные тросы, подтянут гелеполу шагов на пять ближе к городу и давай крепить канаты за следующий кол. И снова: «Эй, ухнем!» Осадную башню, поставленную на колеса, будет несложно придвинуть вплотную к стене Неаполя. Несложно, хотя и невероятно трудно, однако прилагать усилия варягам было не привыкать.

Дружина Олава Лесоруба пригнала на работы местное население – бедных виноградарей и хлеборобов заставили копать землю, а тем, кто побогаче был, то бишь имел лошадей, приказали мешки с землей грузить на телеги и подвозить к осаждённому городу. Бегом, согнувшись в три погибели, варяги перетаскивали тяжелые мешки и сбрасывали в ров.

Осаждённые не раз и не два пытались помешать их трудам, но савиры и булгары, известные лучники, обстреливали стену из-за плутей, пресекая попытки сбросить на винюю бревно или огромный валун.

Собирали осадную башню в перестреле от крепостной стены – в русском, понятное дело, перестреле. Итальянским лукам на столько шагов не добить.

Варяги под чутким руководством Железнобокого уже сколотили из бруса тяжелую раму и сейчас крепили стояки откосинами, чутко заваливая столбы внутрь, – стены гелеполы будут наклонными. Над местом сборки стоял гомон голосов.

– Клади пластью!

– Да куды ж?

– Да сюды!

– Клони, клони... Ещё... Стой! Крепи!

– А сверху чем? Лесин мало.

– А горбылём!

– Да ну... Неказисто получится...

– А тебе что, невесту сюды вносить?

– «Гуляй-поле» на один раз, больше – зачем?

– Заноси!

– Готов венец! Давай пол набивай, а то и стать негде!

– Левее! Еще маленько!

– Доски-то пилёные, смотрю...

– Ништо, «гуляй-поле» – не лодья, не набухнут!⁵⁵ – Топор мой где?!

– Алвад вроде взял!

– А я с чем буду?! Алвад! Ворочай топор!

⁵⁵ Для строительства лодий применяли исключительно колотые доски, рубленные топором, – такие хуже впитывали воду, нежели пилёные.

- У тебя ж ишо есть!
- А это мой любимый!
- Гвозди где?
- Вон, сзади!
- Подбей чуток... Во! В самый раз!

Олег поднял голову, окуная лицо в лазурное, беспримесно чистое небо. Солнечный круг докатился до середины пути и грел кожу полуденным теплом. Хорошо!

Ночью на стенах Неаполя продолжали гореть костры и факелы, но вылазок гарнизон не совершал – и правильно делал. А на следующий день труба пропела: «На штурм!»

Варяги в полутьме гелепопы ухали придушенно и кряхтели, налегая на рычаги. Звонко шпокали храповички, и железные колёса, медленно проворачиваясь, тащили на себе осадную башню. Ещё на пядь, на вершок, на аршин ближе к стене, что слева от Морских ворот. Ворота находились между мощных восьмиугольных башен, против которых гелепопа оказалась бы бесполезной – легче было стену дырывать.

Пара крепких канатов из моржовой кожи со скрипом наматывалась на блоки – сотня самых дюжих варягов тягала тросы, подтягивая гелепопу.

– Стой! – заревел Карл. – Перецепляемся! Канаты ослабли, двое варягов, пыхтя, сняли петли с одного кола, вбитого в землю, и натянули на следующий, показавшийся из-под передней стенки гелепопы.

– Олег, ты идёшь? – крикнул Боевой Клык, сгибаясь под низким потолком.

– Порядок! – сказал Олег, спускаясь со второго яруса, где стояла небольшая, но довольно мощная баллиста. – Видите черту на лесинах? Вон, под ногами? Для вас наковыряли. Держитесь ее, чтоб не съехать...

– Да уж... – пропыхтел Хагон Ворчун, налегая на рычаг. – Такую дуру хрен тогда сдвинешь!

– Ништо! – бодро откликнулся Ярун из Хольмгарда, подлезавший к бойнице, прикрытой щитком. – Идёт как по маслу!

– По салу! – прохрипел Вилобородый. – Вся душа изболелась! Вкусноты – пропасть, и всё на смазку!

– Я тебе лично окорок куплю, – улыбнулся Олег, – в лучшей лавке за той стеной.

– Лады!

Олег хлопнул ярла по необъятной спине и вылез из гелепопы – задняя стенка у неё отсутствовала. Тудор тут же загородил магистра и князя огромным щитом-мантелетой, вообще-то рассчитанной на двух человек, но для русского медведя вполне сподручной.

– Хорошо ребята прут, – заметил Инегельд. – Што твои волы. Неужто и впрямь расколупаем?

– Должны, – твёрдо сказал Сухов.

Они дошли до нейтральной полосы и высунулись из-за мантелеты. Влево и вправо уходили мощные стены, раздвинутые ещё более могучими башнями. Но сейчас, когда гелепопе оставались считанные шаги до кирпичной кладки, укрепления больше не казались пугающе неприступными. Грозная стенобитная машина надвигалась на стену медленно и неотвратно, лишая защитников веры в победу. Скоро, очень скоро гелепопа подберётся вплотную, и страшный таран пойдёт долбить отличный римский кирпич.

Защитники Неаполя и сами это разумели, но помешать варангам не могли. Пытались, но ничего путного у них не выходило – русские и савирские лучники держали этот участок стены под перекрестным обстрелом.

«Штурмовики» пока отдыхали. Тяжелая пехота «стояла в очереди» и болела за своих, игравших со смертью на чужом поле. «Наши» вели. Три или четыре раза неапольцы достреливали до осадной башни пудовыми камнями, но русы строили крепко – ярусы лишь слегка потрескивали, да гул проходил по перегородам.

– Сиятельный! – подскочил Слуда Хмырь, длинный, тощий, угловатый, но стрелок Божьей милостью. – Тут какой-то мужик к тебе!

– Мужик? – недовольно нахмурился Олег.

Слуда подвел маленького человечка, расхристанного, потного, белолицего, с красным унылым носом. Приоткрытый рот с неуверенной полуулыбкой. Просящие глаза деревенского хитрована.

– Тут такое дело, ваше сиятельство, – зачастил человечек на худой ромейской речи, – я вам тут мешки с землёю возил... ничего не скажу, все чин чинарем... а только лошадку мою... того... каменюкой оттудова, – он вильнул в сторону города, – зашибло насмерть. А я ж не виноват! А куды ж мне, безлошадному-то?

– Это правда? – спросил Олег у Хмыря.

– Было такое, – подтвердил Слуда, – перешибло его кобылу ядром, сломало хребет животине. Ну я и прирезал ее, чтоб не мучилась...

– Ага, ага... – часто кивал мужичок.

– И хороша была лошадка? – спросил Сухов у него.

– Да как сказать... – замялся мужичок. – Не царских кровей, конечно, но послушна...

– Заплати ему двенадцать номисм, – велел Олег. – Лошади здесь дороги.

Отмахиваясь от благодарностей ошастливленного мужичка, он вернулся к прерванному занятию – быть зрителем на премьере постановки «Осада Неаполя». Начиналось действие второе, с батальными сценами. Гелепола заняла позицию, почти вплотную придвинувшись к городской стене, тяжёлый литой таран раскатали на цепях, и вот прокатился первый удар, тупой и гулкий. Сыпанула кирпичная крошка. Второй удар. Третий... Повисла, поплыла облачком ржавая пыль.

– Зря ты столько мужику этому отдал, – проворчал жмотистый Клык. – С него и номисмы хватило бы...

– Не жадничай, – улыбнулся Олег, – подумай лучше. Этот мужик всем же рассказывать станет, какие варанги щедрые. Соседи его сравнивать нас станут со своими господами, мироедами да скупердяями. А придет им нужда выбирать, кого они поддержат – родимых жадюг или чужих благоносцев? Понял?

– Умно, – оценил князь. – Но все равно жалко. Э, опять он здесь! Чего тебе? Ещё одна кобыла сдохла?

Олег обернулся – перед ним стоял давешний проситель, подсмывая грязноватые брз. В одном кулаке он сжимал платочек с номисмами, а другой протягивал скрученную грамотку.

– Вам велено было передать, – робко сказал мужичок, – а я и запомнил на радостях...

– Кто велел?

– Не нашенский. Ромей, вроде вашего сиятельства. Тоже в таком... в такое обряжен, и плащ на нём золотом выткан, всё орлы да кресты... Две стрелы схлопотал он, помирал уже. Я-то думал, помер он, хотел было плащик... того... ну, чтоб не пропал зря, а тот живой ещё. Передай, говорит, магистру Олега́риусу пергамен сей. Ну, я и взял...

Олег развернул жёсткий пергамент и прочёл:

«Патрикий и друнгарий флота Иоанн Радин шлёт привет магистру и аколиту Олега́риусу, сыну Романа. Во имя Господа нашего, Иисуса Христа, сиятельный, прибудь на остров Искья с сотней воинов, дабы защитить православных инокинь тамошнего монастыря, разрушенного сарацинами, что поставлен блаженным Фокой Пизанским на берегу Разбойничьей бухты. Ради всего святого, препроводи невест Его в безопасное место, накорми и устрой. Дромон „Феодосий Великий“ прибудет за ними позже и перевезёт в Тарент».

Вот только инокинь мне ещё и не хватало для полного счастья, подумал Сухов. А может, это ловушка? Вопрос остаётся открытым: враг ли ему Радин? Он ли тот самый главарь? Или его излишне пылкое воображение питается ошибками да нелепицами? В любом случае придётся проверить – сходить на эту Искью. Хотя бы для очистки совести.

Вдруг взаправду инокини? Молодые? Красивые? Ждут спасителя и ноги ему целовать готовы? И не только ноги...

– Акила! – рявкнул Олег. Подбежавшему варягу он показал на мужика и отдал приказ: – Допросить. Денежку ему оставь.
– Понято!

Длинный Меч уволок побледневшего крестьянина. Возился он недолго и вскоре привёл допрошенного обратно – изрядно помятого, в ссадинах и кровоподтёках, с рукою, висевшей плетью. Другая рука тискала узелок с монетами, сжав его мёртвой хваткой.

– Вроде как правду говорит, – доложил Акила. – Наши съездили к этому в деревню – тут рядом, нашли того ромея в канаве. Деревенские уже раздели его догола. Ну, мы одежду-то отыскиали – всё как у тебя, сиятельный, только этот... как бишь его... сарака... сакара...

– Скарамангий, – подсказал Сухов.

– Во-во! Этот самый. Так он цвету зелёного с красным.

– Протоспафарий, значит. Один он был?

– Вот уж нет! Ещё, говорят, четверо его сопровождали, да все куда-то подевались. Такие вот дела.

– Ладно... Спасибо, Акила.

– Рады стараться! – осклабился варяг.

– Слуда! Выдай этому убогому ещё двенадцать номисм и гони отсель!

– Сделаем, сиятельный...

... С сухим, колким грохотом посыпались битые кирпичи. Из-за стены Неаполя взвились дымные хвосты, и два сосуда с нефтью разбились о гелеполу. Но корчащийся огонь бессильно стек в ров, не взяв сырые кожи, наколоченные на стены осадной башни.

Варяги деловито готовились к штурму – вязали длиннющие лестницы, заготавливали тугие вязанки хвороста, набивали колчаны стрелами про запас, оправлялись в кустах и подкреплялись у походных кухонь. За стенами лагеря натягивали огромный шатер госпиталя. Пончик гонял помощников – лубки заготавливать, перевязочный материал кипятить и сушить, травы вываривать.

Настал вечер, опустились синие сумерки. Зажглись первые звёзды. Но не осенило Неаполь ночным покоем.

Множественный шум осады, складываемый из человеческих голосов, звона стали, конского ржания, перехлестывал через цепи укреплений и достигал городских улиц, мучая жителей страхом и гоня сны.

Гелепола долбила стену с перерывами. Подолбит-подолбит и перестанет. Выждет, пока осажденные успокоятся, и давай по новой: дrrум, дrrум, дrrум... Неаполитанцам это действовало на нервы. А пара хайробалист множила тревоги, добавляя к жесткому ритму гелеполы надсадный вой хитро обтесанных ядер. И поди угадай, из какой области небес они рушатся тебе на голову!

Олег усмехнулся, наблюдая за батальными сценами, и пошагал к лагерю. Надо было обсудить с Клыкком детали экспедиции на Искью. Осада сегодняшним днём не кончится, с текучкой найдётся кому разобраться. А вот ему не мешало бы развеяться – и рану заодно попарить. Говорят, на Искье полно горячих – и зело целебных! – источников, бьющих из-под земли. Прекрасная выйдет физиопроцедура...

Отправились пополудни на «Пардусе». Карл Вилобородый остался при гелеполе, выделив для похода полусотню Акилы Длинный Меч. Князь Инегельд добавил пятьдесят воинов во главе с Тудором, так и составила приятная компания.

До изумрудной Искьи лодья добежала часа за два. Райское местечко – и словно отражение Неаполя: и там и там высился вулкан. Гористые склоны острова заросли соснами, ниже располагалось царство каштанов и одичавших цитрусовых, а ещё кактусов, вздумавших цвести.

– Выглядит как необитаемый, – поделился мыслями Пончик.

Олег молча кивнул. Узкие песчаные пляжи, окаймлявшие Искью, желтели нетронутой гладью, нигде ни дымка, ни звучка.

Где искать Разбойничью бухту, варяги выпытали у рыбаков – догнали их тартану, сдуру вышедшую в море, и учинили допрос. Несчастные рыбаки выложили всё, что знали, – о подходах к бухте, об ориентирах на берегу, о глубинах. Когда их тартану оставили в покое, до Олега донеслись голоса, квартетом исполнявшие благодарственную молитву...

– Вона та самая скала, – указал подбородком Клык, – про которую давеча бородатый сказывал. И вершинка раздвоенная имеется, и пещерка над водой. Сворачиваем!

Лодья плавно развернулась, входя в потаённую бухточку. Её песчаный берег сходилась клином и продолжался узкой долиной, поднимавшейся в гору и густо поросшей сосняком.

– А вона и крест! – удовлетворенно сказал князь.

На берегу из песка выглядывал грубо обтёсанный каменный крест, немного покосившийся, словно указывавший одним концом своим на еле заметную тропку, уводящую в заросли. Лодья описала полукруг, огибая отмель, обозначенную крестом, и пристала к берегу в глубине бухты.

– Пошли, поищем монашек! – ухмыльнулся Боевой Клык, прыгивая на берег.

– Чтоб не обижали никого, – предупредил Олег, соскакивая следом.

– Што ж мы, звери какие...

Небольшой отряд, человек двадцать, отправился по тропинке вверх, забираясь на довольно крутой склон. Солнце уже садилось, и тени протягивались длинные, а в лесу густел сумрак.

Потом тропинка перевалила на плоскую вершину, и до ушей Олега донеслось громкое шипение, сменившееся утробным клочкотанием.

– Это што ещё за зверь? – замедлил широкую поступь князь.

– Дракон? – тревожно спросил Малютка Свен, перехватывая секиру поудобней.

Шипение быстро усилилось до рёва и затихло, переходя в басистое харканье.

– Точно, змей, – кивнул Ивор.

– Наверное, всех монашек пожрал, – сожалеющим голосом сказал Тудор.

– Должен вас разочаровать, – проворчал Сухов. – Драконы тут не водятся. Это ключи такие, горячие, из земли бьют.

– Да ну... – недоверчиво протянул Свен.

– Точно тебе говорю!

Деревья поредели и открыли каменистую пустошь, подтверждая слова аколита, – из щелей в скале там и сям били струи кипятка, крутился пар, булькала вода в лужах. Варяги, изготовившиеся со Змеем Горынычем биться, были слегка разочарованы.

– Нету и не надо, – измолвил князь. – Сплошная морока с этими драконами... Вы мне лучше скажите, где тут монастырь? Я лично даже развалин не замечаю! Али сарацины его с собой унесли?

Олег почувствовал глухое раздражение – опять его надули! Да сколько ж это можно...

– Возвращаемся, – сухо сказал он. – Прочешите лес в той стороне, гляньте с высоты, и назад.

Битый час варяги обшаривали скалы и рощи, но никаких следов богоугодного заведения так и не обнаружили.

Возвращались не спеша. Олег всю дорогу ломал голову над тайнами, которые ему уже порядком обрыдли, но так и не пришёл ни к каким выводам. Правду ли говорил тот мужичок, что грамотку ему передал? Не подослан ли он? Хм. Вряд ли от Акилы много утаишь... А если Радин и вовсе ни при чём, просто кто-то неизвестный прикрывается именем друнгария? Ведь приказать Олегу более некому – domestiку схол он не подчинён, да и Радин волен послушаться. Но не послушался же, исполнил приказ-просьбу в точности... Кто же это воду мутит постоянно? И зачем? Чтобы пришибить Олега? Опять-таки, чего для? Вернее, почему? Нет, главное – кто? Кому так не люб магистр и аколит? Тому самому главарю, нераскрытому и непойманному? Или тут скрыта совсем иная причина? Тьфу ты!

Кажется, физиопроцедуры отменяются...

Выйдя на берег, Сухов остановился неподалёку от креста. Ему стало понятней, почему его услали на Искью, – у выхода из бухты покачивались на якорях обе пропавшие хеландии. А потом дико засвистели niglaros.

Глава 12, из которой доносится гогот победителей и стоны побеждённых

О лег ощутил прилив жестокой ярости – как же они его достали!

Темнело быстро, и даже багровые отсветы заката не красили воды бухты – крутые склоны прятали заходящее солнце. Хеландии виднелись зловещими чёрными тенями, как вдруг заревел пирекбол на «Грифоне», и огненная струя облила каменный крест.

– Отходим! – крикнул Сухов, одним скачком выходя из круга света, отбрасываемого горящим перекрестием.

Навклир «Св. Георгия Победоносца», плохо видимый в свете факела, поднёс ко рту медный рупор и проорал:

– Сдавайтесь! Сложите оружие, снимите одежды и выходите по одному к кресту!

Князь Инегельд, набрав побольше воздуха в могучие лёгкие, проорал навклиру такие пожелания, что будь рядом монахини – попадали бы, бедные, в обморок.

Биение жидкого огня ослабло, он пролился на воду, но не потух – закачался на мелкой волне оранжевыми языками пламени.

– Берегут, гады, огонь-то, – процедил Тудор.

– До «Пардуса» им не достать, – рассудил Инегельд, – далеко больно...

Тудор хмыкнул.

– Бать, а что мешает им подплыть?

– Цыц! Что мешает... Камни подводные мешают!

– Так их же тут нет!

– Балда! Им-то откуда знать?

Варяги отошли к лодье. Их товарищи, остававшиеся на борту, тоже спустились на берег. Отсюда хеландии вообще видно не было – терялись корабли ромейские на фоне прибрежных скал.

– Значит, так, – веско сказал Олег. – Мы перед императором чисты, ибо выполняем его приказ в точности. На хеландии засели то ли предатели, то ли дураки, обманутые предателями. Следовательно, они враги – и нам, и базилевсу. А если враг не сдается, его... что?

– Уничтожают! – храбро заявил Пончик.

– Правильно! Времени у нас мало – станет светло, и хеландии приплывут сюда, чтобы сжечь лодью. Вода тут чистейшая, дно за двадцать локтей видно...

– «Пардуса» я не брошу! – нахмурился Турберн.

– Значит, сгоришь с ним вместе! – вывел Акила.

– Я так не согласен, – замотал головой Малютка Свен. – Лучше в лес уйти и оттуда напасть!

– Можно подумать, – улыбнулся Ивор, – они тебя близко подпустят. Спалят лодью – и уйдут.

– А зачем? – удивился Пончик. – Смысл в этом какой? Ну спалят. И что? Мы-то спасёмся! Ну поживём тут денёк-другой, а потом за нами вернутся – «Финист», «Вий», «Семаргл», да все! Да мы же этого навклира хренового поймаем и распнём!

Варяги расхохотались над словами развоевавшегося врача.

– Кстати, да. Ты прав, Понч, – задумался Олег. – Чего-то мы недопонимаем... Вот что. Ивор и ты, Свен, дуйте обратно вверх и подберитесь к берегу. Осторожно только – там обрыв. Гляньте, далеко ли до хеландий.

– Задумал што? – сощурился Клык.

– Ежели сверху копьё метнуть потяжелее да пробить сифон, а потом факел туда метнуть...

– ...Рванёт так, – возбуждённо закончил Пончик, – что вся Искья вздрогнет!

Инегельд крикнул от удовольствия.

– Это мне нравится! – ухмыльнулся Свен.

– Вы ещё здесь? – сдвинул брови Олег.

– Мы уже там!

Ивор с «малышом» растворились в зарослях, как лесные духи.

– Ежели ночь темна будет, – проговорил князь, соображая, – можно попробовать тихохонько выйти в море промеж хеландий...

– И не надейся, Клык. Вон, луна восходит. Скоро тут всё засеребрится.

На хеландиях между тем разгорелись факелы, высвечивая мачты, фигуры воинов-эпибатов, крестовины фальшборта, похожего на балконные перила.

– Да тут и без луны светло, – проворчал Турберн. Олег пристально следил за шаткими тенями на борту хеландии.

– Помнишь, Турберн, – спросил он, – как мы пытались крепость Баку из-под воды взять?

– Ну? – насторожился Железнобокий.

– Ничего у нас тогда не вышло, поскольку нас там ждали.

– Ну?

– Что – ну? На хеландии-то нас никто не ждёт!

– А-а... – стало доходить до Железнобокого.

Тут из леса донёсся шум, треск, и на берег выскочили Ивор и Свен – следопыты известные, способные пройти неслышными тенями. Видать, спешили.

– Там... – выпалил Малютка и задохнулся.

– Там корабли сарацинские! – договорил за него Ивор. – Десяток стоит у самого входа в бухту! Заураки и накаиры. Нам отсюда их не узреть, а вот те, на хеландиях, видят их прекрасно!

– Ах, вон оно что... – протянул Олег, светлея. – Так тут, получается, двойное предательство! Выходит, навклиры в сговоре с арабами... Ага... Ромеи, значит, запирают бухточку, а сарацины нас режут. Или вяжут...

– Это ещё неизвестно, кто кого будет резать! – пробурчал Инегельд.

– Князь, сарацин на десяти кораблях не меньше тысячи, а нас – сотня всего, – терпеливо сказал Сухов. – Мы им, конечно, вломим, как следует, но это тебе не амальфитанцы дохлые, это пираты Сабира!

– И что ты предлагаешь? – разозлился Клык. – Сдаться?!

– Ещё чего... – спокойно сказал Олег. – Ивор, ты не заметил, какая хеландия ближе к берегу стоит?

– «Грифон». Со скалы если глянуть, хеландия как раз внизу. Свен ещё хотел каменюку кинуть, да я не дал.

– И правильно сделал. Вот что, князь. Ты, я знаю, хвалился, что гарпуны в зверя морского метать умелец?

– А то! – приосанился Клык. – На моржей хаживал, на кита даже – я с лодьи так ему втыкивал – гарпун на полдревка уходил в тушу непомерную!

– Вот и славно. Тогда отправляйся с Турберном наверх и возьми с собой парочку самых тяжелых копий, вроде рожинов, а лучше три, чтоб с запасом, обмотайте их только паклей или что тут у нас есть, и всё масло из фонарей на них потратьте, чтоб горело ярко и в падении не гасло. Задача ясна? Только Ивор сову изобразит, кидай со всей мочи копьё, да выцеливай сифон медный, что в носу, – луна его как следует выбелит.

– Эт можно!

– А ты, Железнобокий, как он копьё метнёт, сразу своё швыряй следом, для верности.

– Подожди только, – вставил Акила.

– Поговори мне ещё, – проворчал старый воин. – Потопали, князюшка, проведу тебя на гору.

– Сам дойду.

– Потопали, потопали...

Малютка Свен, провожавший взглядом уходивших, повернул голову к Олегу и спросил:

– А мы?

– А мы искупаемся, малыш. Сплываем на «Святого Георгия Победоносца», подержимся за навклира, погутарим...

– А потом?

– Суп с котом.

Магистр и аколит выбрал пятерых, самых умелых и годных для заплыва – Ивора, Акилу, Воиста, Свена и Фудри. Сам Олег был шестым в этой «сборной по плаванию».

Раздевшись догола, с ножами в руках, они вошли в воды бухты, стараясь не плескаться, и поплыли вдоль тёмного берега. Луна уже серебрила склоны, но Разбойничья бухта лежала в непроглядной тени.

Вода была не тёплой, но и не холодной – терпимой. Держа нож в зубах, Олег плыл, еле загребая, чтобы не выдать себя, ибо попасть под дождик из «греческого огня» у него не было желания.

Плавание его утомило – сказывалось ранение, – но дух был бодр. И зол.

Прямо перед ним, словно морской дьявол, вынырнул Ивор и прошептал:

– Мы со Свеном кормой займёмся.

– Лады. Навклира не убивать, он мне живым нужен.

– Понято.

– Я на нос. Навклира ведите туда же и сами подгребайте.

– Ага...

Пожиратель Смерти бесшумно скрылся под водою и показался уже под самой кормой хеландии, хватаясь за рулевое весло.

К борту прибрёл сонный ромей. Стянув штаны, он отлил и вернулся досыпать. Олег снова поплыл, пока не уцепился за якорный канат.

Кое-как взобравшись по нему на носовую палубу, где тускло отсвечивала ощеренная труба пирекбола, он присел в тени и коснулся купола сифона. Котёл был горяч, адская смесь в нём булькала и шипела.

Тут на озябшего Сухова снова пахнуло теплом – это открылся люк в хозяйство сифонистов. Наверх, подсвеченный огнем из топки, выбрался хмурый Михаил.

Олег бесшумно поднялся, зашёл сифонисту со спины. Одной рукой прикрыв Михаилу рот, другой приставил нож к горлу.

– Тихо! – шепнул он. Сифонист понятиливо закивал.

– Я ничего не понимаю, сиятельный, – почти неслышно заговорил он, – мы всю ночь простояли на Капри, пока не дождались посла от Сабира, этого пирата, а потом все вместе двинулись сюда...

– А тут и понимать нечего. Навклир – предатель, и я поступлю с ним как с предателем. Хочешь разделить его участь?

– Я не трус! – яростно зашептал Михаил. – Но я лучше сдохну, чем стану Иудой! Прикажи только, сиятельный, и я этого навклира своими руками задушу!

– Тише, тише... Верю. А Евлогий?

– Мы оба – морские стратиоты,⁵⁶ из одной деревни. Евлогий мне как брат!

– Тогда слушай меня внимательно. Будешь выполнять только мои приказы...

Тут из люка показалась голова Евлогия, и Олег с Михаилом вдвоем приложили пальцы

⁵⁶ Стратиот – военный поселенец, которому давали надел земли за службу в армии или на флоте.

к губам: никшни, мол, и чтоб ни звука!

– Сиятельный! – расплылся тот в улыбке. – Ну наконец-то! А то я уж думал на берег отсюда плыть!

– Всё с вами ясно. Сколько людей на борту?

– Да где-то с сотню будет. На «Грифоне» – все полторы.

– Ясненько... Тогда так. Раскочегаривайте свой сифон, а трубу разворачивайте к палубе. Если по-хорошему не поймут, будем действовать по-плохому.

– Так не видно же... – слабо возразил Михаил.

– Это мы исправим. Скоро.

Из темноты возникли двое – Ивор в чёрном сагии на голое тело шагал рядом с навклиром в скарамангии. Лицо командира корабля застыло, тело выгнулось, и Олег понял, что Пожиратель Смерти добивался от навклира послушания, уперев нож в область печени.

– Садись, навклир, – ласково произнёс Олег, – потолкуем о том о сём.

Ивор усадил капитана, дружески похлопал его по плечу и переместил остриё ножа к жирной и потной шее.

– Зря ты это, сиятельный, – прохрипел навклир. – Я исполняю приказ очень и очень большого человека...

– Ах, большого... Большого, чем базилевс?

– Я этого не говорил!

– Как твоё имя?

– Фе... Феофан.

– А не Иуда? – донёсся шёпот из люка.

– Ты растапливай, Михаил, растапливай, – улыбнулся Сухов. – Так вот, Феофан. Сейчас только от тебя зависит, будет ли эта ночь последней в твоей паскудной жизни, или же она продлится до завтра, до послезавтра и так далее. Ты – предатель, и я имею полное право повесить тебя...

– За яйца! – подсказал Михаил.

– Можно и так, – зловещая ухмылка исказила лицо магистра и аколита. – А можно и за шею. Или за ноги...

– И чтоб башка над костерком! – глухо донёсся совет от сифониста.

– Ты не понимаешь, – заскулил навклир, – я просто не мог отказаться, нельзя было не выполнить приказ...

– Приказ кого?

– Феоклита Дуки, domestика схол!

– Ах, вот чьи тут уши торчат... – обрадовался Олег. – А я на другого грешил. Зря. Феоклит, значит... Славно. Вот уж кого я вздёрну с удовольствием! Надоел он мне. Так, ладно...

По одному к носу вышли Фудри и Свен. Акила и Воист забрались на палубу по канату.

– Все здесь? Михаил, как там?

– Готово! – доложил сифонист.

– Тогда... Ивор, ухай совой – пора!

Пожиратель Смерти с удовольствием изобразил ночного хищника – уханье разнеслось по-над бухтой, откликаясь эхом от скал. Олег задрал голову вверх, стараясь разглядеть фигуру князя на круче, но это ему не удалось.

Копьё мелькнуло бесшумной молнией, небесным Перуном. Едва наконечник пробил крышку котла, как вверх с рёвом забил белесый гейзер, вспыхнул – и колонна голубого огня высветила всё вокруг – хеландии, лодью, смутные силуэты арабских накаиров да заураков. И тут же дикий рёв сменился раскатом грома – всю носовую полупалубу «Грифона» вывернуло наизнанку, в щепки раздирая борта и форштевень. Теперь уже алое пламя рвануло во все стороны клубящимися фонтанами, и волна жара накатила на «Св. Георгия Победоносца».

Грохот стих, только заполошное эхо металось от склона к склону. Половина «Грифона» полыхала и шипела, погружаясь в воду. Лужа горящего «греческого огня» расплывалась,

вылизывая борта хеландии, и над нею взвились крики ужаса и отчаяния – экипаж дружно повалил на корму, стремясь успеть покинуть корабль и отплыть подальше от смертоносного пламени.

Экипаж «Св. Георгия Победоносца» тоже заметался спросонья, но тут засвистели niglaros, и голый Олег загремел на всю палубу:

– Всем бросить оружие – и за борт! Считаю до трёх! На счёт «три» поджарим вас из сифона, как жирных поросенок!

Кивнув Евлогию, он поднёс факел к пирекболу.

– Раз! Два!

Ромеи запрыгали за борт без энтузиазма, не до конца веря угрозе.

– Три!

Евлогий нажал рычаг, с утробным гудением рванулся газ, полыхнул шагов на десять голубой вспышкой – и на палубе не осталось ни одного человека, всех как сдуло. А Евлогий тут же отжал рычаг, и пламя, пыхнув разок, потухло. Но темнее не стало – «Грифон» разгорался всё сильнее.

– Где там наши? – проворчал Сухов, чувствуя усталость и холод.

– Идут!

В оранжевых отсветах показалась лодья. «Пардус» приблизился к «Св. Георгию Победоносцу», и Олег крикнул:

– Прыгайте сюда ещё человек двадцать! Отгоним лоханку в порт!

Варягам только скажи... Два десятка мореходов мигом перескочили на палубу хеландии, спотыкаясь о брошенное оружие.

– Уходим!

Олег развернул к себе навклира Феофана и от души врезал ему кулаком в челюсть. Навклир без звука полетел за борт.

– Зря ты, – пожурил его Ивор. – А казнить?

– Ничего, – утешил друга Сухов, – я кое-что получше казни придумал.

Хеландия развернулась и медленно потянулась из бухты. По правому борту забелели корабли сарацинов. Их головы в чалмах смутно выделялись в потемках. Олег прокашлялся и заговорил на арабском, надеясь, что его ширванский акцент не будет им резать слух:

– Правоверные! Вы явились сюда за рабами – мы их вам дарим! Там, в бухте, плавают две сотни крепких и безоружных молодцев! Забирайте их всех и славьте щедрость Халега ибн Романуса!

Сарацины сперва издали недоверчивый ропот, потом послышалась яростная перебранка, а ещё позже флагманский накаир направился в бухту. За ним двинулся другой, третий, четвёртый... Пиратов было в достатке и, наверное, не в одной разбойничьей голове мелькнула мысль о нападении на лодью, но хеландия с её сифоном усмирляла злодейские порывы – ни одному арабу не хотелось поджариться на «греческом огне».

Пираты, гребущие и высматривающие обещанную добычу, помалкивали, зато подняли крик ромеи, не желавшие быть проданными на невольничьем рынке.

– Как голоса! – расплылся в улыбке Ивор.

– Аж сердце радуется! – поддержал его Малютка Свен.

– Князя-то хоть не забыли? – спохватился Олег.

– Туточки мы! – проорал с лодьи Инегельд. – Ну ты и придумал, аколит! Вот это потеха! Вот это я понимаю!

– Курс на Неаполь! – скомандовал Сухов, улыбаясь. – И дайте мне что-нибудь надеть, холодно же!

Оставляя Искью по правому борту, лодья и хеландия легли на курс.

А в Неаполе всё было по-прежнему. Долбила стену гелепола, на её верхней площадке время от времени появлялись лучники и обстреливали неапольцев на соседней привратной башне, чтобы тем неповадно было пакости устраивать. Винеи за ненадобностью убрали, а

вот плутей не было видно. Надо полагать, их укатали с собою те из варягов, кто тревожил защитников города со стороны Южных ворот и с севера, где к стенам подходил акведук Серино.

А вот в лагере царил полнейший порядок – дружинники, любившие побезобразничать в захваченных городах и весях, за своими частоколами сохраняли строжайшую дисциплину. Шатры выстроены в линейку, дорожки ровные – бугры скрыты, ямы закопаны. Это не было подобием немецкого орднунга, просто в бою ничто не должно отвлекать воина – ни камень под ногами, ни плохо завязанные шнурки на сапогах. Когда всю жизнь сооружаешь лагерь в походах, поневоле запомнишь, куда бежать по тревоге. Стоят палатки параллельно и перпендикулярно, значит, даже в темноте не заплутаешь. Это был тот самый случай, когда точно знаешь, где можешь упасть, – и подстилаешь соломки.

«Св. Георгий Победоносец» и «Пардус» медленноплыли в узкое пространство между галерами-санданумами и лодьями. Варяги сразу зашумели, подхватились, забрякали вёслами, укладывая их на Т-образные козлы. Прибыли!

Сойдя на берег, Олег прежде всего умылся, потом переоделся в чистое и сухое. Решив подкрепиться, он направился к котлам, подвешенным к треногам над костерками, что висели на цепях и булькали, распространяя ароматы толокна, заправленного мясом и луком. Но не судьба ему было вкушать вкусной и здоровой пищи – затрубил рог дозорного.

Бранясь, Сухов кинулся к частоколу – верхней перекладине буквы «П», обращенной к городу. Ещё не выглянув наружу, он понял причину тревоги – страшный скрип пудовых петель разнёсся над берегом – это открывались Морские ворота Неаполя.

Тяжёлые, толстые створы расходились над узким каменным мостом, переброшенным через сухой ров.

В тени проёма Олег разглядел наполовину поднятую решетку-катаракту – и толпу воинов, с криками и воплями ринувшихся на мост. Каждый из бойцов нёс по факелу, а то и по два.

– Вылазка! – проревел Инегельд. – Акила! Ты слева! Тудор! Жми справа!

Неапольцы всей толпой вынеслись за ров и разделились – одни бросились к гелеполе, другие к лагерю. Отряд, что кинулся к осадной башне, встретили бойцы Тудора. Они теснили горожан ко рву, во всю мочь работая мечами и секирами.

Те же из неаполитанцев, кто напал на лагерь, дружно метнули факелы через частокол, стараясь докинуть их до лодий.

Варяги, отдохавшие после ночного дозора, понеслись к стенам лагеря – кто в одних штанах, кто и вовсе без оных, но обязательно с мечом.

– Стойте! – крикнул Олег. – С теми придурками справится Акила! Тушите огонь!

Бойцы словно опомнились – побросали оружие, похватили кошмы. С размаху окуная их в море, они бегом бежали обратно, набрасывая мокрый войлок на горящую смолу, стекавшую по шатрам. Сухов подхватил пару факелов и затушил их, сунув в песок. Вовремя оглянувшись, он увидел оскаленную морду неаполитанца, влезавшего на частокол, замахнулся погасшим факелом, но его опередили – свинцовый шарик, пущенный Хуртой из пращи, врезался морде в лоб.

– Лодьи целы? – спросил Олег пробежавшего Фудри.

– Целы! Два факела долетели до «Вия», Стегги их в море сбросил, а огонь затоптал!

– Тогда хватай своих – поможем, чем можем!

Олег мигом собрал два десятка варягов и алан. Выведя отряд за стены лагеря, он убедился, что вылазка неапольцам не удалась, – варяги Тудора скинули горожан в ров, а лучники с гелеполы методично расстреливали их сверху. Акила со своими прижал остаток воинства герцога Неаполитанского к частоколу и попросту изничтожил неприятеля – не торопясь и не отвлекаясь, как машина.

С грохотом упала решётка-катаракта, отсекая пути отхода, плавно затворились врата.

Сухов облегчённо опустил меч. Справились.

– Видать, прижали мы их крепко! – оскалился Фудри.

– Бывает, волк догонит зайца, – хохотнул Алк Ворон, – а тот – бряк на спину, и давай всеми лапами отбиваться! Так и эти... Чуют, за кем победа будет!

– Победа будет за нами, – внушительно сказал Олег.

Подошедший Пончик дополнил:

– Наше дело правое – враг будет разбит... и далее по тексту. Угу...

– Поговори мне ещё, – ухмыльнулся Сухов.

И в этот момент раздался ужасный грохот. Резко обернувшись к городу, Олег успел увидеть, как оседают зубцы крепостной стены перед гелеполой, как проваливаются кирпичи, поднимая тучу ржавой пыли.

– На штурм! – заорал Сухов. – Карл и Олав! Ваши дружины идут первыми!

– У-о-о! – ответили дружины.

Откатить гелеполу было уже невозможно – груда кирпичей завалила её до половины и ссыпалась в ров. Да и некогда было откатывать. Варяги бросились на приступ слева и справа от осадной башни, пробегая по мешкам с землёю, набросанным в ров, взбираясь по пылящей кирпичной осыпи.

Пыль ещё не рассеялась, а первые «штурмовики» уже ворвались в город и скатывались по травянистому откосу.

Олег вздохнул – не видать ему обеда... Ну, зато город взят!

Быстренько нацепив шлем и застегнув ремешок под подбородком, он приготовился ждать – негоже магистру да аколиту по кирпичам прыгать. Несолидно сие.

Дожидался Олег недолго – снова заскрипели ворота Неаполя, только теперь под приподнятую катаракту подныривали варяги, машущие руками товарищам – пожалуйста, мол! Открыто!

Товарищи из сотни Вуефаста Дороги взревели радостно и пожаловали. Олег неторопливо зашагал следом, сопровождаемый Витале Ипато, Ивором и Свеном.

Под аркой ворот было сыро, зато за ними, на круглой площади, светило солнце. Площадь окружали двух-трёхэтажные дома под черепичными крышами. Стены их были столько раз белены и штукатурены, что сделались неровными и шли наплывами.

На площади лежали мёртвые тела – десятки убитых неапольцев и ни одного пришельца из леса, гор или степей. А дальше поднимались в гору улицы, на которых творился ад земной – жители метались от дома к дому с наспех собранными узлами, иные таскали вдвоём сундуки, женщины вопили, воздевая руки к небу, а одна из местных сидела прямо посреди улицы, простоволосая, и качалась из стороны в сторону, то ли оплакивая кого, то ли последний разум потеряв.

– Никого! – поражался Свен. – До чего ж народ трусливый попался!

– Нам же лучше, – заметил Ивор.

– А правда, что добычу поровну поделят? – осведомился Малютка с тревогой.

– Чистая правда, – подтвердил Олег, – беспримесная. Сложим всё в кучу, разделим на всех и свалим.

– Правильно! – горячо одобрил и поддержал Свен. – А то одному богатенький достанется, а другому вечно шваль всякая...

Ипато улыбнулся только – радовалось сердце истинного венецианца горю соперников. Олег усмехнулся и стал подниматься вверх по улице.

Варяги пока почти не трогали местных – заняты были. Десятки из дружины Вилобородого отражали контратаку вражеских всадников, орудуя копьями издали, секирами вблизи. Дружная четвёрка алан во главе с Аккером из Магаса гоняли по улице десятков солидариев – аланы хохотали, умерщвляя неапольских бойцов попарно. Они накалывали на пику сначала одного супротивника, протыкая несчастного насквозь, а потом догоняли следующего, придерживая труп на древке, и нанизывали второго. Бросали этот чудовищный «шашлык» и бежали дальше, готовя новую пику-шампур. Саук, сын Тааза, и Фудри Московский развлекались тем, что ловили местных девушек. Девушки визжали, прятались в домах, парочка их оттуда выгоняла уже голыми...

Прямо на Олега выскочила одна такая – растрёпанная, росточку небольшого, но с большими грудями, подпрыгивавшими на ходу. Девушка бежала, невзвидя свету, зажимая руками низ живота. Сухов поймал её, и та забилась, рыдая и поминая все имя Божие.

Фудри с Сауком вылетели из дверей, сразу же резко затормозив. Их довольные улыбки поблекли.

– Опять балуетесь? – с укором спросил Олег, отпуская девушку. Та без сил опустилась на землю.

– Да мы так просто, – решил отвертеться Саук, «джокая» по-гузски.

– Почему не в строю? – построжел аколит.

– Так всё уже! Разбежались бойцы ихние! Мы-то думали, как за стену пролезем, так самый бой и начнётся. А он кончился!

– Ладно, – махнул рукой Сухов, – балуйтесь, тролль с вами...

Да и что ему было сказать? Варяги одержали победу, значит, имели полное право эту самую победу праздновать, то есть портить девок и отбирать имущество у их родителей. В мирное время за такое голову секли, а война всё спишет...

– Что-то я не замечаю особых зверств, – улыбнулся Ипато. – Обычно после северян остаются жуткие следы...

– Спасибо вашей гелеполе, а то пришлось бы моим варягам на стены лезть. Потеряли бы многих, остальные озверели бы – и улицы Неаполя стали бы скользкими от крови!

Они вывернули на широкую улицу, заставленную двумя рядами богатых домов. Кое-где фасады украшались колоннами, попадались даже безносые статуи.

Над улицей стоял крик и стон – не желали богатые горожане беднеть. Из дверей и окон доносился стук и грохот, гневные вопли сменялись звонкими ударами. Или предсмертным хрипом. Или тонким воплем насилуемой девушки.

Олег даже не поморщился. Напротив, он чувствовал сильное раздражение, производное от голода, усталости и долгого воздержания. Алёнка далеко, а тутошних девок лапать – нет уж, увольте. Их моют два раза в жизни – при рождении и когда в гроб кладут.

В остальное время они воняют. Вроде ж и водопровод им римляне провели, ещё при Августе – купайся хоть день напролёт. Так нет же, попы постановили, что чистота духовная куда важнее чистоты телесной, и поразрушили термы с купальнями, дабы женщины не мылись вместе с мужчинами, возбуждая похоть и греховные помышления. Помывки отменили, канализация сама забилась... Зато никакой аморалки. Ничего, скоро вам воздастся за грязь – чума приберёт всех, и немытых праведников, и немытых грешников...

– Не отда-ам! – хрипло заорал расхристанный мужик, выбегая на улицу в одних брз.

Он бежал, косолапая, и прижимал к груди мешок с чем-то звякавшим. Из окна выпрыгнул Акила Длинный Меч. Смеясь, он метнул топорик-чекан, раскроивший мужику череп. Косолапый рухнул, выпуская мешок из рук, и по выщербленным плитам улицы раскатились золотые чаши, миски, кубки...

Малютка Свен с сожалением посмотрел на посуду и махнул рукой:

– Ладно, потом поделим!

– Чем занят, Свен? – жизнерадостно спросил Акила, подбирая золотые вещи.

– Гуляю, не видишь, што ль?

Длинный Меч рассмеялся и бодро потрусил к дому, крича: «Сундук тот не забудьте! Актеву! Сундук! Слышь?»

Безбородый Актеву, дергая себя за длинный пшеничный ус, высунулся из окна второго этажа и проокал:

– Понесли уже! Всё туточки, чисто!

– Дальше пошли!

– Акила! – донесся грубый голос из дверей ограбленного дома. – Тяжёл сундук-то!

– Складывай у порога, Фроутан, я телегу подгоню!

Из дома напротив с трудом выбрался варяг могучего сложения, толстая патлатая женщина волочилась за ним, цепляясь за грабителя, колотила его кулаком по спине и орала

благим матом. Грабитель, красный от стыда и гнева, развернулся у выхода и ударил бабу рукой в кольчужной перчатке – орущая свалилась замертво.

Зацокали копыта. Понурая лошадь провезла телегу, полную ухищенного добра – тканей дорогих, посуды серебряной, украшений женских. Двое варягов вели лошадь под уздцы и громко смеялись, вспоминая забавный случай.

Выйдя на перекресток, Олег столкнулся с Инегельдом.

– Здорово, князь. Куда несёшься?

– Тебя ищут! Там этот, герцог тутошний, миру просит!

– Показывай дорогу. Ипато, растолмачишь его дозволенные речи?

– О, герцог Иоанн учился в Константинополе и прекрасно говорит по-гречески, сиятельный.

– Тем лучше. Быстрее найдём общий язык.

Сухов шёл не торопясь – знал, что, как только они с герцогом заключат мир, грабить станет нельзя. Остановить же варягов, обозлённых долгим сопротивлением, будет непросто. Надо уловить тот момент, когда жажда золота будет утолена в меру, а безумство разрушения ещё не овладеет воинами.

Пусть варяги врываются в дома, пусть отбирают добро, пусть даже учиняют развратные действия, лишь бы не осатанели они от крови, не устроили бы немывтым неапольцам кровавую баню. Так что рановато ещё мир учинять, надо дать время его ребяткам оттянуться, как следует, распотешиться вволю.

Да и так ли уж безжалостны варяги? Взять тех же девиц. Сколько их бегало голышом по улице? Две или три. А сколько осталось дома, слабо сопротивляясь распалённым русам или отдаваясь по доброй воле? Конечно, оправдать войну нельзя, но понять можно.

Боевой Клык вывел Олега на небольшую площадь, куда выходило здание с колоннами, видать, бывшая римская курия. Ныне её занимал герцог Неаполитанский, Иоанн III, сын Марина I, с женою Теодорой.

Перед дворцом герцога в ряд стояли конники в блестящих латах с алыми накидками. Особую пышность почётной страже придавали султаны из страусовых перьев, украшавшие как шлемы, так и налобники коней.

Перед этим роскошным строем пыжился герцог – невысокий пожилой человек. Его сковывали драгоценные доспехи, посеребрённые, с золотой насечкой, а шлем он держал под мышкой. Герцог высоко задира подбородок, но ни капли решимости не было в его лице, оно выражало одну лишь покорность судьбе.

Сухов приблизился к Иоанну, сыну Марина, и слегка поклонился.

– Я – Олега́риус, магистр императора Романа, – представился он. – Весьма прискорбно, что свожу знакомство с вами, герцог, в столь неприятных обстоятельствах, но в том нет моей вины.

– Неужели? – усмехнулся Иоанн, не поднимая глаз. – Чьи же воины творят бесчинства в славном городе Неаполе?

– Мои, – признался Сухов. – Сами виноваты, герцог. Не нужно было поддерживать князя Ландульфа.

– Мы никогда не отрицали вассальной зависимости от империи! – воспротивился Иоанн.

– Мало не говорить «нет», – сказал Олег с мягкой укоризной, – необходимо говорить «да», когда это требуется. Вам надо было доказать сюзерену свою верность делом, надо было пресечь злодеяния Ландульфа, хоть как-то проявить преданность! Вы этого не сделали. Так чем же вы недовольны теперь?

– Я... – начал герцог величественно.

Сухов поднял руку, останавливая поток оправданий и обвинений.

– Мы не ставили своей целью разорение Неаполя, – сказал он. – Если вы хотите остановить грабежи, то заплатите выкуп, и мы уйдём.

– Сколько? – поскущел Иоанн.

Олег назвал цену мира. Свен с Ивором радостно переглянулись, Инегельд осклабился в полном довольстве, герцог же, напротив, увял.

– Согласен, – тяжело вздохнул он. И пробормотал, подняв очи горе: – *A furore normannorum libera nos, o Domine!*⁵⁷

– Аминь, – заключил Сухов.

Глава 13, в которой Елена Мелиссина отказывает двум молодым людям

В тот день Елена Мелиссина легла спать раньше обычного – ей хотелось как следует отдохнуть, чтобы с утра выглядеть посвежевшей. Приглашение Марозии оставалось в силе, тайную посланницу ждал приём в замке Сан-Анжело, поэтому за главным своим оружием – красотой – Елена хотела проследить особенно тщательно.

Раздевшись, она легла. Римские ночи были тёплыми, ветерок из парка доносил запах цветущего жасмина и олеандра. Тишина стояла необычайная, как в родовом проастиии – имении Мелиссинов. Проастиий стоял рядом с деревней, но крестьяне ложились рано, и только брехливые собаки нарушали молчание ночи. Лежишь – и не веришь, что совсем рядом ворочается, дрыхнет, пьянствует, любитя громадный Константинополь.

А вот в Риме всё ощущалось иначе. Здешний покой был почти что кладбищенским – десятки тысяч домов заполняли город, но почти все они стояли брошенными. А то и разваленными. Пышные Сады Саллюстия заросли, став прибежищем для лис. От бывшего великолепия Капитолия остались жалкие остатки колоннад, торчавшие над руинами храма Юпитера Наилучшего Величайшего, словно костяк сгнившего мертвеца...

Елена поморщилась: что за мысли у неё на ночь глядя – кладбище, мертвец... Но разве виновата она, что римская тишина напрягает, что за стенами дома Квинтиллиев стоит безмолвие? Именно безмолвие. Тишина – это когда всё вокруг затихает, спит или наслаждается покоем. А вот пустота безмолвна.

Женщина прислушалась. Неразборчивый говор болгар донёсся до неё, будто успокаивая – спутники рядом, они помогут. Тихо заржала лошадь – это Котян угощает своих любимцев, пусть полакомятся на сон грядущий.

Елена вздохнула, натягивая простыню до подбородка. Чем она не римская матрона? Эти древние своды, это ложе, чья бронза хранила сны сенаторов или всадников, каких-нибудь эдилов или консулов... Правда, говорят, римлянки не спали голышом, так ведь века минули, нравы посуровели. А чем суровее мораль, тем пуще на волю рвётся плоть греховная. Хотя почему обязательно греховная? Разве не пела её бестелесная душа, когда тело извивалось в объятиях милого варвара? Где ещё сыскать большую усладу и негу? Если же любовь – сатанинское наваждение, то что есть Бог?

Верно рассуждал Олег: демон, дьявол, чёрт с рогами – всё это мелкая нечисть, страшилки для дураков, ибо Господь всемогущ и не допустит владычества всяких там князей тьмы и воплощений зла. Бог выше всего, Он сверх всего. Бог есть любовь. Он любит всех – и человеков, и зверя лесного, и пичугу королька, и гада болотного, и мельчайшую тлю. Он не давал людям заповедей и не обозначал грехи, ибо непостижим для людского ума и чудовищно далёк – даже жалкие муравьи ближе к человеку, чем человек – к Богу. Он не внемлет нашим молитвам, как мы сами не придаём значения жужжанию пчелы. Он никого не наказывает и никого не награждает, Господь просто любит всё, им сотворённое, и Христос первым постиг суть божественную, заповедав любить ближних и дальних, ибо это угодно Ему...

Елена уже впадала в дрему, как вдруг незнакомый звук вторгся в пределы подступающего сна, возвращая мыслям ясность. С громко бьющимся сердцем женщина

⁵⁷ *A furore normannorum libera nos, o Domine!* (Лат.) – Господи, спаси нас от ярости норманнов!

вглядывалась в чересполосицу теней и дорожек лунного света. Из темноты выступила неясная фигура и замерла, будто в неуверенности.

– Кто здесь? – спросила Мелиссина, садясь в постели. Простыня оголила её груди, но женщина не прикрылась даже рукой, выражая молчаливое презрение к вторгшемуся.

– Это я... – отозвался хриплый, полузадавленный голос. Елена узнала Ильдерику, распутного монаха, ныне растерянного и трусливо вождедеющего.

Отбросив покрывало вовсе, она спустила ноги на пол и неторопливо встала. То облекаясь бледным лунным сиянием, то попадая в тень, Елена подошла к светильнику и зажгла по очереди семь свечей. Ильдерику не видел мстительной улыбки, изломившей женские губы, а когда Мелиссина оборотилась к нему, он узрел холодное и равнодушное лицо богини – с чеканно правильными мелкими чертами, идеально прямым носом, твёрдым подбородком.

– Как ты проник в дом? – спросила богиня, поводя покатыми плечами немислимой чистоты и гладкости, отчего груди её упруго колыхнулись.

– Есть тропа в саду, – забормотал молодец, откидывая на спину капюшон и пожирая глазами всё, чем природа или Бог щедро одарила женщину. – Её знаю только я один...

– Зачем ты пришёл?

Ильдерику пал на колени и протянул к Елене руки в молящем порыве.

– О, дива! – выдохнул он пересохшим ртом. – О, женское естество, от природы злопакостнейшее! Сколько зим я умерщвлял в себе трепет плоти, сколько епитимий накладывал в страсти к смирению, дабы воспарить к святости, являя собой высочайшее средоточие благодости, и всю жизнь свою одушевить чистейшим целомудрием. Но не получалось! Одолевала плоть, и для её успокоения возлегал иннок Ильдерику с нагою женщиной, и лобызался во все места, и соединял свое нагое лоно с её нагим лоном... О Господи Пресвятый! – поднял монах лицо к потолку, где сплетались в немисливых сочетаниях нимфы и фавны. – Как возлюбить тебя, уволя душу от чувственного соблазна? Как отличить жар серафимов от жжения Люциферова? Что от Бога, а что от содроганий возбужденной плоти? Или возвышенный экстаз любви к Христу Распятому – величайший самообман?! Подмена страсти страстью?! Свят, свят, свят! Неужто правы те странные и опасные еретики егошуты, утверждающие, будто бы тела людские не просто обитаемы духом, а соприродны ему в роскошестве великолепноейшего тождества, в совершенной соразмерности сочленений, в сопредельной соседственности, сродненной существенной нутряной силой? И прелюбодеяние, сие блаженнейшее сопряжение созданий Божьих, не грех великий, а святониспосланная благодать? Или морок водит меня, дьявольское наущение?!

...Но вот я вижу драгоценнейшее, великолепноейшее тело ваше, о Елена, и взором одним уестествляю вас... Греховное помышление, обольщение чувств – какая мне разница?! Если вы, о прекраснейшая из дам, возгнетающая во мне невыносимое пылание страсти, покинете круг зримого мною мира, неутоленное желание измучает меня, а память изъязвит сожалениями о миге утраченной радости...

Мелиссина, немало удивлённая изощрёнными речами Ильдерику, улыбнулась неласково и всезнающе.

– Мало переступить порог моей спальни, чтобы утолить страсть, – проговорила она ледяным тоном. – Нужно обладать великой силой и волей, дабы, как ты говоришь, сравняться в великолепноейшем тождестве. Пока что мне ведом лишь один мужчина, соприродный моему «злопакостнейшему» естеству. Ты – не он.

Елена выпрямилась, вся напрягшись, – зовущая, грозная, чуть-чуть презрительная. Её губы приоткрылись, высокая грудь поднялась ещё выше – вызывающая красота и опасная сила женщины поразили Ильдерику в обоих смыслах – добра молодца скрутило, он отпрянул, зажимаясь, пока спиной не ткнулся в колонну, содрогнулся в сладострастной конвульсии.

– Я... всё! – пролепетал лангобард потрясённо.

– Уходи.

Ильдери́к, согнувшись, просеменил вон, растворяясь в тенях атриума. Мелиссина, улыбаясь по-прежнему недобро, поглядела ему вслед и задула свечи. Легла, укрылась и заснула.

Утро Елена посвятила уходу за собой и лишь к полудню покинула дом, оставив на хозяйство Органу и Куверта, а Котяна с Тарвелом взяв с собой.

Ближе к Колизею повозки и кони, люди пешие или ведущие в поводу осликов с поклажей стали попадаться чаще.

Народ спешил по своим делам или проводил время в безделье, торговал помаленьку, воровал потихоньку, а гигантская чаша Колизея молчаливо и могуче довлела над мелкими людскими страстишками, покрывая своею тенью и базарчики, и хижины, устроенные на развалинах.

Мелиссина свернула на виа Сакра – Священную дорогу, выезжая на римский Форум. Душераздирающее зрелище...

Блистательный Форум романорум, центр Рима, средоточие власти, торговли и веры, ныне превратился в козье пастбище. Земля, смытая с окрестных холмов, покрыла Форум толстым слоем, из которого выглядывали колонны и побитые статуи. У Новой базилики пролёты были настолько колоссальны, что обвалились вскоре после возведения. Прямо на Священной дороге встали церкви Св. Вакха и Св. Сергия. Храм Св. Адриана задира́л свой крест на месте Курии, а там, где стоял храм Мира, поднималась неумело сложенная церковь Св. Козьмы и Дамиана.

Чувствуя раздрой в душе, Елена спустилась на Триумфальную дорогу и доехала по ней до самого Тибра.

Весна была в разгаре, и река не уместалась в свое ложе, унося к морю мутные жёлтые воды. Каменный мост Элия упирался в мавзолей Адриана, лангобардами превращённый в замок Сан-Анжело. Это был монументальный бастион из красного камня на правом берегу Тибра, вписанный в крепостную стену Аврелиана.

Мелиссина подъезжала к замку по мосту и поражалась виденному. Как ни посмотри, а замок-мавзолей должен был выглядеть потешно. Он представлял собой огромный квадратный цоколь, на котором расплывалась кургузая круглая башня. Ни дать ни взять – торт на подставке.

Но глазам открывалось иное – необоримая мощь. Такое же впечатление на Елену оказывали египетские пирамиды. Замок Сан-Анжело был куда меньше грандиозных гробниц фараонов, всего каких-то сто шагов поперёк, а вот поди ж ты...

Возле узких ворот, где толпились пышные гвардейцы с пиками, женщина спешила и передала коня подбежавшим конюшим. Стража сделала вид, что не заметила Елену, хотя глаза часовых просто из орбит вылезали, провожая красавицу.

– Чуть шеи не свернули, – проворчал Котян, воинственно поглядывая кругом.

– Если что – докрутим, – ухмыльнулся Тарвел. Мелиссина прошагала длинным мрачным коридором и поднялась в покои замка Святого Ангела.

В приёмных толпился народ, обдавая Елену то густым чесночно-пивным духом, то тяжелым ароматом розового масла. По залам гуляли сквозняки и куры. Хохлатки выступали с важностью павлинов, небрежно роясь в соломе, устилавшей полы замка. В оконные проёмы, завешанные промасленной тканью, тянуло запахом навоза.

Особы королевской крови, родовитые графья, заезжие бароны и всякая аристократическая мелочь не могли усидеть на месте – повсюду раздавался топот сапог, визг собак, которым отдавливали лапы, и заполошное кудахтанье. Разряженная толпа носилась по коридорам, закручиваясь у поперечных проходов и отстаиваясь в галереях.

– Рада вас приветствовать, Елена! – раздался голос Марозии, и Мелиссина вежливо поклонилась сенатриссе, обряженной в парчу и бархат. – Это ваша свита?

Тарвел и Котян одновременно согнулись в поклоне.

– Нет, – улыбнулась зоста-патрикия, – это мои спутники.

– Пройдёмте, я познакомлю вас с мужем.

У королевских покоев Елена увидела целую толпу церковников. Аббаты и монахи-бенедиктинцы таким черно-лиловым капитулом окружали парочку епископов в красном и белом и викария папы Иоанна. Викарий носил особый белый шарф с тремя вышитыми крестами – паллий, символизовавший пастыря, несущего на плечах овцу. Паллий ткали инокини в монастыре Св. Агнессы из шерсти ягнят, освященных папой римским.

Духовные особы уже оборотили к женщинам сытенные лица.

– Тот, что сизонос и дороден, – вполголоса говорила Марозия, – Ромуло Остийский. А слева от него, вон тот рыжеволосый субъект с тремя подбородками и маленькими глазками, отягощенными трехъярусными мешками, – Ансуальдо Веронский. Оба – дубины редкостные, но зело исполнительные. Куриальные борзые.

– Все здесь! – прокрипел за спиной чей-то голос. Куриалы, гвардейцы, весь круг бездельников и хлыщей, прибившихся ко двору, посмотрели на Елену. Архиепископ с лицом удивленного льва сдержанно поклонился. Викарий осклабился с какой-то подобострастной наглостью.

– Его величество король! – мелодично взревел герольд.

Мелиссина повернулась и увидела короля Италии Гуго Арльского. Да, это был он – лобастый, ясноглазый крепыш с обширной лысиной по темечку. Король выглядел подтянутым, гладким, элегантным, на губах его блуждала улыбка, полная добродушно-коварного юмора, столь свойственного властным, сильным натурам.

– Рад, рад... – сказал он скрипуче, усмешливо кланяясь отцам церкви. Скрестив руки на груди, Гуго несколько секунд с неопределенной ухмылкой смотрел на Елену. Котян храбро выступил вперед и представил хозяйку-подругу, начальницу-товарища:

– Великолепная светлейшая зоста-патрикия Елена Росена!

Гуго уперся кулаками в бока и приблизил к Елене свои пронизывающие глаза.

– О! Так вы читали из Библии русам?

– Да, мессир, – поклонилась Мелиссина, хохоча в душе.

– Говорят, они великие воины... – продолжал король.

– Вам говорили правду, мессир. Варанги – величайшие воины.

Женщина заметила, как сошлись брови у викария, как нервно передернулся его дружок-аббат.

– Да?! – комически изумился Гуго. – А мне тут представляли русов народцем трусливым и негодным к строевой службе!

– Мессир, – усмехнулась Елена, – русы сильны и храбры – я даже не знаю, с кем их можно сравнивать. В лютую зиму они с хохотом купаются в проруби, а в бой могут идти голышом, всем видом своим являя неуважение к врагу. Если вы сойдетесь с ними на море, вы обречены – когда рус бьется на палубе корабля, он непобедим. Чьё угодно воинство, сир, они пройдут насквозь, гуляючи, и даже не заметят помехи, а крепости, которые не сдадутся русам, ещё не выстроены.

Королевское чело разгладилось.

– В кои веки я слышу правдивые речи! – воскликнул Гуго. – Браво! Разделите с нами трапезу – мой Вульфard готовит изумительную утятинку с трюфелями. А дабы нам не заскучать за ужином, мы устраиваем представление «Киприановой вечери»! Не то затянутое повествование магистра Алькофрибаса о пире блаженного Киприана Карфагенского епископа, кое вам должно быть известно, а рифмованное переложение диакона Иоанна... Аудуальд, напой нам!

Подскочивший аббат завёл тонким голоском евнуха:

Пал со смеху Гаудерих
В именительный падеж,
Лёжа учит Анастасий

Отложительный глагол...

Король скрипуче рассмеялся, и его весёлый настрой поддерживали все, даже клирики – внушать Гуго, что «Вечера» есть святотатственная, богохульная пародия на Священное Писание, и что она более приличествует язычнику, нежели помазаннику Божьему, духовенство не решалось. Вероятно, понимало, что и сами по уши погрязли в мирской суете.

Обед удался – Марозия закатила настоящий пир. Всё, что родит земля, всё, что бегают по лесам, по полям, что плавают в море, присутствовало на столах в изобилии, заполняя собой огромные дымящиеся блюда и подносы. Кувшины с винами выстроились в длинные шеренги, но и гостей хватало – краснолицые бароны, зубастые маркизы, графья, князья...

Мордатые лакеи в смешных обтягивающих штанах суетились вокруг, подливая, подсыпая, подкладывая гостям. Под столом стоял страшный хруст – это пировали собаки, разгрызая швыряемые им кости.

Украдкой поглядывая на жующую знать, Елена высматривала на их лицах признаки ума и вдохновения, но не находила. Правда, одно лицо из толпы выделялось. Немного женственное и очень бледное, оно принадлежало молодому человеку с длинными вьющимися волосами, сидевшему напротив Мелиссины.

Зоста-патрикия склонилась к Марозии и спросила:

– Кто этот молодой мужчина?

Сенатрисса перехватила взгляд Елены и довольно улыбнулась.

– Это мой сын Альберих, – сказала она. – Красавец! Весь в меня!

Альберих II Сполетский не отводил глаз от Елены. Взгляд его соскользнул на выпуклость груди женщины и вновь вскинулся, горя мрачным огнём. Мелиссина верно угадала под изнеженной оболочкой натуру страстную и необузданную. Вряд ли Альберих отличается умом и сообразительностью, но он горяч и болезненно обидчив – отличная растопка для того костра, который собралась зажечь Елена.

– Докладывай, Аудуальд! – вскричал подвыпивший Гуго. – Вслух, вслух! Тут все свои!

– Феоклит Дука показал себя никчёмным полководцем, – забубнил аббат. – Он погубил много тяжелой конницы и одержал победу, кою стоит назвать пирровой. Ныне он следует маршем к Гаэте. Флот Иоанна Радина направляется туда же. А вот русы...

– Так-так, – мотнул головой король. – Что же русы?

– Русы сожгли амальфитанский флот и взяли город Амальфи. Разбив флот герцога Неаполитанского, они разграбили Неаполь.

– О! – поднял палец Гуго. – А некоторые не верили! Кстати, сколько тех русов?

– Не знаю, мессир...

– Четыреста варангов на семи кораблях, – громко сказала Елена.

– О! – повторил король.

Пирующие тут же зашумели, припоминая воинские подвиги, реальные и выдуманные, вино полилось в глотки ручьями и очень скоро званый обед превратился в пошлую пьянку. Дворяне ревели нестройными голосами песни, отбивая такт чарками и кубками, собаки уже в открытую ели со столов, и Мелиссина решила покинуть гулянку. Выходя из-за стола, она посмотрела на Альбериха – и опустила глаза. Ключет – не ключет?

Выбравшись в галерею, она отправилась бродить по замку, пока не оказалась в Дворике Ангела. Здесь было тихо, вверху проплывали облака...

– Как мне называть вас? – послышался глухой голос.

Зоста-патрикия живо обернулась. Ключул-таки. Перед нею стоял Альберих, он смотрел не мигая, словно играл в «гляделки».

– Еленой, – ответила женщина. – Этого достаточно.

– Елена... – повторил бледнолицый.

Решительно шагнув к ней, он протянул руки, обнимая Мелиссину. Не тут-то было – в гладких женских ручках нашлось достаточно силы и ещё больше умения, чтобы расцепить кольцо объятий.

– Я замужем, – твёрдо сказала Елена.

Альберих вспыхнул, его глаза сузились, губы задёргались, однако зоста-патрикия даже не подумала сгладить оплошность, а стала развивать наступление.

– Право, вы обидчивы, как ребёнок, – усмехнулась она. – Что, хотите разрядить свой гнев на меня? Нечего сказать, достойное приложение сил! На меня-то к чему обижаться? И за что? Да, я уважаю только сильных мужчин. И кто в этом замке таков? Король Гуго! Да-да, тот самый, нелюбимый вами отчим. Но разве я виновата в этом? Король точно знает, чего хочет, и добивается поставленной цели. Он получил Италию, теперь, женившись на вашей матушке, Гуго обрёл власть над Римом и всей Папией.⁵⁸ А что же вы? А вы, как истинный пасынок, скромно жмётесь в тени и дуетесь на всех. Браво!

Альберих сжал кулаки.

– Чего вы от меня хотите? – прорычал он.

– От вас? – делано удивилась Елена. – Чего же можно от вас хотеть? Хотят от Гуго, от Марозии – они тут власть и сила. Я недавно приехала в Рим и скоро покину его. А вы останетесь. Ах, не обижайтесь, Альберих, просто мне как женщине всегда неприятно видеть мужчину, терпящего унижения, мужчину, с которым никто не считается. Это вызывает неловкость и протест. А впрочем... Не обращайтесь внимания на мои слова, Альберих. В Риме я вторую неделю всего, а уже сужу о его жителях так, будто знаю их с рождения. Может, вам нравится жить пасынком, откуда мне знать?

– Мне это не нравится, – отчеканил пасынок Гуго.

– Тогда почему вы даже голоса своего не подаёте? Почему даже не пытаетесь хоть как-то поделить с родителями их власть? Или вы ждёте, что они сами вам всё дадут? Не дождётесь!

– Да кто вы такая, – зашипел Альберих, – чтобы судить обо мне?! В любой момент я могу засадить вас в тюрьму!

– Очаровательно! – рассмеялась Елена. – Да вы не только не желаете отстаивать собственные права, вы сразу бросаетесь защищать родительскую власть!

– Ничего я не защищаю! – возвысил голос сын Марозии и внезапно успокоился. – Вы же ничего не знаете, – сказал он, – а спорите. Скажите... Скажите, а если я докажу вам, что честь для меня не пустой звук, что обладаю силой и упорством, тогда я заслужу ваш поцелуй?

– Посмотрим, – улыбнулась Елена.

– Я докажу, – повторил Альберих, развернулся и ушёл.

Из-за тяжёлых створок дверей тут же выбрались Котян с Тарвелом.

– Ну, ты храбра, сиятельная, – признался печенег. – Взгрела так взгрела эту бледную поганку!

– Будет ли толк... – вздохнула зоста-патрикия. – Пойдёмте отсюда.

Они вернулись в трапезную – и застали безобразную сцену. Альберих Сполетский с поджатыми губами, набрав в кувшин воды, поливал отчиму на руки. Тот умывался, фыркал, отплёвывался, как вдруг, выпрямившись, огрел пасынка мокрой пятернёй по щеке. От крепкой пощёчины Альберих отлетел в сторону, а Гуго загремел:

– Какого чёрта ты столько воды льёшь?!

– Не ругайся, Уго, – захихикала пьяная Марозия.

Пасынок поглядел на мать, на отчима, перевёл взгляд на Елену – Мелиссина была серьёзна – и вышел, не сказав ни слова, но на последнем градусе бешенства.

«Спасибо, Гуго, – подумала зоста-патрикия, – лучших доказательств моим словам не привести! Приведёт ли свои Альберих? Вот вопрос...»

Глава 14,

⁵⁸ Имеется в виду Папская область.

в которой доказывается, что грузят на того, кто везёт

Семь лодий, пять галер-санданумов и одна хеландия покинули Неаполь перед рассветом. Добычи было столько, что на палубах едва хватило места для пары хайробаллист. Турберн Железнобокий погоревал о гелеполе, что оставалась у городской стены, и настоял, чтобы тогда уж хоть все плутеи были взяты на борт. Просьбу старого варяга уважили.

Эскадра проследовала Неаполитанским заливом и вышла в открытое море – командование выбрало кружной путь к Гаэте.

...Места здешние, если и не были раем земным, то очень на него походили – лазурные волны, подбегая к берегам, принимали цвет берилла и накатывались на роскошные золотистые пляжи, а дальше поднимались горы, скалы, душистые заросли. Сюда, если верить Вергилию, причалил корабль Энея, бежавшего из Трои. Здесь же была похоронена его любимая кормилица Каэта. Случилось ли это на самом деле или всё выдумка, никто уже не скажет, однако точно известно, что Антонин Пий, наследовавший императору Адриану, одарил Гаэту отличной гаванью, а прочие римляне и до, и после него, строили тут виллы. Строили наперегонки, спеша занять местечко получше. Так что новым хозяевам, готам и лангобардам, сразу нашлись удобные места жительства...

Описав крутую дугу, корабли подошли к герцогству Гаэта с запада. Сам город располагался на небольшом скалистом мысу – выступе горы Орландо. С моря Гаэту было не видеть, лишь мощные башни крепости на мысу попадали в поле зрения. Дабы попасть в порт, кораблю следовало обогнуть мыс с юга – город прятался с восточной стороны мыса, под защитой крепости.

На следующий день после отплытия из Неаполя впереди замаячила та самая гора Орландо.

– Покуда крепость не возьмём, – проговорил Инегельд, – о городе и думать не могли. Только подступишься к воротам, а тебе по башке каменюкой заедут али ещё чем.

– И не говори, – улыбнулся Олег. – Так и шишку набить могут. Баллистиарии, что в крепости засели, парнишки меткие... Вот что, други, я тут подумал-подумал и решил: а на хрена нам Гаэту штурмовать?

– Это как? – не понял Турберн.

– А так! Ежели мы крепость займём, то вся Гаэта под нами окажется – куда хошь, туда и целься. И стреляй. И необязательно ядрами, можно и сосудик запулить с «огнем греческим». Нет, пулять мы не станем, но припугнём: дескать, не заплатите выкуп – сожжём вашу Гаэту ко всем чертям собачьим!

– Дельно! – оценил Железнобокий.

– Ага, – буркнул сидевший неподалёку Карл Вилобородый, – осталось только крепость взять...

– Возьмём! – сказал Олег уверенно. – У нас, чтобы её ворота отпереть, один ключик имеется.

– Какой такой ключик?

– Требукет!

Чтобы собрать требукет, потребовались усилия чуть ли не всей дружины – пока одни в дозоре стояли, другие таскали в гору огромные бруссы, колёса-катки и мешки с песком. Потом грузчики-таскальщики менялись с охранниками. Труд был тяжкий, но его подогревал интерес – уж больно великим выходило метательное орудие!

– А жилы где, дорогой? – удивлялся Турберн, заядлый любитель военной техники. – Али эти, кишки воловь? Чего ты скручивать собираешься?

– Требукету жилы с кишками ни к чему, – терпеливо объяснял Олег. – Он по-иному устроен. В нём рычаг-шатун, который ядро мечет, срабатывает не от скруток всяких – его противовес тянет. – Для ясности магистр начертил схему на песке. – Видишь, у шатуна длинное плечо есть и короткое. Длинное мы книзу прижмём и застопорим – на нём будет

праща особая, куда мы ядро поместим. А вот на короткое здоровенный такой короб подвесим и загрузим его мешками с песком. Понял? Выбиваем мы стопор, противовес рычаг вниз тянет, и – фьють! – полетело ядро!

– Ух ты... – сказал Железнобокий – хитрая механика привела его в восхищение.

Мимо как раз проносили рычаг-шатун – огромную балку длиною в двадцать четыре локтя, оструганную под восьмигранник. Десять самых здоровенных дренгов волокли её, пыхтя от натуги.

– Пошли наверх, Железнобокий, – позвал Олег. – Покажем Гаэте кузькину мать!

Вблизи крепость выглядела очень внушительно. С севера её стену прикрывала протейхизма – внешняя ограда. Между этими двумя стенами тянулся перибол – дорога к воротам, выводящим прямо во внутренний двор. Ворота в протейхизме выглядели внушительно.

Огромный требукет на шести тяжелых колесах-катках тянула сотня дюжих варягов, а следом ехали телеги, реквизированные у местных, подвозившие мешки с песком – огружать противовес. Пустых мешков не хватало, пришлось под это дело приспособить кожаные чехлы, которыми накрывали щиты, вывешиваемые на борта. Само же метательное орудие выглядело столь солидно, что почти затмевало гелеполу.

На тяжелой раме из бруса крепились укосинами два стояка, а между ними на оси качался шатун, напоминая колодезного «журавля», сработанного великаном. С того конца, где к «журавлю» цепляют обычно жердь с ведром, на рычаге требукета висела праща, сплетённая из толстого каната, а на коротком плече покачивался, скрипя, кузов-балансир. В него-то и нагружали мешки с песком, пятьсот пудов без малого – именно столько надо было уместить, чтобы длинное плечо коромысла выбросило ядро весом в шесть пудов.

Впрочем, аналогия с «журавлём» подходила ранее, во время сборки, а теперь требукет больше смахивал на водяную мельницу – у него с обеих сторон появилось по гигантскому «беличьему колесу» – чтобы не разгружать всякий раз кузов-противовес, а подтягивать шатун канатами, наматывая их на барабаны. Вот как раз барабаны те и вращались с помощью колёс, как заповедал в своих трудах римский стратег Вегеций, – так было куда ловчее, чем руками накручивать, толкая да тягая рычаги. А «белками» в тех колёсах подрабатывали самые здоровые из варягов.

Громоздкая «самоходка» приблизилась к стенам крепости на расстояние выстрела – от машины до протейхизмы оставалось шагов триста. Сощурившись, Олег осмотрелся. Слева от него лежала Гаэта, на её западной стене угадывалось шевеление – беспокоились воины герцога. У Сухова даже мысль мелькнула – пойти на штурм, не заморачиваясь. Но нельзя. Вернее, пойти-то можно, если в голове пусто, ибо в таком случае варяги оказались бы меж двух огней, меж двух гарнизонов – города и крепости. Нет уж, лучше поморочиться...

– Заряжа-ай!..

Притянутый книзу рычаг требукета зафиксировали стопорным болтом, а пращу аккуратно разложили вдоль желоба на станине и закатали в нее увесистый валун. Варяги, ясы и болгары построились в цепочки и стали разгружать подводы, передавая мешки с песком. Самые могутные стояли в кузове-качалке и укладывали груз.

На башнях крепости толпились воины – требукет и им самим в новинку был. Никто не стрелял, но не потому, что миролюбием отличался. Просто далеко был противник, не достать.

Олег перевел взгляд на стены и башни Гаэты – за зубцами перебежали люди в блестящих шлемах, дымно горели костры под чанами с кипятком, кто-то важный, с плюмажем из страусиных перьев, раздавал приказания... А в прогале меж скалистых холмов синело море – спокойное и безмятежное. Что тому Понту до людских дрязг, нелепых, мелких и жалких?

Копошатся всё, копошатся... Чего для?.. Хм. Как это он раньше внимания не обратил – в порту Гаэты не стояло ни одного корабля. Ни единого! То ли все в разгоне, то ли здешние судовладельцы учли опыт Амальфи и Неаполя, не стали рисковать флотом. Умно!

Олег поднял руку и резко опустил ее. Послышалось едва слышное тюканье молота по задвижке, и рычаг плавно повело вверх, все ускоряя и ускоряя мах гигантского метронома. Оттянутая праща раскрылась в верхней точке, и ядро, описывая пологую дугу, устремилось к цели. «Журавль» продолжал качаться, заставляя елозить всю громоздкую конструкцию, прокатываться туда-сюда на колесах, а ядро, вихляясь и кружась, дорисовало траекторию и подняло в воздух тучу пыли, не долетев до ворот шагов десять.

– Круговато взяли, – озаботился Турберн. – Перезаряжаем!

Перезарядка длилась долго, но вот второе ядро вкачено в пращу.

– Пуска-ай!

Ядро отправилось в полёт по более отлогой, настильной траектории и попало в цель – разнесло ворота на кусочки. Обломки дубовых плах и железных скреп еще скакали под арочными сводами, когда обвалилась наружная кладка протейхизмы – каменные блоки, уложенные «на сухую», лишь скрепленные медными пиронами, рухнули, оголяя бутовую засыпку.

– Здорово долбануло! – впечатлённо сказал Инегельд.

– Да уж... – протянул Олег. – Глянь-ка! Ни одного на стенах, все попрятались!

– Перепугались, чай! – захохотал Турберн.

– Наклоняй шатун! Эй, кто там поздоровее – на колёса!

– Я тоже покручу малость, – собрался Боевой Клык.

– Растряси жирок, князь, – хихикнул Железнобокий.

Варяги забрались внутрь колёс и зашагали, пародируя толстых, неуклюжих хомяков. Колёса завертелись, защёлкали храповички, закрутились большущие шипастые шестерни, понижая передачу. Шатун с болтавшейся пращей дрогнул и стал медленно клониться, тяжёлый противовес – подниматься.

– Сиятельный! – обратился к Олегу Ипато. – Было бы неплохо переговорить с местным локосерватором – так вы, кажется, прозываете комендантов крепостей? Может, с него хватило и одного ядра?

– Хм... Стоило бы в этом убедиться. А кого вы предлагаете в переговорщики, превосходительный?

– Себя!

– Ну что ж... Попробуйте. Только передайте этому локосерватору, что третье ядро прилетит к нему без задержки!

– Обязательно передам!

Венецианец, небрежно помахивая белой холстиной, пошагал к пролому, перелез через завал и скрылся в потемках длинного перибола.

Варяги не стали томиться в ожидании ответа – устроившись в тени, решили перекусить. Начались шуточки, смешочки, подначки. Молодой Прастен, сын Алка, осваивал кифару, прихваченную в Константинополе. Тудор поднес Олегу тепловатого вина, и магистр не стал отказываться. Поднял стакан – за вас, ребята! – и выпил терпкую и сладкую, с приятной кислинкой жидкость. Потаянный в ней огонь прогрел пустой желудок и облегчил мысли.

Всё путем!

– Эй! – крикнул Акила. – Хомяки пузатые! А ну, шибче лапами перебирайте!

– Допросишься, Акила! – принёсся ответ.

– Хо-хо! Хомяков и сусликов не боимся!

– Иди помогай лучше!

«Белкам» становилось труднее вращать колёса – варяги стояли на четвереньках внутри обода и с усилием переступали. Их товарищи стали помогать снаружи – подпрыгивали, хватаясь за перекладыны, тянули колесо вниз под собственным весом.

– Готово! – крикнул Турберн, вбивая стопор. – Держится!

– Заряжа-ай!

И вот ещё одна глыба помещается в пращу.

– Стоп! – сказал Олег. – Тудор, молот у тебя? Разогни-ка этот крюк.
– Зачем, дорогой? – удивился Железнобокий. – За него ж конец пращи цепляется!
Ежели разогнёшь его, праща скорее откроется!

– А я этого и добиваюсь – тогда снаряд полетит по крутой дуге, ударяя сверху.

– Тогда ладно...

– Пускай!

Тудор стукнул по стопору, и шатун мощно пошёл вверх, вытягивая за собой пращу, закидывая её... Вот праща открылась, и ядро полетело в цель, врезаясь в стену за протейхизмой и разворачивая кладку. Донёсся приглушенный расстоянием грохот валящихся камней, восклубилась туча пыли.

– Эгей, Олежа! – воскликнул Турберн. – Гляди-ко, белым машут!

Над стеной неистово мотался белый лоскут, прицепленный к копыю.

– Вот что значит требукет, – назидательно сказал Железнобокий, с кряхтеньем усаживаясь на раму. – Раз, два, три – и готово!

Варяги оживлённо переговаривались, обсуждая «чудо-оружие», но бдительности не теряли – три сотни стояли в полном боевом, со щитами и при мечах, готовые отразить атаку хоть из крепости, хоть из города.

Пыль над протейхизмой рассеялась, и через завалы перебралась целая делегация – человек десять вооружённых людей. Впереди шагали двое – Ипато и высокий, сухощавый человек с длинным лицом и большими жёлтыми зубами.

– Ишь, морда какая, – пробурчал Инегельд. – Ну лошадь – лошадью!

– Знатный, чай, – определил Турберн. Делегаты подошли ближе, и Витале Ипато представил человека с лошадиным лицом:

– Герцог Гаэтанский!

– Я ж говорил... – проворчал Железнобокий вполголоса.

Олег улыбнулся и небрежно поклонился герцогу.

– Рад видеть его светлость в добром здравии, – сказал он. – Надеюсь, вы не будете против, если мы займём эту крепость? Временно, разумеется, временно!

Герцог сжал губы и подвигал туда-сюда нижней челюстью, в этот момент более походя не на лошадь, а на корову.

– Чего вы хотите? – выговорил он неожиданно высоким и звонким голосом.

– А я как раз размышлял над этим вопросом. Мы склонны начать осаду Гаэты. Или, это самое, пойти на приступ... Быть может, ваша светлость подскажет нам третий выход из положения?

Герцог снова изобразил жвачное и сказал деловито:

– Я дам вам хороший выкуп.

Он назвал цену – и лица варягов украсились довольными улыбками.

– Это мудрое решение, – оценил Олег хозяйственный подход его светлости. – Сумма нас тоже устраивает.

– И я готов заплатить вам вдвое больше, – продолжил герцог с нажимом, – если вы защитите мой город от подступающих ромеев!

– Ромеев?!

– На Гаэту ополчился domestik Феоклит Дука. Сюда идут несколько тысяч конных и пеших, чтобы разграбить наш город!

– Ах, вот оно что...

Олег не стал посвящать герцога в планы базилевса – не надо его высочеству знать, что его величество сам послал варягов «бомбить» города-порты, заигравшиеся в независимость. Однако Феоклит Дука занёсся не по чину... Как минимум, превысил свои полномочия. Видать, жалкие победы в Апулии сподвигли domestika отыгаться на Гаэте, а заодно перебежать дорогу магистру и аколиту. Ну-ну...

– Я не позволю Дуке учинять произвол, – твёрдо сказал Сухов. – Доместику нечего делать у стен Гаэты. Или он уберётся сам и уведёт своё войско, или мы заставим его

убраться! Только плата вперёд.

Герцог улыбнулся, поразительно напомнив ржущего коня, и стал торговаться. Тут и светлый князь подтянулся, изображая то тяжкое сомнение, то бурное негодование. Наконец, высокие договаривающиеся стороны пришли к соглашению – варяги на время занимали крепость и располагали свой флот в газтанском порту. Выкуп и плата за службу вносятся тут же (и делятся по справедливости!), после чего варяжская тяжёлая пехота укрепляется конницей герцога, и все с нетерпением ждут ромейское войско...

Олег лежал у костра на песочке и глядел в небо. Искры да подсвеченный дым мешали любоваться звёздами, зато создавали этаким пещерный уют. Сухов любил такие моменты бытия, когда отдыхали и тело, и душа. Натура у него была деятельная, но дела вершат днём, а ночью не грех и полениться.

Прошуршали шаги, и рядом опустился Пончик.

– Пр-рывет... – сказал он вяло.

– А что так тускло? – улыбнулся Сухов.

– Устал. Угу... Слушай, Олег, а ты не боишься нарушить приказ базилевса? И вообще, как же это – биться со своими?

– Какими своими, Понч? – зевнул магистр. – Свои – вон, кругом меня сидят. А если кто и нарушает приказ, так это Дука. Сказано ему было – сидеть в Апулии и не высовываться, колошматить бунтовщиков и ждать, пока Ландульф не скомандует «отбой». А он сюда прёт! Думает, если у него там ничего не вышло, то в Гаэте всё получится как надо. Ага... Щас!

Пончик поёрзал и сказал задумчиво:

– Знаешь, я вот, когда сюда плыл, додумался до... Короче, мне представилось, что люди – хуже животных...

– Очень свежая мысль.

– Да нет, ты не понял! Понимаешь, вот звери в стаю сбиваются или в стадо, а нам этого мало – наши вожаки жаждут и другие стаи под себя прогнать. И начинается война... Каменными топорами бились, потом стали бронзой горла резать, нынче вот сталь в чести. А психология та же!

– Да какая там психология, Понч... Голые инстинкты. Знаешь, у кого стремление к власти выражено сильнее всего? У самцов бабуинов! Или у павианов – не помню точно. Но ведь людям нужно собираться в стада, они сами этого хотят – жить в куче. Люди даже с угнетением готовы мириться, лишь бы их не сильно прижимали, лишь бы хоть какое-то спокойствие и мир. Тут, знаешь, интересная штука наблюдается. Всегда мы, от самых пещер, стремимся соблюсти баланс между свободой и безопасностью. Диктатура так всех прижимает, что оставляет тебе узкую тропинку – шаг влево, шаг вправо карается расстрелом. От свободы одно название остаётся, зато жить безопасно. Плохо, скудно, но безопасно. Демократия дарует свободу, но не гарантирует безопасности. Просто потому, что права и свободы распространяются на всех – на бандитов и на их жертв, на богатых и нищих – короче, на всех разом. Понимаешь? Вроде же всё хорошо – свободные выборы, цивилизация, то-сё... А перед варварством демократии бессильны! Помнишь, был такой СССР?

– Будет такой... – буркнул Пончик.

– Неважно! Теракт в Советском Союзе был практически исключён, даже убийство становилось ЧП. Сам я этого не помню, мал был, зато вволю нагляделся на беспредел в 90-х. Вахханалия! Хаос! Смута! Варвары полезли из всех щелей – террористы, мафия, скинхеды! «Красные», «коричневые», «зелёные»... Бубнят старушки: «Сталин бы такого не допустил...» – и что им ответишь? Ведь правы же!

– Ты был за Сталина?

– Я был за себя. А Сталин... Понимаешь, его можно как угодно называть и обвинять во всех грехах, но именно под железной рукой Иосифа Виссарионовича СССР стал сверхдержавой. Нравится это кому-то или не нравится, неважно – история была именно такова.

– Будет таковой... – вздохнул Пончик. – Угу...

– Будет... Конечно, будет. А помнишь, как ты всё хотел прогрессорством заняться? «Сначала я водяные мельницы внедрю, – передразнил он Александра, – потом домны выстрою, стали наплавлю, бумагу делать начну, стекло варить – и мыло, мыла побольше!»

– Помню... – вздохнул Шурик. – Дурак был. Янки при дворе конунга Рюрика... Да нет, я, правда, мечтал могучую экономику создать, чтобы Русь самой сильной стала, самой продвинутой. Угу... Носился я со своими прожеками, носился, пока не понял, что лозунг «Время, вперёд!» рассчитан на глупых – никак нельзя ускорить время, невозможно навязать прогресс, когда в нём нужды нет. Мельницы... А зачем им мельницы? Доски пилить? Так русы их от века колют! Угу... Бумагу делать? А писать кому «чертами и резами»? Руны только жрецам были ведомы да кое-кому из князей. Тебе вот тоже. Угу... Азбуку в народ нести? А на хрена русам та азбука? Мечтал дороги строить, а все и реками были довольны вполне – вон как волоки оборудовали! Я бы и не додумался до всех тех хитростей... Люди просто живут, и по фигу им мой прогресс. Пока нужда не заставит – ни на пядь не продвинутся!

Олег улыбнулся:

– Расстраивался небось?

– Ну так... Злобился даже, обижался. Я же для вас, думаю, стараюсь, голову ломаю, как бы мне быт обустроить, а вы?! Помнишь, как мы печь сложили и дымоход вывели? Дивились соседи, крикали, по ляжкам хлопали – не дымит, нет, ну надо же! И хоть бы кто так же сделал! Нет, по-прежнему топят по-чёрному, а чад в дымогон уходит...

– Знаешь, Понч, за что я тебя люблю? За то, что ты, какой был в будущем, такой и в прошлом остался – ни капельки не изменился.

– Всё такой же лопух, ты хочешь сказать? – насутился протоспафарий.

– Всё такой же добряк. «Человек из будущего». С тобой уютно...

– Как с котом. Угу...

– Да нет, правда... Душой я отдыхаю только с тобой да с Алёнкой.

– Ну, насчёт души я бы в данном случае помолчал...

– Щас получишь...

– «Человеку из будущего» всегда достаётся от неблагодарных предков... Такая уж судьба у нас, Прометеев. Угу...

– Знаешь, а ведь ты затронул одну интересную тему. Вот смотри, ты из будущего попал в прошлое, но окружающее тебя время оказалось не властно над твоей душой и разумом. Ты сохранил себя, больше того, ты сделал попытку изменить само это время, воздействовать на ход истории! Наивно, конечно. Один человек ни черта не может, если он не Чингисхан или Александр Македонский, но у тех все перемены были к худшему – великие завоевания всегда вели к убожеству, разрухе и застою. Чего ж требовать от Александра Пончева, врача из городской поликлиники? Только вот что я тебе скажу, прогрессор. Ты-то остался таким, как был, а вот я... Протоспафарий тщился переделать эпоху, магистра же переделало сие время, которое нынче на дворе, – я стал другим, Понч. Десятое столетие перековало меня. Я превратился в жестокого и безжалостного человека, иногда – равнодушного убийцу, иногда – мелкого владыку, равнодушно приказывающего убить. Начинал я простодушным воином, но эта долбаная Византия сделала из меня изворотливого, коварного интригана. Да что там – сам таким сделался, по своему хотению. Я постоянно обманываю людей, использую их, они гибнут за меня, помогая магистру Олегарии добиться высот, которые, если разобраться, не менее мрачны, чем дно пучины...

– Не наговаривай на себя. Угу...

– Ладно, больше не буду. Ложился бы ты спать, протоспафарий. Подниму рано, учти!

– Всё, я сплю.

– Ты забыл сказать «угу»...

Александр ничего не ответил, его глаза слипались. Следом заснул и Олег.

Обоих разбудила труба. Подъём!

Олег встал, потянулся как следует, пятьдесят раз присел, пятьдесят раз отжался – и почувствовал себя готовым встать в строй.

Море выглядело безмятежным, небо ясно голубело, мир и покой были разлиты в воздухе. Предприимчивые жители Гаэты словно почуяли настрой Олеговой дружины – стали проникать за стены по одному, предлагать свой товар, прицениваться к добытому варягами. Русы, ясы, аланы, болгары и прочие охотно избавлялись от своей доли, меняя дорогую посуду или не менее драгоценный шёлк на звонкую монету – так и хранить легче, да и пользоваться куда проще.

Олег не мешал торгу. Он и сам в нём поучаствовал – отдал ковры и благовония, доставшиеся ему в Неаполе, за солиды – так тут называли золотые номисмы.

Оживлённая купля-продажа растянулась до полудня, а потом далёкий горнист донёс весть о приближении ромейского войска. Гаэтанские перекупщики (да чего уж там – скупщики краденого) мигом скрылись за воротами города. Конница герцога построилась на флангах, в серёдке стали варяги.

На дороге, что спускалась с гор к берегу, показалось облако пыли.

– Турберн! – окликнул Сухов Железнобокого. – Плутеи вперёд!

– Плутеи вперёд! – повторил команду варяг.

– Баллисточки наши как?

– Введены и заряжены!

– Стяг с собою?

– А как же ж, дорогой! – Турберн показал большой красный вымпел с вышитым на нём крылатым львом.

– Развернёшь, когда я знак подам. Только так, чтобы его из крепости увидеть можно было!

– Знамо дело... Нешто мы без понятия?

Олег посмотрел в сторону крепости. Там схоронилась полусотня Тудора. Баллисты и катапульты на башнях да требукет – это вам не что-нибудь. Батарея!

Повернув голову обратно, Сухов различил впереди катафрактов на рысивших конях. Подробностей битвы при Бариуме Олег не знал, но, судя по тому, насколько поредели ряды тяжёлой кавалерии, урон имперцам мятежники нанесли впечатляющий.

И вот авангард воинства ромейского выехал на припортовую площадь – довольно обширное пространство между гаванью и стенами Гаэты. Впереди, на лихом коне, ехал сам Феоклит Дука. В вороненых латах и чёрном шлеме с того же цвета султаном, он больше всего напоминал Кошца Бессмертного перед битвой с Иваном-царевичем. Позади domestika ехала его личная гвардия – рослые, плечистые молодцы в посеребрённых доспехах, с пышными перьями на шлемах.

– Эй, индюк крашенный! – раздался насмешливый голос Акилы Длинный Меч. – Чего припёрся?

– Да он лангобардам уже приелся, видать! – ответил Стегги Метатель Колец.

– Ух, они его и отымели! – пробасил Малютка Свен.

– Во все места, – подхватил эстафету Ивор, – и спереди, и сзади!

– А он всё стелется, всё тулится... – мощно вздохнул Вуефаст Дорога.

– Не, ребята, не понимаю я этих содомитов, – признался Истер Рыжий. – И что в том хорошего?

– Грех один! – грянул Тилен Верная Рука.

– Ощипали нашего петуха... – сказал Фудри Москвич, жалеючи. – Вишь, аж почернел весь!

– Да не, ворон это! – уверенно заявил Саук, сын Тааза, и добавил с сомнением: – Или ворона...

– А это уж кому как! – заключил Хурта Славинский.

Варяги захохотали, засвистели, заколотили мечами о щиты. Доместик аж позеленел от

злости.

– Р-разойтись! – заорал он, привставая на стременах.

Тут вперёд вышел Олег и спокойно спросил:

– Так мы и не услышали ответа: ты зачем припёрся?

– Я исполняю приказ базилевса, – ответил Дука лязгающим голосом, – и следую своему долгу! Гаэта должна понести кару – и она будет наказана!

– Кем? – по-прежнему спокойно спросил Сухов. Змеиная улыбочка скользнула по губам domestика.

– Ты мог бы заметить вооруженных людей за моей спиной, – сказал он снисходительно, – мою армию!

– Вооружённых людей я вижу, а вот армии что-то не примечаю. Ну, довольно пререкаться, Дука. Прогулялся сюда? Теперь гуляй отсюда. Ноги твоей не будет в Гаэте, уж мы за этим проследим.

– Ты! – Лицо domestика исказила неприкрытая ненависть. – Пособник мятежников! Да ты сам бунтовщик! Взять его! Мечи к бою! Копья наперевес! Вперёд!

Угрюмые лица катафрактариев скрылись под забралами. Опустились копья с трепещущими флажками у наконечников. Оставляя domestика в тылу, конники обошли его с боков и неуверенно стали наступать на варягов и гаэтанцев.

Олег выхватил и высоко поднял меч, блеснувший на солнце. Турберн Железнобокий тут же развернул стяг с крылатым львом. Издалека донёсся слаженный стук, и полдесятка ядер, посвистывая на разные лады, принесли с башен крепости и ударили по стройным рядам ромеев. А потом прилетел громадный валун, пущенный требукетом. Он ударил, с ходу разmozжив двух всадников, подскочил и снова упал, погребая еще парочку пехотинцев. Хайробаллисты были орудиями дальнобойными – их снаряды оставили кровавые борозды в пешем строю. И тут же строя не стало – началась паника и толкотня. Никто не хотел умирать на странной войне, затеянной Дукой.

– Вперёд! – крикнул Олег.

И варяги навалились как следует. Выстроившись «клином», они втесались в людей и коней, больше потешаясь, чем сражаясь. Ещё ни одно войско не смогло удержаться под ударом «клина» и не дрогнуть, не расколоться, не побежать. Ромеи не были исключением – их воинство распалось надвое, как полено от крепкого удара топора. Варяги тут же перестроились, стали «стеной», точнее, двумя «стенами», всё отжимая и отжимая «вооружённых людей» – к городскому рву и к морю, а с флангов наехали гаэтанские кавалеристы...

– В воду их, в воду! – хохотал Инегельд. – Мочи подстилок лангобардских! Ха-ха-ха!

– Коней пожалели бы!

– А этот ещё и сопротивляется, гад!

– Врежь ему как следует!

– Убери меч! Всё ж таки базилевсовы люди...

– Свен! Не бей с размаху – прибьёшь ведь!

Это не было разгромом, скорее уж разгоном – ромеев приперли так, что они десятками валялись в глубокий ров, падали в воду. Отягощенные бронями, вязли в донном песке, спотыкались, скрывались под волнами и показывались снова, уже совершенно ополоумев, мучительно выкашливая солёную воду.

Герцог Гаэтанский носился, скалясь по-лошадиному и охаживая ромеев плетью-трёххвосткой, Инегельд сжимал в руке меч, но на клинке почти не было крови – князь работал кулаком, круша челюсти налево и направо.

Не все трусили в стане ромейском, находились и там люди с твёрдым сердцем и закалённой волей. Такие не бежали, бросая оружие, а отступали, обороняясь. Но их было мало, а внутренняя убеждённость отсутствовала у всех.

Олег не шагнул вместе с «клином», он искал Феоклита Дуку. Доместика закружила, завертела людская карусель, утянула куда-то в середину. Сухов угадывал местоположение

Дуки лишь по красным перьям его гвардейцев, не бросивших командира.

Когда «клин» стал расходиться «стенами», в наступление перешла резервная полусотня Тудора, спустившаяся с горы. Вместе с нею явились венецианцы и среди них Витале Ипато.

Возбуждённый преординат наткнулся сзади на Олега и прокричал:

– Воистину, русы – величайшие воины! Превратить жестокое сражение в потеху – это верх мастерства!

Внезапно Ипато резко качнулся и стал падать на Сухова. Из груди у преордината торчало древко стрелы. «Как в Месокипии...» – мелькнуло у магистра.

– Витале! – крикнул он. – Держись! Сейчас Пончик тебя залатает! Держись!

Ипато слабо улыбнулся и покачал головой. Сияясь выговорить хоть слово, он забулькал кровью – красные струйки побежали у него по подбородку, и проклекотал:

– Он в вас... целился... а попал... в меня...

– Кто он? Ипато!

– Дука... Доместик... Из лука... Я же видел... Олег! Преординат неожиданно крепко вцепился в руку магистру:

– Олег... Забудь о договоре с дожем... Это... неправильно, грех это... Дож обманул... Был заговор, мы его поддерживали, а ты его раскрыл, только главный... от тебя... ушёл...

– Имя! Как его имя? Это Феоклит Дука?

– Нет... Мы называли его «Принцепс»... Он сам так себя называл...

Кровь у Ипато хлынула горлом, он открыл глаза шире, словно удивляясь чему-то, и взгляд его остекленел.

Олег бережно опустил голову венецианца на песок и поднялся. «Потешный бой» закончился – большая часть ромеев бежала, остальные сдавались пачками. Десятки раненых отползали с пути всадников, отыскивая, куда бы спрятаться. А иные просто приняли смерть ни за что ни про что.

Были потери и у русов, но варяги принимали смерть товарищей спокойно. Им заплатили – они вышли на бой. Всё по-честному. А то, что в залог отданы жизни... Что ж, со смертью не сторгуешься. Знать, судьба такая.

Кончился день. До Гаэты добрался обоз ромейской армии. Магистру Олгарииусу удалось собрать больше тысячи бойцов из войска Дуки. Одни сами пришли на зов, вспомнив о дисциплине, других привели силой. Стратиоты, те подчинились сразу, а вот офицеры было построптивей – всякие тагматархи и прочие чины упорно не желали подчиняться Сухову, а топотирит, заместитель доместика, прямо заявил, что в отсутствие Феоклита Дуки командование переходит к нему, и точка.

Пришлось варягам устраивать общий военный лагерь – рядовой состав ромейского войска в это время насыпал курган над павшими в нелепой битве за Гаэту. А уж когда греческие «тента» стали соседствовать с варяжскими палатками, многие строптивцы мигом присмирели – с русами особо не забалуешь. Чуть что не по ним – сразу кулаком в зубы, а потом быстро-быстро исполняешь отданный приказ и благодаришь Бога, что не секирой врезали.

Тихо подкралась ночь. Олег выставил усиленные дозоры – варяги по трое патрулировали лагерь. Но за всем не уследишь.

Сухов устроился в просторном шатре доместика схол, огромном – хоть цирковое представление устраивай. Стражу вокруг шатра выставил Курт Дулат – из проверенных болгар, но магистр лёг спать одетым и меч далеко не откладывал.

Феоклит Дука ушёл, и не один, а в горах прятались тыщи полторы ромеев, которым не было дано особого выбора – либо они сдаются магистру Олгарииусу, либо остаются с доместиком. В ином случае их объявят дезертирами, а за это полагается суровое наказание. Если же Дука соберёт достаточно войска, то у него хватит «ума» напасть на лагерь, дабы воссоединиться с тысячей, признавшей Олега, и взять реванш. Безусловно, это будет акт отчаяния, но Феоклит давно уж действует за гранью здравого смысла. Да и что ему остаётся?

Бездарно проиграв все сражения, может ли Дука надеяться на милость государя? Скорей всего, он сумеет оправдаться, его не сошлют, но нынешнее свое положение domestik схол утратит. Вот и тщится Феоклит наверстать упущенное, изменить баланс сил в свою пользу, одним ударом добиться перевеса и прибыть в Константинополь триумфатором.

Задремавший было Сухов внезапно насторожился – непонятная возня слышалась за пологом шатра. В следующее мгновение острый меч проткнул полосатую ткань и распорол ее. Внутри ворвался болгарин в факиоле, он красноречиво поигрывал мечом. За ним вломились ещё трое, а четвёртым проник Феоклит Дука, тоже в цветастом тюрбане. Значит, это не болгары, подумал Олег, вскакивая и отводя меч.

– Явился, не запылился, – усмехнулся Сухов. – Проходи, гнида, будь как дома.

Domestik оскалился, вытаскивая меч.

– Я пришёл арестовать тебя, подлый варвар и сын варвара! – с ненавистью проговорил Дука.

– Рискни, – промурлыкал Олег.

– Взять его!

Двое лжебулгар тут же кинулись на магистра. Один не заметил молниеносного выпада и расстался с жизнью сразу, а другой оказался опытным рубакой – его короткие и резкие удары было сложно предугадать и отбить. Сложно, но можно. Почти что всякий мастер, достигая совершенства, выбирает любимую схему боя и держится её. Именно поэтому бывает так, что новичку удаётся одолеть профессионала, совершая неожиданный ход. Сухов, правда, и сам давно уж вышел в мастера, но не закоснел и был горазд на выдумку.

Перехватившись, он вцепился в рукоять спафiona правой пятернёй сверху, а левой упёрся в «яблоко» – наверх, и нанёс мгновенный удар сбоку, заимствуя этот приём из арсенала японских самураев. Клинок вошёл лжебулгарину между рёбер, и левая ладонь с усилием протолкнула лезвие, пропарывая сердце.

Выдернув меч, Олег отшагнул.

– Объясни мне, сволочь этакая, – заговорил он, – откуда в тебе столько ненависти ко мне?

– Варвар... – прохрипел Дука. – Поганный варвар... Из-за таких как ты, дикарей, пал Великий Рим! А ныне вы, как черви ненасытные, подтачиваете Ромейскую империю, последний оплот веры истинной! Я бы вас всех... истребил, выжег бы калёным железом, но тебя – первого!

Гаркнув: «Он – мой!» – domestik набросился на Сухова, очень быстро и толково орудуя мечом. С ходу сделав выпад – Олег отбил клинок – Дука отпрыгнул.

Резко присел, чиркая лезвием по-над ковром, устилавшим пол шатра, как косой по траве. Сухов подпрыгнул и тут же скрестил мечи. Яростно скрежежтнув, клинки расцепились – и скрестились снова. Звон стали частил, то и дело сменяясь лязгом. Дважды Олег почти добирался до Феоклита – острое вспарывало скараманий, чиркая по коже.

Лжебулгары не вмешивались, и зря – втроём бы они уделали магистра, но domestika схол переполняла ненависть и гордыня, это удерживало гвардейцев. И слава богу.

Сухов бился с напряжением – противник ему попался достойный, – но частью сознания выгадывал один-единственный момент, тот самый, который позволит ему одержать победу. Олег держал в уме одну идею – испробовать иайдо, технику мгновенного удара. До сих пор ему не требовалось прибегать к школе Востока, поскольку и западной школы фехтования доставало ему, чтобы одерживать победы. Но тут был особый случай.

И момент настал. Дука притомился махать клинком, задержал меч на какой-то миг, и этого мига хватило магистру, чтобы вскинуть и опустить спафion так быстро, что лжебулгары и промелька не уловили. А вот Феоклит Дука поник – его тюрбан, разрубленный пополам, упал на ковёр справа и слева от ещё стоявшего, но уже мёртвого человека. Из расколотого черепа натекла кровь, заливая ощеренное лицо, и Дука рухнул.

Олег перевёл взгляд на лжебулгар, бледных и трясущихся. Как раз в это время пара стрел залетела через зияние в шатре, протыкая гвардейцев, а следом за стрелами ворвался

Курт, Инегельд и ещё куча народу, разъярённого и винащегося.

– Прости! – покаянно взвыл Курт Дулат. – Не уследил! Трое моих купились на болгарскую одежду этих оборотней, и их зарезали!

– За всем не уследишь, Курт, – устало сказал Сухов. – Лучше уберите отсюда эту пададь. Я спать хочу...

«Чёртова дюжина» окружила шатёр непроницаемой стеной, и магистр заснул, проспав до самого утра.

А утром в гавань Гаэты вошли пять дромонров ромейского флота. На «Феодосии Великом» прибыл сам Иоанн Радин. Олег вышел его встречать.

– Приветствую тебя, сиятельный, – произнёс друнгарий флота, с изумлением рассматривая частокол военного лагеря и поредевший строй катафрактов. – Откуда?!

– Из Апулии, светлейший, – ответил Сухов и коротко посвятил Радина в события последних дней.

– Что ж, я не удивлён, – криво усмехнулся друнгарий флота. – А где же сам Феоклит?

– Не повезло domestiku, – вздохнул Олег, – напоролся на меч.

– Бывает. Что ж, я рад вашим успехам, сиятельный. Ваши варанги с честью исполнили волю божественного, и мне поручено передать вам заветный сундучок.

Радин махнул рукой, и шестеро матросов-здоровяков с трудом спустили на берег тяжелый сундук.

– В нём золото, – объяснил Радин. – Базилевс лично приказал мне поручить подкуп короля Гуго тому из военачальников, кто одержит внушительные победы и, вообще, проявит себя. К сожалению, полководческие таланты оказались несвойственны Феоклиту Дуке, и я еще две недели назад отправился в Кампанию, чтобы убедиться в твоих успехах, сиятельный. И я убедился.

– Скажи, светлейший, а Дука знал об этом поручении императора?

– Думаю, да.

– Угу... Тогда понятно, почему он так не хотел видеть меня живым... Ну ладно. Эй, ребята! Тащите сундучок на «Пардус»! Клык, покажи им дорогу! Прощайте, светлейший, удачи вам.

– И куда мы? – раздался громовый голос Инегельда.

– В Рим!

Глава 15, в которой Олег даёт взятку королю Италии

Венецианские санданумы покинули Гаэту ещё ночью, хеландия «Св. Георгий Победоносец» вошла в состав эскадры Иоанна Радина, а семь лодий отправились дальше на север, исполнять волю императора.

Настроение у варягов было приподнятым – война как бы кончилась, своё дело они сделали. Добра всякого добыто изрядно, потери на удивление малы, а по возвращении их ещё и наградят – базилевс щедр к тем, кто верно служит ему. И варяги пели – голосили, не таясь в виду берега.

По правому борту тянулись песчаные пляжи, а чуть выше виднелась римская Прибрежная дорога, виа Латералис, обсаженная кипарисами и туями. Вдалеке чернел целый лес, а перед ним лежали Лаврентинские болота, северней переходящие в Остийское озеро. Слева однообразно синело море, мирное и спокойное, оно словно ластилось к лодьям, игриво плеская в борта.

А потом показалась Остия, в древности – главный порт, «уста Рима», а ныне запущенный, запакосенный и богом забытый городишко. Башня маяка-Фароса по правую руку всё ещё торчала кирпичной свечой, но на её закопченной макушке давным-давно не возжигали огня, привлекая странствующих и путешествующих. Сохранился и громадный

храм Нептуна – он стоял ближе к городу. Правда, знаменитая четвёрка бронзовых слонов, некогда украшавшая его фронтон, давно уж перекочевала на Золотые врата Константинополя, а на её месте установили огромный чёрный крест.

В остийском порту варягов поджидали усатые и бородатые щитоносцы в кольчугах и при мечях. На их треугольных щитах узнавалось имя Иисуса Христа, выдавая гвардию Иоанна XI. Гвардейцы препроводили лодьи на стоянку папских галер.

Там их витиевато, но на грубой латыни приветствовал посланник трёх политических сил сразу – папы римского, короля Гуго и Марозии. Посланник был не мал и не высок, не стар и не молод. Невзрачный, потертый жизнью. Никакой. Его сухое лицо, обтянутое жёлтой, как пергамент, кожей, излучало абсолютное смирение и полную отрешённость от земного.

– Как прикажешь обращаться к тебе? – поинтересовался Олег.

– Аббат Сальватор, – поклонился тот.

– Магистр и аколит Олгарииус, будем знакомы. Коней нам хоть подадут?

– О, да! – поклонился Сальватор. – И вас уже ждут.

– Приятно слышать. Поднимайтесь на борт, аббат, покажу вам «посылку» от базилевса...

Когда поднялась крышка заветного сундука, и по глазам Сальватора ударил тусклый, маслянистый блеск золотых монет, аббат онемел будто.

– Засвидетельствуете перед королем, – сухо сказал Олег, – что император готов платить за мир. «Посылка» будет в целости и сохранности доставлена по назначению – в Павию. Князь, – обернулся он к Инегельду, – остаёшься за меня. Лады?

– Лады! – ухмыльнулся Клык. – Ты, это, «чёртову дюжину» прихвати с собой. Мало ли...

– Айда, ребята! – махнул Олег «ребятам», среди которых почему-то затесался Пончик. – Прогуляемся!

– Вас ждут одного, магистр, – забеспокоился Сальватор, – гвардейцы понтифика обеспечат охрану и неприкосновенность!

– У меня своя гвардия, – отмахнулся Сухов.

На щеках аббата покраснели пятна нервных волнений, губы сжались в бледную полосу.

Чтобы перевезти всех, пришлось опустошить ближайшую конюшню, выведя пятнадцать коней гнедой и белой масти. Олег выбрал гнедка и вскочил в седло.

– Веди нас, Вергилий, в смысле – Сальватор!

Аббат покорно влез на тощего вороного мерина-аскета и потрусил впереди кавалькады.

Улицы остийские были распланированы как в римском лагере – с юга на север и с востока на запад. Жили тут, в основном, в инсулах – обшарпанных многоэтажках имперских времен, да в землянках. Новых домов было мало, а те, что появились после римлян, архитектурными изысками не блистали, больше напоминая трущобы.

Вперёд выехал Пончик на белом коне и поравнялся с Олегом.

– Что-то я не припоминаю имени «Александр» в списке «чёртовой дюжины», – притворно задумался Сухов. – Ивор в ней числится, и Свен, и Стегги, и все прочие, а вот Александр – нет.

– Куда ж ты без меня? Ещё заедешь не туда. Угу... Кавалькада свернула на главную улицу – Декуманус Максимус – и вниманием Олега завладели остийцы. Господи, кого тут только не было! Нищие и побирuhi, лжемонахи, убогие, странники, калики, безродные священники, отставные наёмники, моряки с галер, колодники с отрезанными ушами, а вперемежку с ними – кочующие мастеровые: мебельщики, ткачи, кузнецы, лудильщики, точильщики, плетельщики, а за ними снова и снова вороватый люд любого мыслимого разбора – ошуканы, тати ночные, карманники, мнимые паралитики, торговцы чудотворными мощами, лжепроповедники, почтеннейшие христарадники, костыльщики и прочая странная сволочь, пугающая темных людей, дуращая их, обирающая, паразитирующая на бедах и

радостях человеческих...

Варягов они заметили сразу и очень оживились – какое-никакое, а зрелище! Из толпы сразу понеслись попреки и ругательства:

- Разрази и убей вас Господь!
- Язычники вонючие!
- Всепокайтесь!
- Да от них серой несет!
- Мало их жгли!

А Олег ехал, и ему на ум приходило сравнение с походом в зоопарк. Ты – по одну сторону решёток, а по другую – гиены, макаки, рептилии... Так и здесь – едешь и наблюдаешь за носителями разума в естественной обстановке.

– Надавать бы вам, – процедил Свен. – Псы смердящие!

– Не обращай внимания на убогих, – сказал Олег. Он смотрел брезгливо и безразлично, чем выводил толпу. Сухов долго терпел выходки малых сих, но один юродивый, таскавший за собой на веревке дохлую собаку, все же допросился. Юрод был гол и чудовищно грязен, копна сальных, сроду не мытых волос торчала а-ля дикобраз; тощие чресла прикрывала повязка, не годная даже в половые тряпки.

– Возмоли! – заверещал убогий. – Святой папа да освобождает от греха! И Господу Богу помолимся! И аминь!

Он подскочил к гнедому, оседланному Суховым, схватил коня за гриву и нацелился харкнуть. Этого Олег стерпеть уже не мог. Он с размаху заехал сапогом по наглой харе – юродивый улетел в толпу вместе со своей собакой. Толпа ахнула, отхлынула и нахлынула, готовая вступить за божьего человека, но тут уж варяги не подкачали, наехали на разумных и рассеяли, наподдав повернутыми плашмя мечами.

– Инкуб и суккуб! – гнусаво верещал голос юродивого. – Зряще како землю жрать твой дух! И на небеси! Всепокайтесь!

Удовлетворенный, Олег фыркнул.

– Так ему! – ликующе сказал Пончик и продолжил экскурсию.

За Остией потянулись виноградники, садики-огородики. Мальчишки без штанов, но в куртках пасли овец на молодой травке, крестьяне с лицами цвета седельной кожи погоняли осликов. Это был вид слева. Справа нёс свои мутные воды Тибр, не знавший пока мелей по вешнему-то растополью.

Двумя часами позже кавалькада подъезжала к Риму, следуя Портовой дорогой. Вид Вечного города угнетал. Кипарисы по-прежнему отливали темной зеленью, и стены Аврелиана стояли нерушимо, но не выглядели больше из-за них купола терм – обрушились те купола. Не угадывались гребеночки храмовых колоннад – разнесли те храмы во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа...

Подковы процокали под сводами Портовых ворот, будя тени тысячелетия, и варяги оказались в пределах «Апостольской столицы», проезжая мимо садов Цезаря, порядком вырубленных на дрова. На том берегу широко раскинулся Эмпорий – громадный склад, окружённый колоннадой и оттого смахивающий на храм. А за Эмпорием поднимался Авентинский холм, застроенный домами для бедных, заросший деревьями и сорной травой.

Спрямяя путь, Сальватор переправился по мосту Цестия на остров Тиберин, объехал развалины храма Эскулапа и выбрался на левый берег реки напротив каменного театра Марцелла, полукруглого здания удивительной сохранности, – все арки уцелели на его ярусах, и даже отдельные статуи.

Здесь, в районе Марсова поля, народу прибавилось – люди гуляли, приценивались к товарам на импровизированных базарчиках, обменивались сплетнями, окружали бродячих мимов и жонглёров, торговали пирожками вразнос и якобы родниковой водой.

Протолкавшись через толпу, кавалькада потрохала далее – мимо театра Бальба и портика Октавии, лишившегося половины своих колонн, – их увезли в Константинополь, украшать Месу. Мимо театра Помпея, мимо терм Агриппы, мимо цирка Фламиния. Выехав к

Большим портикам, кавалькада устремилась по ним, добираясь до замка Сан-Анжело между колоннад, кое-где поддерживавших уцелевший навес.

Олег не уставал вертеть головой. Город-призрак... Времена, когда Рим вмещал в себя миллион народу, шумел на всех языках и переливался всеми красками, прошли. Навеки. Ныне в экс-столице мира числилось полтора дома на душу населения. Целые кварталы были безлюдны и оглашались лишь хриплым мявканьем кошачьих разборок. Даже один оставленный хозяевами дом, и тот тоску наводит, а что тогда говорить о брошенных улицах? Прилизанные кипарисы лишь сгущали привиденческие настроения – эти деревья не шелестят...

И всё же тот давний, имперский Рим узнавался – уж слишком долго строили римляне, слишком много чего возвели, чтобы всё это превратилось в руины и сровнялось с землёй. Сухов глядел в оба, ибо всё, что попадало в его поле зрения, исчезнет к будущим векам безвозвратно. Пятьсот лет рушили Рим и ещё столько же будут рушить, используя творения древних зодчих в качестве каменоломен. Не остготы с гуннами уничтожили Вечный город, и даже не вандалы – те интересовались одними золотыми цацками. Вожди варваров, вроде Тотилы или Алариха, даже оплачивали ремонт римских зданий и храмов. А вот христиане объявили священную войну языческому наследию, разрушая старый мир до основания, а затем из бэушных стройматериалов кое-как выстраивая свой, новый мир – убогий, нищенский, уродливо помпезный и стандартно безликий, больной, по-рабски и бездарно копирующий отвергнутое, превращенное в руины и идеологически перепаханное...

Впрочем, стоит ли попрекать этим одних христиан? Все так делали.

Где семь чудес света? Нету их. Даже пирамиды уже не те – арабы подчистую ободрали с них облицовку, выкладывая мечети из полированных плит, испещрённых иероглифами нечестивых. А сами фараоны чем лучше? Правители Среднего царства приказывали разбирать дворцы и храмы эпохи царства Древнего, а их постройки, в свою очередь, ломали выходцы из династий Нового царства.

Где великий град Вавилон? Пергам где? Карфаген? Нету их! Одна цивилизация перетирала другую не хуже орды варваров – в лом, в щебень, в пыль.

И какой только дурак додумался до того, что человечество развивается по спирали, от витка к витку набираясь ума, накапливая сокровища Мысли и Духа? Нет, больше всего исторический путь народов мира напоминает электрокардиограмму больного, где пики расцвета сменяются провалами, крушением, гибелью, забвением. И вновь подъём, и опять спад. Пришёл конец Риму – и вся Европа погрузилась на тысячу лет во мрак невежества, мракобесия и кровавых потасовок. К несчастью, новая вера не воспользовалась кладезем античной цивилизации, а забросала его мусором и гадостью. Ещё лет пятьсот брести европейцам до Ренессанса, заново открывая то, что давным-давно было известно римлянам, эллинам, египтянам. Воистину, прогресс – сизифов труд, дурная работа для избранных!

– Подъезжаем, – разлепил губы аббат.

Впереди дорога упиралась в берег Тибра и продолжалась мостом, подводящим к грандиозному мавзолею Адриана, ставшему для варваров замком Сан-Анжело.

Трубачи, заметив подъезжающих, вскинули трубы и исполнили нечто вроде торжественного приветствия. Стражники сделали «на караул».

– С почётом встречают, – хмыкнул Пончик. – Угу...

Спешившись, Олег передал поводья подскочившим конюхам и зашагал под гулками сводами длинного коридора, освещённого факелами в держакках, закоптившими весь потолок.

– Знаешь, Понч, – сказал Сухов по-русски, на языке, который не понимал никто в этом веке, – я, кажется, понял, что меня гложет и грызет.

– И что же это?

– Неадекватность! Молчи! Я имею в виду, что мы с тобой неадекватны этому времени. Побывать в прошлом интересно и познавательно, но жить в прошлом... – Олег затряс головой. – Ведь мы с тобой не какие-нибудь нищедухи, которым лишь бы напиться да спать

завалиться. Нам обязательно надо достичь высот, добиться успеха, реализовать себя. Но как нам, пришельцам из века двадцать первого, реализоваться в веке десятом? Мы стали теми, кем стали, не потому, что хотели этого, а потому, что в ином случае остались бы никем – рабами или простолюдинами, обречёнными на пожизненное убожество!

– Повторяешься. Ты уже говорил как-то, что наши достижения в лето 935-е по Рождеству Христову ничего не значат для будущего. Угу...

– Так именно! Ни-че-го! Ну кем я могу стать в 2007-м, если вдруг возвращусь? Тренером по фехтованию? Переводчиком с латыни, греческого, старофранцузского и прочих мёртвых языков? Разве я к этому стремился ТАМ? А жизнь-то проходит!

– А ты хоть помнишь, к чему ты ТАМ стремился? – сказал Пончик с неожиданной агрессией. – Да ты, вообще, стремился хоть к чему-нибудь? Жизнь у него, видите ли, проходит! Идёт она у тебя, а не проходит, понял? У тебя есть всё, что нужно для счастья! Вот и будь счастлив. Угу...

– Ишь ты его... Ты чего это, светлейший, на сиятельного хвост поднимаешь?

– Да иди ты... Думаешь, мне здесь и сейчас комфортно и хорошо? Я тоже, знаешь ли, хочу по Невскому бродить, а не по Месе! Ну и что? Мироздание или Господь Бог не берёт в расчёт мои хотения. Так что живи, сиятельный, и получай от процессов жизнедеятельности максимум удовольствия! Вон, щас с живым королём свидишься. Где бы ты в своём 2007-м встретил монарха? Угу...

– Неадекватно, Понч...

Поднявшись по винтовой лестнице, Сухов со товарищи оказались в обширной зале, вдоль стен которой выстроились высокородные римляне – варвары из варваров, но все сплошь сенаторы да консулы. Потомки победителей равняли себя с давно побеждёнными, тщась отразить своими жалкими побрякушками гордое сияние «Gloria romanorum» – славы римской. Хотя, что с них взять, с варваров?..

Из глубины зала к Олегу приблизились двое, мужчина и женщина. Крепкого мужика с лысиной, прикрытой короной, представлять нужды не было – король Гуго Арльский собственной персоной. А женщина, надо полагать, его жена Марозия, сенатрисса и патрикия.

Ах, какая женщина! Невысокая, но стройная, с талией не требовавшей корсета для ужатия, большегрудая брюнетка. Немудрено, что Гуго принял её предложение руки и сердца. Вот именно – её предложение! Впрочем, Сухова не подавляло властное превосходство Марозии. Ум этой властительницы-обольстительницы, энергия и сила её почти не замечались Олегом. Да и не интересовали его ни внутренний мир супруги короля Италии, ни её дорогие одежды. Прежде всего, он видел в Марозии женщину, самую сущность её пола. В каждом движении тела сенатриссы и патрикии – в изгибе бедра, в наклоне шеи, в улыбке – сквозили вызов и яростный призыв. Каждый взгляд её чёрных глаз, огромных и блестящих, обжигал и волновал кровь, даруя бесстыдные обещания.

– Его величество король! – торжественно провозгласил герольд.

Олег молча поклонился Гуго, затем церемонно сделал ручкой Марозии. Женщина сладко улыбнулась в ответ.

– Наслышаны о ваших победах, магистр, – проскрипел король. – Думаю, князь Ландульф устранился достаточно для того, чтобы искать мира с императором.

– Надейся на лучшее, а готовься к худшему, – тонко улыбнулся Олег. – Лично я предпочитаю не надеяться и верить, а быть уверенным. Лучше уж пусть сам Ландульф утратит надежду на помощь вашего величества и убоится союза короля Италии с автократомом ромеев. Поддержка ваша будет неоценима, хотя уже оценена высоко.

– О, да! – воскликнул Гуго.

– Сальватор описал дары императора шёпотом, – сказала Марозия нежным голосом, глаз не сводя с Олега, – а это для нашего аббата признак наивысшего восторга.

– Так дар принят? – спросил Сухов, также не отводя взгляда.

Супруга короля потупилась и отвесила лёгкий поклон.

– Мы поддержим базилевса в трудную для него минуту, – важно проговорил король. –

Я сейчас же отошлю приказ моим войскам, чтобы выступили на Беневент и Салерно, – пусть Ландульф поймёт, наконец, что игра проиграна. – Обернувшись к Марозии, он сказал: – Дорогая, проводи магистра в трапезную. Я присоединюсь к вам, как только покончу с делами.

Женщина взяла Олега под руку и повела, куда ей было сказано. Проходя галереей, она повернула голову к нему и проговорила волнующим грудным голосом:

– Я в жизни не встречала такого мужчину, как вы.

– Такого длинного? – пошутил Сухов.

– Такого сильного! Вероятно, женщины не отказывают вам? Ведь вы им нравитесь – сужу по себе!

– Это надо спросить у женщин...

– Ах, – вздохнула Марозия томно, – вы даже не представляете себе, как это трудно – отыскать мужчину, чьё превосходство не наигранно и не поверхностно! Гуго я покорила, но подчинилась бы вам одному...

– Марозия, – негромко проговорил Олег, – не пробуждайте во мне желаний, затмевающих рассудок...

– Если рассудок мешает чувству, он излишен.

Гости между тем спешили в трапезную, торопливо занимая места за огромным столом. Марозия провела Олега на почетное место рядом с креслом короля и уселась рядом. Напротив сидела молодая женщина, удивительно похожая на Марозию.

– Познакомьтесь, – сказала супруга короля, сенатрисса, патрикия и прочая и прочая, – это Теодора, моя сестра.

Теодора мило улыбнулась Сухову. Если сама Марозия лицом и фигурой напоминала ему Софи Лорен в расцвете лет, то Теодора была ею же, только помоложе. Ох и сестрички... Хотя в гневные обличения Олег не верил. Не были Марозия с Теодорой шлюхами. Зачем им, богатым и знатым дамам, жалкий удел куртизанок? Сенатриссы выходили замуж, заводили любовников, были жестоки и коварны – нормальные женщины, адекватные своему веку.

– А правда, что вы – варанг? – спросила Теодора, взмахивая длинными ресницами.

– Правда, – признался Сухов.

– В первый раз встречаю настоящего варанга!

Тут пришёл король, и разговоры смолкли. Марозия наклонилась к Олегу и проговорила:

– Ваш тост – первый.

Магистр и аколит протянул чару лакею, тот моментально наполнил её вином. Сухов встал и поднял чашу:

– За короля!

– За короля! За короля! – зашумел зал. – Виват, король Уго!

Все дружно выпили до дна, закусили, и пошло – за императора, за дам, за гостей, за то, за сё. Торжественное мероприятие стремительно превращалось в разгульную пирушку, но Олег не воспринимал происходившее вчуже – он и сам выпил изрядно. Потом король пригласил к столу варягов из «чёртовой дюжины» – и как тут не выпить за грозных воинов, потрясателей Амальфи, Неаполя и Гаэты? Выпили и закусили не раз и не два.

Начинало уже темнеть, когда Марозия увела из-за стола порядком набравшегося Олега. Сухов почти что твёрдо стоял на ногах, разве что покачиваясь изредка, но в голове у него плавала весёлая муть, а возбуждение росло и росло, пьяня без вина. В галерее к ним присоединилась Теодора, и сестры вдвоём вывели Олега из замка и посадили его в нарядную повозку.

– Куда мы? – с трудом выговорил магистр.

– В Латеранский дворец! – ослепительно улыбнулась младшенькая.

– Навестим папочку римского! – хихикнула старшенькая и велела трогаться.

К Латеранскому дворцу подъехали со стороны базилики Св. Иоанна. Строгое изящество древнего дома Латеранов скрывало за стенами безумство роскоши.

«Что и говорить, – подумал Сухов, малость протрезвевший на свежем воздухе, – неплохо понтифик устроился». Позолоченная бронза переливается, нумидийский мрамор инкрустирован мрамором александрийским, на полу мозаика тончайшей работы – словно идешь по гигантской картине в сеточке трещинок-кракелюр. Канделябры из массивного серебра свисают с потолка в виде огромных гроздей, заливая палаты мерцающим жёлтым светом. У каждой дверей истуканами торчат гвардейцы. Серыми мышами, а также черными, красными и лиловыми семят всякого сана клирики и каноники, монахи-бенедиктинцы и монахи-августинцы. В воздухе мешается странный набор запахов – ладана, пыли и пота.

– Не думаю, – промычал Олег, – что Его Святейшество будет рад встрече с пьяным сиятельством...

Теодора рассмеялась, а Марозия пропела:

– А мы не скажем Иоанну, мы пойдём в купальню! Умберто, истопил ли?

Толстый евнух, не замеченный Суховым ранее, уверил сенатриссу и патрикию, что воля её исполнена в точности, и самолично распахнул высокие двери из мореного дуба с позолотой, ведущие в купальню. За дверями скрывался круглый зал с парящим бассейном. Краны в форме серебряных дельфинчиков были открыты, подливая горяченькой.

Стены зала из снежно-белого мрамора были разделены гранитными пилястрами, а покрывал его купол, разбитый на глубокие квадратные ячейки-кессоны. Они мельчали снизу вверх, и от того создавалось впечатление, будто полушарие купола вытягивалось, делаясь яйцевидным. Внутри кессонов поблескивали позолоченные бронзовые розетки, похожие на крупные звезды.

– Купаться! Купаться! – закричала Марозия, снимая с себя парчу и шелка. Невесть откуда появившиеся нагие девицы помогли ей справиться с завязками и взялись раздевать Олега – Сухов не сопротивлялся.

Голые и босые, сестрички представились Сухову ещё более привлекательными. Спустившись за ними в горячую воду, он едва не застонал от удовольствия – это ж сколько времени его тело не знало мытья?

Теодора с Марозией принялись намыливать Олега с ног до головы, восхищаясь его статью, а искупав, налили вина и заставили выпить.

Выбраться из бассейна Сухов смог лишь с помощью визжащих и хохочущих девиц, сразу обступивших его с простынями, укутывая и промакивая распаренное тело.

Следом бассейн покинули сестрички и повели Олега в опочивальню. Пол её был теплым и почему-то шатался, валясь из стороны в сторону. Сухов повалился на постель, встал на четвереньки, упал на бок и пополз к подушкам. Тут и слева, и справа к нему прижались горячие женские тела; ладони, губы и языки Марозии с Теодорой довели возбуждение до предела – впервые в жизни он занимался любовью втроём.

Он ощущал, как чьи-то ноги то раздвигаются под ним, то обхватывают его со спины, то закидываются ему на плечи, но чьи именно – не различал. Кто стонал – Теодора или Марозия? А за чью грудь он хватался? Чьи бедра тискал? А какая ему разница? Вот Марозия лежит под ним и царапает ему спину ноготками, кричит от наслаждения и закидывает голову...

А вот Теодора опускается на колени, выгибая спину, а он тискает её то за ягодицы, то за талию, то за груди... Две женщины оказываются сразу везде, обволакивая Олега, обнимая, оглаживая и ублажая, исполняя все его желания и все свои хотения, более чем необузданные.

Сухов забылся тяжёлой дремой, но даже во сне он погружался в горячее и влажное, соседствуя с мягким и упругим, гладким и шелковистым...

Глава 16, ***в которой Олег стойко принимает удары судьбы***

Олег проснулся, но не проспался. Хотя за окном ярко светило солнце – фигурные стекляшки бросали пёстрый отсвет на разворошенную постель, – отдохнувшим он себя не

чувствовал. Сухов протёр глаза. Свод над опочивальней был разрисован на темы, далёкие от божественных, – вакханки плясали по нему, изгибаясь самым непристойным образом. Колонны розоватого мрамора поддерживали купол потолка позолоченными капителями, приподнимая вакханок над суетой.

Олег перекатил голову по подушке влево, чувствуя тяжесть в голове и тупую боль.

Слева возлежала Марозия, свежая и румяная, словно после холодного душа. Лежала и улыбалась.

У Олега мелькнула мысль, что вовсе не выпитое вино представило её красавицей, Марозия на самом деле была хороша. И очень сексуальна – женщина до кончиков ногтей.

Сухов поморщился. Вопрос: что он теперь скажет Алёне? Отговорки типа «боюсь расстроить жену, потому и скрываю правду о любовнице» содержат один лишний элемент. Надо убрать слово «расстроить», поскольку оно лживо, и тогда всё будет верно. Боюсь, потому и скрываю! Но в нём-то страха нет. Конечно, ему не хочется расстраивать Алёну, но и скрывать измену он тоже не станет – так ещё противней.

В общем, простит его Алёнка – хорошо, не простит – сам виноват. Пить надо меньше. Или это тоже отговорка? Э, нет, сиятельный, не дели провинность с алкоголем – вино само в глотку не льётся!

– А где Теодора? – спросил он, не найдя лучшей темы для разговора.

– Прихорашивается, – улыбнулась Марозия. Протянув руку, она нежно погладила лицо Олега.

От неожиданной ласки он даже глаза закрыл. Лёгкие касания женских пальцев будили совсем иные чувства, нежели вчера. Часов десять назад Марозия извивалась, крича от страсти, она отдавалась вся и целиком, яростно, обжигая и обжигаясь, не тая ничего, не приберегая на потом ни слова, ни жеста, ни поцелуя. А ныне она мягкая-мягкая, ласковая-ласковая...

– Марозия...

Сухов положил ладонь на грудь женщины, ощущая под пальцами тёплую атласность и неожиданную туготу. Сжал, погладил, легонько защемили сосок.

– Я люблю тебя... – прошептала Марозия, прикрывая глаза трепещущими ресницами.

Колкий звон развеял розовый романтический туман – тяжелая стрела влетела в окно и воткнулась в спинку кровати, задрожав грязным оперением.

Марозия не вскрикнула, она порывисто метнулась к Олегу – не ища защиты, но оберегая его самого. Распахнулась дверь, и в опочивальню вбежала Теодора. Женщина была в одной рубашке-шэнс, лицо её с трудом сохраняло спокойствие, а глаза были широко распахнуты.

– Альберих поднял восстание! – воскликнула Теодора.

– Мой Альберих?! – изумилась Марозия.

– Да, да! Он вооружает римлян против тебя и Уго! Воспользовался, что король отправил войско к Беневенту, и восстал!

– Мой Альберих... – проговорила супруга короля. – Моя кровь...

Ещё одна стрела влетела в окно, оставляя щербину на мраморе колонны.

– Надо уходить отсюда! – заметалась Теодора.

Олег, забыв про похмелье, вскочил и быстро стал облачаться – чьи-то умелые руки (он вспомнил вчерашних девиц) аккуратно сложили его одежду на деревянном кресле рядом с кроватью.

Одевшись, обувшись, нацепив перевязь с мечом, он обернулся к Марозии. Женщина подбежала к нему, приникла, вставая на цыпочки, и нежно поцеловала.

– Беги в замок, любимый, – сказала Марозия, задыхаясь. – Спасай моего муженька – это сейчас самое важное!

– А ты?

– А что Альберих сделает своей матери? Беги, любимый мой, беги!

Обняв Марозию на прощание, Олег поцеловал её и выбежал вон.

Удивительно, но память подсказала ему дорогу.

В большой приёмной Латеранского дворца шёл вялый бой – мятежники сражались с гвардейцами папы римского.

– Иоанн! – раздался трубный глас, и в приёмную ввалился огромный загорелый человек с повязкой на глазу. Единственное око великана горело яростью. – Где Иоанн?

– Здесь, здесь! – закричали за высокими дверями. – Ведём уже!

Створки с грохотом распахнулись, и двое в гражданском платье выволокли папу Иоанна XI. В белом одеянии, с растрёпанными волосами, понтифик представлял собой жалкое зрелище, хотя и сопротивлялся – вырывался, упирался ногами в притолоку, кусался даже.

– В тюрьму ублюдка! – взревел одноглазый. – Приказ Альбериха! Живо, живо давайте! А эти почему до сих пор тут?

Под началом великана римляне набросились на гвардейцев с новой силой. Олег, прячась за шторой, проскользнул за ряд колонн и выскочил в длинный коридор. Спасать папу римского он не имел никакого желания – это была не его война. А вот Гуго Арльский должен быть спасён, иначе весь план базилевса провалится, и все подвиги, все потери утратят смысл и значение.

Из поперечного коридора выбежал юнец с мечом наголо. Увидев перед собой незнакомца, он храбро – или сдуру – бросился на Олега. Сухов увернулся, выхватывая меч, и перечеркнул юнцу горло отточенным остриём. Храбрец-глупец осел на пол, брызгая кровью.

Выбравшись наружу, Олег увидел огромную толпу народа, обступившую лестницу к церкви Св. Иоанна. Народ волновался, то шапки от восторга подкидывая, то грозя кулаками, то просто исторгая вопли от избытка чувств.

На верхней ступеньке лестницы стоял молодой мужчина в дорогих одеждах, с длинными вьющимися волосами и толкал речь.

– Достоинство города Рима настолько уже оскудело,⁵⁹ – гремел оратор, надрывая связки, – что повинуется даже распоряжениям блудниц! Что может быть более гнусным и отвратительным, чем допускать гибель города Рима из-за нечестивого брака одной женщины и позволять бывшим рабам римлян, то есть бургундам, повелевать римлянами? Если меня, своего пасынка, он ударил по лицу, будучи ещё только новым и чужим для вас человеком, как, вы думаете, станет он обращаться с вами, когда укрепится здесь? Разве не знаете вы ненасытности и высокомерия бургундов?

– Знаем! – закричали из толпы.

– Мы с тобой, Альберих!

Альберих бледно улыбнулся и продолжил с ещё большим напором:

– Обратите внимание на само значение их имени! Ведь вот почему называли их бургундами: когда римляне, покорив мир, привели множество пленных из их рода, они велели им возвести себе дома за пределами города, но чуть позже изгнали их за высокомерие. А так как те называют «бургом» кучку не окруженных стеной домов, то римляне и прозвали их бургундами, то есть изгнанными из бургов. Впрочем, они зовутся ещё и вторым, туземным именем – галлами-аллоброгами. Я же, согласно присущему мне благоразумию, называю этих бургундов горланами, как потому, что они из-за высокомерия кричат во всё горло, так и потому – что более правильно, – что они без меры предаются обжорству!

Олег, обходя толпу, наткнулся на пару лошадей, привязанных к дереву. Мигом развязав скользящий узел, он вскочил в седло и послал коня рысью.

– Эй, стой! – заорали сзади, но Сухов почему-то не послушался, а лишь прибавил скакуну прыти.

А толпа римлян всё росла, накал страстей набирал жару, крики «Бей бургундов! Бей

⁵⁹ Подлинный текст. С этими словами Альберих обратился к римлянам в день восстания.

Уго!» сливались в восторженный рёв – мирные жители радовались редкой возможности пограбить да побесчинствовать.

С холма Целия, застроенного некогда роскошными особняками, Олег спустился на Пренестинскую дорогу и проскакал к амфитеатру Флавиев, который римляне прозвали Колоссумом, или Колоссеум.

Объехав желто-коричневую громаду, местами белевшую не снятой еще облицовкой, Сухов направил коня под арку Тита – сооружение величиной с пятиэтажный дом. Громоздкая кубатура арки была выложена белоснежным пентелийским мрамором, а на самом верху «божественный Тит, сын божественного Веспасиана» стоял в позе Аполлона на бронзовой колеснице и правил четверкой лошадей. Безвкусная пышность арки казалась и вовсе нелепой рядом с хижинами римлян, как попало слепленных из подручного материала, скученных и убогих.

Олег не погонял коня, боясь привлечь внимание, и смотрел во все глаза на город и горожан. По всему было видно, что Альберих найдёт у народа и сочувствие, и поддержку, – римляне собирались группками, оживлённо тараторя, разбегались и сходились снова. Многие являлись с оружием, не пряча дедовских мечей и луков, – голытьба с энтузиазмом откликнулась на призыв «Бей бургундов!». В принципе, босякам было всё равно, кого бить, лишь бы пограбить всласть, понасильничать как следует, не боясь наказания.

– Сиволапы! – скривился Олег.

Сразу за аркой Тита начинался Форум – толстый слой покрывал каменные плиты, а поверх хорошо принялся бурьян. Безносые, а то и безголовые статуи по пояс высывались из глинистых отложений, взброс росли священные деревья, еще помнившие прежние времена.

– Стой! – бросилась к Олегу шайка «р-революционно» настроенных римлян.

Бежавший впереди худосочный типчик с редкими волосёнками грозил копьём. Неумело ткнув им в магистра, он промазал, зато магистр не оплошал – вырвав копьё из рук худосочного, он треснул того древком в лоб. Римлянин упал, раскидывая конечности. Перехватившись, Сухов без замаха пригвоздил худосочного его же копьём. Шайка дунула прочь, огрызаясь через плечо...

Поплутав среди древних храмов и церквей-новоделов, Сухов выбрался на Марсово поле и поскакал к Тибру.

Скачками приближался замок Сан-Анжело, а справа, по улице Ретта, уже мчались передовые отряды восставших. Их кони и повозки летели будто наперерез Олегу. Бунтовщики в разномастных одеждах, часто в рваньё, правили стоя и залихватски гикали, понукая лошадей, мулов и даже ослов, орущих громче своих непутёвых хозяев.

Сухов первым одолел мост через Тибр и на ходу соскочил с коня. Растерянные гвардейцы толпились у толстых решетчатых врат, запиравших вход в замок, и не знали, что же им предпринять.

– Где командир? – гаркнул Олег.

– Спит! – выпучил глаза бравый солидарий. – Перебрали они вчера!

– Телеги тут есть?

– Есть, как не быть.

– Так чего ты стоишь, глазами лупаешь?! Живо выводи телеги на мост и ставь их поперёк! Бунтовщики уже на подходе! Живо!

Солидарий умчался.

– Лучники имеются? – воззвал Сухов. Четверо покинули строй.

– Луки в руки – и отстреливайте голытьбу! Четвёрка умчалась.

– Мы тоже тут! – сообщил знакомый голос. Магистр с радостью узнал Малютку Свена.

– Ты здесь, «малышок»?

– А то! – гордо сказал Свен.

– Кто тут из наших?

- А все, почитай!
- Давай их сюда! Надо нам этого дурака Гуго спасать!
- Я мигом!

Мятежные римляне между тем ворвались на мост и собрались в кучу, не решаясь идти на штурм, – уж больно величественно выглядел замок. Бунтовщики лишь потрясали копьями и мечами да пару стрел выпустили.

Прогрохотали телеги. Давешний солидарий вывел на мост упряжку, заворотил повозку и тут же, на глазах у нападающих, распряг коней. Следом выехала ещё одна телега, да не пустая, а полная гремящих бочек.

- Давай, давай! – кричал Олег. – Вали всё, что есть!
- Мы здесь! – послышался спокойный голос Ивора Пожирателя Смерти.
- Пр-рывет, сиятельный! – провопил Пончик.
- Здорово, Понч. Видал, во что мы вляпались?
- Может, они не решатся? – спросил Шурик неуверенно.
- Решатся, Понч. Это они ещё не все подошли. А вот соберётся большая толпа – и попрут. Или дождутся, пока Альберих явится со своими головорезами...

– Это какой Альберих? – поинтересовался Фудри Московский, выгибая лук и натягивая тетиву.

– Да пасынок Гуго нашего. Отчима иначе как бургундом не прозывает и всех кличет громить этих самых бургундов – чужаков, что король с собой привёл.

– Знакомый призыв, – пробурчал Пончик. – Угу... Гляди, пошли вроде!

Большой отряд мятежных римлян, прячась за щитами и опуская копьё, грузно бежал по мосту.

– Лучники! – гаркнул Олег. – Давай!

Десяток стрел сорвался с тетив, выбив нескольких бунтовщиков. Потом пришёл черёд дротиков. Последними полетели копьё.

Штурмующие замешкались, столпились на середине моста, будто решая, идти ли им в наступление или отступить. Жадность и азарт перевесили.

– Отходим! – крикнул Сухов. – Решетку – на засов! Пятерым стрелкам остаться – будете самых ретивых снимать! Начнут ворота ломать – уходите!

– Всё сделаем в лучшем виде! – успокоил его Свен.

Пробежав длинным коридором, Олег взбежал по винтовой лестнице, стремясь поскорее попасть наверх.

Наверху он увидел безобразные следы ночной пьянки – огрызки, осколки, блевотину в углах. Иные из гостей дрыхли после вчерашнего, самые крепкие похмелялись. Посреди зала стоял король Италии Гуго в костюме, залитом вином. Узнав Олега, он встрепенулся.

– Этот ублюдок решился-таки! – взорвался он негодованием. – Паршивый недоносок! Бледная немочь, баба в штанах!

– Простите, что перебиваю, ваше величество, – резко сказал Сухов, – но мне нужно знать: на площадках замка есть какие-нибудь метательные орудия?

- А зачем вам? – любопытствовал король.
- Мой долг – защитить ваше величество!
- Моя гвардия... – напыжился Гуго.
- Ваша гвардия, – не сдержался Олег, – обделалась! Во всём замке едва ли наберётся с десяток бойцов, не считая моих варягов.

Король засопел, страхом изгоняя из себя винные пары и обиды.

- С этой стороны ничего нет, – сказал он, – а с северной стоят камнемёты-петроболы.
- Ага! Свен! Поднимай всю эту пьянь и гони наружу – надо будет перетащить орудия!
- Да они все в стельку!
- Выбирай, кто способен хотя бы ползать!
- Понял! Эй, а ну, встал и пошёл!
- Я м-маркиз...

– Да мне до сраки, кто ты! – Малютка опрокинул на маркиза кувшин воды. – Очухался? Ивор! Гони их пинками!

– Эй, бурдюк, – вежливо сказал Пожиратель Смерти. – На карачках – шагом марш!

Король мрачно молчал, наблюдая, как его баронов и маркизов гонят на принудработы. Понимал монарх, что иначе придётся плохо ему самому, – хоть Альберих и «баба в штанах», а верёвку на шею отчиму он накинуть сможет.

Турберн с Сауком были самыми трезвыми из «чёртовой дюжины» – Железнобокий «завязал» – сердечко пошаливало, а гузу вообще нельзя было брать спиртное в рот – пьянел сразу. Вдвоём они поднимали плохо соображавших «бургундов» и ставили их в строй. Тех, кто сопротивлялся, пугали именем короля, а если не помогало, били ногами. И поднималась знать, строилась в колонну.

Олег вышел на обширную нижнюю площадку – верх квадратного основания мавзолея-замка. Высота основания не впечатляла, да и низковатый зубчатый парапет тоже не казался надёжной защитой. А бунтующие всё прибывали, они тащили с собой лестницы, связывая их между собой, наращивая в длину. Качались копьё, шатались щиты, толпа закручивалась и ходила волнами. Гомон голосов сливался в угрожающий гул. Стихия!

– Топай, топай давай! – прикрикнул Свен.

Под аркой входа показались бледные рожи выпивох. Шатаясь, чуть не падая, знать поплелась на северную сторону. «Успеем? Не успеем? – подумал Олег. – Надо успеть!»

С визгом и грохотом, рывками, перетаскивали камнемёты и «скорпионы» – громадные арбалеты, метавшие пучки дротиков или тяжелые копьё. «Бургунды» толкали орудия и дёргали, бледные до синевы, до зелени, потев и задыхаясь.

– Пить уметь надо! – поучал их Малютка Свен. – А не умеешь – не берись! Ходче давай, ходче! А не то Альберих закуску из вас понаделает!

Стегги с Ивором погоняли знать, влекущую короба с ядрами, стрелами и прочими снарядами. В этот момент толпа штурмующих взревела, опрокидывая баррикады, и разлилась по двору перед решёткой главных ворот.

– Заряжа-ай! Пускай!

Громко клацнули мощные тетивы «скорпионов», унося пучки дротиков и смертельным дождем кропя толпу перед мостом. Грохнули камнемёты, зашвыривая туда же свинцовые шарики и каменные ядрышки. Вопли боли и предсмертные крики оповестили осаждённых о попаданиях, а не попасть по кучному скоплению народа было невозможно.

– Заряжа-ай! Крути живей, таракан беременный!

Знать, вяло огрызаясь, живо работала рычагами, оттягивая тетивы и скручивая пучки жил в камнемётах.

– Хватит! Кидать недалече... Отпускай!

И ещё один залп накрыл штурмующих, внося разброд. Толпа стояла так тесно, что убитым некуда было упасть, а раненые мерли стоя. И только теперь на мост выехал Альберих II Сполетский, ведя за собой свою дружину, пополненную самыми отчаянными новобранцами-голодранцами. Добрая сотня стрел взвилась в воздух и опрокинулась вверху.

– Щиты вверх! – проблеял маркиз.

– В укрытие давай! – рявкнул Свен.

Почти все успели добежать до стен главной твердыни – круглых стен мавзолея Адриана.

Маркиз Клеф Тарацинский стал мишенью невидимого пращника – получив камнем по голове, он упал, и тут же три стрелы вошли ему в спину, добивая. Барону Сиконульфу, сыну Гримоальда, тоже не повезло – он бежал зигзагом, спотыкаясь и прикрывая голову руками. В очередной раз метнувшись в сторону, барон «поймал» спиной копьё, брошенное наугад, но с большой силой.

– Стегги! Алк! Воист! – кликнул Олег. – Берите щиты, будете прикрывать наших баллистиариев!

Сам Сухов бросился по галерее к винтовым лестницам. Лучники с солидариями уже

покинули главный коридор – оттуда доносился громкий лязг и тупые удары.

– Решётки ломают, – хмуро сказал бравый солидарий.

– Все здесь? – спросил магистр.

– Да все вроде...

– Тащите лавки из трапезной и скидывайте на лестницу! Заклиньте подъём!

– Это можно, – повеселел солидарий. – Годехок! Атто! За мной!

Пересчитав остаток живой силы, Олег покачал головой. Семнадцать человек! И ещё человек двадцать полупьяных «бургундов». И дюжина варягов, не считая его самого. Пончик тоже не в счёт – не боец... Полусотня всего. Хм. Будем считать, что в его распоряжении АЖ полусотня!

– Давай, давай! – крикнул из галереи задушенный голос. – Ну и что, что тяжёлая?

– Не тяжелее твоего гроба...

– Хватай за тот конец!

– Погодь! Дай перецепиться...

Показались солидарии, нагруженные тяжёлыми дубовыми скамьями. Вот первая из них прогрохотала по ступенькам и застряла.

– Не бросай! Подбей!

– Правильно! Заклиним на хрен!

Пыхтя, солидарии опустили скамью и ударили ею по той, которую уже сбросили. Лавка загудела, просаживаясь и треща.

– Ещё! Ещё разок! Во! Вторую давай!

– Переверни!

– Божьи кости!

– Опускаем! Раз... Два... О-па!

– Пошла!

В этот момент из нижнего коридора послышался громкий скрежет, что-то рухнуло с тяжким звоном. И сразу – рёв толпы.

– Ворота выбили! – пробормотал бравый солидарий и завопил: – Лавки, лавки тащим!

Олег помог всадить ещё одну скамью поверх остальных и бросился наверх.

А наверху разгорался бой – приверженцы Альбериха приставляли длинные лестницы к стене замка и лезли по ним вверх. Толпа, стоявшая внизу, прикрывала штурмующих, забрасывая защитников крепости камнями, меча стрелы и даже закидывая веревочные петли. Один волосяной аркан был удачно наброшен на шатун каменёта – толпа победно взревела, потянула, петробол закрипел, наклоняясь... Малютка Свен подскочил и рубанул мечом по лохматой верёвке – снизу донеслись вопли падавших. А «малышок» подполз к концу ближайшей лестницы, выглядывавшей над парапетом, и ухватился за неё.

Тут показалась голова и плечи штурмующего, по этой самой лестнице влезавшего. Корча зверскую рожу, он опёрся о парапет, готовясь перепрыгнуть, замахнулся маленьким топориком... Стрела, выпущенная хладнокровным Ивором, вошла штурмующему в лоб.

– И-э-эх! – выдохнул Свен, пихая лестницу.

Та содрогнулась, скользя по стене, и упала. Ещё один взрыв негодования...

Сухов обернулся ко входу в галерею, откуда боязливо выглядывали солидарии.

– Лавки ещё есть? – крикнул он. – Тащите сюда! Всё тащите – скамьи, кресла, столы!

– Поможем, чем можем, – крикнул Турберн, маня за собою Саука.

Олег, поглядывая на небо, откуда могла прилететь шальная стрела, обошёл основание замка от одного угла до другого. Сан-Анжело был вписан в линию оборонительных сооружений, выстроенных Аврелианом, как форт, выдвинутый на правый берег Тибра. Штурмовать его извне было сложно, как и любую крепость. Идти же приступом изнутри, из города, было куда проще, но только с южной стороны квадрата основания, что облегчало оборону. Сухов досадливо поморщился: если бы не эта пьянь, если бы стража заприметила бунтовщиков загодя, то можно было бы отбить атаку ещё на подходах к мосту, используя те же каменёты и «скорпионы». Ныне же, когда войско Альбериха стоит под стенами...

Трудная задача. И та ещё работка.

– Олежа! – крикнул Железнобокий. – Лавки «пришли»!

– Бросаем!

Подхватив за один конец лавку, Сухов на пару с Сауком, подтащил её к парапету и перевалил вниз.

– А-а! – взвился крик.

– Поплачь, – громко посоветовал Турберн, – легче будет!

Вниз полетели лавки, кресла, длинный монастырский стол. Малютка Свен перебросил бочку, наполовину полную вина. В ответ защёлкали тетивы, посылая стрелы.

– Не бросай лавку! – хрипло крикнул маркиз Пандульф Бергамский. – Подставляй под петробол!

– Зачем? – не сообразил бравый солидарий.

– Наклоним, – сообразил Олег, – и стрельба пойдёт по ближнему краю!

– Точно!

Общими усилиями – варяги прикрывали баллистиариев – станину каменёта приподняли, подпирая скамьёй.

– Натягивай!

– Заряжай!

– Пускай!

«Ложка» петробола, полная обточенных ядер и простых обломков камня, с грохотом ударила по раме, усылая вверх рой снарядов. Рой описал крутую дугу и сверзился, поражая скученную толпу, убивая и калеча, – ни одно ядро даром не пропало.

Ту же операцию проделали со «скорпионом» – задранный к небу самострел прогудел тетивой, выбрасывая пучок дротиков. Дротики красиво разошлись в вышине и повернули вниз, полетели, набирая скорость. Судя по звукам, некоторые из штурмующих прикрылись щитами. Зря – тяжелые дротики, падая с ускорением, пробивали и щиты, и тела.

И отхлынули бойцы Альбериха, побежали, отступили на тот берег Тибра.

– Ага! – вскричал Пандульф.

– Как мы их, а? – ухмыльнулся Свен, хлопая маркиза по плечу.

Пандульф не возмущился, осклабился, радуясь победе.

– Не стоим! – прикрикнул Сухов. – Собираем стрелы, копья, все «подарки», что к нам нападали! Лавки тащим и – что там ещё есть из мебели? Одну атаку мы отбили, готовимся к следующей!

– Эй! – крикнул Пончик, выглядывая из галереи. – Раненых прошу внутрь! Буду перевязки делать.

Угу...

– Нам поесть бы... – намекнул Свен.

– Проведай здешних поваров, – присоветовал Олег. – Что найдёшь – тащи сюда. Я тоже ещё не завтракал...

Полдня прошло в беспокойствах и повышении обороноспособности. Турберн с Сауком устроили самый настоящий вытрезвитель, ускоренно возвращая к жизни римскую знать, примкнувшую к Гуго. Знать похмелялась и приходила в себя, пополняя невеликое войско осаждённых.

Протрезвел и король. В перерывах между скрежетом зубовым и полётом безудержной фантазии на тему: «Какие пытки применить к гадскому Альбериху» – Гуго гонял своих присных, возложив на Олега заботы по защите замка.

И усилия осаждённых не пропали даром – Альберих послал на штурм воинов в броне, с огромными прямоугольными щитами. А это тебе не босота. В ход пошли настоящие штурмовые лестницы, на мосту выстроилась целая команда лучников, а к набережной Тибра подтянули баллисты и катапульты.

– Встоим, как ты думаешь? – спросил Турберн, тревожно вглядываясь в

приготовления на том берегу.

Сухов покачал головой.

– Даже если и отобьём эту атаку, – сказал он, – утром замок возьмут.

– Вот и я того же мнения. И что делать будем?

– Лично я жду, когда стемнеет, Железнобокий. Уходить надо. И уводить Гуго.

– Верно мыслишь, дорогой!

За мостом запели трубы. Началась атака. Воины Альбериха, прикрываясь щитами, выходили на мост. Теснясь у перил, стояли лучники. Но первыми вступили в бой катапульты и баллистиарии – очередь гулких ударов докатилась с набережной Тибра, и над рекой провыли ядра, копья, обрубки брёвен в рост человека, спереди обтёсанные под остриё и обитые железом.

– Берегись! – разошёлся крик Свена.

– Приготовиться! – заорал Сухов.

Окованное брёвнышко ударило неподалёку, выламывая плиту и раскалываясь. Два тяжёлых ядра попали в цель, расколавшая «скорпион», третье выломало верхний камень парапета. И посыпалось – копья, ядра, стрелы. Олег еле успевал уворачиваться, а уж на отражение атаки времени не оставалось вовсе.

– Заряжай! Пускай!

Выстрелили два камнемёта. Ядра выбили троих-четверых в строю штурмующих, но это роли не сыграло – под хорошим прикрытием войско Альбериха приблизилось к стенам замка.

Обстрел подутых – баллистиариям нужно было немалое время, чтобы скрутить обратно распущенные вороха воловьих кишок и жил, подтащить снаряды, зарядить. Зато лучники не жалели стрел – оперённые хворостины с калёными жалами падали непрерывно. Варяги почти не опускали щиты, поднятые над головой, и отлавливали ими пущенные стрелы, собирая убийственные «букеты».

Вновь протрубил рог. Пять или шесть лестниц ударили о стену, скрежеща крючьями.

– Стрелки, к бою! – скомандовал Сухов. – В упор не бить, цельтесь сбоку! Копейщики – на позицию!

– Стойте! – завопил Пончик. – Мы воду подогрели! Четыре полных котла кипяточка!

– Волоки их сюда! – обрадовался Турберн. – Умоем тут некоторых!

Перепуганные поварята выволокли парящие котлы, каждый из них таща вчетвером. С мужеством отчаяния они донесли их до самого парапета, поднатужились и опрокинули за зубцы, окатывая лезущих по лестницам горячим «душем». Пронзительные вопли раздались в ответ.

– Мыться полезно! – проорал Железнобокий. – Вонять будете меньше!

Одного поварёнка зашибло камнем, пущенным из пращи, котёл резко наклонился, выплескивая кипяток на каменные плиты. Малютка Свен тотчас подскочил, помог, почти в одиночку опорожня котёл куда надо, и улыбнулся довольно, слушая крики и стоны ошпаренных. Воины Альбериха отошли от стен, сосредоточившись на метании копий, свинцовых шариков и дротиков.

Солнце уже садилось за Яникульский холм, когда Олег собрал потихоньку «чёртову дюжину» и привёл её к королю. Гуго выглядел безобразно, он словно постарел и одряхлел – на лице прорезались морщины, щёки опустились брылями, вяло отвисла губа.

– Ваше величество, – твёрдо сказал Сухов, – больше медлить нельзя. Пора уходить.

– Нет! – каркнул Гуго.

– Да! – настоял Олег. – Мои варяги доставят вас в порт и переправят в Геную, а там и до Павии недалеко.

– Срань Господня! – выругался король и покорился, горбя плечи: – Хорошо...

По северной галерее они выбрались на ту сторону замка, которая выходила к пустынному Ватиканскому полю и стене Леонова города.

Малютка Свен быстро закрепил крепкий канат, плетённый из кожаных ремешков, и

перебросил его за зубцы парапета, на гребень стены Леонина.

– Свен! Ивор! Стегги! Фудри! Вы спускаетесь первыми!

Варяги молча хватались за верёвку и исчезали за парапетом.

– Твоя очередь, король! – буркнул Турберн.

Гуго Арльский неуклюже взобрался на парапет, хватаясь за канат, и полез вниз. Последним шёл Пончик.

– А ты? – обернулся он к Олегу.

– А я вас прикрою, пусть у вас будет хоть небольшая фора. Одному-то смыться проще. Полежай, полежай, Понч... Я скоро.

Александр скрылся за парапетом, испытывая жестокие сомнения, а Сухов, мигом погасив легкомысленную ухмылочку, бегом вернулся к «бургундам».

Тибр уже всюду отражал багрянец заката, тень и свет перепутались, рождая сумрак. Десятками загорались яркие факелы, светом своим лишь сгущая потёмки. Смутный говор нёсся с моста, угрожая, злобствуя, обещая кары небесные и земные. Невидимые трубачи выдули сигнал «На штурм!».

– Приготовиться! – скомандовал Олег, соображая, когда ж ему улучшить момент и скрыться по-английски, не прощаясь.

Сумрак ли был тому виной или утомление, а только не заметил магистр кое-каких перемен, случившихся за его отсутствие. Солидарии и «бургунды» разошлись, сбиваясь порознь. Протрезвевшие бароны и маркизы переговаривались вполголоса, срываясь порой в ругань, но не страх или злость окрашивали их голоса, а нервозность и непонятное Сухову нетерпение.

В чём тут дело, он понял быстро – сразу, как только крепкая сеть упала на него сверху, а Пандульф с Рагимпертом, Аудионом и прочими сжали с боков, опутывая верёвками, заматывая в кокон.

– Продались, суки?! – захрипел Олег, порываясь добраться до меча, до ножа засапожного, но всё было бесполезно. Только испытые хари толклись вокруг, дыша перегаром, да всё крепче затягивались узлы. – Чтоб вам всем попередохнуть!

А чего ещё он мог пожелать трусам и предателям?

«Бургунды» сдали замок Сан-Анжело, дурными голосами крича о том, что их заставили и подставили, что в их сердцах живёт горячая преданность к Альбериху Сполетскому, а всю вину следует возложить на поганого варвара, именуемого Олега-риусом.

Пандульф погнал солидариев разбирать завал на винтовой лестнице, а после долго кланялся поднимавшемуся победителю. Губы Альбериха кривились, и не понять было – то ли смех разбирает пасынка Гуго, то ли он орать собрался и слюною брызгать.

– Отвести его, – показал Альберих на Сухова, – в тронный зал. Мы не варвары, мы будем судить этого преступника по закону.

– Как стоишь? – процедил Олег, теряя благоразумие под наплывом гнева. – Перед тобой магистр императора Романа!

Пасынок Гуго отшатнулся, словно получив пощёчину, побледнел, но волю своим чувствам не дал.

– В зал! – выдал он.

Обширное помещение, где помещался походный трон короля Италии, быстро заполнялся народом, спешившим засвидетельствовать лояльность и верность новому правителю Рима. Сходились именитые гости, монахи, епископы, клирики с канониками – весь папский двор. А там, где кончалась красная ковровая дорожка, стоял на возвышении трон, отделанный золотом и слоновой костью. На нём с удобствами устроился Альберих – «сенатор, патриций и государь всех римлян». Рядом поставили большое кожаное кресло, предложенное новому папе римскому – Льву VII, ставленнику Альбериха. Папа вырядился в алую сутану, из-под которой выглядывали туфли с золотым шитьем. Лев не впечатлил Олега – тщедушный мужичок занял апостольский трон, впалогрудый, нескладный – одно плечо

перекошено, бородёнка жиденькая... Не красавец.

Стражники разрезали путы, сковывавшие Олега, и магистр вздохнул облегчённо. Меч у него отняли и нож вытащили, но руки-ноги целы...

На лице «государя всех римлян» выражение злого торжества сменилось легкой растерянностью, переходящей в досаду и раздражение. Альберих, видимо, ждал иного поведения – страха, заискивания, дрожи в коленках... Ну уж нет уж!

– Ты что, совсем сдурел? – возгремел голос Олега, басистым эхом заметавшись под куполом. – Я тебя спрашиваю! Или ты уже латинского языка не понимаешь?!

Альберих сидел как громом пораженный. Из толпы, замертвевшей от наглых речей преступника, вышел епископ и стукнул об пол посохом, так, что брыли на щеках его подпрыгнули.

– На колени! – завопил он жирным голосом. Олег аккуратно сложил мозолистую пятерню в кукиш и продемонстрировал его преосвященству.

– Накось, выкуси!

Альберих сделал знак «своему» папе, и тот привстал с трона.

– Веруешь ли ты, – обратился он к Сухову звучным, хорошо поставленным голосом, – в истинную римскую церковь, единую, святую и апостольскую, руководимую папой и его епископами?

– Нет, ну ты сам подумай, – вздохнул Олег, – как можно веровать в кучку проходимцев и самозванцев, чьи мысли порочны, действия преступны, а вера – лжехристианская?

Толпа возроптала.

– Веруешь ли ты в Господа нашего Иисуса Христа, в Воскресение его и вознесение на небо?

– Да вот я-то как раз и верую! Это вы погрязли в неверии, а мы-то веруем!

Папа подрастерялся, но быстро опаматовался:

– Веруешь ли ты в Святую Троицу? – с проникновенностью спросил он.

– Господи... – скривился Олег, сжимая руку в кулак, чтобы не заметил никто, как трясутся у него пальцы.

– Маркиз Пандульф! – возгласил Альберих, и вперед вышел «бургунд» во всем новом. Видать, обласкал «государь»...

– Слушаю! – отвечивал Пандульф.

– Узнаешь ли ты этого человека?

– А как же! – злорадно ухмыльнулся маркиз. – Это Олегариус, вожак шайки северных варваров! На нём кровь христианская, он идолам кланяется и несёт поругание вере истинной!

Ропот прошел по залу, закручиваясь черной петлей.

– Признаёшься ли ты, Олегариус, – торжественно спросил папа, – в совершенных тобою мерзких преступлениях?

«Молчать? – подумал Сухов. – А толку? Тут хоть молчи, хоть говори – всё одно казнят, не помилют... Сказать? А, хуже не будет!»

– Меня судят, – голос магистра окреп, обрёл силу, – а судьи кто?! Вы, извратившие божественное Слово и предустановления Творца и Вседержителя?! Вы, пастыри злодейские, распутные, наглые, невоздержные, сластолюбивые, падкие до благ, копители богатств, празднословные, напыщенные, гордые, алчные, строптивые, погрязшие в пороках, искатели тщеславия, неприятели труда, растлители доброверных, готовые презреть право и совесть?! И от вас пребывает в небрежении тропа набожности, и через вас посреди людей селится страх, и братняя злость, и преступность, и черствость, и зависть, и безразличие, и воровство, и винопийство, и излишество, и противоприродное распутство! Продолжать ли, или вы сами уже узнали себя самих, вы, господа наглых беззаконий, богохульники, обманщики, алкатели сокровищ, губители красивых жен и знающих мужей, враги преданных вере и их преследователи, двуличники и лжеапостолы!

Олег умолк и обвёл глазами лица растерянные, постные, страшющиеся, злобные,

улавливая впечатления слушателей, смакуя напряжённую тишину.

– Ну и кто вы после этого? – продолжил он. – Да если доведется узреть вам Иисуса на лугах райских, он не накажет вас в великой доброте своей, но велит удалиться от него, ибо не заслужили вы света, а заслужили тьму!

– Отец Малахия! – лязгающим голосом произнёс Альберих. – Зачитайте приговор!

Сухонький, морщинистый старичок, похожий на упакованный скелетик, зачитал монотонным тенорком на скорую руку сварганенный документик, приведя устрашающий перечень грехов и преступлений Олега. И пират он-де, и вор, и схизматик, и то, и это... Приговор оканчивался определением полагающейся казни – ввиду того, что подсудимый не желает сознаваться в своих грехах.

– ... И потому приходится нам ныне, – блеял Малахия, – беря в расчет всё доселе известное и исходя из выше приведённого, сказанного Олега́риусом, в ереси упорствующа и не хотеща от многих своих невежеств и от скверны очищаться, и исправляться грешным духом, на прямой и на истинный путь не позволяюща себя наставить, ныне полагать указанного Олега́риуса за неисправимого, за упрямого и закоснелого в злонамеренной своей испорченности; и дабы впредь сей указанный Олега́риус бесчестиями своими и преступлениями не мог ни перед кем тщеславиться, и дабы мера пресечения его подлости составила бы для всех остальных охотников полезнейшую науку, назавтра до повечерия надлежит вышеуказанному Олега́риусу, кознодею и пирату, к обыкновенному лобному месту быть возведenu, и на этом положенном месте предану смерти через сожжение, дабы совсем он лишился жизни и душа бы его от тела отделилась.

Сухов выслушал и усмехнулся криво, холодея в душе.

– Ты что, с дуба рухнул, государь вшивый? – спросил он Альбериха II Сполетского. – Ты хоть иногда думай своей башкой! Я же не один! Пусть империя далеко, так дружина варягов моих близко! Да они тебя в шкуру коровью зашьют и зверюгам скормят в лучших традициях христианских мучеников – один гульфик от тебя останется!

– В Маммертинскую тюрьму его! – промычал «государь всех римлян». – В яму!

Глава 17, в которой разлучённые встречаются

Олега вывели из замка и посадили в клетку на колёсах. Сухов не протестовал – не заковали в цепи, и то ладно.

Магистр грустно улыбнулся, глядя на солидариев, которые совсем недавно отражали атаки альберихцев, слушая его приказы, а ныне преданно служили государю-самозванцу. Правильно римляне говаривали: «Так проходит слава земная!»

Копьеносцы и арбалетчики окружили арестантскую повозку с клеткой, и знакомый Олегу бравый солидарий крикнул:

– Трогай!

Молоденький рекрут-возница вздрогнул, вжал голову в плечи, но быстро опомнился и повёл лошадь под уздцы – на козлы сесть он побаивался. Ладно, решил Сухов, будем считать, что он на бесплатной экскурсии. А там посмотрим...

Подстелив соломки, он уселся и привалился спиной к решетке.

Телега миновала мост Элия и проделала тот же путь, что давеча осилила «чёртова дюжина», ведомая Сальватором. Разве что у театра Марцелла солидарии не стали заворачивать на остров, а двинулись дальше, к Велабру, ложбине между склоном Палатина и Капитолием, пока не выехали на Этрусскую улицу. Поднимаясь в гору, конвой миновал полуразрушенный храм Диоскуров и выбрался на римский Форум – ныне кочковатый пустырь, заросший кустарником и чахлыми дубками.

Качаясь и трясясь, повозка проехала мимо базилики Эмилия с проваленной крышей и церкви Св. Сергия, наискосок через весь Форум, под тяжеловесную арку Септимия Севера. За аркой постепенно открывались взгляду портики трех больших храмов, а за ними дыбился

громадный Табулярий, бывший имперский архив, декорированный колоннадами. С Форума на Капитолий вела длинная лестница, создавая впечатление огромности пространства, охваченного архитектурными объемами, и при этом все было напоказ, все доступно зрению – до последней ступеньки и арочки.

Щелкнув кнутом, возница свернул в Маммертинский переулок. Врезаясь в крутой склон Капитолийского холма, над переулком нависал колоссальный Табулярий, выглядевший отсюда крепостью.

Олегу стало не по себе, когда он увидел вход в страшную Маммертинскую тюрьму. Там, в ямах без света и свежего воздуха, а то и вовсе в Туллиануме – бывшей каменной цистерне, имевшей всего одно отверстие в потолке, – держали государственных преступников. А ныне на маммертинскую «зону» доставят его самого, Олега свет Романыча, чтобы Олегу свет Романычу удобней было одуматься и покаяться и отречься от «множества облыжных клевет на христианнейшего государя Альбериха и святого папу Льва»...

– Вылазь! – махнул мечом солидарий.

– Ты когда в последний раз мылся? – спросил Сухов, кривя лицо.

– Разговорчики... – пробурчал солидарий, благоразумно отступая в сторону.

Олег прошагал под глыбистые своды штольни-входа. Когда-то Маммертин поставлял туф, но еще при цезарях в здешние каменоломни начали сажать – и строить ничего не надо, и не сбегут. Это тебе не замок Иф, толщу горных пород не проколуешь столовым прибором...

Чем дальше уходил коридор, тем темнее становилось. Стражники зажгли факелы.

В оранжево-красном, прыгающем и колеблющемся свете тюрьма приобрела вид ещё более пугающий и зловещий. Как же это было ужасно – годами сидеть в этой духоте и тьме, терзаясь пыткой недоступности света, свежего ветра, книг, женщины, работы...

Паче чаяния, в яму Олега не упрятали. Тюремщик разомкнул тяжелый засов на решетке и пропустил Сухова в темницу, длинную и узкую, как пенал. Солидарии развернулись кругом и утопали, а тюремщик задержался. Толстый, усатый, румяный, он меньше всего походил на вертухая – ему бы в лавке молочной торговать. Потоптавшись и покашляв, он неуверенно предложил:

– Может... того... факел оставить?

– Спасибо, – улыбнулся Олег. – Я не боюсь темноты.

– А-а... Ну ладно тогда. Там солома в углу, располагайтесь...

Шумно сопя, он ушел, и прыгающие отсветы утанулись за ним следом. Прихлынула тьма и затопила все вокруг. «Темнота – друг молодежи» – вспомнил Сухов веселую поговорку. Друг-то она друг... только не здесь. В Маммертине тьма была опасным противником, ежечасно отшелушивавшим здравый ум, сводившим с него... если воля узника оказывалась слабее мрака и тишины. Каменный мешок. Ну, мешки бывают и с дырками... Олег подергал и пошатал прутья решетки. В три пальца толщиной, прутья стояли неколебимо. Ладно... Магистр почувствовал усталость. Немудрено – весь день крепость защищал. Он добрал до вороха свежей соломы в углу, лег и уснул.

Сухову снился приятный сон, и он недовольно сморщился и сощурился, когда его разбудил свет факела и тихий женский голос. Олег приподнялся на локтях, все еще пытаясь уловить обрывки таявшего сновидения, и глянул из-под руки на решетку. За нею стояла девушка или молодая женщина. Тёмный и глухой чехол монахини висел на ней безобразным мешком, пряча фигуру. У Олега сразу что-то заёкало внутри – неужто аутодафе?! На фиг, на фиг... Всё, больше он не станет покоряться арбалетам! Лучше выглядеть святым Себастьяном, чем Джордано Бруно. А уж тризну по себе он справит загодя, прихватит с собой столько, сколько успеет... Но что за страхи, в самом деле?!

– Олег!.. – негромко позвала монахиня.

Э, нет, так на казнь не зовут... Господи, какой знакомый голос! Мерещится ему, что ли? Сухов упруго встал и широкими шагами приблизился к решетке. Невозможно...

– Алёна?! Ты?!

– Я, я! – ответила женщина, смеясь и плача. – Бедненький мой! Сейчас я тебя вызволю...

– Но... как? – вымолвил Сухов, всё ещё не способный прийти в себя.

– Меня патриарх направил, своею тайной посланницей... – проговорила Мелиссина, тягая хитрый засов. – Это моя вина, что Альберих поднял мятеж, – я сама его подзуживала, и вот...

С третьей попытки она открыла решётку. Олег не сдержал порыва – облапил жену и стал тискать.

– Солнышко моё лучистое... Господи, как же я рада, что ты жив!

– А уж как я рад... Какого... этого... он тебя послал? Ума последнего лишился?

– Патриарха беспокоила Марозия, хотя блуд у Святого престола его, по-моему, даже возбуждал... – проговорила Елена, переводя дыхание. – И решил Феофилакт, что нельзя Рим превращать в Вавилон! А я не нашла ничего лучше, как свергнуть Марозию руками её сына... Господи, когда прибежал Котян и сказал, что видел тебя, я чуть с ума не сошла! Если бы они тебя... казнили бы тебя, то я... Ах, я не знаю, что бы тогда делала!

– Котян здесь?! Здорово!

– Да, и ещё Тарвел, Органа и Куверт! Они болгары, но хорошие...

Тут за изгибами коридора заплясали огни факелов и донеслись голоса.

– Это гвардейцы! – ахнула женщина и схватила Олега за руку. – Бежим скорее! Я сюда по катакомбам прошла...

Они побежали.

В темноту, подальше от пятен красного света, и чудилось Сухову, что блики отбрасывает костер с лобного места... Неровными, осыпавшимися ступеньками чета спускалась все ниже и ниже, но дышалось как на вершине высокой горы – лёгким не хватало воздуха.

Послышался взрыв проклятий – солидарии обнаружили пустую камеру. Олег отнял у женщины факел и пошёл впереди.

– Тут тупик, – сказал он, поднимая факел повыше, – у стен – ямы с решетками...

– Нам во вторую с конца!

Олег взял Елену за руку и повел за собой.

– Откуда на тебе это ужасное платье?

– Мне его дала аббатиса монастыря Святой Цецилии – я там скрываюсь. А Котян с болгарами прячутся в Садах Саллюстия, там такие дебри... Осторожно, тут яма!

– Глубокая?

– Да как сказать... Лично я еле из неё выбралась. Тут раньше преступников держали.

– Ну-ка, посвети...

Олег прыгнул в яму и помог спуститься Елене. По ногам дунуло сквозняком – лаз выходил под «нарами» – грубо обтесанным каменным блоком. Сухов полез первым, жена поспешала за ним. Ход вскоре сделался повыше, Олег встал на четвереньки. Подняться на ноги удалось только в древней выработке, где во времена Империи добывали туф.

– Осторожно! – сказала Елена. – Тут тоже ямы!

– Я вижу...

Сухов стороной обогнул провал глубиной в два его роста, перевалил через кучу породы и вышел сразу к четырем зияниям в неровной стене со следами, оставленными кайлом и бурами.

– Тут четыре дыры...

– Нам во вторую! Что слева... Нет-нет, справа!

Опустившись на четвереньки, они пролезли под нависшей твердью. Господи, подумал Олег, ни креплений, ничего... И «миллиард тыщ» пудов сверху.

– Подожди! – сказала Мелиссина. – Аббатиса говорила, что надо обрушить блоки за собой!

– Блоки? Где? А, вижу...

Отведя женщину под своды полукруглой штольни, Сухов вернулся к нагромождению тяжелых глыб туфа – скверно обработанных кубов. Блоки качались в неустойчивом равновесии, подпертые бронзовым ломом. К лому была привязана веревка. Вытавив ее до конца, Олег натянул канат и дернул за него. Лом со звоном запрыгал по камням, а блоки пошатнулись и грохнулись, заваливая проход.

Страхивая пыль и камешки с волос, Сухов вернулся к Елене. Когда он коснулся её плеча, женщина вздрогнула и крепко ухватила за него обеими руками.

– Я так перепугалась! – сказала она жалобно.

– Всё, – утешил ее Олег, – теперь они к нам не сунутся.

– Ну и слава Богу...

– А куда мы хоть идем?

– Тут в одном месте можно пройти в часовенку, а оттуда – к нашим. Скоро уже! Сейчас... так... сейчас развилка должна быть...

– Вижу.

– Нам по тому коридору, что вниз спускается!

Сухов повёл Елену по спуску в разработку с низким потолком, подпертым, будто толстыми колоннами, невыбранной породой. Ещё коридор, ещё развилка, ещё спуск... Поваяло сыростью.

– Здесь у меня где-то должна связка факелов лежать... – проговорила женщина. – А, вот она! Иди сюда, отдохнем немного. Тут песочек...

Олег с облегчением опустился на песок и воткнул в него факел. Прислушался – даже слабых отголосков погони не было слышно, только мерный плеск капель слышался в тишине, да изредка шорох осыпавшихся камешков.

– Вечером Гуго ударил своего пасынка, и Альберих ушёл, – негромко проговорила Мелиссина. – Город не спал всю ночь. Я видела сотни факельщиков, что бродили по улицам, невидимые толпы ревели в темноте, а с рассвета началось столпотворение... Я снимала особняк Квинтиллиев, утром туда вломились пьяные римляне. Булгары перестреляли человек пять, но мятежников было больше, они всё прибывали и прибывали, надеясь основательно нажиться в доме богатой иностранки-паломницы... Нам пришлось бежать. Мы прорвались, отбиваясь от обезумевшей черни, а когда уже покидали Эскивлин, Котян с Тарвелом спасли двух монашек, отогнав шайку насильников. Вальдрада и Джемма спрятали меня в монастыре Святой Цецилии, а мои спутники ушли в Сады Саллюстия... Я видела, как войско Гуго маршем уходило по Аппиевой дороге, и сразу поняла, почему решил Альберих, – более удачного случая просто не придумать. Брата Иоанна он засадил в темницу, ту же участь уготовив родной матери...

Олегу стало нехорошо. Пересилив себя, он сказал:

– А я вчера со своими варягами короля Гуго подкупал. Продался жадный бургунд и затеял пир. Вечером Марозия и Теодора увезли меня в Латеранский дворец. Мы купались втроём, «соображали» на троих, а после прелюбодействовали, все трое...

Елена долго молчала, разглаживая ладонью складку платья на колене.

– А потом? – спросила она негромко.

– Утром я бросился спасать Гуго, – безразлично сказал Сухов. – Оборонял замок до вечера, пока не отправил короля с варягами в Остию. Хотел прикрыть их отход, да бургунды к Альбериху переметнулись. И сами продались, и меня сдали...

– Это так важно – короля подкупать? – по-прежнему тихо задала вопрос Мелиссина.

Морщась, Олег разъяснил жене политическую обстановку.

– Господи, – прошептала она, – а я чуть было всё не погубила...

– Да к чёрту Гуго! – глухо сказал Сухов. – Я о жене его толкую! И о сестре её! Я переспал с ними обеими!

– Ты был пьян, ты долго не был с женщиной, ты...

– Да при чём тут это, Алёнка?!

Мелиссина порывисто обняла его, прижалась с силой, вздрагивая всем телом.

– А чего ты ждёшь от меня? – зашептала она. – Криков? Слёз? Проклятий? Я же люблю тебя! Понимаешь? Люблю!

Олег до того расчувствовался, обнимая Елену, что глаза его наполнились жгучей влагой. Он крепко зажмурился, чтобы стряхнуть капли с ресниц.

– Ты плачешь? – потрясённо спросила женщина. – Миленький! Не плачь, всё же хорошо! Мы вместе, мы живы и здоровы, чего ты?..

Сухов ласково погладил Алёнкины волосы.

– Ты лучшая в мире, – сказал он, – ты самая красивая... Ты – единственный родной мне человек, ты...

Елена не дала Олегу договорить, накрывая его губы своими. Поцелуй был недолог – женщина дрожащими пальцами принялась развязывать узелки на мятом скарамангии магистра.

– Я не умею раздевать монахинь, – сказал он.

– Я тебе помогу! – хихикнула Мелиссина, шурша своим чёрным балахоном.

Неяркий свет факелов разрисовал тело женщины в оранжевые тона, накладывая прыгающие тени и скользящие блики. Елена легла на Олега – самая приятная тяжесть на свете. Сухов огладил бёдра женщины, круглые ягодицы, потом перевёл ладони на груди.

– Ты простила меня?

– Я люблю тебя...

Полчаса спустя он лежал и получал удовольствие, разглядывая свою Елену. Ей уже тридцать пять, тридцать шестой пошёл. «Бальзаковский возраст».

Возраст женщины – не предмет для обсуждений, однако стоит ли так уж бояться прибавления лет? Бытуют такие рассуждения: женская красота достигает расцвета годам к двадцати, к девятнадцати даже. Девушки этого возраста обладают-де «дьявольской красотой», ведьминской, от которой особям мужеска полу якобы нет спасения.

Однако сама по себе красота значит мало – это орудие, которым надо уметь пользоваться. У молодой девушки подобных умений и знаний нет, они появляются с возрастом, когда бывшие заблуждения развенчаны. Да и так ли уж поразительна краса двадцатилетних?

Часто внешности супердив требовалось время, чтобы созреть, проявиться в полную силу.

Безусловно, вряд ли это закон для всех. Просто красота не подчиняется введенным для нее канонам, и, где там правило, а где исключение, сказать сложно.

Многие девчонки до икоты пугаются числа «тридцать» – этот возраст им кажется конечным, чуть ли не старческим. Появляются первые морщинки, седые волоски... Старость надвигается? Нет, утешают их – начинается «бальзаковский возраст»! Волшебная пора расцвета лет, когда ты не только красива, но и накопила ту опасную женскую силу.

А уж чем для женщины окажется «бальзаковский возраст» – поздним летом или поздней осенью – зависит от неё самой.

Можно родиться красивой, но счастливыми не появляются на свет – ими становятся.

Что это вообще такое – «бальзаковский возраст»? Если обратиться к самому Оноре де Бальзаку, то получается, что эта пора весьма растянута во времени – от тридцати до пятидесяти. Пора зрелости. А что есть у красивой молодой девушки такого, чего нет у красивой женщины «бальзаковского возраста»? Свежесть? Юная прелесть, трудно отличимая от детской? А теперь посмотрите на девушек, в том числе и на девочек. Что вы наблюдаете? Массу помад, белил да румян, хоронящих и свежесть, и прелесть, зато подчеркивающих зачатки той самой женственности, которая достигает апогея лишь к заветным тридцати. Это явление можно сформулировать в форме парадокса: юные девушки стремятся выглядеть как женщины «бальзаковского возраста»!

То есть, становясь старше, женщины стремятся молодеть, а молодые спешат

повзрослеть. В обоих случаях желания спорны. Девушкам хочется посоветовать: «Не спешите жить!» – а взрослым дамам попенять: «Не жалеете, что юность прошла!»

Неужели вы хотите вернуть те года – время порывов, первых разочарований и житейских невзгод, вечных ошибок, пустоголовости и потрясающей наивности? Вспомните себя, глупенькую очаровашку, с юным максимализмом несущую «прекрасную чушь». Легко ли вам было жить? Радостно ли? И возникает ли у вас нынче желание расстаться с тем драгоценным опытом, что накопили в молодости, а пользуетесь лишь теперь, достигнув возраста, которому суждено быть воспетым Бальзаком века спустя?

Безусловно, сорокалетние женщины всегда будут вздыхать об утратах на жизненном пути. Ах, где моя гладкая кожа? Где узкая талия и упругие выпуклости?

Жаль, конечно, что жизнь нельзя прожить дважды, исправив все допущенные ошибки, но разве судьба – злодейка? Жизнь одна, и каждый волен устроить ее по-своему. Только не нужно бояться надвигающихся лет – их нужно проживать, проживать по полной, а не страх испытывать перед календарем.

Молодые девушки пугаются подхода «тридцатника», дамы, достигшие этого возраста, ужасаются приближению «полтинника» – и в чем между ними разница? А нет ее! И те и другие боятся состариться. Не надо бояться. Следует помнить о набранной ими женской силе и пользоваться обретенной женской властью. Природа гораздо щедрее, нежели кажется. Годы серебрят волосы, зато даруют ум, обаяние, полуволшебное искусство очаровывать и соблазнять.

Юная девушка подобна алмазу – твердому, но неинтересному камешку. С возрастом алмаз подвергается огранке и лишь после тридцати засверкает бриллиантом...

– Что ты на меня так смотришь? – пробормотала Елена, подлачиваясь.

– Любуюсь. Ты у меня красавица...

– Да, красавица я... – довольно сказала женщина. – А ну, хватит валяться! Нам пора.

– Негодница...

– Годница!

Одевшись, возлюбленная пара подхватила факелы и продолжила свой путь.

Впереди, за извилистым коридором, открылась малая комната – кубикула. При входе в нее коридор заканчивался добротными арками, сложенными из камней. Арки шли одна за другой, проводя в рукотворную пещерку с полками для саркофагов и парой новеньких икон. Со стен глядели святые в тогах. Олег не старался разобраться, кто именно был отмечен нимбом, – всё равно без света росписи не оценить.

Елена вывела Олега под высокую и широкую арку, они поднялись по обтесанным ступеням, миновали, не задерживаясь, анфиладу средних комнат-крипт, одолели еще пару подъемов и очутились в большой капелле, скорее уж зале, чем комнате.

– Теперь уже близко, – сказала Елена.

Последний коридор уходил вверх лестницей. Узкая и очень высокая, похожая на туннель в пирамиде, она трижды выводила на лестничные клетки, освещенные через особые щели в сводчатом потолке, и снова подставляла высокие, вырубленные в камне ступени. И вот она, «омега», знаменующая конец пути! Под маленькую полукруглую арку вела дверь, сколоченная из дубовых плах. Мелиссина осторожно, стараясь не шуметь, отворила толстую створку, низко наклоняясь, изящно выгибая спину, сунулась вовнутрь. Олег протиснулся следом, оказываясь в заброшенной часовенке.

Солнце скрылось за облаками, но и рассеянный свет резал глаза, привыкшие вглядываться во мрак.

– Где это мы? – спросил Сухов, щурясь и прикрываясь рукою.

– За императорскими форумами, – ответила Елена, привставая на цыпочки и доставая с каменной полки свёрток. – Вот, накинь на себя – тут ряса монаха-бенедиктинца.

Олег не стал спорить. Развернув рясу, он встряхнул её, избавляясь от пыли, а после натянул, подвязавшись верёвкой.

– Вылитый монах! – улыбнулась Мелиссина.

Она потянулась руками за его шею, Сухов уже собрался поцеловать жену, но та всего лишь набросила ему на голову капюшон-куколь, скрывавший лицо в тени.

– Ну, всё, пошли!

– К монашкам?

– Обойдёшься! Надо нам добраться до Пинция. Там, в Садах Саллюстия, нас ждут.

– Ага. Ну, до Пинция так до Пинция. Потопали. И они потопали.

Вся северная часть Рима, примыкающая к стенам Аврелиана, была холмиста и со времён Империи засаживалась деревьями. Холм Пинций так и назывался – Холм Садов. Его восточные склоны и северный край Квиринала занимали Сады Саллюстия. Некогда они имели форму обширного овала и были ограждены решётками, но с тех пор минули века – ограды растащили, а платаны, дубы, мирты, кипарисы, пинии разрослись так, что ухоженный парк превратился в настоящий лес.

Пройдя Длинной улицей, Олег с Еленой свернули к зарослям. Крайние дома, стоявшие здесь когда-то, представляли собой многоэтажки-инсулы. Стоило сгореть их балкам и перекрытиям, как стены рухнули, потеряв опору. Остались от инсул оплывшие валы и холмики, заросшие травой. А дальше шумела каштановая роща.

И на Длинной-то улице было малоллюдно, а уж здесь и вовсе простирались пустыри – ни души.

Поплутав, парочка вышла к монументальным воротам, ведущим в Сады Саллюстия. Ажурные кованые решётки давным-давно уж не висели между стройных колонн, а сами колонны были оплетены лозами винограда толщиной в руку. Ступени лестницы покрылись толстым слоем почвы, колючий кустарник поднялся в рост человека – гуляющих не находилось, а садовники повывелись.

Продравшись через молодую поросль, Олег выбрался на старинную алею. Когда-то её обрамляли колонны, несущие своды портика, теперь же почти все они были повалены, как деревья в бурю, и лежали вдоль и поперёк, распавшись на барабаны, вращаясь в землю, покрываясь шапочками мха.

– Как грустно... – выговорила Елена. – Идёшь, будто по мёртвому городу, покинутому жителями...

– Рима больше нет, Алёнка. А куда идти-то?

Обойдя круглый храм с проваленным куполом, сквозь который пробивался кипарис, Елена вывела мужа к купальне на берегу ручья, ранее соединявшего каскад неглубоких прудов. Теперь пруды заилились и пересохли, лишь на берегу ручья чавкала под ногами грязь.

Треснула ветка под неосторожной ногой. Олег напрягся и тут же расслабился, узнавая в выходящем из-за угла купальни человеке Котяна.

– Кого я видат! – заорал печенег, бросаясь к магистру. – Здорово!

– Привет... Не ори, не дома. И дома не ори.

– А-а! – отмахнулся бек. – Тут вокруг как вымерло всё!

Ещё трое парней показались из леса на той стороне ручья.

– Знакомься! Тарвел. Органа. Куверт.

Булгары перешли ручей по бревну и по очереди пожали магистру руку.

– Прошу! – сказал Котян, приглашая всю честную компанию в купальню.

Как ни странно, внутри всё оказалось цело, даже мраморные скамьи в нишах вокруг бассейна, полного опавшей листвы. Олег с Еленой заняли одну скамью, булгары – другую, а Котян устроился на краю бассейна.

– Вопрос, как я понимаю, прост, – прокрихтел бек: – Куды бечь?

– Именно, – кивнул Олег. – За этими садами находятся Номентанские и Соляные ворота... Интересовались уже?

– Хаживали мы туда, хаживали, – покивал Котян. – Вот, Органа к Соляным прогулялся. Органа кивнул.

– Не пройти, – сказал он. – Стража на обеих башнях и у ворот, проверяют каждого. Пропускают не всех, хоть туда, хоть оттуда, – уже две толпы скопилось, снаружи и внутри.

– А если через стену? – предложила несмело Елена.

– Да там высота локтей тридцать! – хмыкнул печенег.

– Тридцать два, – поправил Сухов.

– Не перемахнешь... – вздохнул Органа.

– Не перелезешь... – затанул Тарвел.

– Не одолеешь, – подвёл черту Куверт.

– Можно попробовать ночью, – медленно проговорил Сухов, – на лодке по Тибру. Если они, конечно, цепь не навесили... Ладно, разберёмся. Вы мне лучше вот что скажите: лишний меч найдётся? А то я без оружия, как без штанов!

– Найдём! – кивнул печенег. – У нас их целая связка.

– Пошли, покажешь, – поднялся Олег. Встав, он усмехнулся: – А насчёт того, куды бечь... Вы не забывайте, что в Остии стоит семь наших лодий, а на них человек шестьсот здоровущих верзил! А варяги своих не бросают. Пошли, Котян.

И они пошли.

Глава 18, в которой варяги выступают все за одного

– Мы что, так и будем сидеть? – нервно спросил Пончик. Вскочив, он забежал от мачты до скамьи, занятой хмурым Инегельдом. – Олега, может, убивают вот в эту самую минуту, а мы тут сидим, рассусоливаем! Угу...

– Не мельтеши, – пробурчал князь, – и без тебя тошно.

Александр сделал глубокий вдох, но это не принесло спокойствия. Олег остался прикрывать их уход – и не вернулся. Уже вторые сутки прошли, а его всё нет и нет! И что тут прикажете думать? А вдруг и вправду убили? Ох, не дай бог... Это был его вечный страх – остаться в прошлом одному. Ужас невыразимый! Расстаться с другом – одно, потерять его навсегда – совсем, совсем другое. Расставание предполагает встречу, в крайнем случае – поиски, но, если Олег встретит свою смерть, что тогда? Магистру-то хорошо, у него есть зоста-патрикия, а протоспафарию как быть?

Пончик обвёл глазами причалы Остии, по которым шатались неясные личности – бледные тени в лунном свете, словно призраки. Лодьи стояли в старинной гавани Траяна, сооружённой в форме шестиугольника. Со времён Траяновых порт его имени здорово занесло илом, кое-где даже островки поднялись, травой поросли. Корабли варягов проходили по мелкой воде и причаливали у древнего склада зерна, чиркая по липкому дну киями. Какой-нибудь дромон давно завяз бы тут, а вот лодьи славились малой осадкой, позволявшей им подниматься по рекам и грабить тот же Париж или Лондон.

Зернохранилище потрясало своими объемами и высотой – пятиэтажка будет ниже. Когда-то в гавани Траяна разгружались гигантские ситагоги, доставлявшие хлеб из Египта – чуть ли не двести тысяч пудов за ходку! Те времена прошли безвозвратно, а склад остался. «Господи, о чём он только думает?» – вздохнул Пончик.

– Кончай вздыхать, – тоскливо сказал Инегельд. – Сейчас Ивор со Свеном вернутся и всё расскажут.

– Да я понимаю... – пробормотал Александр.

Он с неприязнью глянул в сторону кормового шатра, где безвылазно просиживал король Италии Гуго Арльский. Король то спал, то жрал, то поднимал крышку заветного сундука и любовно перебирал золотые номисмы.

– Ага! – оживился Боевой Клык. – Кабыть, возвращаются!

Пончик встрепнулся, заоглядывался. Точно – две фигуры, стройная и огромная, возникли за углом зернохранилища, замелькали между колонн.

Первым на борт «Пардуса» поднялся Ивор.

– Сволочь бургундская предала Полутролля, – выцедил он, – Альберих засадил его в тюрьму, но оттуда Олег бежал.

– Ага! – каркнул князь. – Ну хоть не казнили – и то хлеб.

Подошли остальные – Турберн, Стегги, Карл, Тудор, Курт.

– Олег где-то в городе, – пробасил Свен, – знать бы где...

– Сыщем, – уверенно сказал Клык. – Как там, в Риме, вообще?

– Шумят, – коротко описал положение Пожиратель Смерти. – Альберих разошёлся – родную мать в темницу засадил и братца туда же – это который папа римский Иоанн. По городу шайки ходят, в дома вламываются, орут: «Бей бургундов!» – а кто там бургунд, а кто нет, не дознаются особо...

– Мы по этому... – вступил Свен. – Ну, где вода течёт...

– По акведуку, – подсказал Пончик.

– Во-во! По этому самому пробрались в город, в какие-то термы спустились, пошарахались везде... Вот.

– Может, и нам тем же путём? – осторожно спросил Тудор отца.

Инегельд покачал головой.

– Не выйдет, – сказал он. – Мы же не знаем, где Олега искать.

– Да и не просто это – по акведуку, – уточнил Ивор. – Мы столько ждали, пока стража подальше отойдёт, что ноги занемели.

– Надо Рим приступом брать! – рубанул Инегельд. – Как Неаполь! Хватит с ними чикаться!

– Дело говоришь, князюшка! – ухмыльнулся Железнобокий.

– Поддерживаю и одобряю, – сказал Пончик. – Пока там Гуго правил, надо было закон блюсти и о пользе императору думать, а теперь там засел наш общий враг! Угу... Только вот опасная это затея... Рим – большой. Угу...

Инегельд покровительственно похлопал протоспафария по плечу.

– Не бойсь, – пророкотал он, – сдюжим. В этом Риме домов больше, чем людей! И людишки-то – тьфу! Мелочь одна! Значит, так. Ты, Карл, остаёшься тут за меня, будешь короля стеречь и лодью.

– Ладно уж... – проворчал Вилобородый.

– «Пардуса» оставим, – развивал мысль Боевой Клык, – и «Вия» тож. Пойдём на пяти лодьях – полтыщи народу хватит, чтобы Альбериха запужать до усрачки!

Варяги загоготали и принялись деятельно готовиться. Пончик, малознакомый с бытиём варангов, удивлялся – он ожидал, что князь всё подробно растолкует, даст цэ-у отдельно каждому ярлу, а тут – раз-два, и готово! Хотя, в принципе, чего слова зря переводить, время на многоглаголанье тратить? Варяги – мужики опытные, тут новичков нету, и всяк знает свой манёвр.

– Пошли, Пончик, – сказал князь, перешагивая на трап, – двинем на «Финисте»!

– Угу...

Александр перебрался на каменную лестницу, спускавшуюся к воде. В нижние ступени были вмонтированы тяжёлые бронзовые кольца, к которым и привязывали корабли. А вот и «Финист» – вместе с Пончиком на борт лодьи поднялось ещё человек двадцать, похохатывая и перешучиваясь, – варяги радовались грядущему штурму. Шурика близящиеся бои пугали, но было и облегчение – наконец-то что-то сдвинулось с мёртвой точки, началось дело – воины, друзья и побратимы,плыли вызволять своего командира.

– Вёсла на воду! Па-ашли!..

Пять лодий, одна за другой, проследовали по широкому каналу. Лет пятьсот назад над ним смыкались арки гигантских мостов, ныне от них остались лишь груды каменных обломков на обоих берегах, закованных в гранитные плиты.

Выйдя в море и обогнув спящую Остию, лодьи вошли в устье Тибра.

– Летом тут не пройти, – сказал Турберн, правя рулевым веслом, – мелка река и наносов много – завязнешь легко. А нынче, чай, снега тают, воды внешние шуруют нам в

помощь. Ага! А вот и ветерок подул. Не оставляют нас боги своим попечением!

– Поднять паруса! – отдал команду Вуефаст Дорога.

Бело-синее полосатое ветрило захлопало, расправляясь, и вот выгнулось, вобрало ветер, понесло лодью, заставляя скрипеть мачту и звенеть натянутые снасти.

«Финист» шёл в середине, впереди раздували красно-белые паруса «Семаргл» Веремуда Высокого и «Лембой» Рулава Счастливого. За «Финистом» следовал «Морской змей», принадлежавший Олаву Лесорубу, а замыкал строй «Зилант», новенькая лодья Либиара Лысого.

Акила Длинный Меч перемигнулся с Инегельдом, прочистил горло и запел красивым, сильным голосом. Это была не боевая песня, где лютость мешалась с тоскою, а радостный гимн Яриле, весеннему богу, будящему всё живое после очарованного зимнего сна, зовущему траву зеленеть, цветы – распускаться, а девушек готовиться к поре любви.

Травень-май в Риме варяги опознали по-своему: лето пришло! Над Вечным городом стояла теплынь, буйно цвели жасмин и олеандр, а беломраморные колоннады на фоне пышной зелени уже как бы и не являли собой примету разрухи. Рим все еще сохранял следы былого величия, а что холмы его обезлюдели, так это даже и к лучшему: меньше толкотни...

... А песня Акилы всё лилась, всё ширилась, новые голоса подхватывали протяжный напев. Пончик увидел под нижней кромкой паруса римские башни и стены, едва обозначенные огонёчками костров, но страх не проник в его сердце – языческая хвалебная песнь прогнала темень с души, поселяя в ней радостную надежду и шальные желания.

– Париж брал, – стал загибать пальцы Вуефаст Дорога, – Лондон брал, Йорк брал, Руан, Баку, Абесгун, Ингельхайм... Рим не брал.

– Ну так пошли, и возьмём! – захохотал Инегельд. Лёгко выхватив меч, он простёр клинок, указуя на Вечный город, и рявкнул: – На Рим!

Глава 19, в которой Олег действует один за всех

Ночь прошла спокойно – к Садам Саллюстия не долетали крики перевозбуждённых римлян, отыскивавших «бургундов», назначенных врагами, или самих несчастных «врагов», отбивавшихся от желающих их ограбить или убить. Неясные шумы, доносившиеся с холмов Рима, гасились чащами деревьев. Куда слышней были птичьи трели, уханье сов, шорохи мелкой лесной живности.

Заночевали в купальне. Вместо перин Олег постелил охапки веток и вороха опавших листьев, простыней послужил плащ Котяна.

Сухов спал чутко, держа под рукой древний римский меч-гладиус – недавний трофей печенега.

Где-то под утро он проснулся и замер, прислушиваясь. Показалось ему, что ли? Да нет, вот опять – вроде стонет кто-то.

Приподнявшись на локте, Олег встретился глазами с Котяном.

– Слышал? – проговорил он одними губами.

Бек кивнул и показал пальцами: сходим, посмотрим? Сухов кивнул и неслышно поднялся, вооружаясь мечом.

Едва начинало светать, небо в восточной стороне неясно серело. Деревья поднимались чернеющими колоннадами, ещё больше нагнетая тьму. Олег прислушался, уловил стон и двинулся на звук.

Слух привёл его к прогалу меж двух столетних платанов – прямо на выступавших корнях лежал человек в рваной накидке, руку и ногу его покрывала корочка засохшей крови.

– Потасили, – шепнул Сухов.

Находка раздражала его, первая медицинская помощь жертвам переворота не входила в планы. Но не бросать же, в самом деле.

В купальне, при свете маленького костерка, разведённого Еленой, Олег получше

рассмотрел раненого. Это был мужчина в годах, коренастый и небритый, с короткими кривыми ногами и шапкой пепельных волос. Дряблые мешки под блестящими черными глазами придавали ему скорбный вид сенбернара, потерявшего любимого хозяина.

– Кто ты такой? – прямо спросил печенег.

– Камилл моё имя... – проговорил спасённый слабым голосом. – А вы кто?

– Тебя кто подстрелил?

– Головорезы этого выученика Сатаны...

– Альбериха?

– Его...

– Тогда вы у друзей, – заключил Олег. – Мы тут тоже от этого выродка спасаемся.

– Вот думаем, как бы Рим на уши поставить, – сказал Котян.

– Или на рога, – добавил Тарвел. – Это уж как получится.

Булгары засмеялись. Из их хохота выделился смех Елены, похожий на звон хрустального колокольчика.

– Рим?! – выпучил глаза Камилл. – Это что, шутка такая?

– Да нет, – сказала Мелиссина, ловко обрабатывая ему рану, – мы серьёзно.

Камилл настороженно оглядел лица окружающих.

– Сила нужна, – опасливо сказал он. – И власть немалая.

– Сила скоро придёт, – проговорил Котян значительно, – а власть... – печенег указал на Сухова. – Перед тобой имперский магистр, спаситель короля Гуго и разоритель Неаполя!

– Бек! – нахмурился Олег. – Болтаешь много.

– Да ладно! – отмахнулся Котян. – Ему тут ещё денька два отлёживаться, кто узнает? А потом подойдёт флот...

– Вы – магистр?! – вытаращился Камилл.

– Магистр, магистр... Тарвел, подогрел бы вина, что ли. Не поедим, так хоть согреемся.

– Уже!

Булгарин снял с костерка кувшин с парящим вином.

– Пейте неразбавленным! – ухмыльнулся он, подавая сосуд Сухову.

Магистр сделал несколько хороших глотков и передал кувшин Елене. Женщина отпила слегка и, поддерживая голову Камилла, угостила его.

– Не знаю, – пробормотал тот, отпыхиваясь, – умно я поступаю или глупо, но открою вам тайну... – выждав паузу, он торжественно заявил: – Я – егошуйт!

– Его... кто? – не разобрал Котян.

– Егошуйт! Еретики мы, гонимые, нас с полтыщи наберётся по всему Риму.

– Можно полюбопытствовать? – спросил Олег старикана. – В каком вы сани?

– Я епископ, – мягко улыбнулся отец Камилл. – Но обошелся без папского рукоположения. Наша община избирает духовное начальство поднятием руки, как и восемьсот лет тому назад. Помогают мне пресвитеры и субдиаконы, диаконы и диакониссы. Мы вместе молимся и вместе трудимся, а по воскресеньям собираемся на общие трапезы-агапы, где я раздаю хлеб, преломленный диаконами...

– Папа, конечно, числит егошуйтов в еретиках?

– О, мы многожды погрязли в ересях... – усмехнулся отец Камилл. – По его, разумеется, мнению! Егошуйты, например, согласны с Оригеном в том, что ад не может быть вечным. Бесконечная длительность осуждения зла противоречит всемогуществу Бога... Мы также придерживаемся учения монаха Пелагия, отрицавшего первородный грех. А раз не было грехопадения, то и люди не отягощены виною. Следовательно, крещение не искупает грех первородства, оно лишь приобщает верующего к жизни общины, к вступлению на путь добрых дел.

А вот Августину всё человечество представляется совокупно ответственным за грехи Адама, в силу как бы органической порочности, что передаётся от отца к сыну через зачатие. И, стало быть, даже для семейного человека плотское желание есть похоть неуёмно греховная...

– Августин был больным человеком, – вставил Олег, – с искривленной психикой.

– Верно, но сколько ж его концепции спровоцировали человеческих катастроф, мучений и горя! А посему егошуйты против учения Августина, этого «отца церкви». Зато мы разделяем воззрения священника Ария, верно понявшего неравносущность Бога и Иисуса. Егошуа Назорей был рожден человеком, в том и сокрыто величие жизни Его, что Бог дал воскреснуть Ему! В том пример людям! Истинно говорю вам – нет смысла в том, чтобы провозглашать Егошуа сыном Бога. Ведь такое утверждение сразу умаляет подвиг Его жизни и удаляет момент чуда! Где ж удивительное в том, что Сын Божий воскрес?! У него ж божественная природа, для Сына Божия Воскресение так же обычно, как для нас – пробуждение ото сна... – Ослабев от говорения, отец Камилл передохнул, хрипло дыша и облизывая губы, а после продолжил: – Егошуйты согласны и с выводами епископа Нестория, утверждавшего, что Мария не может быть почитаема как «Матерь Божья», ибо она есть всего лишь «мать Христа», смертного, как и все другие... И не мы ли по праву можем называться христианами? Ведь мы, и только мы исповедуем те начала веры, за кои принимали смерть великомученики и святые в правление Нерона! Потому и обрушиваются на нас гонения, что вера наша еретическая – только не в ругательном смысле, а в первоначальном, ведь *haïresis* – это «особые вероучения»... От них и родится истина!

На этом месте отец Камилл закричал в совершеннейшем смущении.

– Ох, простите ради бога! – сказал он, прикладывая к сердцу пятерню. – Увлёкся!

– Блаженны увлечённые! – ухмыльнулся Олег.

– А я лишний раз уверился в том, – торжественно сказал отец Камилл, – что встретил вас единственно Божьим наущением! – Он неуверенно осмотрелся и понизил голос: – Скажите, Олег, а велик ли флот ваш?

– Семь больших кораблей и тысяча бойцов. Ну, не полная тысяча, поменьше, но зато воины – лучшие, какие только есть.

– Ничего себе... – проговорил отец Камилл и подался к Олегу. – Тогда помогите нам! Что хотите, берите, но поспособствуйте сохранению общины! Сил наших больше нет эту муку терпеть! Мы ж ничего такого не просим, только дайте нам жить спокойно. Не дают!

Олег подумал.

– Вот что, – сказал он. – Варяги – это не добренькие дяденьки, что поддерживают слабых и убогих, они – воины. Хотите, чтобы варяги вам помогли? Отлично. Тогда помогите им!

– А как же! – радостно вытаращился отец Камилл. – Поможем! Обязательно поможем! Людьми, делами, всем!

Сухов задумчиво почесал в затылке. У него не пропадала надежда на приход друзей, но можно ли было рассчитывать на это? В любом случае, даже если Инегельд приведёт дружины под стены Рима, скольких ярлы недосчитаются после атаки? А вот если подсобить своим изнутри, с помощью егошуйтов, составив из них «пятую колонну»... Это же совсем другое дело!

Олегу всегда претило числиться в спасаемых, он не терпел быть тем, кому оказывают помощь и поддержку, ибо это ставило его в унижительное положение слабого. Но если использовать егошуйтов... Да, да, именно использовать! Биться с Альберихом за этих еретиков он не станет, а варяги – тем более, но вот утешить этого «государя всех римлян» было бы полезно.

– Хорошо, отче, – сказал Сухов, – я согласен. Вы где проживаете в этом граде греха?

– На Эсквилине, сыне.

– Будете показывать дорогу.

Олег накинуд рясу и опустил капюшон. Тарвел с Котяном устроили носилки из пары копий и потащили на них увесистого Камилла, а Органа с Кувертом были на подхвате.

Продравшись через заросли, беглецы, ставшие заговорщиками, выбрались на Длинную улицу, с неё поднялись на Альта Семита – «Высокую тропу», проходившую по гребню Квиринала. Здесь они застали приметку смутного времени – горел большой трёхэтажный дом.

Простояв столетия, он лишь обветшал, но людское недомыслие погубило его в одночасье.

Балки и перегородки полыхали, как дрова в печи. Пламя с грозным гулом вырывалось из всех окон, закручивалось языками в прорехи черепичной крыши. Вот кровля зашевелилась – и провалилась внутрь. С грохотом пошли рушиться перекрытия – в небеса поднялся копотный «гриб» из искр и дыма. Стены простояли недолго – стали складываться и валиться, этаж за этажом.

– Прах к праху, – пробормотал Котян и воскликнул: – О, смотрите! Носилки!

Действительно, неподалёку от пожарища лежал перевёрнутый паланкин. Шторки с него были содраны, а рядом лежал, раскинув руки, бывший хозяин паланкина – раздетый догола и со множеством ран и увечий.

– Пересадка, отец Камилл! – весело сказал Олег.

Усадив егошунта на подушки, болгары с Котяном легко подняли и понесли носилки-октофорон. Олег с Еленой, как особы духовного звания, пошли позади в смирении перед суетой сует и всяческой суетой.

Шли долго – через Квиринал наискосок, с Квиринала на Эсквилин – пока не добрались до района уцелевших многоэтажек-инсул, римских трущоб, весьма похожих на константинопольские.

– Сюда, – сказал отец Камилл, указывая на арку сумрачного подъезда облупленной пятиэтажки.

Слово «инсула» означает «остров». Каменная громада, словно мрачный утес, занимала целый квартал, окруженная узкими, забытыми, что такое солнце, улочками-щелями – двум всадникам не разъехаться. Редко кто из обитателей этого многоэтажного барака работал. Раньше в инсуле снимали квартирки нищие плебеи, требуя «хлеба и зрелищ», выпрашивая подачки у патрициев. Теперь каморы заселены такими же тунеядцами, только с крестиками на шеях. Эта тупая, серая масса всю свою жизнь маялась от безделья, дожидаясь первого числа каждого месяца, когда из церковных амбаров-горрей выдавались еда, вино, одежда и деньги.

Олег следом за носильщиками вошёл во двор-атриум, голый – ни травинки, загаженный людьми и собаками, но с побитой чашей фонтана, давным-давно пересохшего. По всем четырем стенам шли наружные лестницы, частично каменные, частично деревянные. Они вели на галереи, откуда уже можно было попасть в квартиры. Ну а параллельно лестницам тянулись желоба, по коим стекали нечистоты.

Пришлось подниматься аж на четвертый этаж. Носилки бросили во дворе, и болгары потащили отца Камилла на руках. Олег шёл, страхуя Мелиссину. В некоторые из квартир вели дощатые двери, но частенько вход прикрывался истрёпанной суконкой – а чего красть-то?

Отец Камилл, не слезая с крепких рук Тарвела и Органы, толкнул крайнюю дверь на ветхой галерее, пропустил всех внутрь, а потом позволил занести себя самого. Котян огляделся и запер дубовую створку на засов.

Миновав «гостиную» три на два метра, Олег попал в каморку, которая – единственная во всей квартире – имела окно. Запираемое на ночь щелястой ставней, окошко выходило на глухую стену соседней инсулы.

– Добрались-таки... – врасстяжку, дребезжащим тенорком сказал отец Камилл и позвал: – Теобальдо! Ротильда! Годефредо! Умберто! Не бойтесь, выходите!

Из дверей соседней комнатухи неуверенно показался черноусый юноша, за ним проскользнули бледная рыжеволосая девушка и еще два парня деревенской наружности – коренастые, крепкие, добродушные.

Кивнув вошедшим, отчего те сразу заулыбались и расслабились, Олег сосредоточился на деле.

– Так сколько вас в Риме, егошунтов? – спросил он.

– Священнослужителей и церковнослужителей мало совсем, – с готовностью ответил отец Камилл. – Приверженцев множество, но верных и надежных наберется сотни три от

силы...

– А оружие сможете достать?

– Оружие? – усмехнулся егошуйт. – Да все мы оружны. Жизнь такая!

– Тогда вот что, – деловито сказал Олег. – Одно дело, когда город берётся штурмом, и совсем другое, когда его ворота открываются, спасая кучу жизней. Так вот... Корабли наши могут пройти в Рим по Тибру, но река наверняка перегорожена цепью...

– Да, это так, – подтвердил отец Камилл.

– Следовательно, нам нужно цепь эту снять, перебить стражу на башнях, что стоят у берегов, и пропустить лодьи.

Отец Камилл заёрзал, волнуясь и переплетая пальцы рук.

– Многие погибнут... – слабо возразил он, словно перебарывая сильнейшее желание голосовать за Олегов план двумя руками.

– Погибнут, – подтвердил Сухов. – И меня могут подстрелить, и вы не бессмертны, отче... Ну и что? Вас же всё равно изведут! Так уж лучше в бою пасть, чем на костре. Хуже уже не будет, отец Камилл, а вот лучше – очень даже может быть!

Молодые егошуйты радостно переглянулись, а старый долго думал. Отец Камилл всё вздыхал, всё смотрел в окно на облешшую стену дома напротив. Внезапно встрепенувшись, он повернул голову к магистру.

– По воле своей, данной мне людьми, – торжественно начал он, – и освященной Господом нашим, принимаю власть твою, Олег, над собою и над возлюбленными чадами моими. Веди агнцев на псов лжехристианских, будь милосерд и справедлив, и да свершится воля Его!

Сбор Сухов назначил в Большом цирке. Занявший естественную ложбину в Мурсийской долине, Циркус максимус⁶⁰ вытянулся удлинённым амфитеатром меж Палатином и Авентином. От арены, обнесённой парапетом-подиумом в три человеческих роста, множились ряды нарезанных ступеней, служивших скамьями, круто восходя к аркадам портика на самом верху. С востока цирк, как и положено, закруглялся, а с запада был отрезан оппидумом – площадкой с местами для знати. Оппидум поддерживали тринадцать арок, под средней открывались Парадные ворота, под другими когда-то держали колесницы и ждали своего выхода гладиаторы.

Пятьсот зим минуло со времени последних боев – идущие на смерть уже не режут «Ave, Caesar!», арена заросла травой, а на оппидуме уже и кустики с деревцами принялись. Запустел, запаршивел Циркус максимус. Лишь мальчишки порою забегают через колоннаду Триумфальных ворот, играют в ретиариев и мурмиллонов и, по совместительству, пасут коз на арене.

Но в этот вечер сотни две приглушенных басов, теноров и фальцетов оглашали цирк, возвращая прошедшее, эхом отражаясь от щербатых портиков, окаймлявших амфитеатр. С Палатина нависали полуразграбленные дворцы, словно заглядывая за стены цирка, но дозорные чутко бдили. Почти двести пятьдесят егошуйтов со всего Рима собрались на арене, а люди все подходили и подходили – кто с мечом, кто со скромным скрамасаксом, а кто и с полным комплектом доспехов. В кожаных сумах и рогожных мешках угрожающе позвякивало и ползгивало. Пришли и те из егошуйтов, кого община направила служить в папскую гвардию и в преторскую стражу. Эти как раз и стояли в дозоре, карауля подходы к цирку и дежуря у ворот.

Олег поднялся на самый верх, под арки портика, и разглядывал оттуда огромный Циркус максимус. Амфитеатр, округло вздымаясь, заметно уходил в перспективу, едва освещённую полумесяцем. Её подчеркивал так называемый «хребет» – низкий разделительный барьер по оси арены, утыканный столбиками-метами, определявшими дистанцию во время бегов. И справа, и слева от «хребта» уцелели колонны, поставленные

⁶⁰ Циркус максимус (лат.) – Большой цирк.

«для красоты», да обломанные постаменты статуй, а посередине вздымался обелиск, с великими трудами вывезенный из Египта. Вдоль парапета, оберегавшего зрителей от диких зверей, терзавших христиан в правление Нерона, когда-то параллельно тянулись ров с водой и железная решетка, но ров давно уж усох, а решетку растащили на хозяйственные нужды.

Стоял поздний вечер. Багровый закат дотлевал за Яникульским холмом, и Альбанская гора, с вершины которой еще не сошел весь снег, больше не отсвечивала пурпуром, а все больше таяла в синем накате ночи.

Олег прогулялся вдоль портика, поглядывая на чернеющие громады Палатина, и спустился на оппидум. У парапета, не слезая с «трофейных» носилок, сидел отец Камилл.

– Начнём? – спросил его Олег. – Негоже мариновать людей.

– Да, – вздохнул епископ и вымученно улыбнулся: – Боюсь очень...

– Это нормально, отче... Мы же все живые.

Он приказал зажечь факел. Трепещущий свет выделил фигуру Олега и словно затемнил цирк. Оживление на трибунах и арене доносилось словно ниоткуда.

– Братья и дети мои! – поднял руку отец Камилл и словно подросток. – Мы все попрощались с родными и любимыми. Мы уже оплаканы, ибо кто-то из нас этой ночью узрит Христа. А поведет наше войско человек с далекого Севера, уже бравший великие грады. Звать его не по-нашему – Олегом, но он, как и мы, исповедует божественное учение любви, справедливости и милосердия! *Hic est!*⁶¹

В толпе, скрытой густыми сумерками, родился сдержанный шум. Олег шагнул к парапету и опустил на него руки. Факел светил за спиной, и Олег стал лучше видеть, даже разбирал отдельные человеческие фигуры. Он стоял, спокоен и непринуждён, и молчал. На людей Олег не смотрел, его взгляд был устремлен куда-то на дальние трибуны, к фронтону Триумфальных ворот. Тишина настала абсолютная – даже чьё-то покашливание воспринималось как гром. Выдержав ровно минуту, Олег сделал вдох и грянул:

– Велик Рим! Высоки башни его! Крепки стены Аврелиана! Но разве нам придется брать их штурмом? Мы уже внутри их, и город сей – наш!

Толпа загудела одобрительно.

– Но помните, – продолжал Олег, – я поведу вас в бой не затем, чтобы вы отдали свои жизни, а затем, чтобы вы причиняли смерть нашим общим врагам! За вас молятся ваши родные, ваши любимые! Не лишайте их счастья увидеть вас завтра утром – живых и здоровых! Не доставьте им горя! Да не станут дети ваши сиротами, а жены – вдовами! И помните: завтра утром вы подарите тем, кого любите, свободу! Есть ли дар, желанней этого? Страхи и тревоги покинут вас, вы будете спокойно спать по ночам, не боясь, что за вами явятся и уведут на пытку и казнь! Вы будете спокойно делать свою работу, молиться, не таясь, и открыто трапезничать на агапах! Все это исполнится, если мы одержим победу и впустим корабли в город! Нас мало, но вера удесятрит наши силы! Ибо исполнилась мера и настал час! Город злодеяний и разврата, новый сей Вавилон, дождался очищения! Он ждет нас! Вперёд! Вам я говорю: вы – победители! Се грядет Господь покорить город злодейств, гнета и нечестия! И вы – воинство Его! Так будь же славен в велениях своих, Боже, наказывающий нам побеждать! Осанна!

Толпа коленопреклонённых или воздевающих руки кверху исполнилась торжественности и глубокого волнения. Мерцающий свет факела отражался в белках заведенных глаз, одни, привстав на колени, пели, другие с жаром повторяли имя Христово, иные ударяли себя в грудь, как те первые братья по вере, несущие благую весть миру. С разных сторон возглашали:

– Осанна!

– Во имя Христа!

– Мы овцы твои, Олег, паси нас!

⁶¹ *Hic est!* (Лат.) – Вот он!

- Слава в вышних Богу!
- Иисусе, Иисусе, Иисусе!
- Верую! Верую! Верую!
- Слава Христу!
- Веди нас, Олег!

Сухов, и сам взволнованный своими речениями, задумался на минутку: а исполнится ли мечтание? Сбудется ли то, что он так красочно обещал? Не обманывает ли он этих людей ради своих выгод? Пожалуй, нет. В будущем он ни разу не слышал ни о каких егошуитах. Видно, всех извели. Но пусть они хоть раз ощутят свою силу, пусть познают хмельной вкус победы!

Рим спал. Спали в нищем Эсквiline, спали в богатеньких Каринах. Босяк-пролетарий дрых в своей каморке на куче тряпья. Папа Лев похрапывал в покоях Латеранского дворца на золоченой кровати, под балдахин, изукрашенным ангелами и херувимами. Спал торговец в комнатухе позади своей лавчонки. Провальным сном спал усталый подёнщик. Дремал стражник у Капенских ворот, то пялясь сонно на веретена кипарисов, облитые лунным светом, то вновь роняя голову на грудь.

Не спали только в семьях егошуитов. В бедных халупах и в крепких домах одинаково горели самодельные свечи, и женщины, кутаясь в одеяла, шептали молитвы, вознося Богу одну просьбу – отвести смерть от мужа, отца, брата, жениха, сына...

Две полные сотни и одна полусотня шагали, удалясь от Большого цирка, бесшумно и грозно ступая во тьме ночи. Луна высекала блики на лезвиях мечей и топоров, неясно посверкивала на шлемах, выбеливала лица – суровые и жесткие, неуверенные и бодрящиеся, торжественные и просветленные.

Луна чернила стены и серебрила плоские крыши, холодным душем отражённого света поливала прилизанные кипарисы и взлохмаченные пинии, купалась в Тибре, разрезаемая тенями мостов, пересчитывала зубцы крепостных башен, загибая лучи, словно пальцы, фосфорическим сиянием скрывала мерзости и красоты, днем выставляемые напоказ.

Олег терпеливо прохаживался под портиком Эмпория, переходя из тени колонн в полосы лунного серебра. Отсюда были хорошо видны могучие башни, зажимавшие Тибр. В их бойницах мерцали огни – солидарии бдили, страшась нашествия.

Начинало светать, когда из полутьмы выбежал тощий парень, зовомый Магиуло, и выдохнул:

– Корабли! По Тибру... идут! Большие! С парусами полосатыми! Пять больших кораблей!

– Мacte!⁶² – хищно улыбнулся Сухов. – Выдвигаемся!

Ночную тишину всколыхнули шорохи и глухие звуки шагов. Ожили многочисленные тени, лунные блики закачались в такт поступи.

– Проверить всё! – приказал магистр и аколит. – До мелочи! Гляньте даже на ремешки сапог – затянuty ли? А то развяжутся, оступитесь, да и откroетесь мечу!

Пыхтение, побряхтывание и притоп озвучили исполнение приказа.

– Тристан! Поведёшь своих на правый берег. По мосту, и сразу на штурм! Рамберто! Твоя задача – спустить цепь. Механизм в подвале правобережной башни, выступаешь за Тристаном. Хамальвин! Ты идёшь со мной, берём левобережную башню. Вперёд, и без криков!

Десяток солидариев, бродящих по набережной у башни, перестреляли из луков.

– Мечи к бою!

Полусотня Хамальвина, рыча от спущенной злобы, ворвалась в башню. В узкие её ходы и подъёмы втиснулось едва два десятка бойцов, но рёв поднялся, как от тысячи. Стальным

⁶² Мacte! (Лат.) – Отлично!

поршнем егошуиты выдавили папских гвардейцев на верхнюю площадку башни – лязг мечей, вопли ярости и боли долетали до земли. С душераздирающим криком парашет перевалил сброшенный гвардеец, следом за ним рухнули сразу трое. Олег напряженно наблюдал за рекой. Толстенная цепь, перегораживающая течение, неожиданно дрогнула. Начала медленно погружаться.

– Macte! – воскликнул Олег.

Первым в виду Эмпория показался «Лембой». Следом двигался «Семаргл», борт к борту шли «Финист» и «Морской змей». Последним подгрёбал «Зилант», не отражая в мутном, полноводном по времени Тибре полосатых парусов. И тишина...

Настороженно молчала судовая рать, ожидая каверз и ловушек. «Что-то здесь не то...» – крутилось в головах варягов, варилось под шлемами недоверие и опаска. Почему опущены цепи, перегораживавшие реку? Почему не свистят стрелы? Не гудят камни? Почему не трубят трубы, а толпа вдоль всей набережной под портиками, под сводами гигантских смоковниц и сикомор стоит – и это было странно, крайне странно! – и тоже молчит?!

В полной тишине лодья Вуефаста Дороги подвалила к причалам Эмпория. Слышен был только слабый плеск весел.

Не в силах сдерживать улыбку, Олег протолкался сквозь толпу егошуитов и вышел на каменный вымол. Из груди его рвалась радость, но горло перехватывало от переизбытка чувств. Сзади подошла и прижалась Елена. Сухов только шумно вздохнул и замахал руками.

Сразу же после этого дикий рёв узнавания огласил палубы кораблей. Сотни мечей вскинулись над бортами и неистово забили о щиты.

Толпа на берегу заволновалась, загомонила, почтительно отступая в тень колоннад. Только несколько обнажённых по пояс мускулистых парней остались, чтобы принять швартовы и ловко накрутить их на причальные тумбы.

Ещё не спустили сходни, а варяги уже сигали через борт на каменные плиты. И только теперь Олег понял, как он соскучился по этим бесхитростным, прямодушным мужикам – по медведю Свену, по хитрюге Хурте, по мужиковатому Инегельду, по «дедуське» Железнобокому. По всем!

– Олег! – орал Пончик, неистово махая руками.

Боевой Клык опередил протоспафария, облапив магистра, потискав дружески – так, что у Олега кости затрещали, и сказал:

– Ну, как ты тут без нас? Не отошшал? – Заметив мило улыбавшуюся Елену, он остоленел и еле выговорил: – Ну у вас и семеечка... А это кто такие?

– Егошуиты, князь. Наши союзники. Считай, что это ополчение.

– Да уж вижу, что не войско... – проворчал Клык. – Ну и что тут интересного, в Риме?

– Вот Эмпорий, тут купцы местные товары свои хранят. Выше по склону – Авентин, там одни нищие, не стоит и соваться, а выше по течению – Бычий форум. Можешь с него начать. За ним увидишь холм, называется Палатин. Там сплошные особняки.

– Ага! – сказал Инегельд. – Вуефаст! Веремуд! Либиар! Двигаем по реке вверх!

– Магиуло! – позвал Олег. – Хамальвин! Ступайте следом. Клык! Погоди, я с тобой...

Город Святого Петра спал и не ведал, что язычники и еретики стали хозяевами на его улицах – варяги покидали лодьи, строились и тяжело печатали шаг, забираясь на холмы города. Альберих не сплеховал – сразу бросил в бой почти тысячу солидариев и папских гвардейцев. Первую сотню римского воинства варяги перемололи на Бычьем форуме – два «клина» врезались в толпу гвардейцев, раскололи её, окружили и порубили, даже не запыхавшись. Прочая гвардия, поняв, с кем связалась, попросту разбежалась.

Олег повёл свою сотню на штурм Палатина – Магиуло донёс, что во Дворце Флавиев, древней резиденции римских императоров, есть жизнь. Там же находилась Камера апостолика – казна папы римского.

Месяц на небе начал бледнеть, а небо за Альбанской горой – светлеть, когда варяги

Сухова – дружина Олава Лесоруба в полном составе, усиленная полусотней Магиуло, – вышла к бывшему парку Дворца Флавиев, деревья которого давно были пережжены на уголь. Одни пеньки виднелись между портиков.

– Ивор, – позвал Олег. – Скажи там, чтобы баллисты ставили. Пора.

– А молодец Турберн, – улыбнулся Пожиратель Смерти. – Я его, помнится, ругал, чтобы не загромождал палубу своими «баллисточками». А старый упёрся, и ни в какую! Гляди-ка,годились!

– А то!

– Баллисты ставить! – тихо отдал команду Ивор. – Там и там!

– Заряжать свинцовыми шариками и «блямбочками»! – добавил Сухов.

Вернулись разведчики и доложили, что стража вся на площади, там горят костры и, по всей видимости, идет попойка.

– Готово? Пускай!

Взвизгнули упругие элементы. Баллисты подпрыгнули, устраивая стражникам убийственные «осадки».

Полусотню Магиуло Олег оставил в саду, куда выходила галерея дворца, а остальных разделил надвое и повел в обход, со стороны криптопортиков, обнимавших дворцовую площадь.

– Вперёд!

Двумя потоками – огибая боковой криптопортик и по улице Аполлона – варяги высыпали на дворцовую площадь. В свете костров был виден высокий свод арки главных ворот, над которой будто приплясывала в свете костров четвёрка коней работы Лисиппа и пошевеливались бронзовые возницы – невесть как убережённые Аполлон и Диана.

Дворцовая площадь была окаймлена колоннадой из желтого нумидийского мрамора. Бросался в глаза сухой фонтан и мёртвые тела.

– Десяток Акуна – налево! Десяток Вузлева – направо! Остальные – за мной!

Расчёт Олега оказался верен – обрушившийся свинцовый град перепугал стражу до полной потери себя. Побросав оружие, дозорные бегали по дворцу, подвывая от ужаса и сшибая с ног разбуженных священников. Егошуиты ворвались внутрь, как хорьки в курятник.

– Heu, heu, me miserum!⁶³ – неслоь из покоев.

– Habet! – слышалось в ответ. – Peractum est!⁶⁴

Олег во главе полусотни вбежал в роскошный триклиний – обширную трапезную, разделенную на две части шестью колоннами тиволийского мрамора. Драгоценная мозаика на полу изображала полубогов и полулюдей. В глубине зала за колоннадой стоял круглый стол из мрамора, а вокруг него разместились высокие бронзовые ложа, аккуратно уложенные пуховыми подушками в пурпурных наволочках.

Лампы из алебаstra и позолоченной коринфской бронзы были потушены, но запах ароматного нарта еще витал в воздухе.

– Хорошо папы устроились! – сказал Ивор с неприязнью.

– Да уж... – Олег покачал в руке гладиус и вытянул клинок, указывая на двери, облицованные перламутром. – Туда!

Косяки дверей выглядели скромнее – их покрывала всего лишь черепаховая кость. Триклиний сообщался с внутренним двором-перистилем, окружавшим квадратный бассейн с фонтаном в центре.

Фонтан не работал, но бассейн был полон дождевой воды, проливавшейся в ненастье через отверстие в крыше, ныне затянутое пурпурно-красным сукном по причине ночных

⁶³ Heu, heu, me miserum! (Лат.) – Горе, горе мне, несчастному!

⁶⁴ Habet! Peractum est! (Лат.) – Получи! Готов!

холодов.

Пройдя вдоль колоннады, Олег свернул в боковой покой и столкнулся с церковником в лиловой рясе. Бледное лицо было перекошено страхом и непониманием. Посиневшие губы громко, но сбивчиво выпевали градуал «Sederunt»:

Adjuva me, Domine,
Deus meus salvum me
Fac propter magnam misericordiam tuam!..

Олег схватил аббата за плечи и грубо встряхнул.

– Сальватор! – рявкнул он. – Очнись!

Встряска подействовала. Зрочки во всю радужку, исполненные безумия, заблестели узнаванием.

– Оле-легариус, – залепетал Сальватор. – День суда!.. Се грядет! Звезды градом сыплются на землю, се разверзает она бездны свои, и мёртвые восстают, а Господь грядет среди звуков трубных и сонмов ангельских, среди громов и молний!

– Да опомнись ты, изувер хренов! Партитуру для труб Страшного суда еще не сочинили, успокойся! Я это все устроил! Я!

– Искупитель... – заскулил Сальватор. – Смилуйся!

Олег толкнул аббата на мраморную скамью и дал глотнуть крепкого вина из фляжки.

– Пей! Очень, говорят, способствует... Сальватор поперхнулся, закашлялся, но, отдышавшись, вернул себя.

– Это ты?! – прокаркал он.

– Я, я... А ты бы поменьше Апокалипсисы читал, а то так чокнешься скоро!

Аббат засверкал глазками.

– Камера апостолика где? – ласково спросил Олег. Глазки Сальватора забежали.

– Там почти что и нет ничего, – заюлил он. – Так, мелочь одна...

– Веди, – приказал Сухов, – а не то падёшь смертью храбрых!

...Утром, когда алое солнце поднялось над горами, наливаясь слепящей белизной, варяги покинули Палатин. Воины Вуефаста Дороги и болгары Курта Дулата вернулись из Леонина, что в заречье, за Тибром.

А в разгар утра явились послы от Альбериха – перепуганные бургунды во главе с маркизом Пандульфом предложили варягам выкуп, лишь бы те убрались поскорее.

– Как мыслишь, князь? – спросил Олег Инегельда.

– Да мы уже взяли маленько... – ответил Клык добродушно. – Но выкуп лишним не бывает! Пушай тащут.

Альберих не заставил себя ждать. Вскоре по Тибру спустилась маленькая галера, на ней доставили тугие мешочки с серебром. Договор дороже денег – варяги не стали задерживаться. Один за другим русы, аланы, ясы, болгары, савиры поднимались по трапу, и каждый тащил по увесистому мешку, а то и по два. Малютка Свен даже где-то бронзовую Венеру спёр – маленькую, по пояс, но тяжеленную. Котян вернулся с целой поленицей тубусов, в которых хранились скрученные папирусы. Фудри Московский тоже пустой пришёл, но зело довольный и со следами крепких поцелуев на мощной шее.

Около полудня лодьи отчалили от Эмпория. Все жители попрятались, и только римлянки пришли проводить завоевателей их сердец – они стояли и махали веточками жасмина и молодого лавра.

Олег смотрел на них со снисхождением, как человек семейный. Он сидел на корме «Финиста» и обнимал Елену. А потом Акила подмигнул Сухову и завёл такую песню, что Мелиссина покраснела и спрятала лицо на плече у мужа.

– Мне необыкновенно хорошо! – призналась она. – Словно юность вернулась – всё так ярко, так сильно! Понимаю, что в Рим меня отослал враг, тебе на погибель, но я ему всё

равно благодарна. Ах, если бы Господь послал мне дитя... О-о... Я бы утолила тогда все свои желания, я стала бы самой счастливой женщиной на свете!

Олег нежно поцеловал её в шею и прошептал:

– Всё будет хорошо...

Глава 20, в которой Олегу было явлено чудо

Семь варяжских лодий шли морем на север, между островами Тосканского архипелага и материком. Варяги благодушествовали – поход оказался на редкость удачным. Хоронили мало, а вот злата-серебра добыли изрядно и славу воинскую приумножили.

Вёсла сушили согласно настроению – спешить было некуда, свежий ветер поддувал слева в корму, и реи развернули так, чтобы улавливать каждое дуновение, а паруса ещё и распёрли в ширину особыми жердинами. Лодьи шли ходко.

Олег Сухов приготовил Елене укромное местечко на корме «Пардуса», в маленькой треугольной каморке под полуютом, куда вела низкая дверца, но женщина воспротивилась, не пожелав обитать в сырой полутьме, слушая окрики кормщика сверху и шум волн, обтекающих борта.

А вот Гуго Арльскому каюта пришлась по душе – король почти не вылезал оттуда, за исключением тех случаев, когда лодья причаливала к острову, и трубач сзывал желающих отобедать к костру.

Олега беспокоило, как Его Величество отнесётся к появлению на борту Елены, но всё прошло гладко – Гуго был поражён, конечно, но счёл, что магистру просто удалось спасти красавицу-паломницу, вырвав сей ценный трофей из лап презренного Альбериха. Елена Мелиссина не стала убеждать короля...

Уступив изгнанному монарху каюту, женщина устраивалась на полуюте, подстилая себе кипу войлочных кошм и удобно откидываясь в ложбину кормового завитка, изображавшего хвост корабля-дракона. А когда поднималась волна, пересаживалась ближе к мачте, где качка была ощутима менее всего.

Приседая на груды ковров, сложенных у мачты, зоста-патрикия оказывалась в центре внимания – взгляды сотни мужчин устремлялись на неё, – но Елена не смущалась. И не чинилась, не чванилась особо – женщина улыбалась и думала о своём, а иногда пела песни, что выучила за свою беспокойную жизнь. Она тянула заунывные арабские песнопения, протяжные славянские, томные итальянские, пылкие франкские. Варяги слушали – и их твёрдые лица смягчались, а в душах, заветрившихся и огрубевших, начинало щемить.

На третий день пути – лодьи проходили между островом Эльба и побережьем Тосканы – Елена заняла своё обычное место на корме. Турберн, сидевший у руля, поглядывал на неё с умилением. Потом пришёл Пончик, пристроился рядом. Олег, тягавший снасти на пару со Свеном, разгорячился и скинул рубаху, оставшись в одних штанах, сшитых из кожи по варяжской моде – гребцы в таких не скользили в бурю по мокрым скамьям.

– Олег! – крикнул Шурик. – Иди к нам!

Сухов прошёл на корму и занял место в ногах Елены, облокотившись на крутой изгиб борта.

– Мы как на отдыхе, – ухмыльнулся Пончик, – на увеселительной прогулке! Угу...

Елена сидела, выпрямившись и высоко подняв голову, – загорала под солнцем Италии. Её глаза были закрыты, а вся фигура выражала полнейшую безмятежность.

– А я вот всё думаю, – проговорила она, не раскрывая глаз, – знаете о чём? Думаю, как же я попала сюда? Кто послал меня – умный враг или глупый друг? Помнишь, Олег, ты говорил, что это не мог быть патриарх? А может, всё же он?

– Верится с трудом, – пожал плечами Сухов. – Феофилакт слишком глуп. Говорить он умеет, но соображать не способен – в его голове никак не могла родиться идея повлиять на ситуацию в Риме извне так, чтобы развалить порнократию изнутри. Нет, это ему кто-то

«напел», а патриарх подхватил. Вполне вероятно, что он и сам убеждён, будто идея с тайной посланницей пришла к нему естественным путём.

– Допустим, – сказала Мелиссина, открывая глаза. – Допустим, что его подговорил тот самый враг – главарь, которого ты не раскрыл. Как, ты говорил, его прозвище? «Принцепс»?

– Угу, – сказал Олег.

– Не передразнивай, – проворчал Пончик. Елена улыбнулась и продолжила:

– Если «Принцепс» оплодотворил слабый патриарший разум идеей о свержении порнократов, то как он мог знать, что я поступлю именно так, как поступила? И, вообще, какой он смысл закладывал в исполненное мною поручение? Навредить тебе? Ведь «Принцепс» – синклитик, и наверняка знал о планах императора. А вредить Марозии означало принести вред Гуго, следовательно, и базилевсу!

Пончик скорчил рожу, тыкая пальцем в настил – доскать, Гуго под нами. Елена пожалала плечами – мол, плевать я хотела на всяких там королей.

– Наши речи слишком понятны, – предложил Александр, беспокойно ерзая.

– «Принцепс» точно знал, как ты поступишь, – перешёл Олег на язык русов. – Полагаю, он был в курсе всех твоих тайных дел – и просветил о них патриарха, чем привел того в восторг. Правда, Феофилакту далась лишь внешняя сторона, его впечатлил список дворов, при которых ты блистала, а вот «Принцепс» разглядел куда больше – твой характер. Ты дерзка и решительна, любишь опасность, но храбрость твоя разумна – ты не станешь рисковать зря, опыт и знание подскажут тебе неожиданный ход – и ты сделаешь его. Я помню, как встретил тебя во дворце ширваншаха – ты явилась убить князя Халега, сына Ингоря, а по ошибке встретила меня. Благословенная ошибка!

– Перестань, – махнула на него рукой Елена.

– Перестал. Просто я хочу сказать, что твои действия в Риме были достаточно предсказуемы. Тактику посланницы Мелиссины предвидеть было нельзя, но стратегия-то ясна! Центр, ось, опора порнократии – это Марозия, и что бы ты выбрала для решения поставленной задачи? Либо убить Марозию самой, либо убрать её чужими руками. Ты пошла по второму пути – он был интереснее. Подзуживая Альбериха, ты добила своего – сыночек заточил мамулю и брата в темницу.

Однако я уверен – «Принцепс» добивался вовсе не этого. Положение в Риме его не волновало совершенно. Посылая тебя, он вредил мне! Не в силах дотянуться до магистра и аколита, он желал посредством зоста-патрикии нанести ему, то есть мне, удар в спину. Как? А вот тут выбор велик. Представим, что ты сама решила зарезать Марозию. Тебе это удалось, но тебя схватили и отдали палачу... Впрочем, стоит ли зря тратиться на пытки? Можно было и подсказать, кому положено, кто ты. И что будет делать Гуго, узнав, что его жена убита супругой человека, желающего заключить союз от имени императора? Постарается этого человека извести, верно? А то, что при этом пострадает империя, «Принцепсу» безразлично. Ему это только на руку – чем хуже для империи, тем лучше для него.

– Убить тебя не легко, – убеждённо высказался Пончик. – Угу...

– Согласен, не легко. Но можно ведь? Я, знаешь ли, не заговорён от стрел и мечей, я, как все, внезапно смертен. Причём, заметьте, «Принцепс» в любом случае оставался в выигрыше. Убьёшь ты Марозию – Гуго осерчает и возжаждет меня прикончить. Король остаётся на нашей стороне только потому, что не знает, кто стал причиной нежданного возвышения Альбериха. Если же ему об этом сообщат, он тут же увидит всё в ином свете, обвиняя и меня в подлом заговоре. Ведь это я заплатил ему золотом, убеждая послать войско пугануть Ландульфа! А если бы войско осталось в Риме? Посмел бы тогда восстать Альберих? Да ни за что! Видишь, какой расклад? И поэтому я успокоюсь лишь тогда, когда окажусь в Константинополе – и пойду по следу «Принцепса», и отыщу этого гада. Пока он жив, и я, и ты будем в опасности.

– Но всё могло окончиться неудачей, – осторожно сказал Пончик. – Мало ли... Могли убить саму Елену... Хм.

– Вот именно, – криво усмехнулся Олег. – Могли. И это был бы самый беспощадный удар по мне...

Елена дотянулась рукою до шеи Сухова и провела по ней пальцами, лаская и успокаивая.

– А тебе не кажется, – затянул Шурик, – что ты переоцениваешь Гуго? С чего бы ему вдруг бросаться мстить за убиенную Марозию? Да у него только официальных любовниц было... не помню сколько. Вандельмода, Пецолла, Ротильда, Стефания, Ротруда и... и так далее. А в Павии, во дворце, он держал целый гарем из красивых наложниц!

– Пончик завидует королю, – объяснила Елена для Олега.

– Ничего я не завидую!

– А вы знаете, – сказала Елена, – как Гуго женился в третий раз, то есть на Марозии? Она-то была замужем за Гвидо, его братом по матери, а церковь запрещает жениться на вдове брата. И король не остановился даже перед тем, чтобы обесчестить память о мамочке, объявив, что её потомство от второго брака не отпрыски её, а приёмьши, которых она лживо называла своими детьми! Представляете? Ламберт, маркграф Тосканы и брат Гвидо, вызвался доказать действительность своего происхождения, и зря – Гуго заманил Ламберта к себе, велел схватить его, ослепить и запереть в темнице. Маркграфство Тосканское он отдал Бозону, своему брату по отцу.

– Ну, то, что Гуго не обременён нравственностью и совестью, нам известно, – сказал Сухов. – И что никакой любви к Марозии он не питал, тоже ясно. Тут другое... Король не зря так стремился жениться на сенатриссе и патрикии – он мечтал, чтобы тот самый папа Иоанн XI, сын Марозии, который, кстати, развёл Гуго с его второй женой Альдой, провозгласил его императором! Вот какая у него цель была! Не страсть правила монархом, а чистая политика. Вернее, грязная.

– С этим всё ясно, – подвёл черту Александр, – но главный вопрос остаётся без ответа: кто такой этот «Принцес»? Ты вот сказал, что пойдёшь по его следу. А где его следы? Лично я не замечал ни одного.

Угу...

– Не замечал он... – фыркнул Олег. – Искать надо не здесь. Вернёмся в Константинополь – и сразу заявимся к патриарху. Душу вытрясу из мерзавца! Он мне всё скажет, коневод хренов...

В это самое время «Пардус» проходил мимо Эльбы, оставляя остров за кормой по левому борту. И тотчас же показалась двухмачтовая усиера, корабль поменьше дромона, но побольше кумвари. Гребцы на ней располагались в два ряда – пятьдесят человек на нижнем ярусе, пятьдесят на верхнем, но вёслами они работали лишь на переходе, как и варяги на лодьях. Когда же усиера вступала в бой, гребцы становились воинами.

– Кто это, интересно? – приподнялся Пончик.

Олег пожал плечами, разглядывая огромный вымпел, ниспадающий с задней мачты усиеры. На нём был изображён Иоанн Креститель, святой покровитель Флоренции.

Спустив паруса, усиера подошла к «Пардусу» на вёслах, и некий чин поднялся на её корме. Сложив ладони рупором, он прокричал:

– Не у вас ли находится его величество король Гуго?

– А зачем он вам? – заорал в ответ Инегельд.

– Маркграф Бозон Тосканский желает засвидетельствовать своё почтение!

При этих словах Гуго Арльский очень живо выполз из своей каморы и поднялся во весь рост.

– А где же наш любимейший брат и славнейший маркграф? – спросил он громко, подбоченясь.

– Ждёт вас на берегу, ваше величество! Верные люди передали маркграфу, что вы следуете с норманнами... Меня послали встретить вас и проводить! Маркиз Риккардо Злой, к вашим услугам!

Гуго перевёл взгляд на Инегельда, тот глянул на Вилобородого, а ярл посмотрел на

кормщика.

– К берегу! – скомандовал Карл.

Олег обратил внимание на перемены, произошедшие с королём, – Гуго уже не выглядел жалким беженцем, он выпрямил спину и выпятил грудь, принимая вид величественный. Хотя и немного потешный, ибо без мантии и короны Гуго не воспринимался как монарх, больше смахивая на держателя харчевни или на купчика средней руки.

Лодьи повернули вслед за усией в направлении Пьомбино, порта на границе двух морей, Тирренского и Лигурийского, но маркиз Риккардо обошёл город стороной, взяв северней, и причалил в маленькой укромной бухточке, на берегу которой выросло целое селение из роскошных шатров, стоявших вразброс. Множество солидариев в блестящих кольчугах, с копьями в руках и перьями на шлемах расхаживали поодаль, сторожа подходы к лагерю, а больше выпендриваясь друг перед другом. Было заметно, что все они служат разным господам – геральдические звери на их щитах щерили кровавые пасти, выпускали когти одинаково свирепо, но породы были разными. Да и больно уж пыжились щитоносцы.

У походных коновязей – попросту говоря, у верёвок, протянутых между деревьями, – фыркали и перетаптывались кони под яркими попонами, а на берегу краски и вовсе пестрели, утомляя зрение произвольным смещением цветов – это вышли встречать короля обитатели шатров, высокие титулованные особы. Граф Флорентийский, граф Сиенский, виконт Пизанский, князь Пьомбино, а впереди всех, источая улыбку, полную мёда и елея, простирал короткие пухлые руки маркграф Тосканский Бозон.

Лодьи одна за другой подошли к берегу, со скрипом и шорохом всаживая форштевни в песок.

Засидевшиеся варяги сходили на берег сразу десятками, и в их присутствии дворянство тосканское малость поблёкло, хотя ни русы, ни даже булгары не отличались цветистыми одеяниями. Сам вид варягов был весьма внушителен – сразу становилось ясно, кто тут воин, а кто просто мечом опоясан. Тем более что на фоне болтливых, экспансивных южан, чёрных и мелких, сдержанные северяне гляделись белокуроыми великанами, которым достаточно было бросить один мимолётный взгляд, чтобы задавить в зародыше позыв схватиться за оружие. Солидарии рядом с ними как-то усохли, увяли. Чудилось, даже пышные султаны из перьев поникли.

– Брат! – воссиял Бозон Тосканский, распахивая объятия.

Гуго Арльский, снисходительно улыбаясь, приблизился к нему и приобнял, похлопав по спине.

– Мне докладывали, что норманны решили тебя подбросить до места, – оживлённо болтал маркграф, – но я даже представить себе не мог, что тебя сопровождает такая сила!

– Они гвардейцы императора ромейского, – сказал король небрежно. – Император хочет мира на Юге, я поддержал его, а эти, как ты говоришь, норманны, помогли мне в трудную минуту.

– Так будьте уверены, – торжественно заговорил Федерико, виконт Пизанский, – что усилия вашего величества увенчались полным успехом: Ландульф I, князь Беневентский, сложил оружие и заключил мир с императором ромеев, за что и получил титул стратига Лонгивардии!

– Превосходно, – важно ответил Гуго, – это надо отметить!

– Всё готово, брат! – снова залучился Бозон. Тут король спохватился и отрекомендовал феодалам Сухова.

– Магистр Олегариус, – сказал он в манере герольда, – в наших понятиях – герцог.

«Герцог» усмехнулся и отвесил тосканцам короткий поклон.

– К столу, господа! – воскликнул виконт. – Ваше величество... Ваше высочество...

И тут на берег сошла Елена Мелиссина. Графы с маркизами моментально приобрели сходство с голодными котами, узревшими миску со сметаной.

– Зоста-патрикия Елена, – представил её Олег, – в ваших понятиях – герцогиня.

Знать дружно поклонилась прекрасной даме, продолжая поедать её глазами. Выглядело это презабавно.

Повара знатных особ были в отчаянии, когда узнали, что стол придётся накрывать едва ли не на тысячу персон, но справились – накрыли поляну. Над десятками костров подрумянивались на вертелах бычки и кабанчики, не считая крупной дичи. Вино разливалось бочками, целый воз свежееиспечённого хлеба «разгрузили» за две перемены блюд.

Олег устроился на ковре, неподалёку от Гуго Арльского, пировавшего с особым аппетитом, – видать, сытная пища варягов не отличалась особыми изысками.

Утолив голод, аристократия пустилась в воспоминания.

– Бивали мы тех лангобардов, – лениво проговорил виконт Пизанский, ковыряя в зубах. – Подошли как-то к Таранто на галерах, вроде как на арабов собрались, а сами высаживаемся в порту. Местные не знали, куда деваться, а наши избаловались: за каждой девкой не гонялись уже, только самых смазливых щупали; серебро не брали, только золото... Ух и погуляли мы тогда! На славу, как говорится...

– А вот мы попали однажды, – подхватил эстафету маркиз Риккардо Злой, – так попали! Составили как-то караван, пошли в Венецию. Бариум уже, помню, миновали, как вдруг, откуда ни возьмись, пираты! Причём с запада напали арабы, с востока – хорваты, а мы, значит, как орешки в клещах. Бог спас да жадность людская – хорваты, чтобы не делить добычу, набросились на арабов, а те – на хорватов! Так и порвали друг друга...

– Жадность и алчность – вот они, грехи смертные! – провозгласил Годехар, граф Флорентийский. – Помните, как мы Ламберта хватали? Кто тогда первым бросился в покои маркграфские, разжиться чем-нибудь подороже бронзы? Теодоро, по-моему... Ну да, он самый. Только Ламберта заперли, он – бегом в палаты, и давай шерстить повсюду. Всё, помню, знаменитый золотой пояс Ламберта отыскать хотел. Всё перевернул, а пояса не нашёл. Теодоро и жену Ламбертову раздеть велел, Гаительгриму, – та стоит, голая, а он всё рыщет, всё ругается. А я гляжу – у Гаительгримы из влагиалища будто шнурочек высовывается красненький. Я подхожу к ней, берусь за тот шнурочек, тяну – и вот он, золотой пояс! Ха-ха-ха, ей-богу, ни одной повитухе такое не удавалось!

– Я бы хотел, – вскричал Фабио, князь Пьомбино, – чтобы и у моей жены почаще были такие роды!

– Га-га-га! – ответила знать.

Олег посмотрел на Елену, но та лишь улыбнулась – дескать, что с них взять, с варваров? Грубый народ. Дикий.

Король Гуго малость перепил вина, отчего стал жеманничать и вводить в свою речь витиеватые обороты.

– Мы тут посовещались, – промычал он, наклоняясь к Олегу и облизывая жирные губы, – и решили двигаться к Павии сушей. Я приглашаю вас в гости, благороднейший Олегарий. Хочу, знаете ли, отл... обл... от-бла-го-да-рить за гостеприимство и принять, как подобает королю. Возьмите с собою вашего князя, Евдокию... или Елену? В общем, её я тоже желал бы видеть среди приглашённых. И... и с полсотни ваших доблестных норманнов – думаю, полусотни хватит, дабы устеречь моё золото и уберечь вас самих от ненужных встреч. Не сообразовали ли принять моё предложение, магистр?

– Соболаговолу, – улыбнулся Олег. – А лошади хоть найдутся? И коляска для Елены?

– Всё будет! – величаво заверил его Гуго. – Король я или не король?

Сухов привстал на колени и подполз к Инегельду, благодушно выслушивавшему всякую чушь от пьяненьких маркизов с баронами.

– Слышь, Клык? Король нас в Павию зовёт, только не морем. Ты как насчёт конной прогулки? Возьмёшь с собою полусотню...

– ...Полусотню Тудора! – договорил князь.

– Можно и Тудора. А я тогда «чёртову дюжину» прихвачу...

– И меня, и меня! – забеспокоился Пончик, отрываясь от сочной пулярки.

– И тебя.

– А я Котяна возьму, – подала голос Мелиссина. – И болгар моих. Можно, ваше величество?

– Можно! – решительно кивнул Гуго, да так, что шея чуть не хрустнула. – Король я или не король?

– Ладно, – кивнул Инегельд. – Тогда что? Тогда ярлы пушай в Геную следуют. Слышь, Карл? Подождёшь нас в Генуе!

– Добро! – сказал Вилобородый с набитым ртом.

Сидевший неподалёку Либиар Лысый утвердительно наклонил голову, а Вуефаст Дорога, дурачась, изобразил нижайший поклон, принятый на приёмах у базилевса, отчего расплескал вино и развеселил товарищей.

– А не боится ли магистр, – проговорил Бозон Тосканский, – в наших понятиях – герцог, что полусотни норманнов маловато будет, чтобы сохранить и золото, и голову?

Сухов внимательно посмотрел на маркграфа. М-да. Вино не раздобрило Бозона, а прибавило агрессии и пьяной злости.

– Не боюсь, – спокойно ответил Олег. – Потому как на лодьях останутся еще шесть сотен, в ваших понятиях – шесть тысяч отборнейших воинов, поскольку любой варяг стоит десятерых. Если надо, они пройдут всю Италию вдоль или поперёк, чтобы только мне помочь. Пройдут, удобряя землю кровью врагов. Эти люди, маркграф, за последний месяц взяли приступом Амальфи, Неаполь и Рим.

– Рим?! – не поверил Бозон.

– Рим, – по-прежнему спокойно сказал Сухов.

– Это правда, маркграф, – подтвердила Мелиссина.

Тот лишь головою покачал, несколько обалдев, и тут же загорелся новой идеей.

– А пусть тогда покажут свои умения! – воскликнул он. – Пусть в поединке сойдутся лучшие воины – ваш и наш!

– Пусть! – пьяно рявкнул Гуго, уже мало что соображавший. – Король я или не король?..

– Ладно, – согласился Олег, подумав, что победа варяга на дуэли обезопасит его лишней раз – многие из местных забияк присмирят. О вероятном поражении он даже не думал – победить руса, конечно, можно, но только не этим солидариям. Одержанье победы над варягом – удел разве что викинга, светловолосого гиганта из края хладных синих фьордов и лесистых шхер. А уж эти южане... Они возьмут лишь числом, серой массой. Какие из них воины? Так, одно подобие. Смазка для меча.

Варяги, услышав о странном вызове, запереглядывались – что это, дескать, за чудак выискался – сам для себя гибели ищет?

– Прошу учесть, – надменно сказал Бозон, – Бертуччо Пезаро сражается на двух мечах. Бертуччо!

В дальнем углу поляны поднялся с ковра рослый тосканец, узкобёдрый и широкоплечий, с маленькой головой на непомерно толстой шее, брутальный и жестокий тип – всё в нём дышало грубой силой. Знал Олег подобных субъектов, знал... Привычка легко выигрывать порождает в них иллюзию непобедимости, утверждает ни на чём не основанную самоуверенность, перерастающую в наглое доминирование. Но такие люди – не бойцы. Боец – это тот, кто борется, тот, кто, потерпев поражение, находит в себе волю подняться и продолжить битву, тот, кто уверен в своих возможностях, потому как точно знает их пределы. И тут главное не сила тела, а сила духа.

Бертуччо глумливо оскалился, демонстрируя белые зубы и обводя варягов взглядом жадным и нетерпеливым – выходи, мол, кто из вас дурнее, и дай мне с тобой разделаться!

Сухов отыскал глазами Пожирателя Смерти и позвал:

– Ивор!

Тот посмотрел в его сторону, перевёл взгляд на Пезаро – и легко встал, подхватывая оба своих меча.

– Давай, Ивор, – напутствовал друга Малютка Свен, – выпусти из этого говнюка всю

вонь!

Пожиратель Смерти тонко улыбнулся и вышел на площадку, поросшую травой, что простиралась шагов на десять между коврами и платановой рощицей.

Бертуччо осмотрел Ивора удивлённо и хмуро, будто не понимая, для чего ему подсунули этого заморыша. Смеху ради, что ли? Он заворчал и качнул правым мечом.

– Врежь ему, Бертуччо! – завопил Бозон. – Врежь как следует!

– Бой до первой крови? – хладнокровно поинтересовался Олег.

– До смерти! – осклабился маркграф.

– Ладно, – пожал плечами Сухов и крикнул: – Ивор! Можешь его убить, если хочешь.

Пожиратель Смерти кивнул, не отводя взгляда от Пезаро. Выпрямившись, он скрестил перед собою оба меча и резко развёл их в стороны, приседая на широко раздвинутых ногах. Бертуччо бросился на него, обрушивая крест-накрест свои клинки, но варяга уже не было на прежнем месте. Отпрянув в сторону, Ивор совершил молниеносный выпад, нанося не смертельный, но болезненный укол.

Тосканец взревел и заработал мечами как мельница, кроя воздух по диагонали. Пожиратель Смерти метнулся к нему, выбрасывая оба меча и задерживая клинки противника, а ударом ноги поражая Бертуччо в пах. Со звенящим скрежетом разъяв мечи, Ивор мягко отпрыгнул, завертев клинками так, что лезвия слились в сверкающие круги. В этот момент он мог поразить тосканца насмерть, но не стал прерывать забаву так рано.

Пезаро издал глухой рык, к его резко побледневшему лицу вновь прихлынула тёмная кровь, затмевая зрение яростью. Он набросился на варяга, рубя одним мечом, другим отбивая удары, неожиданно меняя руку, – вот он сёк правой, защищаясь левой, а теперь была левая, отводя правой роль щита.

Ивор не стал переходить в наступление – он отступал, скользя по траве, отводя мечи Бертуччо, а своими клинками тревожа соперника – покалывая, царапая, пуская кровь по капле. Пожиратель Смерти развлекался, двигаясь ловко и гибко, по-кошачьи, нанося молниеносные удары огромной, тупой и неповоротливой мышцей из рода Пезаро.

– Бей! Бей! – кричали вельможи.

– Кро-овь! – визжал Бозон. – Пусти ему кровь!

– Бер-туч-чо! Бер-туч-чо!

Но всё чаще то один, то другой тосканец впадал в растерянность, плохо понимая, что же происходит, почему их силач и задира никак не может покрошить этого задохлика Ивора, и всё больше тревожась, ибо варяг был по-прежнему бодр, с его лица не сходила лёгкая усмешечка, а вот Бертуччо взмок от пота.

– Как скачет, а? – спрашивал Свен у друзей. – Не-е, вот вернусь до дому и заведу коров. Быка куплю, самого бодливого и тупого! А чего? Имя у меня уже есть – назову быка Бертуччо!

А Бертуччо злился всё больше и больше, стервенея от неудач. И тогда он принялся обзывать Ивора, чередуя солёные выражения из местных наречий с греческими. Пожиратель Смерти тотчас же наказал грубияна – неумовимым движением он отрубил Пезаро оба уха.

– Правильно! – оценил Стегги Метатель Колец. – Так красивше!

– А ему так идёт, правда? – поделился мнением Тудор. – Башка круглее стала!

– Нос ещё торчит, – посетовал Свен, – прямо ни к селу ни к городу!

А до Бертуччо только сейчас стало доходить. Кровь заливала ему шею, растекаясь по плечам, пропитывая рубаху.

– Сдавайся, – холодно предложил ему Ивор.

– Никогда! – прохрипел Пезаро, тут же бросаясь в атаку.

Пожиратель Смерти безразлично пожал плечами – дескать, моё дело предложить, ваше дело – отказаться... Гибким, даже изящным движением он ушел с линии атаки и рубанул мечом, рассекая Бертуччо бок вместе с завязками шоссов и брэ. Штаны стали спадать, Пезаро суетливо прикрылся мечом. Внезапно клинок Ивора оказался у него между ног – перепуганный Бертуччо скакнул в сторону, запутался в шоссах и рухнул на траву. Варяги так

и покатились со смеху, хлопая в ладоши, а вельможи Тосканы, как один, поднялись на колени, кто сидел, и вскочили на ноги, кто уже стоял на коленях.

Бертуччо Пезаро лежал, подтягивая к себе один клинок – другой он выронил, – и с ужасом следил за кончиком варяжского меча, подрагивавшего у его носа. В следующее мгновение Ивор отвёл клинок и отшагнул сам.

– Хватит с него, – сказал он.

– Видали?! – гордо проговорил Малютка Свен. – Даже не запыхался!

– Мог бы и сам выйти, – улыбнулся Пожиратель Смерти.

– Да ну... – отмахнулся «малышок». – У тебя терпения больше, я б его сразу зашиб – и никакого удовольствия!

Варяги загоготали, весьма довольные собой и миром.

– Убедились, маркграф? – спросил Олег, наблюдая за Бертуччо. Тот, посрамлённый, лишённый ушей, а также внутренней опоры, убредал с поляны, хромая и придерживая спадающие штаны.

Бозон Тосканский не ответил, сжимая губы в ниточку. К вечному унижению, которое он терпел от братца, теперь ещё добавился и этот позор. Как его пережить?! Способ известен – срам залечивается чьей-то смертью...

– Ладно, – громко сказал Сухов, – пора и баиньки. Пошли, Алёнка.

Оглянувшись, Олег наткнулся на упорный взгляд маркграфа. Равнодушно скользнув глазами по его застывшему лицу, магистр отвернулся и лишь тогда позволил себе скривить губы в улыбке. Истинно говорят, что естественных врагов у человека всего три – это голод, жажда и холод. Остальных он находит себе сам...

Рано поутру лодьи ушли в море, а королевский кортеж только-только начинал выходить из состояния «бестолковщины» – сопровождать повозку короля, которую рано было называть каретой, жаждали все вельможи разом, из-за чего суета и неразбериха длились и длились, кони и люди топтались на одном месте. Наконец, дворяне разобрались, кто за кем следует, и королевский поезд выстроился.

Впереди поскакали герольды в ярких накидках, трубя радостную весть о приближении самого короля, дабы все желающие лицезреть его величество загодя выстраивались на обочине и снимали головные уборы, громкими криками приветствуя владыку. За герольдами и музыкантами ехали знаменосцы, вздымавшие стяги и хоругви, следом поспешали королевские гвардейцы, грозно хмурившие брови и не снимавшие рук с мечей. Далее, строго выдерживая дистанцию, скакали копьеносцы и лучники, щитonosцы и арбалетчики. И лишь позади всего этого воинства грохотала королевская повозка с крытым верхом – Гуго Арльский гордо восседал на пухлых мешках с шерстью, дабы седалищу его величества было мягко ехать, а ноги уложив на заветный сундук с ромейским золотом. Монарх каменел лицом, устремляя взгляд вперёд, к одному ему ведомым целям, и растерянному, оглушённому крестьянину в грязи за обочиной был виден лишь грозный профиль короля Италии.

Монаршию повозку догоняла толпа графов, маркизов, баронов, виконтов и прочих мелкопоместных. Их строй замыкал ещё один отряд королевской гвардии, а последними направляли коней варяги. Елена Мелиссина ехала в повозке-двуколке с откидным верхом, рядом рысил Олег на великолепном гнедом арабских кровей.

Из Рима в Павию тянулись сразу две дороги – древняя, полуразобранная, полупогребённая виа Фламиния, шедшая через Флоренцию, и виа Франческа, проложенная купцами и воинами через Лукку, столицу маркграфства Тосканского. Королевский кортеж следовал по виа Франческа – так было короче. Если всё будет хорошо и особенных неприятностей в дороге не случится, Гуго и его свита доберутся до Павии неделю спустя. Да и куда спешить? Вокруг расстилались чудесные пейзажи, в каждом городе королю и иже с ним был готов и стол, и дом. Олега, правда, грызло нетерпение, но утешало одно обстоятельство – эта «конная прогулка» совершалась как бы по дороге в Константинополь. В Павии они надолго не задержатся – потолкаются во дворце короля, выпьют за его счёт,

вежливо откланяются и направят стопы в Геную. Там сделают пересадку... И домой!

В первый день, пока кони были свежие, кортеж одолел добрых пятьдесят миль. Ближе к вечеру, не дожидаясь, когда окончательно стемнеет, остановились шумным лагерем на берегу безымянной речушки. Повара запалили костры, собираясь готовить ужин, слуги торопливо закапывали резные столбики и натягивали на них шатры, конюхи скребли, поили и кормили коней.

Варяги разбили отдельный лагерь на возвышенности, в удобном для обороны месте, но костров не разводили – как-никак, они гости. Вот пусть король их и кормит.

Шатёр для магистра и зоста-патрикии поставили Ивор со Свеном, а Олег уже сам натаскал внутрь веток для мягкости. Разостлав ковры, он откинул полог и вышел, желая завести внутрь Елену, – намаялась, бедненькая, в дороге, вот и пусть бы отдохнула. Однако ни вблизи, ни вдали Сухов не обнаружил свою дражайшую половинку. Острое беспокойство тут же стало царапать его, возбуждая неясные подозрения и рождая тихое бешенство.

– Не дай бог... – проговорил он негромко, памятуя о недоброжелательстве Бозона Тосканского. – Всю шкуру спущу! На ремешки!

Навстречу ему шагал Пончик, но обычное «Пр-рывет!» застряло у протоспафария в горле – друг заметил выражение лица Сухова.

– Что случилось? – спросил он почему-то шёпотом.

– Надеюсь, что ничего, – выцедил Олег. – Елену найти не могу.

– Фу-у, как ты меня напугал! Спросил бы сразу! К часовне Ленка пошла.

– К часовне? – переспросил магистр, чувствуя, как отпускает тревога. – К какой часовне?

– Думаешь, я её видел? Какая-то часовенка выше по реке, местные сказывают.

– Нашла когда гулять, – заворчал Сухов.

– Кажется, дождь собирается, – сказал Пончик, задирая голову к небу.

А небеса затягивались хмарью – синие, с лиловой опушкой, тучи громоздились, нагоняемые сырым ветром. Вдалеке, над горами, уже посверкивали зарницы, подсвечивая облачность мертвенной голубизной.

– Пойду приведу эту гулёну, – сказал Олег и пошагал на поиски.

Лагерь разбили на северном, низком берегу реки, сразу, как перешли брод. Вода едва текла, иногда журча по каменистым отмелям, порой зеленея омутами. Прямо к реке подступали рощицы ив, полощущих ветви в неспешном течении, а кое-где зеленели тростники, добавляя к бурливому плеску сухое шуршание.

Часовенку Сухов обнаружил на пологом травянистом склоне – четыре мощных арки под пирамидальной крышей. Половины черепиц не хватало, но ласточки не жаловались – везде налепили свои гнёзда, порхали вокруг или сидели в рядок на почерневших стропилах. Пичуги летали низко – к дождю.

Подтверждая примету, загрохотал гром. Порыв ветра пронёсся над рекой, тревожно зашелестела листва. Тут-то Олег и увидел Елену.

Женщина зашла в воду по пояс и тянулась руками к чему-то похожему на большое гнездо, сплавлявшемуся по воде. Да это корзина!

Зловещий свет молнии залил долину, огненный зигзаг распорол небо, оглушительными раскатами ударил гром.

– Алёна! – позвал Олег.

Жена не откликнулась. Она всё тянулась и тянулась к подплывающей корзине и вот дотронулась кончиками пальцев до плетёного ободка, медленно повлекла к себе, ухватила покрепче – и бережно, нежно вынула нечто маленькое и живое, завернутое в серую домотканую пелену. «Как Моисея...» – мелькнуло у Сухова.

Прижав свою находку к груди, Елена побрела к берегу. По её лицу, абсолютно счастливому, ручьём текли слёзы, но женщина смеялась, не в силах удержать ослепительную радость.

– Это девочка! – еле выговорила она. – Моя девочка! Господь услышал мои молитвы!

И в тот же момент стих гром, угасло биение молний, улёгся ветер. Небывалая тишина установилась в мире. В непроницаемом пологе туч образовался разрыв – небо, только что покрытое хмарью, очищалось и яснело. Вскоре лишь пара тающих облачков висела в вечернем небе, подрумяненная закатом.

Проглянуло алое заходящее солнце – и тут же прекрасный «зелёный луч» сорвался со светила, уходя в зенит.

– «Меч Господа», – пробормотал Олег.

– Благодарю тебя, Боже! – воскликнула Мелиссина и бросилась целовать обретенное сокровище. – Ты посмотри только, Олег!

Сухов пальцем поднял уголок пелёнки и увидел головку крошечной девочки в золотистых кудряшках. Кто ж это такого херувимчика сделал подкидышем? – подумал он.

Девочка лупала большими голубыми глазами, а потом раззявила беззубый ротик в улыбке и протянула ручонки к Сухову.

– Ты ей понравился! – восхитилась Елена.

– А я всегда нравился девочкам, – улыбнулся Олег.

Не зная, как ему обращаться с ребёнком, он пощекотал ей животик пальцем. Девочка рассмеялась, задвигала плечиками.

– Кокетничает, – решил Сухов.

– Ты понимаешь, – прошептала Мелиссина, – ты понимаешь? Я стала матерью! Это – моё дитя! Господь даровал мне его, и... О-о! Больше мне ничего не надо! У меня есть ты – и она!

Олег, странно себя ощущая, повел жену с ребёнком в лагерь. Первым их встретил Пончик.

– Пр-ывет! – радостно воскликнул он и удивился: – Кого это Ленка тащит?

– Мою дочь, – ответил Сухов.

Глава 21, в которой Олег возвращает подарок

Павия показалась поздним утром, когда дело уже шло к обеду. Ничего особенного город собой не представлял – кирпичные стены и башни, поля вокруг, порезанные на мелкие деляны, парочка отстроенных базилик и новые домишки в слободе – десять лет тому назад орда мадьяр здорово покуролесила в Павии и вокруг. Одних только церквей кочевники сожгли более сорока.

Павия была городом и молодым, и древним. Ранее на её месте стоял римский Тицидум, готы начали переделывать его на иной лад, лангобарды продолжили их дело и объявили Павию столицей своего королевства. А что? Земли тут плодородные, сей – не хочу. И виноградники имеются, и тучные пастбища. Недаром всегда находились охотники до Павии – Гуго Арльский пока был последним в череде королей, включая и Карла Великого, прибиравших её к рукам.

Город хорошо вписывался в ландшафт берега реки Тичино, в нижнем её течении, недалеко от впадения в По.

Копыта коней прогрохотали по крытому мосту, и стража у ворот поспешила пропустить короля и свиту. Известия о приезде Гуго расходились со скоростью звука – не успел кортеж достичь и середины пути ко дворцу, а народ уже толпился вдоль стен, выглядывал из окон, торчал в дверях. Барин приехал!

Королевский дворец выглядел крепостью в крепости – те же башни, те же стены, разве что ров не прорыт.

Первыми на площадь, куда выходил дворец, подскакали герольды и подняли такой шум, как будто соревновались, кто из труб своих выдует самую громкую ноту.

Ворота дворца плавно отворились, и все – кони, люди, повозки – занеслись внутрь, словно спасаясь от погони.

– Тоже мне, столица, – фыркнул Боевой Клык, разминая ноги. – Село!

– Батя, не ругайся, – вставил Тудор.

– Цыц! – ответил батя.

Олег спешил и помог сойти с коляски Елене, не спускавшей с рук Наталью, – так решили назвать девочку ниоткуда.

Внутренний дворик замка был вымощен плитами и окружён тяжеловесными аркадами. Дворецкий сразу же провёл магистра и зоста-патрикию в отведённые им покои – просторную комнату со сводчатыми потолками и узким стрельчатым окном, заделанным промасленной тканью. Мебель была под стать – тяжёлая, но крепкая. Монументальная кровать под балдахином, пара деревянных кресел, неподъёмные сундуки-«башенки», высокие, модные у ромеев – они закрывались двухскатными крышками с фигурными бронзовыми накладками.

– Олег, – беспокойно сказала Елена, осторожно укладывая на кровать спящую Наталью, – присмотри за ней, ладно?

– А ты куда?

– Нужно срочно найти кормилицу. У меня-то молока нет! Да ты не волнуйся, я с Котяном схожу.

– И болгар возьми тогда!

– Ладно, – улыбнулась Мелиссина.

На цыпочках выйдя на галерею второго этажа, тоже обрамлявшую внутренний дворик, Елена тихонько прикрыла за собой дверь.

А Сухов, стараясь дышать потише, стал рассматривать неожиданное прибавление семейства.

К детям у него было отношение сложное. Отроков-малолеток, развязных, наглых, склонных к стадности, он не выносил. Дошколят, сопливых, обожающих ломать, сжигать и взрывать, еле терпел, а младенцев и вовсе терпеть не мог. Олег искренне не понимал женского восхищения этими сморщенными голышами, безмозглыми, орущими, пачкающими подгузники. «Личинка же! – недоумевал Сухов. – Мозгов нет, одна кишка – в одну трубу вливается, в другую выливается. И воняет!» Но это его особое мнение женщины с негодованием отвергали, утверждая, что он-де ничего не понимает в детях. Тогда Олег затевал рассуждения о материнском инстинкте, о безусловных рефлексах... Его обзывали занудой и прогоняли.

В принципе, он всегда больше любил девочек, чем мальчиков. И, когда его спрашивали, любит ли он детей, Олег утвердительно кивал, уточняя, что особенно ему нравятся двухсот месячные девочки.

Он вздохнул. Наталья сопела, пальчики её то сжимались в кулачок, то разжимались. На удивление спокойный ребёнок. Плачет редко и очень быстро успокаивается. Видимо, не привыкла в первые месяцы своей коротенькой жизни к вниманию и обожанию, научилась стойко переносить невзгоды, вроде отсутствия молока или чистых пелёнок.

Сухов не верил, что девочку ниспослал Господь. Это слишком мелко для Творца и Вседержителя, ответственного за всю Вселенную, – вникать в микроскопические мечты мельчайшей пылинки жизни по имени Елена Мелиссина. Хотя, кто Его знает? Пути Господни неисповедимы, а чтобы понять Бога, надо быть Им.

Олег присмотрелся к Наталье. Симпатичная вроде... Что из неё вырастет, интересно? Голубоглазая блондинка.

Конечно, Елена будет баловать подкидыша и портить по-всякому, поэтому его долг как отца (звучит очень странно применительно к О. Р. Сухову) защитить дитя от материнской любви, чтобы не развить в дочери (с ума сойти...) болезнь под названием «капризит с выбрыками».

А вообще, если уж говорить о педагогике, то несложно прийти к обескураживающему выводу – никто в мире не знает и не умеет воспитывать детей. Никто, никогда и нигде не знал и не умел. И тысячу лет назад и через тысячу лет всё воспитание сводилось или будет сводиться к питанию. Накормить дитя, обути-одеть его – вот и вся наука. Скажешь дитяте:

«Нельзя!» – и он тебя послушается. Тогда сунешь ему печенушку, пускай мусолит на здоровье. Не послушается – дашь ему по шее, отшлёпаешь, выпорешь, в угол поставишь. Метод кнута и пряника. Дрессировка.

А ведь иного метода нет. Во все времена жили люди, способные учить других. Иногда их имена оставались в истории, чаще всего подвергались забвению.

Легко научить ремеслу или военному делу. «Делай, как я!» – вот и вся метода. Лепи горшки, как я. Строгай, как я. Вари пиво. Куй железо. Головы срубай врагу.

А как научить честности? Как внедрить в ребячью душу понятие справедливости? Милосердия? Понимания? Совести? Как привить любовь к труду и тягу к знаниям?

Да если даже к лучшему учителю привести ребенка с улицы и попросить: «Научи этого дитёнка брать на себя ответственность и нести её», – ничего же не выйдет. Всё, что есть у учителя, – это слова и розги. В будущем недалёкие и неумные гуманисты отменят наказания для детей – и лишат учителей кнута. А много ли воспитаешь пряником? И разве безнаказанность не хуже во сто крат наказания? (Да и кто сказал, что эти гуманисты наказание запретили? Они просто переложили неприятную процедуру на родителей – вызовут тех в школу, опишут подвиги сыночка – и будет тому сыночку! Всыпят дома так, что сесть не сможет...)

Удел учителя – бормотать заклинания: «Будьте добренькими, будьте добренькими...» А где же педагогу взять волшебную палочку, чтобы «закрепить материал»?

И насколько, вообще, человек воспитуем? Что в нас передаётся по наследству, а что служит примером? Как это узнать? Как определить, на каких весах?

Ах, как радуются мамочки, глядя в честные глаза своих малышей, наивно лепечущих слова любви и бесконечной признательности. Но подступает зловещий срок, исполняется малышу тринадцать лет – и всё летит в тартарары. Милый мальчик (девочка) превращается в наглого, невоздержанного, угловатого отрока (отрочицу), грубит, не слушается, занимается чем попало... Что же, тринадцать лет «воспитания» – коту под хвост? Начинать сначала? А как? Это малышня в рот взрослым глядит, а подростки посмеются только над нудными нотациями, отвергая учителей и низвергая авторитеты...

Тут размышления Олега сбились – Наталья захныкала, завертелась беспокойно. Открыв глаза, долго ими хлопала, словно не узнавая «папу», а потом зачмокала.

– Ну и что ты этим хочешь сказать? – спросил Сухов с неожиданной робостью. – Жрать хочешь? Ох, где ж там твоя мама...

Мучиться ему пришлось недолго – скрипнула дверь, пропуская в покой Елену Мелиссину и грустную девушку лет двадцати, миловидную, с густыми чёрными волосами, спрятанными под платок-теристру. Одета в простое платье, девушка не носила обычного сюркени, обтягивавшего грудь, – уж больно велик был её бюст. Тяжелые, налитые груди распирали льняную ткань, увлажняя её пятнами от выступавшего молока.

– Вот, нашла! – радостно сказала Елена. – Познакомься, это Гелла. Она потеряла своего ребенка и согласилась кормить моего... нашего.

Гелла робко поклонилась Олегу, магистр тоже ответил ей поклоном.

– Ты из лангобардов? – спросил он.

Тут ему пришлось удивиться – Гелла вздёрнула свой носик и ответила, что все её предки до седьмого колена были чистокровными римлянами. Сухов не стал спорить, да и Наталья теряла терпение – словно почуяв запах молока, она радостно и нетерпеливо заагукала. Гелла подошла к кровати и всплеснула руками в восхищении – Елена гордо улыбнулась...

Истинная римлянка быстренько уселась, взяла девочку на руки и дала ей грудь, хоть и огромную, но сохранившую красивую форму. Наталья даже растерялась, облапив её, и жадно всосалась, зачмокала.

Олег уселся в кресло и стал наблюдать за кормлением ребенка – вероятно, самой древней картиной на свете...

Королевский приём был очень пышен и очень скучен – в тронном Большом зале, скудно освещённом сквозь промасленные холстины, вдоль трёх стен выстроились придворные, а на возвышении у задней стены, увешанной знамёнами поверженных врагов, стоял трон лангобардских королей, ныне занятый Гуго Арльским.

Гуго выслушивал нудные приветствия высоких гостей, вроде принца Конрада I Тихого, сына бургундского короля Родольфо II, князя Капуи Атенульфа II, Германа I фон Веттерау, герцога Швабии, или Арнульфа Милостивого из рода Луитпольдингов, герцога Баварии.

Все эти высочества, светлости, милости терпеть не могли Гуго Арльского, но слащаво улыбались ему. Впрочем, они и друг дружке постоянно делали пакости, но в лицо расточали любезности, сжимая за спиною нож и мечтая его всадить по самую рукоятку своему собеседнику.

После представлений, поздравлений и уверений в совершеннейшем почтении все с облегчением перешли к «официальной части» – начали пировать: есть до отвала и пить до упаду.

О, это была знатная обжираловка, достойная Гаргантюа. Хруст костей, чавканье, звон и плеск полнили Большой зал, навевая мысли о свинарнике. Сначала ещё сохранялась видимость чинности – музыканты дудели, бренчали, стучали и тренькали, лакеи, шлёпая пигашиами, разносили яства, а раскормленные собаки зевали вдоль стен, лениво выкусывая блох. Но разгул набирал и набирал обороты. Вскоре визги, гогот, рёв, здравицы – всё смешалось. Куда ни глянешь – выпученные глаза, борода, заляпанная подливкой, зубы, вонзающиеся в окорок, немытый кадык, торопливо ходящий вверх-вниз, накачивающий тулово вином, струйки спиртного, стекающие по усам и капающие на блио...

Выпив и закусив в меру, Олег трезво оценил, что официальная часть закончилась, пошло разгуляево, король уже «устал», и можно уйти, не нарушив законов приличия. Он посмотрел на Елену, та кивнула, и чета покинула Большой зал.

Гул пиршества доносился и во внутренний дворик, словно шум прибоя. Поднявшись по наружной лестнице на галерею, Елена поспешила вперёд – убедиться, что с её ненаглядной крошкой всё в порядке.

В покоях было тихо. Серебряный канделябр бросал свет десятка свечей на кровать, где сидела Гелла и спала Наталья, на икону в углу, на скромно накрытый стол – кувшин с вином, кусок пахучего сыра и ломоть хлеба.

– Как она? – прошептала Мелиссина.

– Спит, – приподнялась кормилица – и вернулась на место, усаженная жестом зоста-патрикии.

– Ох, как меня утомили эти лангобарды, – тихонько простонала Елена, наливая себе в чарку вина из кувшина.

– Ты ещё не напилась? – улыбнулся Олег.

– Да я не выпить хочу, а просто пить...

– Стой! – резко сказал Сухов. Недоумевая, Елена поставила чару на стол.

– А... что? – растерялась она.

– Откуда тут вино? – спросил Олег.

– Ну, Гелле принесли, наверное...

– С каких это пор короли угощают кормилиц? – продолжил магистр напряженным голосом. – Гелла, ты не пила это вино?

– Да нет...

– А ты не выходила отсюда? Видела, кто принёс кувшин?

– Я выходила, – испуганно призналась девушка. – Завернула Наталью, чтобы её не просквозило, и вышла на галерею – размять ноги и укачать ребёнка. Но я видела, кто заносил кувшин. Я ещё подумала, что это ваш знакомый заходил, но не застал никого. Человек-то знатный! Кто таков, не знаю, но плащ у него богатый, из синего бархату...

– ...Под ним – зелёное блио с золотой цепью, – продолжил Сухов описывать сегодняшнее одеяние маркграфа, – сам коренастый, жирноватый, ноги и руки короткие,

борода кудрявая, на носу большая бородавка, а на голове шляпа с двумя перьями, зелёным и красным?

– Да-да! – обрадовалась Гелла. – Так вы встретились?

– Встречались, – усмехнулся Олег.

– Думаешь, это Бозон являлся? – с тревогой спросила Елена.

– Приметный товарищ наш маркграф, спутать трудно. Чего вот только он лично решил нас вином обнести?

– Неужели... – Женщина осторожно перелила вино из чарки обратно в кувшин.

– Скорей всего, отравлено, – кивнул Олег, – но я это проверю.

– Как?

– Верну подарок.

Подхватив кувшин с вином, Сухов вышел на галерею. Ему пришлось обойти её почти всю, пока он не наткнулся на Малютку Свена, стоявшего у перил. «Малышок» задумчиво глядел на первые звёзды, разгоравшиеся над Павией, и звучно икал.

– Свен, – обратился к нему магистр, – ты не в курсе, где поселили Бозона Тосканского? Ну, этого, который Бертуччо выставил против Ивора!

– А, этот! – просветлел варяг. – Так вона его дверь, с угла которая, на ней сразу две подковы приколочены!

– Точно его?

– Да точно! Что ж я, врать тебе буду?

Олег кивнул и прошёл к двери. Отворив её, он заглянул внутрь. В просторной комнате горели аж три канделябра, бросая отсветы на толстую девку, лежавшую на кровати в позе «звёздочка», то бишь раскинув руки и ноги, и похрапывавшую.

Сухов осторожно поставил кувшин на прикроватный стол – кто-то его уже успел заляпать вином – и тихо удалился.

На галерее сталолюднее – появился Ивор и Пончик. По лестнице наверх поднимался Тудор, тащивший на себе Инегельда, рычавшего походную песнь.

– Пр-рывет, сиятельный! – поприветствовал Олега протоспафарий. – Ты чего это по чужим палатам шастаешь, а?

– Порядок навою.

Сухов вкратце посвятил друзей в детали происшествия, которое по чистой случайности не стало чрезвычайным.

– Может, там и нету яда, – неуверенно предположил Пончик.

– Ты веришь, что Бозон просто так, от широты душевной, решил меня угостить?

– Хм... М-да. Верится с трудом. Угу... Слушай, а если оно и вправду отравленное и его кто-то другой выпьет?

– А мне наплевать, – медленно проговорил Олег. – Давайте-ка ложиться, парни. Завтра подниму с рассветом. Хватит с нас этой Италии! Домой пора двигать.

Свен хохотнул и в обнимку с Ивором направился в Синий зал, где залегла полусотня Тудора. Половина варягов ещё не вернулись с гулянки, вот и пускай потом ищут свободное место!

Хлопнув по плечу задумчивого Пончика, Сухов вернулся к себе и задвинул засов на двери.

– Всем спатьки, – объявил он.

Напряжённое лицо Елены разгладилось, она улыбнулась. Тут и Гелла заулыбалась обрадованно – страх как не хотелось ей покидать эту семью, очень уж господа хорошие, добрые такие и щедрые.

Олег остался в одной рубахе и прилёг с краю. Ложё было огромно – четверо лягут. Четверо и легли.

...Дворцовые повара и слуги просыпались рано, они-то и обнаружили трупы Бозона Тосканского и Толстой Эльзы, павийской блудницы. Он и она лежали на кровати друг на

друге, голые, с искажёнными лицами синюшного цвета.

Когда Гуго Арльскому донесли печальную весть, было уже позднее утро. Король, находясь в тяжком похмелье, туго соображал, о чём таком ему толкуют, а когда до него дошло, он с ходу принял самое верное и мудрое решение – созвал всех своих гостей на поминальную тризну...

Одних варягов не пригласили – в полном составе они покинули Павию. Полусотня Тудора прихватила с собою мешки со съестным, а «чёртова дюжина» затарилась вином.

В Генуе они не задержались – пересели на лодьи и отчалили. Военный поход окончился. Начиналась охота на человека.

Глава 22, в которой Олег возвращается домой

Забавно было наблюдать за сдержанно сопевшими варягами, разглядывавшими Наталью Сухову. На их лицах читалось удивление и чисто мужская растерянность при встрече с младенцем. Малютка Свен хотел даже подержать кроху – одной ладони варяга хватило бы для этого, – но Гелла вцепилась в ребёнка, как в своего, и не позволила. Свен не обиделся, умилился даже такой преданности.

А вот Пончик был загипнотизирован отнюдь не девочкой – сердце протоспафария покорила кормилица. Он глядел на Геллу, как кролик на удава, только не с ужасом, а с восторгом, больше всего желая быть проглоченным дивным ротиком девушки.

Теперь мать приёмная и мать кормящая прочно обосновались на корме «Пардуса», тетешка Наталья, кормя её, направляя младенческий взгляд на море: «А во-он дельфинчик поплыл! Смотри, какой дельфи-инчик... О, как прыгает дельфинчик, как кувырка-ается!»

Олег частенько занимал место на скамье гребца и брался со всеми за весло – нетерпение гнало его в Константинополь. Чудилось ему, что, когда он работает веслом, пункт назначения приближается скорее.

Лодьи без происшествий добрались до уости Мессинского пролива, на ночь останавливаясь в бухтах укромных островков.

Обогнув Калабрию и выйдя в Ионическое море, варяги направились в Бариум, где стоял ромейский флот Иоанна Радина.

Это было задумкой Олега – он не хотел возвращаться со всеми вместе, надо было ему попасть в Константинополь раньше всех, чтобы без помех вытрясти из патриарха всё, что тому запомнилось, и выйти на след «Принцепса».

Сухов сомневался, что ему это удастся, но ни с кем не делился своими сомнениями, даже с Пончиком. Нельзя показывать свою неуверенность подчинённым – личный состав должен верить в командира, в мудрость его и прозорливость, полагаться на него во всём. Отсюда и рождается то, почти религиозное, ощущение непобедимости, каковое вселит в своих нукеров Чингисхан двести лет спустя.

В Бариуме варяги сошли на берег размяться да погужеваться в портовых кабаках и заведениях известного рода. Но повезло не всем – «чёртову дюжину» Олег прихватил с собой.

Иоанн Радин, очень довольный победами над мятежниками, легко уступил Сухову тахидромон – лёгкое быстроходное судно, предназначенное для скорейшей доставки донесений или для разведки. Олег же использовал тахидромон для того, чтобы, не теряя времени, прибыть в Диррахий.

Надо ли говорить, что Елена с Натальей и Геллой отправились на том же корабле? И стоит ли добавлять, что Мелиссина позвала с собой Котяна, Тарвела, Органу и Куверта? А не слышному никому зову Геллы Пончик подчинился раз и на всю жизнь. Кормилица, правда, пока лишь очень смутно догадывалась, что происходит с протоспафарием, почему Александр при ней застывал, изображая идола на кургане, краснел, бледнел и растягивал рот в дурацкой улыбке. Почему всякий раз, когда она встречалась с ним глазами, в его взгляде

читалось восхищение и... обожание? Геллу пугало внимание столь важного синьора, но всё же любовные токи доходили до неё, принуждая ресницы опускаться, погашая взор, а кровь – струиться быстрее, притекая к щекам.

Сухов замечал все эти волшебные превращения и радовался за друга, наконец-то обретшего любовь в этом мире чистейшего воздуха и грязнейших улиц, иступлённой веры и дикого неистовства, чудовищной жестокости и потрясающе наивных заблуждений.

Не дожидаясь утра, тахидромон «Святой Иов» отбыл пополудни из Бариума и вечером уже входил в гавань Диррахия.

Котян с булгарами переполошили хозяев местных конюшен, запугали их, купили, но привели-таки целый табун лошадей, лёгкую коляску и два десятка простых кавалерийских сёдел.

«Чёртова дюжина» тоже без дела не сидела – прошлась по лавкам Диррахия, запасаясь сыром, хлебом, копчёным салом, вином, изюмом. Торговцы были бы рады отдать свой товар и даром, лишь бы эти страшные дюжие молодцы оставили их вживу, но молодцы платили, не торгуясь.

Солнце уже село, когда странная кавалькада тронулась в путь. Сметливые тётушки из предместий сразу же пустили слух – это, дескать, варварскую принцессу повезли сватать, а громилы, что с нею, всё братья ейные – уж больно они одинаковы, прямо как бобы в стручке.

Отряд Сухова ехал до темноты, пока не остановился лагерем за дорогой, под защитой скалы и рядом с ручьём. Елена всё беспокоилась о здоровье малышки, но Олег уверил жену, что Наталье Олеговне свежий воздух лишь на пользу. И впрямь – дрыхла Наталья Олеговна так, что даже гром небесный не разбудил бы её.

Утром магистр повёл своих дальше, одолевая милю за милей виа Эгнатиа.

Ясный майский полдень стоял над Константинополем, когда отряд прибыл к Меландизийским воротам. Все запylённые, прокопчённые, одна Наталья пахла молоком. Ехать дальше было нельзя – закон не позволял передвигаться днём по городу на конях. Олег тут же нанял для Елены и Геллы носилки и отправил женщин домой в сопровождении булгар и неполной «чёртовой дюжины» – Котяна, Ивора и Свена он оставил с собой. После жестоких колебаний к ним присоединился Пончик. Так, впятером, они и отправились учинять допрос патриарху.

После итальянских будней Олегу было непривычно шагать по Месе, он словно заново открывал для себя главную улицу Ромейской империи. А на ней ничего не изменилось – всё так же болтали женщины с пустыми кувшинами, стоя в очереди к цистерне Аспара. Всё так же торговали мясом на площади Тавра, в Царских портиках зазывали покупателей хотя бы прицениться к золотым диадемам, ожерельям, пекторальям, а возле храма Святой Софии отливали свою продукцию свечники, наплевав на запреты епарха.

– Сюда, – сказал Олег, сворачивая к резиденции патриарха.

Варяги с печенегом молча кивнули, Пончик обронил: «Угу...»

Во внутреннем двореке былолюдно – со своими прошениями к святейшему явились игумены монастырей и прочие алкатели бесплатного счастья. Небрежно подвинув охрану, неуклюже расступавшуюся перед магистром, бесцеремонно отстранив Евсевия, секретаря и первого помощника патриарха, Олег вошёл в покои Его Святейшества.

Феофилакт в этот момент молился на коленях перед огромным иконостасом, обуреваемый мистическим жаром.

Сухов молча стоял и ждал, пока патриарх заметит его присутствие. Положив десяток поклонов, Феофилакт обернулся и смертельно побледнел, наткнувшись на холодный и суровый взгляд Олега. Варяги и вовсе смотрели так, словно готовились Его Святейшество прирезать, забрызгивая кровью иконы.

– Ч-что?.. Кто? – залепетал патриарх, с трудом поднимаясь с колен.

– Ты почто Елену Мелиссину в Рим отправил? – ледяным тоном спросил Сухов. – Тебе известно, что она моя жена?! А извещён ли ты, что задание, данное тобою своей тайной посланнице, было направлено против величайшего и сорвало планы базилевса? Ты хоть

понимаешь, что за это полагается? Ослепление и темница, где ты сгниёшь, объедаемый крысами!

Феофилакт обратно рухнул на колени.

– Не губи, сиятельный! – тонко заверещал он. – Умоляю! Не виноват я!

– Как же не виноват?! – не ослаблял напор Олег. – Или, скажешь, не ты придумал тайную посланницу завести, да и в Рим направить?

– Не я! – с жаром сказал патриарх. – Ей-богу, не я! Вот те крест! Нашептали мне люди недобрые, соблазнили! Сатанинское то было наваждение! Искус диавольский!

– Что ты врёшь?! Кто тебя соблазнил?

– Они, они! – еле выговорил трясущимися губами Феофилакт. Он подполз на коленях к Сухову и ухватился за полу его пропылённого скарамангия. – Они всё задумали, они всё затеяли!

– Толком говори! – рявкнул магистр. Он был страшен.

Феофилакт угодливо закивал.

– В тот самый день, – быстро заговорил он, перебирая складку Олегова скарамангия, – с утра ещё, у меня побывали логофет дрома Василий Катакил и протомагистр Мануил Атталиат. Они всё, они! То один говорил, а другой поддакивал, то наоборот. Запутали они меня, околдовали будто! Да почему – будто? Как есть околдовали! Внушили мне мысли зловредные, а я грешен, искушения перебороть не смог – гордыня выиграла, восхотелось мне, как патриарху Николаю, дела творить тайные да патриарху Фотию уподобиться!

Олег присел на корточки и заглянул в насмерть перепуганные глаза патриарха – зрачки во всю радужку.

– И больше никто об этом при тебе речи не заводил? – раздельно проговорил он.

Феофилакт затряс головой:

– Никто! Они только! Они всё! Бог свидетель, не вру!

– Ладно... – протянул Сухов. – Что ж, если так, попробую даже помочь тебе остаться святейшим...

– Да, да! – возликовал патриарх. – Богу буду за тебя молиться, сиятельный!

– Одно условие, святейший, – никому ни слова о нашем разговоре. Понял? Иначе, если всё дойдёт до ушей божественного, он тебя не пожалует.

– О-о! Конечно, конечно! Я буду молчать аки рыба! И наложу на себя епитимью... Сейчас же!

– Хоть две, – буркнул Олег, поворачиваясь и удаляясь в коридор.

Выйдя во дворик, он сделал глубокий вдох-выдох, вытравливая из лёгких духоту патриарших покоев.

– Катакил и Атталиат... – задумчиво проговорил Пончик. – Угу...

– Катакил или Атталиат, – поправил его Котян.

– Логофетом дрома займёмся после, – решил Сухов. – К Атталиату!

Дом протомагистра стоял в хорошем месте – перед стеной Константина, где на зелёные холмы взбирались кипарисы и белые церквушки, вознося в голубое небо кресты. А вот Атталиат зелени не любил – его дом выступал прямо на улицу, спускаясь к ней широкой мраморной лестницей, украшенной бронзовыми фонарями на витых столбах.

– Вот, ведали бы, мимо б не прошли... – проворчал Свен.

– Да кто ж знал, – пожал плечами Ивор.

– Сейчас узнаем! – молвил Пончик. – Угу...

Олег первым поднялся по лестнице в тень мраморной колоннады. Высокая дверь, обитая гвоздями со шляпками в форме звёзд, была заперта. Рядом висел деревянный молоток, подвешенный на цепочке. Сухов несильно постучал предложенным орудием. Шагов слышно не было, но вскоре дверь открылась, и в щель высунулся розоволицый привратник с выгоревшими бровями и белесыми ресничками, придающими ему сходство с поросёнком.

– Хозяин в тавлинуме быть изволит, – проблеял он, разрушая образ. – Велел говорить, что не принимает...

– Мне он будет рад, – сказал Олег, рывком отворяя дверь и перешагивая порог. – Ивор, присмотри тут...

Не оборачиваясь, чтобы убедиться, выполняется ли его приказ (конечно, выполняется. Разве могут быть сомнения?), Сухов пересёк обширный вестибул, с полом, разукрашенным трёхцветной мозаикой, и попал в тавлинум, разгороженный по середине рядом каннелюрованных колонн.

У окна, за громадным и тяжёлым столом – мраморная плита на бронзовых ножках под вид львиных лап – восседал грузноватый Атталиат. Протомагистр что-то выводил тростинкой-каламом на листе пергамента. Заслышав шорох отодвигаемого занавеса из выделанной кожи, он обернулся. Ничто не дрогнуло в лице Атталиата, ничем он не выдал своих чувств, и всё же выражение стало иным, утратив некую малость – ощущение жизненности. Чудилось, будто душа этого человека уже покинула брренное тело, и оно двигается по инерции, имитируя проявления жизни.

– Всё-таки доискался... – выговорил Мануил. Вздохнув, он отложил калам и откинулся на спинку деревянного кресла. – Да ты присаживайся, сиятельный. Как у вас говорят: «В ногах правды нет...»

Олег почувствовал успокоение – всё-таки он нашёл того, кого искал. Удобно устроившись в кресле, он положил ногу на ногу и сложил руки на колене.

– Катакил – твой человек? – спросил он прямо.

– Ну вот ещё! Василий глуп и умеет только поддакивать. Тайну ему доверить нельзя, умного совета от него тоже не дождёшься.

– Тогда объясни мне одну вещь, «Принцепс», – сказал Сухов. – Зачем?

– А тебе известно куда больше, нежели я полагал, – с уважением затянул Атталиат. – Зачем... Ты же только что из Италии и видел, как там живут-поживают да добра наживают всякие бароны и графы. Даже какой-нибудь ничтожнейший виконт, владеющий вшивой деревушкой, чувствует себя господином, хозяином жизни! А мы? Мы живём в вечном страхе, не зная, что с нами станет завтра, всё изощраемся, угождая базилевсу. Да по какому праву? Кто он такой? Отец Романа жил по колено в навозе!

А видал ты, как живут монахи в той же Италии или в Бургундии? Лотарингии? Штирии? Едят от пуза и сладким вином запивают! Наши же всю свою жизнь Господа молят в голоде и холоде!

– А чего же ты не переедешь в ту же Италию? – поинтересовался Олег. – Купил бы себе виллу на бережку и чувствовал бы себя хозяином жизни.

Мануил грустно вздохнул и покачал головой.

– Не хочу, – сказал он. – Здесь я родился, здесь и умру.

– Тоже правильно. Скажи, а того варяга, Стемида, ты подкупил?

– Стемид? – нахмурился протомагистр. – Ах, да... Признаться, не хотел вымарать руки убийством, но тут случай подвернулся – грех не попользоваться. Уж очень подходящ был этот... как, ты сказал, его зовут?

– Стемид.

– Вот-вот, он самый. Абсолютно продажный, жадный и бессовестный тип. Правда, за тридцать серебряных милиарисиев он не соглашался тебя убить, но вот за тридцать номисм готов был резать любого. Олег посмотрел на него, подумал.

– Знаешь, – признался он, – я бы не питал к тебе ничего, кроме лёгкой брезгливости, если бы ты обманом не услал Елену в Рим.

– Да, это было подло, – легко согласился Атталиат. – Надеюсь, она жива?

– Твоими молитвами, Мануил, – усмехнулся Сухов. Атталиат тоже наметил улыбку.

– Объясни и ты мне одну вещь, Олегарий, – сказал он. – Ты-то почему хранишь верность императору? Зачем?

– Это не верность и не преданность, Мануил. Просто я дал слово чести, а честь для

воина – всё. Я – воин. Ну что, вечер вопросов и ответов закончен?

– Пожалуй, – кивнул протомагистр. – То, что тебе хотелось узнать, ты вызнал уже, а прочее не слишком интересно...

Кряхтя, он поднялся и подошёл к сундуку-«башенке». Подняв крышку, Атталиат достал оттуда гладиус.

– Не напрягайся, – спокойно сказал он, – поединок я затевать не собираюсь. Я – не воин. Так что позволь мне уйти из жизни подобно достославным предкам...

На глазах погрузнев, состарившись за миг единый, протомагистр подошёл к колонне. Уперев рукоятку меча в желобок, острие клинка он приставил к груди и обнял колонну обеими руками.

– Прощай, враг мой... – пробормотал Атталиат.

– Прощай, «Принцепс», – сказал Сухов. Протомагистр рывком прижался к колонне. «Х-ха!» вырвался воздух из пронзённых легких, и остриё, обогрённое кровью, выступило со спины «Принцепса». Угасающий разум ещё светился в распахнутых жёлто-медовых глазах Атталиата, когда тот опускался на пол, цепляясь за колонну в последнем усилии жизни, но вот померк и он. «Пятый, который первый», заговорщик и предатель, коварный и сильный человек, умер.

Олег поднялся, гася позыв склониться над телом протомагистра, дабы закрыть ему глаза, и вышел.

– Ну, что? – бросился к нему Пончик. – Он?!

– Он, – подтвердил Сухов.

– Ты его убил?

– Я дал ему умереть. Пошли домой, Понч. Устал я... Ивор, Свен и Котян молчаливо ждали его приказов.

– Это и вас касается, – улыбнулся Олег.

Малютка Свен радостно потёр ладони – любил он бывать в гостях у Мелиссины, жаркое у её домоправительницы Ирины выходило просто бесподобное...

Игнатий Фока отворил ворота и пропустил всю компанию, лучась от радости, – все целы, здоровы, как хорошо-то!

Сухов ступал по аллее и чувствовал, как отпускают его тревоги. Тут из окна опочивальни донёсся смех Натальи и мощное сюсюканье двух мам, Елены и Геллы.

– Остановись, мгновение, – прошептал Олег, испытывая ни с чем не сравнимое ощущение. Он вернулся. Он дома.